

Функционирование
СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
обществе

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

Функционирование
СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
обществе

Ответственный редактор
доктор филологических наук Л.Н. СМЕРНОВ

МОСКВА "НАУКА" 1988

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Г.К. Венедиктов*
доктор филологических наук *Л.И. Скворцов*

Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе: Сб. статей / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; Отв. ред. Л.Н. Смирнов. — М.: Наука, 1988. — 288 с.
ISBN 5-02-010904-5

В сборнике исследуются социально обусловленные тенденции развития и закономерности функционирования зарубежных славянских литературных языков в современный период, освещаются проблемы стратификации национального языка и эволюции языковой ситуации, анализируются некоторые новые явления в развитии словарного состава славянских литературных языков. Значительное внимание уделяется вопросам теории и практики языковой политики, языкового строительства и языковой культуры в европейских социалистических странах.

Для филологов-славистов, историков и социологов.

460200000-268
Ф ————— КБ-16-28-88
042 (02)-88

ББК 81

ISBN 5-02-010904-5

© Издательство "Наука", 1988

Существенные изменения в политической, социально-экономической и культурной жизни народов находят, как известно, свое специфическое отражение в языковой сфере, в частности, в области функционирования национальных литературных языков. Изучение закономерностей развития языковой жизни народов СССР (в том числе и славянских) показало, что в условиях социалистического общества возникают новые черты эволюции языковой ситуации, существенно изменяется место и статус литературного языка в системе национального языка, заметно возрастает его общественная роль и социально-культурный престиж как основного и важнейшего общенационального средства коммуникации. Различные аспекты функционального развития русского, украинского и белорусского языков в советский период исследуются в целом ряде трудов, по этой проблематике существует уже довольно богатая литература (см., например, соответствующие обзоры в сб. "Формирование славянских литературных языков: Теоретические проблемы". М., 1983. С. 8-77). На материале русского языка проведено широкое социолого-лингвистическое исследование, результатом которого явилась состоящая из четырех книг коллективная монография "Русский язык и советское общество" (М. 1968).

Языки зарубежных славянских народов в этом плане изучены пока еще недостаточно. Между тем именно с эпохой строительства социализма связан новейший этап их истории. Западнославянские и южнославянские литературные языки уже четыре десятилетия функционируют в условиях строительства и развития социалистического общества. В этом смысле они также представляют большой интерес для наблюдений социолингвистического характера. Общность или сходство основных социально-экономических, политических и культурных процессов, происходящих в социалистических странах, неизбежно порождает и некоторые типологически сходные или параллельные процессы и явления в функционировании литературных языков народов этих стран. В кругу генетически родственных языков вероятность их возникновения обуславливается и близостью внутреннего строя данных языков. Это, естественно, относится и к славянским языкам. В современных славянских литературных языках наблюдаются определенные черты сходства в эволюции различных уровней языковой структуры (прежде всего в области лексики и словообразования, в сфере неологизации и номинации), что уже отмечали исследователи этих языков. Конечно, в их функционировании в современный период имеются и различия, которые определяются, главным образом, спецификой языковой ситуации в отдельных странах, литературно-языковыми и общекультурными традициями народов этих стран, расхождениями в системной организации данных языков, особенностями взаимодействия внутренних и внешних (социальных) факторов языковой эволюции.

Предлагаемый вниманию читателей коллективный труд представляет собой первый опыт научной разработки советскими славистами широкого круга вопросов, связанных с характеристикой новых социально-коммуникативных условий функционирования литературных языков зарубежных

славянских народов в период социализма, с анализом социально обусловленных тенденций развития названных языков и проявлений этих тенденций в самой языковой структуре, с изучением опыта теории и практики языковой политики, языкового строительства и языковой культуры в европейских социалистических странах.

Важное место занимает в нем характеристика различных социальных факторов, прямо или косвенно влияющих на развитие литературных языков, на формирование новых требований, предъявляемых обществом к литературному языку. Большое внимание уделяется анализу современной языковой ситуации в изучаемых странах, освещению проблем социальной и функциональной стратификации национального языка, что позволяет установить совпадения и расхождения в комплексе форм существования (идиомов, формаций) отдельных языков и в их социальной и функциональной "нагрузке". Дается теоретическое осмысление тенденций демократизации и интернационализации, действующих в сфере функционирования литературных языков, раскрывается отражение этих тенденций на разных языковых уровнях.

Широко трактуются вопросы сознательного воздействия общества на язык и прежде всего на область функционального использования литературных языков. Анализируется постановка и решение как теоретических, концептуальных, так и некоторых частных, конкретных проблем языковой политики, языкового строительства и языковой культуры в трудах болгарских, польских, серболужицких, чехословацких и югославских лингвистов. Выявляется, что наряду с общностью взглядов по этим вопросам существуют и определенные различия в интерпретации содержания и объема понятий языковая политика,² языковое строительство и языковая культура,³ в осмыслении их соотношения и иерархии, в традициях преимущественного употребления того или иного термина и т.п. Важное значение в этом плане имеет характеристика различных взглядов по вопросам соотношения узуса, нормы и кодификации, о взаимодействии литературного языка с диалектами и с некодифицированной разговорной речью.

В аспекте осознания обществом необходимости регулирующего воздействия на современные языковые процессы показателен также анализ социальной направленности нормализаторской деятельности лингвистов европейских социалистических стран, основных задач, стоящих перед ними, перед культурной общественностью и государственными органами этих стран по повышению уровня массовой речевой практики, по языковому воспитанию в интересах дальнейшего развития культуры социалистического общества (в этом отношении существенное значение имеют усилия, направленные на преодоление крайностей языкового пуризма и националистических пережитков, а также элитарных тенденций в вопросах языковой культуры).

Большой интерес представляют наблюдения о развитии словарного состава славянских литературных языков в рассматриваемый период: на фоне специфических черт языковой политики и языковой ситуации в СФРЮ анализируются особенности функционирования вариантной лексики сербохорватского/хорватосербского литературного языка (по мате-

риалам периодической печати Сербии и Хорватии); в социолингвистическом аспекте описываются новые явления в развитии сельскохозяйственной терминологии современного чешского литературного языка; с учетом историко-культурных условий эволюции межъязыковых контактов показаны общие и специфические черты употребления интернациональной лексики в современных чешском и словацком языках.

Публикуемый коллективный труд отражает начальный этап разработки в Институте славяноведения и балканистики АН СССР актуальной социолингвистической проблематики, которая несомненно заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

**Опыт характеристики тенденций демократизации
и интернационализации в современных
славянских литературных языках**

Общность или сходство основных социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов, происходящих в европейских странах, ставших на путь социалистического строительства, находит свое закономерное отражение и в языковой сфере: в некоторых типологически близких чертах эволюции языковой ситуации в этих странах, в сходных или параллельных явлениях в развитии и функционировании национальных литературных языков и др. Не случайно, некоторые социально обусловленные тенденции развития национальных литературных языков, связанные с периодом социализма, оказываются характерными не только для того или иного конкретного языка, но и для других языков, функционирующих в сходных общественно-политических и социально-культурных условиях. Так, в частности, в условиях социалистического общества заметно меняется статус литературного языка в общей системе национального языка, значительно возрастает его общественная роль и социально-культурный престиж. Находя самое широкое применение для удовлетворения разносторонних коммуникативных потребностей развивающегося социалистического общества, литературный язык действительно становится высшей формой национального языка, все более приобретая общенародный, общенациональный характер. В группах близкородственных языков (например, славянских) возникновение ряда сходных или параллельных черт и тенденций обуславливается и поддерживается также структурной близостью и взаимовлиянием этих языков, поскольку "внеязыковые факторы развития языка не действуют независимо от внутренних тенденций его развития, которые обусловлены внутрисистемными отношениями" /1/. В этом плане интересны наблюдения сопоставительного характера, касающиеся сходных для славянских литературных языков явлений в развитии словарного состава, особенно в сфере неологизации /1, 2/. Одним из первых опытов освещения некоторых более общих тенденций, типичных для развития языков в период социализма, является статья В. Кршистека /3/.

Среди основных социально обусловленных тенденций развития славянских литературных языков в новейшее время отмечаются, как правило, тенденции демократизации, интеллектуализации, интернационализации и некоторые другие (см., например, /3-7/). Однако, как нам представляется, понятия "демократизация" и "интернационализация" применительно к современным литературным языкам еще нуждаются в уточнении и

дальнейшей теоретической разработке. В предлагаемой статье делается попытка раскрыть наше понимание тенденций демократизации¹ и интернационализации славянских литературных языков, функционирующих в социалистическом обществе, и кратко охарактеризовать некоторые проявления этих тенденций.

Одной из основных общих черт развития национальных литературных языков в условиях социализма несомненно является процесс их демократизации. Этот процесс достаточно ярко проявился и продолжает проявляться в развитии русского, украинского и белорусского литературных языков (а также других национальных литературных языков народов Советского Союза), что неоднократно отмечалось в научной литературе. Из специальных работ на эту тему можно назвать, в частности, статью М. А. Карпенко "Демократизация русского литературного языка в послеоктябрьский период и перераспределение лексико-стилистических средств" /9/. В настоящее время тенденция демократизации выступает как одна из наиболее отличительных черт и в развитии западнославянских и южнославянских литературных языков. С нее начинают описание "характерных черт и главных тенденций развития" современного чешского литературного языка Ф. Цуржин и Й. Новотны /4, с. 11—12/. Как отмечает Й. Ружичка, "главной чертой" развития словацкого литературного языка в современный период является его "сильная демократизация" /10, с. 10/. Как одну из наиболее важных движущих сил развития современного болгарского литературного языка рассматривает его демократизацию М. Виденов /5, с. 2—4/. В. Кршистик называет демократизацию литературного языка "самой характерной" и "самой важной" чертой развития языков в социалистическом обществе" /3, с. 29, 32/. Подобного рода высказывания можно было бы продолжить. Все они свидетельствуют о том, что речь идет о важном феномене, в значительной мере определяющем эволюцию национальных литературных языков, функционирующих в условиях социалистического общества. При этом само понятие демократизации литературного языка в общем виде обычно трактуется как процесс сближения литературного языка с народно-разговорной или обиходно-разговорной речью. Такое понимание характерно, например, для чешской теории литературного языка, основы которой заложены представителями Пражского лингвистического кружка. Б. Гавранек в статье "Демократизация литературного языка", опубликованной в 1947 г. и затем переизданной в 1963 г. /11/, доказывал необходимость специального обращения к этому вопросу. От отмечал, что в новых социальных условиях наряду с демократизацией школы и культуры

¹ В сжатом виде наши взгляды по этому вопросу были изложены ранее /см. 8/.

происходит и демократизация чешского литературного языка, преодолеваются значительные расхождения между традиционной кодифицированной системой норм литературного языка и живым обиходно-разговорным языком народных масс. В связи с этим обосновывалось требование общедоступности литературного языка, преодоления его былой классовой или сословной ограниченности. Вместе с тем справедливо указывалось на необходимость функциональной дифференциации литературного языка, подчеркивалась важность стремлений к сохранению стабильности (естественно, с учетом новых явлений) литературных норм. Эти положения в принципиальном плане сохраняют свою актуальность, они получают дальнейшее развитие во многих новых работах, посвященных данной проблематике.

Ф. Цуржин и Й. Новотны следующим образом раскрывают понятие демократизации литературного языка: "Современный литературный чешский язык развивается в тесной связи с развитием обиходно-разговорного языка, а противоречие между ними и его преодоление является характерным для современного развития² литературного чешского языка. Элементы обиходно-разговорного языка в небывалой мере проникают в литературный язык. Благодаря этому происходит сближение литературного языка с обиходно-разговорным языком, это явление называется демократизацией литературного языка" /4, с. 11/. Сходное определение дает Р. Ницолова: "Под демократизацией обычно понимают влияние живой (соответственно разговорной) речи на литературный язык, в котором начинают использоваться некоторые ее фонетические, грамматические и лексические особенности" /6, с. 122/. Данные определения характеризуют несомненно очень важные признаки демократизации литературного языка. Все же, как нам кажется, тенденция демократизации применительно к литературному языку представляет собой более сложное и многостороннее явление.

По нашему мнению, содержание понятия "демократизация литературного языка" может не совпадать на разных этапах истории литературного языка. В зависимости от конкретных исторических условий жизни народа-носителя данного языка, от характера языковой ситуации и других социокультурных факторов могут быть различными внешние и внутренние проявления процесса демократизации литературного языка.

С той или иной степенью активности этот процесс протекал и на предшествующих этапах истории славянских литературных языков. Например, можно говорить о демократизации чешского литературного языка XV в., несомненно связанной с гуситским движением, сыгравшим важную роль в развитии чешской народ-

² Авторы имели в виду последние двадцать-тридцать лет.

ности и чешской культуры. В этот период нормы чешского литературного языка быстро менялись, он становился ближе к живой народной речи, освобождаясь от некоторых устаревших форм и конструкций, обогащаясь новыми лексическими элементами и т.п. /3, с. 29/. В эпоху перехода от феодализма к капитализму, когда формировались славянские нации и шел процесс становления славянских национальных литературных языков, тенденция к их демократизации обнаруживалась в стремлении просветителей и кодификаторов к преодолению пропасти между традиционным книжно-письменным языком и живой народно-разговорной, диалектной речью, в попытках сближения "высокого" книжного языка с языком простого народа, иногда в вытеснении из общественно важных коммуникативных сфер "чужих" книжно-письменных языков литературными языками, формировавшимися на основе родной речи данного славянского народа. В этот период процесс демократизации литературных славянских языков неразрывно связан с общественной активизацией народных масс, с их борьбой за свои национальные и социальные права. "Всеобщий процесс демократизации литературного языка в каждом конкретном случае имеет свою специфику, обусловленную спецификой развития капиталистических отношений и формирования буржуазных наций, спецификой антифеодальной и национально-освободительной борьбы, соотношением сил, отстаивающих традиции и новаторство" /12, с. 193/. Естественно, что в этих условиях своеобразной общей чертой эволюции языковой ситуации и развития литературных языков было тесное переплетение демократических и национальных начал. Поэтому и демократизация литературного языка в этот период не ограничивалась лишь проникновением в его структуру и нормы народно-разговорных элементов, ориентацией литературного языка на народную речь, но проявлялась в расширении функций национального литературного языка, в его проникновении в литературу и т.п. Все эти вопросы, конечно, нуждаются еще в более глубоком социолингвистическом освещении (интересные наблюдения в этом плане содержатся в книге В. К. Журавлева /12, с. 193—197/ и в интерпретации с точки зрения теории и истории литературных языков. Так, например, еще один аспект осмысления процесса демократизации в рассматриваемую эпоху намечает А. И. Горшков, по мнению которого этого процесс "связан с проблемами организации литературного текста, с отражением в семантической системе образующих текст словесных рядов того восприятия и оценки действительности, которые свойственны демократическим слоям нации. Проблема демократизации литературного языка смыкается с проблемой национального духа, национального стиля литературного языка" /13, с. 152/.

В эпоху социалистического строительства, формирования и

развития социалистических наций процесс демократизации литературных языков заметно активизируется. Он пронизывает всю сферу языковой жизни, приобретает ряд качественно новых признаков. Если раньше, в досоциалистический период, в зависимости от конкретно-исторических условий социальной и культурной жизни того или иного народа создавались объективные и субъективные предпосылки для демократизации литературного языка, в частности, для некоторого сближения его с живой речью простого народа, то они не могли быть последовательно и до конца реализованы. Одним из факторов, затруднявших этот процесс, была уость социальной базы литературного языка, который все же оставался достоянием прежде всего привилегированных сословий или достаточно малочисленного круга образованных людей.

В условиях социализма демократизация национальных литературных языков представляет собой глубокое и многостороннее явление, неразрывно связанное с радикальными переменами в общественно-экономической, социальной и культурной жизни общества. По нашему мнению, его нельзя сводить к сближению литературного языка с народно-разговорной и обиходной речью. Его характеристика должна включать не только лингвистические, но и более широкие социокультурные моменты. Поэтому при рассмотрении явления демократизации литературного языка в эпоху социализма целесообразно, на наш взгляд, учитывать следующие аспекты: социолингвистический, личностный, функциональный и интралингвистический.

Социолингвистический аспект заключается в значительном расширении социальной базы литературного языка, в количественном росте числа его носителей. Ф. Цуржин и Й. Новотны отмечают: "Демократизация литературного языка обусловлена изменившимися общественными отношениями, т.е. тем, что сегодня существенно расширился круг активных носителей литературного языка и его пассивных "потребителей", это явление иногда называют социализацией литературного языка" /4, с. 12/. В связи с этим некоторые ученые говорят о "количественной" и "качественной" стороне демократизации /3, с. 29; 14/, имея в виду под первой резкое увеличение числа активных носителей литературного языка, обусловленное "действительной демократизацией всего общества, всей общественной системы", а под второй "качественные результаты" этого процесса, находящие отражение в языковых изменениях /3, с. 29/. Думается, что при рассмотрении социолингвистического аспекта демократизации речь должна идти не только о количественном признаке, хотя и он несомненно очень важен. Дело в том, что в новых условиях изменяется и сам характер социальной базы литературного языка, ее качественный состав: круг образованных людей и интеллигенции быстро пополняется выходцами из рабо-

чих и крестьян, формируется народная, социалистическая интеллигенция. Таким образом, социалингвистический аспект демократизации неразрывно связан с существенными изменениями самого языкового коллектива как в количественном, так и в качественном отношении.

Социалингвистический аспект демократизации определяется многими факторами. Важнейшую роль играет культурная революция, развитие социалистической системы образования и просвещения, общий подъем и постепенное выравнивание культурного уровня всех слоев населения. В социалистическом обществе в наиболее полной мере осуществляется право человека на образование и культурное развитие, ведется систематическая и целенаправленная работа по совершенствованию системы просвещения и воспитания трудящихся в духе подлинного демократизма, социалистического патриотизма и интернационализма. Большое значение в плане повсеместного распространения литературного языка и увеличения возможностей контакта с ним широких слоев населения имеют современные средства массовой коммуникации (печать, радио, телевидение, кино и др.), которые в немалой степени влияют на речевую практику. Существенное значение имеет также процесс урбанизации, который способствует преодолению различий между городом и деревней и ведет к изменению социально-пространственной организации общества (в частности, к значительному увеличению городского населения). По мере успехов социалистического строительства происходит сближение классов и социальных групп. Все это повышает объединительную роль литературного языка, предназначенного для всех членов языкового коллектива; устраняет социальные корни языковой элитарности. Например, после Октябрьской революции в нашей стране в результате строительства социалистического общества "отпала проблема классово обусловленного "престижного" варианта языка" /см. 15, с. 48/.

Конечно, степень активного владения нормами национального литературного языка среди разных слоев и групп населения в отдельных социалистических странах может быть неодинаковой (для выяснения этого вопроса в настоящее время весьма актуальны специальные социалингвистические и статистические обследования), однако общая определяющая тенденция в этом плане — постоянный рост числа активных носителей литературного языка и качественное изменение самого характера его социальной базы — действует повсеместно. Это связано с тем, что социальная жизнь человека социалистического общества благодаря устранению антагонистических классовых противоречий отличается резким увеличением потребности и сфер общения людей в процессе их производственной, общественно-политической и культурной деятельности.

Личностный аспект мы усматриваем в активизации

сознательного и заинтересованного отношения человека к высшей форме своего национального языка — литературному языку. Именно эта языковая форма позволяет человеку наиболее полно проявить себя во всех сферах социального взаимодействия. Поэтому литературный язык по праву должен рассматриваться как важное средство и компонент социализации личности. Умение в совершенстве владеть литературным языком, творчески пользоваться богатством его выразительных средств в соответствии с различными коммуникативными нуждами и ситуациями все больше осознается и воспринимается как важный признак культурного облика человека социалистического общества, в условиях которого находит свое реальное воплощение справедливый тезис: "...культура родного языка — это и личное дело каждого и общее дело всех" /16, с. 285/. Знание литературного языка, высокая языковая культура — неременный элемент и специфический показатель общей личностной культуры человека, который характеризует его социальную позицию и жизненный стиль, играет важную роль в его духовном мире /см. 17—19/.

Функциональный аспект — это расширение сферы использования литературного языка, его применение во всех областях общественно-речевой практики (государственно-административная и другие официальные сферы, школы и вузы, сферы производства, техники и науки, искусства и культуры, общественно-политической деятельности, повседневное общение и т.п.). В социалистическом обществе происходит заметное увеличение объема выполняемого литературным языком общественных функций, идет процесс его функционального развития, "приспособление его к растущим потребностям общества в средстве общения" /20, с. 193/. В связи с этим потенциальная поливалентность литературного языка превращается в реальную, что находит свое отражение в широком спектре функциональных стилей литературного языка. Конечно, в зависимости от конкретной языковой ситуации, традиций и современного состояния данного литературного языка общая тенденция функционального развития может реализоваться по-разному, в отдельных социалистических странах могут проявляться определенные различия в темпах и масштабах этого явления, в объеме и характере функционально-стилистической дифференциации литературных языков. Так, в одних случаях наблюдается преодоление былой функциональной ограниченности (например, белорусский литературный язык начал выполнять широкий комплекс общественных функций лишь в советский период /21, с. 65/; в словацком литературном языке, у которого раньше наиболее развитым был художественный стиль, в современный период активно развивались и оттачивались прежде всего научный и публицистический стили /10, с. 14/), в других — дальнейшее углубление

функционально-стилистической вариантности (например, в чешском, польском и некоторых других литературных языках с достаточно длительной литературно-письменной традицией).

Темпы и масштабы функционального развития литературного языка могут оказывать определенное влияние и на темпы и масштабы его внутривидового развития /см. 22, с. 232/.

Интралингвистический аспект демократизации литературного языка заключается в изменениях, происходящих во внутренней структуре литературного языка³ в результате его сложного взаимодействия с различными формациями и типами нелитературной речи, в том числе с элементами территориальных и социальных диалектов и идиомами интердиалектного характера, а также в сближении письменной и устной (разговорной) разновидностей литературного языка. В этом смысле демократизация литературного языка может затрагивать все его уровни (лексику, словообразование, морфологию, синтаксис, фонетику и др.). Конкретные пути и способы демократизации в интралингвистическом аспекте в разных славянских литературных языках могут иметь черты сходства и различия. В рамках статьи нет возможности достаточно полно охарактеризовать различные проявления демократизации, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми примерами.

В ряде славянских литературных языков в новейший период их развития были проведены реформы правописания, призванные, с одной стороны, облегчить обучение грамоте, освоение литературного языка широким слоем населения, с другой стороны, привести правила орфографии в большее соответствие с реальными произносительными нормами, характерными для современной речевой практики. Как известно, в октябре 1918 г. Советское правительство приняло "Декрет о введении новой орфографии": из правописания были устранены и заменены избыточные буквы ѣ (ять), которую заменило е, Ѡ (фита), вместо которой стала употребляться буква ф, і ("и" десятиричное) было заменено и, отменено написание окончаний *-аго, -яго* у прилагательных и местоимений (типа *добраго, котораго*), упрощены правила переноса слов и т.д. Реформа русского правописания несомненно была прогрессивной и демократической. Аналогичное явление наблюдается в истории современного болгарского литературного языка. Начало его демократизации в социалистический период было положено прогрессивной реформой правописания в феврале 1945 г. /см. 6, с. 123/. В. Георгиев отмечает, что "она значительно упростила и демократизировала наше правописание" /24, с. 33/. Изданные в

³ Ср. верное замечание Л. Б. Никольского о том, что "языковая демократизация является тенденцией не только функционального, но и внутривидового развития" /23, с. 11/.

1953 г. "Правила словацкого правописания" устраняли "трудные элементы этимологического и исторического правописания, восходящие к прошлому" и вводили "элементы фонологического правописания", которое учитывает соотношение орфографической и орфоэпической формы слова /25, с. 7/.

Широки и разнообразны проявления демократизации литературного языка в лексико-семантической сфере. В новых социальных условиях славянские литературные языки активно пополняются лексикой и фразеологией из различных нелитературных разновидностей речи: диалектов, просторечия, обиходно-разговорного языка, сленга и др., что позволяет преодолевать известную лексическую "закрытость" традиционного литературного языка. Благодаря этому увеличивается удельный вес "разговорных" элементов в словарном составе литературного языка (правда, эти элементы проникают в литературный язык не в своем "чистом виде", а проходя, как правило, стадию "олитературивания" /ср. 26, с. 29/). Здесь также могут обнаруживаться определенные различия между отдельными славянскими языками. Р. Ницолова отмечает: "В болгарской публицистике почти не наблюдается такого проявления демократизации как употребление слов из профессиональных сленгов, как в чешском языке" /6, с. 123/.

В русском, украинском, белорусском, польском, словацком, чешском и других славянских языках в новейший период активно развивается такое характерное явление, как универбизация (возникновение однословного наименования на базе двусловного или многословного), ср., например, русск. *неотложка* — *неотложная медицинская помощь*, *попутка* — *попутная машина*, *промокашка* — *промокательная бумага* и др.; укр. *врубівка* — *врубовая машина*, *семирічка* — *семирічна школа* и др.; белорус. *бязгучка* — *бязгучная вінтоўка*, *газіроўка* — *газіраванная вада*, *раёнка* — *раённая газета*, *скуранка* — *скураная куртка* и др. /27, с. 50/; польск. *bagażówka* — *taksówka* *bagażowa*, *reklamówka* — *druk (film) reklamowy*, *sypialniak* — *wagon sypialny*, *deszczowiec* — *płatcz od deszczu* и др.; словац. *bežky* — *bežecké lyže*, *minerálka* — *minerálna voda*, *operačka* — *operačná sieň*, *panelák* — *panelový dom* и др.; чеш. *osobák* — *osobní vlak*, *přesilovka* — *přesilová hra* и др.

Подобные разговорные, нередко сленговые, элементы также могут пополнять состав общелитературной лексики. При этом они обычно проникают в устную разновидность литературного языка, но могут перейти и в письменный литературный язык. В этом смысле значительную роль играют средства массовой коммуникации /см. 28, с. 69/. При прохождении стадии "олитературивания" нейтрализуется их яркая стилистическая маркированность, что поддерживается и внутривидовым фактором: "универбизированная форма становится базой для после-

дующего образования слов, напр. *zubný lekár* — *zubárka* — *zubársky*, *zubárstvo* и т.п." /28, с. 70/.

В рассматриваемом аспекте значительный интерес представляет, в частности взаимодействие общелитературной лексики с терминологической и специальной лексикой, которая в современный период бурно развивается⁴ и выступает как один из важных источников обогащения словарного состава и стилистических ресурсов литературного языка (благодаря активному употреблению терминологической лексики вне узкоспециального контекста, непрофессиональной разговорной речи, в научно-популярной и художественной литературе, в языке средств массовой коммуникации и т.п.). Благодаря этому заметно расширяются рамки общелитературной лексики: "...постепенное вторжение специальных слов в общелитературный словарь является одним из наиболее существенных факторов "размытости" границ последнего" /30, с. 43/. В процессе такого взаимодействия может меняться значение и стилистическая окраска термина. В связи с этим обычно отмечается такое явление как детерминологизация, суть которой состоит в том, что "термин, который с семантической точки зрения является точным наименованием понятия в системе понятий данной отрасли, утрачивает подобный характер, его значение становится менее определенным, происходит ослабление или сдвиг значения" /31, с. 176/. В подобных случаях элементы терминологической (специальной) лексики в своем употреблении выходят за рамки профессиональной речи и научного стиля, они начинают достаточно свободно применяться в устной литературной речи общего характера, а также проникают в публицистические тексты. Естественно, что в узкоспециальной научной или технической области они могут сохранять и свое терминологическое значение. Так, например, словосочетание *космическая скорость* (ср. укр. *космічна швидкість*, польск. *predkość kosmiczna*, словац. *kozmičká rýchlosť*) наряду со специальным терминологическим значением за пределами научного стиля имеет столь широкое метафорическое употребление, что позволяет считать его в некоторых славянских языках "ходовым современным фразеологизмом" /32, с. 40/. В современной чешской публицистике очень часто употребляются такие слова — первоначально термины — как *parametr*, *trend*, *stimul*, *model*, *akční rádius*, *souřadnice* (*vývoje*) и т.п. /31, с. 176/. Широким нетерминологическим употребле-

⁴ Приведем лишь два показательных факта: в 1930 г. в СССР всеми отраслями народного хозяйства была выпущена продукция, составляющая более 60 тысяч наименований (слов и терминов), а в 1973 г. все отрасли народного хозяйства выпустили продукцию, составляющую около 11 млн. наименований /22, с. 72—73/; в польском языке в послевоенный период возникло около 30 тысяч новых слов и значений и более 1 млн. новых научных и технических терминов /29/.

нием характеризуются в современном русском литературном языке слова и словосочетания: *диапазон, иммунитет, разрядка, резонанс, цейтнот, цепная реакция* и т.п. Активизацию процесса детерминологизации в современном польском языке отмечает Д. Буттлер /см. 33/. По ее наблюдениям, ряд таких слов (например, *biostimulator, elektrokardiogram, izotop* и т.п.) сохраняет свое терминологическое значение. Иногда у слова, проникшего в общелитературный язык, развивается новое лексическое значение, которое может и не совпадать с первоначальным терминологическим значением, ср., например, *tranzystor* в значении 'транзисторный приемник' (аналогичную картину мы наблюдаем и в современном русском языке, ср.: *транзистор* '1. полупроводниковый прибор, усиливающий электрические сигналы, 2. портативный радиоприемник с таким прибором'). В подобных случаях меняется и нормативно-стилистическая характеристика слова, и в польском и в русском языке данное слово во втором значении относится к сфере разговорной речи.

Как своеобразное проявление демократизации литературного языка в лексико-семантическом плане следует, на наш взгляд, рассматривать и процесс противоположного характера: обогащение терминологии элементами нетерминологической лексики общелитературного языка и обиходно-разговорной речи. Прежние нетерминологические средства, попадая в сферу специального употребления, приобретают терминологическое значение, а иногда и соответствующую нормативно-стилистическую окраску, например, русск. *мост*, употребляясь в обиходной речи со значением 'сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь и т.п.' функционирует и в качестве термина: спортивного ('вытянутое, изогнутое положение тела, обращенного грудью вверх и опирающегося на пол пятками и ладонями'), технического ('часть шасси автомобиля, трактора') и медицинского ('планка, на которой укрепляется ряд искусственных зубов'). Подобное явление некоторые лингвисты называют терминологизацией. Как правило, данный процесс связан с изменением семантической структуры слова (часто за счет метафоризации), ср. русск. *башмак, виток, лопатка, спутник, стрела, тарелка, хвост* и др. В современном чешском языке слова обиходной речи также выступают в качестве номинативной базы для различных терминологических систем, например, *hlavice, koleno, patka, ručička, vlásek* и т.п. /см. 34/.

Отражение процесса демократизации обнаруживается также в области словообразования, морфологии, синтаксиса. На синтаксическом уровне это проявляется, в частности, в пополнении синтаксических средств общелитературного языка различными конструкциями и оборотами разговорной речи, что способствует дифференциации средств выражения синтаксических значений, расширению синонимических возможностей синтаксиса, повыше-

нию продуктивности некоторых синтаксических конструкций и т.п. (подробнее см. об этом /35, 36/). Говоря о сфере словообразования, в общей форме можно констатировать, что проникающие в литературный язык многочисленные ряды производных слов терминологического, сленгового, просторечного, разговорного характера "протекционированы определенным словообразовательным типом" /37, с. 268/, что может вызывать известные модификации словообразовательной системы.

Не останавливаясь далее на других конкретных проявлениях процесса демократизации литературного языка в интралингвистическом аспекте, затронем лишь некоторые, существенные в теоретическом отношении моменты, касающиеся самой трактовки этого процесса.

В литературе вопроса данный процесс обычно рассматривается как сближение литературного языка с обиходно-разговорной речью. Такое понимание, на наш взгляд, является недостаточно полным и требует некоторых уточнений, даже если иметь в виду только интралингвистический аспект. Прежде всего это связано с неоднозначностью термина "обиходно-разговорная речь" ("обиходно-разговорный язык"). Например, в чешской лингвистической литературе им иногда обозначается специфическая интердиалектная формация нелитературного характера — *obesná řeč*, иногда он используется для определения более широкого круга явлений нелитературной или полулитературной разговорной речи. В понятие обиходно-разговорной речи обычно не включаются территориальные диалекты, между тем в результате их взаимодействия с литературным языком (особенно через язык художественных произведений или устную разновидность литературного языка) в нем также происходят такие изменения, которые можно рассматривать как проявления процесса демократизации. Правда, в современной ситуации этот фактор в ряде славянских литературных языков уже не играет определяющей роли, но все же его нельзя не учитывать. Что же касается истории данных языков, то в прошлом были такие периоды, когда именно эта сторона процесса демократизации была наиболее актуальной (например, в словацком литературном языке эпохи формирования нации). Как нам представляется, необходимо учитывать широкий спектр различных форм и типов разговорной речи (как нелитературных, так и литературных), т.е. это могут быть элементы просторечия, городского языка, обиходно-разговорной речи, территориальных и социальных диалектов, сленга, а также средства разговорной разновидности литературного языка (как особой достаточно автономной формации или разговорного стиля литературного языка). Как известно, проблема "разговорности" языковых элементов в новейшей лингвистической литературе активно дискутируется, по ней высказываются различные взгляды (см., в частности /28, 38—42/). Для нас

здесь важно было отметить, что в процессе демократизации литературного языка на современном этапе важную роль играют не только элементы нелитературные (внелитературные), но и разговорно-литературные, иначе говоря, особую сторону этого процесса составляет сближение и взаимовлияние письменной и устной (разговорной) форм литературного языка⁵. При этом разговорная разновидность литературного языка иногда выполняет функцию своеобразного фильтра, через который "пропускаются" нелитературные разговорные элементы /44/. Важным моментом нашего понимания тенденции демократизации литературного языка является то, что говоря о его сближении с разного рода проявлениями разговорной речи, мы имеем в виду не его "снижение" до уровня ненормированных (некодифицированных) типов речевой практики, а процесс постепенного "олитературивания", проникающих в литературный язык элементов разговорной речи, их постепенное приспособление (через стадию допускаемых кодификацией вариантов, синонимических рядов, через определенную нейтрализацию их ярко выраженной стилистической маркированности и т.п.) к правилам и нормам литературной формации национального языка. По нашему мнению, процесс демократизации не следует сводить к выработке лингвистами-кодификаторами более простых, общепонятных правил грамматики, орфографии и т.п.⁶ В определенной языковой ситуации (как было показано выше) — это необходимая и важная сторона демократизации литературного языка, но ею рассматриваемый процесс не может быть ограничен.

Таким образом, суть процесса демократизации в интралингвистическом аспекте определяется тем, что традиционная и кодифицированная система литературных норм испытывает "давление" со стороны массовой речевой практики. А поскольку к активному владению литературным языком приобщены в социалистическом обществе широкие слои народа, постольку их коллективный речевой узус и живое языковое сознание создают основу многих модификаций и новообразований в лексико-семантической, синтаксической, фонетической и других сферах литературного языка. Все это ведет к расширению нормативной базы литературного языка и к изменению аксиологического аспекта литературной нормы. При этом еще раз подчеркнем, что речь идет не о "снижении" или "упрощении" норм литературного языка, не об утрате им своей специфики по сравнению с

⁵ Как характерную черту современного состояния русского и украинского литературных языков это явление отмечают А. Н. Кожин /42, с. 30/ и С. Я. Ермоленко /43, с. 39/.

⁶ Как справедливо отмечает Я. Качала, требование демократизации литературного языка нельзя понимать с вульгаризаторских позиций, оно не означает прямолинейного "упрощения" литературного языка /45/.

другими формациями данного национального языка. Правда, происходит известное "раскрепощение" литературных норм, что не нарушает устойчивости и стабильности системы этих норм в целом. Из нее выводятся некоторые эксклюзивные признаки и элементы, черты былой "литературной исключительности", которые уже не соответствуют новым общественно-культурным условиям функционирования литературного языка в социалистическом обществе. Литературный язык обогащается новыми элементами, прошедшими проверку современной речевой практикой. Такие сдвиги и изменения в литературном языке не ведут к понижению степени его обработанности и нормализованности. Дело в том, что "интенсивный процесс образования (расширение и углубление всеобщего обучения, повышение квалификации и т.п.), демократизация культуры и развитие массового обмена знаниями и информацией, средством чего является литературный язык, одновременно способствует упрочению литературной нормы в сознании носителей языка" /46, с. 164/. На это направлена также разносторонняя деятельность по повышению языковой культуры и по языковому воспитанию, которая активно ведется во всех социалистических странах.

В социалистическом обществе национальный литературный язык становится достоянием широких народных масс, близким и необходимым каждому культурному человеку. В этом, в конечном счете, и состоит действительная демократизация литературного языка.

Одной из общих черт функционирования и развития национальных литературных языков (в том числе и славянских) на современном этапе является тенденция к их интернационализации, которая обычно усматривается в необычайно активном и интенсивном распространении заимствованных (иностраных) слов, а также так называемых интернациональных (международных) слов и морфем.

Различные аспекты языковой интернационализации в новейшей лингвистической литературе вызывают большой интерес, эта проблематика обсуждается достаточно широко /см., например, 47—56/. Тем не менее само понятие интернационализации применительно к языку еще не получило однозначного общепринятого толкования.

Хорошо известно, что практически во всех развитых литературных языках сосуществуют элементы "свои", национальные и "чужие", иноязычные, в том числе и международные (интернациональные). В новейшее время удельный вес и функционально-коммуникативная роль последних все более возрастает, что обусловлено как внутриязыковыми, так и внеязыковыми факторами. В этом отношении большое значение имеет характерный для XX века феномен научно-технической революции, связанный с крупнейшими научными открытиями и успехами в

области техники, физики, биологии и т.п. (использование атомной энергии, электронно-вычислительных машин, исследование космоса и развитие космонавтики, создание автоматических систем управления, проникновение в тайны структуры клетки и многое другое). НТР оказывает как прямое, так и опосредованное влияние на функционирование и развитие современных языков, в частности, на процессы их взаимодействия, на развитие словарного состава, особенно терминологической лексики. В наше время необычайно остро ощущается социальная потребность в развитии и интенсификации межнационального и международного общения и сотрудничества, многосторонних контактов и обмена информацией. Одним из способов, которым реагируют языки на эту потребность, и является их необычайно усилившаяся интернационализация.

В социалистических странах языковая интернационализация в значительной мере определяется также интеграционными тенденциями и процессами в общественно-политической жизни, в области экономики, науки и техники, культуры. В языках народов социалистических стран формируется общий понятийный и лексический фонд, составные элементы которого получили название "общесоветских интернационализмов" /57, с. 178/ и "социалистических интернационализмов" /58, с. 63/. Следует отметить, что в условиях социалистического общества языковая интернационализация обретает качественно новые черты, выступая как закономерное отражение более общей тенденции интернационализации всей общественной жизни.

Важно также учитывать, что языковая интернационализация проявляется в двух аспектах: внешнеязыковом (возрастание роли "мировых" языков и языков, выступающих в функции средства межнационального общения; развитие билингвизма и полилингвизма и т.п.) и внутриязыковом (возрастание количества и функциональной нагрузки интернациональных элементов в отдельных литературных языках). В связи с этим некоторые авторы различают "функциональную интернационализацию" и "внутреннюю (структурную) интернационализацию" /59, с. 280, 284/. В нашей статье будет рассмотрен ряд вопросов, связанных прежде всего с внутриязыковым аспектом интернационализации.

Чтобы раскрыть содержание понятия "интернационализация" применительно к языковой сфере, необходимо прежде всего уточнить трактовку лингвистического термина "интернационализм". Не вдаваясь в детальное рассмотрение этого вопроса, по которому в научной литературе высказываются различные мнения (наиболее полную и основательную интерпретацию этого термина дает, на наш взгляд, В. В. Акуленко /47/), отметим лишь некоторые наиболее существенные моменты.

Нет сомнений в том, что интернационализмы представляют

собой одно из проявлений межъязыковой общности; уже по самой своей сути это категория не одного языка, а нескольких языков. Интернационализмы не следует трактовать просто как один из разрядов заимствованных слов. Правда, между интернациональными (международными) словами и заимствованными словами имеются известные черты сходства, но наряду с этим они характеризуются и определенными различиями /см. 47, с. 162, 183; 60, с. 12—13/. Далекое не все заимствованные слова в конкретном литературном языке могут быть признаны интернациональными (международными). В свою очередь многие международные слова фактически не представляют собой заимствования, они выступают в нескольких языках как параллельные аналогичные производные, состоящие из широко распространенных интернациональных элементов (ср., например, русск. *бионика, биотехника, изотоп, космология, магнитофон, микропроцессор, пантограф, позитрон, телефон*; словац. *bio-nika, biotechnológia, izotop, kozmológia, magnetofón, mikroprocesor, pantograf, pozitron, telefón* и т.п.). Их специфика "состоит в том, что они "не имеют родины", живого источника заимствования" /61, с. 45/, хотя и конструируются, как правило, из греко-латинских корневых и аффиксальных морфем.

Иногда интернационализмами признаются только международные слова, ср., например, следующее определение этого термина: "Слово (или выражение), принадлежащее к общеэтимологическому фонду ряда языков, близких по происхождению или сходных по своему историческому развитию" /62/. В новейшей литературе к классу интернационализмов вполне оправдано относят не только слова, словосочетания и фразеологизмы, но и другие языковые элементы (разного типа морфемы, некоторые синтаксические конструкции и т.п.) Правда, в связи с этим некоторые авторы говорят о наличии узкого и широкого понимания термина "интернационализм" /54, с. 177/. Процессы интернационализации охватывают разные языковые уровни, но, как отмечают многие исследователи, особенно ярко они проявляются в области словарного состава, в лексико-семантической и словообразовательной системе языка.

В настоящее время класс интернационализмов обычно уже не ограничивается так называемыми европеизмами или словами греческого и латинского происхождения (в старой литературе акцент делался именно на это)⁷. Совершенно ясно, что в современный период базой возникновения международных слов могут быть не только классические или европейские

⁷ См. критическое замечание В. В. Акуленко: "... традиционное понятие интернационализмов оказалось европоцентричным, некоторые сужают его еще более, относя только к ранее всего замеченной и особенно авторитетной греко-латинской терминологии" /52, с. 13/.

языки, но и другие, ср., в частности, слова из японского языка: *дзюдо*, *икебана*, получившие распространение во многих языках. Славянские языки также могут быть источником пополнения запаса интернациональных слов. Так, наряду с широко известными интернационализмами русского происхождения: *спутник*, *луноход*, и др., можно назвать слово *робот*, восходящее к чешск. *robot* (ср. англ. *robot*, нем. *der Roboter*, польск. *robot*, укр. *робот*, болг. *робот* и т.п.). Примечательно, что в современных славянских литературных языках это слово, создателем которого является известный чешский писатель К. Чапек (предполагают, что оно образовано от чешск. *robota*), послужило базой для целого ряда новых производных слов. При этом используются как славянские, так и интернациональные морфемы, а также способ словосложения, ср.: русск. *роботизация*, *роботизированный* *роботостроение*, *робототехника*, *робот-забойщик*, *робот-оператор* и др., словац. *robotika*, *robotizácia*, *robotový*, *robototechnológia*, *robot-manipulátor*.

При установлении международного характера языковых элементов необходимо учитывать комплекс критериев, включающий формальный, семантический и, так сказать, "количественный" признаки. Интернациональные элементы, представленные в разных языках, должны иметь относительно одинаковый фономорфологический облик и относительно одинаковое значение (имеется в виду, что, например, семантическая структура соотносимых слов разных языков не всегда может совпадать во всех своих компонентах). Как отмечает В.В. Акуленко, для установления тождественности семантики интернациональных слов "единственным адекватным критерием является их взаимопонятность при соприкосновении языков, их способность служить эквивалентами друг друга при переводе" /47, с. 43/. Таким образом, если говорить о формальном и семантическом признаках, то интернационализмы — это "знаки различных языков, сходные до степени отождествления как в плане содержания, так и в плане выражения" /47, с. 18/. В отношении количественного признака высказываются разные точки зрения: одни авторы считают интернациональным языковой элемент, представленный по крайней мере в трех языках, из которых минимум два являются неродственными; другие выдвигают более "жесткий" количественный критерий. Так, В.В. Акуленко рассматривает в качестве интернационализмов слова и морфемы, "встречающиеся в четырех и более языках, относящихся по меньшей мере к трем семьям" /47, с. 26/. В некоторых определениях интернационализмов говорится о наименованиях, распространенных в большинстве языков или во многих языках. Данный признак является динамичным, неустойчивым в том смысле, что фактически достаточно зафиксировать нижний, минимальный порог (три языка), в то время как

верхняя граница может изменяться. Это особенно заметно на примере интернациональных неологизмов (особенно терминологического характера), возникающих параллельно в ряде языков, число которых даже на протяжении краткого хронологического отрезка быстро возрастает. В связи с количественным фактором иногда говорят о нескольких ступенях интернационализации /54, с. 178/.

Для современного понимания сущности интернационализма важным моментом является то, что им признается языковой элемент, представленный не только в родственных, но обязательно и в неродственных языках. Конечно, в группах генетически родственных языков на определенном этапе их развития достаточно легко обнаруживаются сходные по форме и значению слова, которые тем самым обладают признаком международных языковых элементов. Их иногда называют интерславянизмами, интерскандинавизмами, интертюркизмами и т.п. /52, с. 27/. Интернациональность в подобных случаях носит несколько иной характер, поскольку общность языковых элементов при этом определяется прежде всего генетической близостью языков данной группы (хотя, разумеется, и здесь черты сходства могут возникать в результате культурного и языкового взаимодействия).

Очень важным представляется рассмотрение интернационализмов как специфической межъязыковой категории синхронического плана /47, 52, 54, 55/, как проявления межъязыкового сходства, обусловленного языковыми и культурными контактами, взаимодействием социумов.

Исходя из сказанного, кратко охарактеризуем наше понимание тенденции интернационализации в языковой сфере. Прежде всего подчеркнем, что это — сложный многоаспектный процесс, который не сводится к проникновению в тот или иной национальный литературный язык заимствованных (иноязычных) или даже международных слов. Он связан с тем, что в результате социо-культурных и языковых контактов в группе родственных и неродственных языков на определенном этапе их развития формируются своеобразные "зоны общности", представляемые интернациональными элементами, которые в той или иной мере охватывают различные звенья конкретной языковой системы, вступая с ней в тесное взаимодействие и оказывая заметное влияние на ее функционирование.

Рассмотрим основные проявления тенденции интернационализации в сфере словарного состава современных славянских литературных языков.

1. Формирование и последующее развитие в рассматриваемой группе литературных языков фонда интернациональных элементов.

Известно, что во всех славянских литературных языках

значительную часть лексики составляют международные слова, восходящие к греческому и латинскому языкам, ср., например: русск. *абитуриент, абстракция, автомат, академия, анализ, апогей, база, бальзам, вотум, генетика, гипотеза, демагог, диктатура, интеллект, инструкция, катастрофа, копия, лексикон, миграция, натурализм, норма, объект, орбита, период, реликт, рубрика, синтез, тактика, традиция, ультиматум, форма, центр, циклон, энергия* и т.п.; болг. *абитуриент, абстракция, автомат, академия, анализ (а), апогей, база, балсам, вот, генетика, гипотеза, демагог, диктатура, интелект, инструкция, катастрофа, копие, лексикон, миграция, натурализъм, норма, обект, орбита, период, реликт, рубрика, сентез (а), тактика, традиция, ултиматум, форма, център, циклон, енергия* и т.п., польск. *abiturient, abstrakcja, automat, akademia, analiza, apogeum, baza, balsam, wotum, genetyka, hipoteza, demagog, dyktatura, intelekt, instrukcja, katastrofa, kopia, leksykon, migracja, naturalizm, norma, obiekt, orbita, period, relik, rubryka, synteza, taktyka, tradycja, ultimum, forma, centrum, cyklon, energia* и т.п., чеш. *abiturient, abstrakce, automat, akademie, analýza/analýsa, apogeum, báze/base, balzám, vótum, genetika, hypotéza/hypothesa, demagog, diktatura, intelekt, instrukce, katastrofa, kopie, lexikon, migrace, naturalismus, norma, objekt, orbita, perioda, relik, rubrika, syntéza/synthesa, taktika, tradice, ultimátum, forma, centrum, cyklón, energie* и т.п.

Аналогичные слова представлены и в других славянских литературных языках. Они, как правило, достаточно полно фиксируются толковыми словарями и соответствующими данному языку "Словарями иностранных слов". Наряду с этим в словарном составе каждого литературного языка немало слов, которые были заимствованы в разное время из неславянских языков и стали международными. В качестве иллюстрации приведем лишь несколько слов подобного характера, представленных в русском языке: (из английского) *аутсайдер, баскетбол, блокада, бокс, вердикт, вестерн, гангстер, комфорт, лидер, нокаут, парк, спорт, теннис, тоннель, чемпион* и др.; (из немецкого) *абрис, вексель, гильза, ландшафт, лейтмотив, маклер, офицер, рейс, рыцарь, штаб* и др.; (из французского) *авангард, аванс, ажиотаж, баланс, банальный, бюрократ, вуаль, манеж, режим, экипаж* и др. Интернациональными стали также многие слова из других языков, в том числе из славянских, ср., в частности: словац. *kolchoz*, болг. *колхоз*, англ. *kolkhoz*, фр. *kolkhoz* (<русск. *колхоз*), словац. *sputnik*, польск. *sputnik*, болг. *спътник*, англ. *sputnik*, нем. *Sputnik* (< русск. *спутник*) и др.

Как на основе греко-латинских морфем, так и на базе современных языков в настоящее время возникает большое число новых слов (особенно в области научной и технической терминологии), которые очень быстро приобретают статус между-

народных. Речь идет о таких словах, как русск. *автокар, автопилот, аллергия, аллергология, аэробика, аэробус, аэрозоль, батисфера, биатлон, биосинтез, видеокассета, видеотелефон, дизайн, дискотека, изотоп, информатика, капрон, каскадер, космодром, космонавт, лазер, мазер, микропроцессор, прогностик, селектор, социолингвистика, стереофония, телевизор, телеобъектив, телекс, тест, фильмотека, флюорография, хиппи, хобби*, и аналогичные словацк.: *autokar, autopilot, alergia, alergológia, aerobic/erobik, aerobus, aerosól, batysféra, biatlon, biosyntéza, videokazeta, videotelefón, dizajn/design, diskotéka, izotop, informatika, kapron, kaskadér, kozmodróm, kozmonaut, laser, maser, mikroprocesor, prognostik, selektor, sociolingvistika, stereofónia, televízor, teleobjektív, telex, test, filmotéka, fluorografia, hippie, hobby*.

В настоящее время весьма активны процессы неологизации за счет комбинирования интернациональных элементов (прежде всего греко-латинских). Таким способом создаются многие новые термины. Благодаря широким возможностям "сцепляемости" этих элементов легко возникают новообразования, состоящие не только из двух, но также из трех и более компонентов, ср., например (кроме уже приведенных выше): русск. *авторадиография, гомотрансплантация, инфрамикробиология, микрокардиодистрофия, синхрофазотрон, стереофотограмметрия* и др.; польск. *magnetohydrodynamika, paleogeomorfologia, radiointerferometr, spektroheliogram* и др.; словац. *mikrofilmbibliografia, rádioteleskop, termohydrofixácia* и др.

Следует подчеркнуть, что нет автоматизма в распространении интернациональных слов по отдельным славянским литературным языкам. Их функционирование зависит от сложного комплекса внутриязыковых, внешнеязыковых и внеязыковых факторов. В частности, имеют значение направленность и интенсивность международных контактов данного социума, степень развитости определенных научных и технических областей, принципы языковой политики и языкового воспитания, роль пуристических и антипуристических тенденций и др. Поэтому в современных славянских литературных языках наряду со значительным общим для них фондом интернациональных слов имеются и такие международные слова, которые представлены в одних и отсутствуют (или практически не употребляются) в других языках. Так, например, в ряде славянских языков представлен интернационализм, восходящий к греч. *theatron*, ср. русск. *театр*, укр. *театр*, болг. *театър*, сербо-хорв. *театар*, в других — ситуация иная, в чешском и словац. языках он фактически вышел из употребления и заменен славянским словом *divadlo*, а в словенском языке наряду с редкоупотребляемым theater активно функционирует слово *gledališče*.

Вопрос о количественном составе интернациональной лекси-

ки, о ее удельном весе в словарном запасе того или иного славянского литературного языка нуждается в специальном исследовании. В этом отношении обнаруживается сходство и различия как между группами славянских языков, так и между отдельными языками. Интересные наблюдения по данному вопросу содержатся в книге В. В. Акуленко, который отмечает, что "значительная часть интернационализмов русского языка объединяет его со всеми или почти со всеми славянскими языками" и наряду с этим "ни в каких двух славянских языках фонды интернационализмов не совпадают полностью" /47, с. 91/.

В процессе освоения рассматриваемого разряда слов славянскими языками происходит их постепенное приспособление (соответственно, не всех и не в равной мере) к фонетическим, орфоэпическим и орфографическим правилам конкретного славянского языка; они испытывают на себе определенное давление грамматической системы данного славянского языка, что проявляется, в частности, в том, что многие из них включаются в соответствующие парадигмы склонения или спряжения. В отдельных славянских языках иногда обнаруживаются и различия в родовой принадлежности одного и того же интернационального слова, ср., например, русск. *багаж* (м.р.), болг. *багаж* (м.р.), польск. *bagaż* (м.р.), что соответствует грамматическому роду этого слова в языке-источнике — фр. *bagage* (м.р.), но словац. *bagáž* (ж.р.), верх.-луж. *bagaża* (ж.р.), серб.-хорв. *baĝaj* (м.р.) и *baĝaja* (ж.р.); болг. *детайл* (м.р.), словац. *detail* (м.р.), польск. *detal* (м.р.), верх.-луж. *detail* (м.р.) в соответствии с фр. *detail* (м.р.), но русск. *деталь* (ж.р.), серб.-хорв. *деталь* (ж.р.) и т.п.

Как известно, в процессе вхождения интернациональных слов в лексико-семантическую систему славянских языков их смысловая (семантическая) структура может претерпевать определенное изменение: иногда происходит утрата некоторых значений, свойственных данному слову в языке-источнике, или же, наоборот, развиваются новые значения, отмечаются также случаи терминологизации отдельных значений и т.п., ср., например, лат. *instructio* '1) вставка, введение; 2) сооружение, устройство; 3) выстраивание; 4) указание, наставление' и русск. *инструкция*, болг. *инструкция*, польск. *instrukcja*, словац. *instrukcia*, у которых фактически выступает лишь одно основное значение, соотносимое с четвертым значением латинского слова, а именно — 'указания, свод правил, устанавливающих порядок и способ осуществления, выполнения чего-л.' (правда, наряду с этим значением у болгарского слова отмечается также более узкое значение 'распоряжение в адрес подчиненных органов с указанием обеспечить правильное исполнение закона, указа, постановления', а у польского слова — устаревшее специ-

фическое значение 'просвещение, обучение, образование'), лат. *integratio* 'восстановление, возобновление' и русск. *интеграция* '1) объединение в целое каких-л. частей, элементов, 2) (эконом.) процесс взаимного приспособления и объединения национальных хозяйств, 3) (матем.) интегрирование (нахождение интеграла)' (аналогичные значения — кроме третьего — фиксируются у болг. *интеграция*, у которого отмечается также — '(лингв.) такое слияние составных частей одного слова, что оно производит впечатление производного' и польск. *integracja*; все три значения представлены у словац. *integrácia*); лат. *codex* '1) ствол, пень, 2) бревно, чурбан, 3) книга' и русск. и болг. *кодекс* '1) (юрид.) систематизированный свод (сборник) законов, относящихся к какой-л. области права; 2) совокупность правил поведения, привычек, убеждений, принципов и т.п.; 3) старинная рукопись в переплете' (аналогичные значения имеет польск. *kodeks* и словац. *kódex*, у которого, правда, иногда отмечается и специфическое значение 'система тайных знаков').

Говоря о фонде интернациональных языковых элементов, мы имеем в виду не только целостные лексические единицы, то также морфемы (корневые и аффиксальные) интернациональных слов, которые могут обретать в процессе функционирования в славянских языках относительно автономный статус. Многие из них достаточно глубоко входят в строй славянских языков, выступая в качестве важного компонента морфемной и словообразовательной структуры того или иного литературного языка. Фонд международных (интернациональных) морфем достаточно широк. Особенно употребительны они в кругу лексики терминологического характера и в связи с этим нередко называются "терминоэлементами" /47, 63/. Список терминоэлементов (корневых и аффиксальных) греко-латинского происхождения включает более 1000 единиц /64/. Использование международных корневых морфем фактически уже было отмечено выше, поэтому теперь мы кратко охарактеризуем роль префиксальных и суффиксальных элементов.

В ряду международных префиксальных морфем отметим следующие: *а-* (*ан-*), *аб-*, *ад-*, *амби-* (*амбо-*), *анти-*, *апо-*, *архи-*, *би-*, *вице-*, *гипер-*, *гипо-*, *де-*, *дез-*, *ди-*, *диа-*, *дис-* (*диз-*), *им-*, *ин-*, *интер-*, *инфра-*, *квази-*, *ко-* (*кон-*), *контр-* (*контра-*), *мета-*, *обер-*, *пан-*, *пара-*, *пост-*, *про-*, *псевдо-*, *ре-*, *суб-*, *супер-*, *транс-*, *ультра-*, *экс-*, *экстра-*, и др., например: *алогичный*, *асимметрия*, *аборальный*, *адсорбция*, *амбивалентность*, *антиген*, *апоневроз*, *апофермент*, *архиреакционный*, *бигамия*, *биметаллы*, *вице-президент*, *гипервитаминоз*, *гипертония*, *гипогликемия*, *дегазация*, *демобилизация*, *дезинтеграция*, *дезинформация*, *дикарсион*, *диамагнетизм*, *диапроектор*, *дисбаланс*, *дизартрия*, *иммориализм*, *инвагинация*, *интервокальный*, *интерлигвистика*,

инфраструктура, квазистатический, ковариация, конгенальный, контратака, контритул, контрадикция, метатеория, обер-офицер, панхроматизация, парapsихология, паратиф, постимпрессионизм, постпозиция, проректор, псевдоартроз, реимпорт, рекомбинация, субдоминанта, субтитр, суперарбитр, суперсегментный, трансарктический, транслитерация, ультрамодный, ультрареволюционер, эксплантация, экс-чемпион, экстралингвистический, экстраполяция и т.п. Аналогичные ряды интернациональных префиксальных элементов представлены во всех современных славянских литературных языках (их состав, употребительность, активная роль в словообразовательной системе отдельных языков, закономерности функционирования, естественно, полностью не совпадают — этот вопрос нуждается в специальном изучении⁸), ср., например, словацкие префиксы: a-(an-), ab-, ad-, ambi-, anti-, apo-, arci-, bi-, de-, dez-, di-, dia-, dis-, ex-, extra-, hyper-, hypo-, im-, in-, intra-, inter-, ko(n)-, kontr(a)-, meta-, pan-, para-, pro-, pseudo-, re-, sub-, super-, supra-, trans-, ultra-vice- и др.: abakteriálny, anorganický, abartikulácia, abnormálny, adnazálny, ambidextria, ambivalentný, antialergikum, antikorožnosť, apoferment, arcireakcionár, biformný, bikryštál, deadjektívum, decentralizovat', dezaktivovat', desorientácia, digamia, diafónia, dispalatalizácia, excisár, exmaister, extrafaringálny, hyperaktivita, hiperkinéza, hypoaktivita, hypotermálny, impersonálny, inadekvatný, infraakustický, infralokácia, interakcia, interdentálny, koadaptácia, konfabulácia, kontradmirál, kontraoktáva, metainformácia, panestetizmus, pangenéza, parapsychológia, paravenózný, postimpresionista, probiológia, prodekan, pseudodemokrát, reeditovat', reimplantácia, subareál, subkomisia, superdominanta, superexpres, supersekrécia, suprasegment, suprasyntax, transkontinentálny, transliterácia, ultramikrób, viceguvernér и т.п.

Среди суффиксов интернационального характера, функционирующих в современных славянских языках, назовем русск.: *-ад(а), -иад(а), -аж(-яж), -ант(-янт), -ат(-ят), -атор, -ация, -ент, -изм, -ик, -ика, -инг, -ист, -ит, -итет, -оз, -ор(-ер, -ер), -ур(а)*, например: *бравада, дубляж, аспирант, дебютант, эмигрант, калифат, агитатор, популяризатор, агитация, деградация, нормализация, ассистент, оппонент, архаизм, лиризм, субъективизм, академик, химик, акробатика, нумизматика, допинг, тренинг, велосипедист, идеалист, марксист, бронхит, лазурит, фаворит, генералитет, суверенитет, артроз, тромбоз, ревизор, монтер, аспирантура, прокуратура и т.п.*; словацк. *-áda, -iáda, -áž, -ant, -át, -átor, -ácia, -ent, -izmus, -ik, -ika, -ing, -ist(a), -it, -it(a), -óza, -or,*

⁸ См., например, интересные наблюдения о подобных субстантивных префиксах в чешском языке, сделанные на словарном материале: наибольшее число образований зафиксировано с префиксами pseudo-, arci-, ultra-, sub-, in-, super-, meta-, anti-, kontra-, kon- (kom-, ko-)/65, s. 701–702/.

-ér, -er, -úr(a), например: blokáda, olimpiáda, veteraniáda, arbitráž, kompletáž, montáž, manipuláns, rekreáns, kalifát, magistrát, demonstrátor, syntezátor, aplikácia, elektronizácia, technizácia, dirigent, recenzent, dynamizmus, patriotizmus, dramatik, grafik, diagnostika, symbolika, dispečing, dribling, bágrista, kambajnista, moralista, parodista, astralit, chromit, favorit, generalita, suverenita, anonymita, stabilita, anabióza, brucelóza, agresor, revízor, montér, sprinter, docentúra, prefektúra и т.п.

Степень освоенности и употребительности подобных суффиксальных морфем в отдельных славянских языках неодинакова. В значительной мере не совпадает и возможность их сочетаемости с интернациональными основами. Как показывают приведенные примеры, словообразовательная структура многих рассматриваемых слов совпадает, однако можно отметить и определенные расхождения, ср. русск. и словац. слова со сходной интернациональной основой, но разными суффиксами: *алхимик* — *alchymista*, *дальтоник* — *daltonista*, *комбайнер* — *kombajnista*, *стажер* — *stažista*, *дирижер* — *dirigent*, *конгрессмен* — *kongresista*, *линотипурист* — *linotypér*, *программист* — *programátor*, *стипендиат* — *stipendista* и др. Иногда словацким образованиям на *-ista* соответствуют русские слова с нулевым суффиксом, например: *баритониста* — *баритон*, *тенориста* — *тенор*, *интеллектуалиста* — *интеллектуал*, *радикалиста* — *радикал* и др. или же с русским суффиксом, например: *марафониста* — *марафонец*, *мануфактуриста* — *мануфактурищик*, *сигналиста* — *сигнальщик* и т.п. Функционирование интернациональных суффиксов как в отдельных славянских языках, так и в сопоставительном плане, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении⁹. В целом можно констатировать, что в современный период наряду с ростом запаса интернациональных слов в отдельных славянских литературных языках заметно активизируется также аффиксальные словообразовательные морфемы. Это связано с их вычленимостью в структуре интернационального слова с синхронной точки зрения. В этом плане заслуживает внимания мысль М. Докулилы и Я. Кухаржа, которые пишут, что при интерпретации слов типа *antipatie*, *disharmonie*, *dialog*, *indiskrece*, *interference*, *kontradikce*, *paradentóza*, *rekreace* и т.п. "в некоторых случаях мы можем подобные слова в рамках нашей словообразовательной системы понимать как образованные от иностранного исходного слова при помощи иностранной приставки: ср., *demokratický* — *antidemokratický*, *harmonie* — *disharmonie*, *chronický* — *diachronický*, *geneze* — *epigeneze*, *dispozice* — *indispozice*, *nacionální* — *innacionální*, *text* — *kontext*, *revoluce* — *kontrevoluce*,

⁹ Пожалуй наиболее подробно в этом отношении описан материал русского языка, ср., в частности /49, 60/. Предпринимаются попытки и сопоставительного анализа /50, 51, 53/.

fráza — parafráza, akutní — subakutní, akce — reakce” /53, с. 172/. Вычлененности интернациональной морфемы способствует ее повторяемость в ряду слов с одним и тем же корнем или при общем корне с одним и тем же аффиксальным элементом. В наиболее полной мере деривационные потенции того или иного интернационального аффикса выявляются в том случае, когда он ”сцепляется” со словообразовательными элементами данного национального языка (см. об этом ниже).

2. Возрастание функциональной роли интернационализмов в лексико-семантической и словообразовательной системе языка, что проявляется, в частности, в том, что многие корневые и аффиксальные морфемы международного характера оказываются не просто вычлененными в структуре интернационального слова, но и способными выступать в различных комбинациях с национально-языковыми элементами. Благодаря их относительно автономному (т.е. уже за рамками интернациональных слов, из которых они были отвлечены) функционированию в данном славянском языке могут возникнуть новые словообразовательные форманты и модели. Это, в свою очередь, уже является свидетельством их глубокого освоения. ”Проявлением максимальной словообразовательной адаптации заимствованной лексики или морфемы является их свободная сочетаемость с местными словообразовательными основами или формантами” /66, с. 149/.

Процесс словообразовательной адаптации интернациональных морфем характерен для всех современных славянских литературных языков. Однако его масштабы и темпы в различных языках неодинаковы. Не совпадают полностью и сочетаемостные возможности этих морфем со славянскими в отдельных языках. Иначе говоря, конкретные проявления процесса интернационализации в словообразовательной системе в отдельных славянских языках характеризуются и сходными и отличительными чертами.

Широкое употребление интернациональных слов и морфем в данном национальном языке способствует установлению новых лексико-семантических связей и словообразовательных отношений в его словарном составе. Так, например, в славянских языках возникают синонимические (или частично синонимические) пары производных существительных с тождественной исходной интернациональной основой, но с разными суффиксами (международными и славянскими), ср.: русск. *инструктаж* — *инструктирование*, *камуфляж* — *камуфлирование*; словац. *betonáž* — *betonovanie*, *kamufláž* — *kamuflovanie*, *montáž* — *montovanie* и др. русск. *аргументация* — *аргументирование*, *дискредитация* — *дискредитирование*, *инкассация* — *инкассирование*; словац. *regulácia* — *regulovanie*, *stimulácia* — *stimulovanie*, *syntetizácia* — *syntetizovanie* и т.п. (о последнем типе соотноше-

ния в словацком языке см. интересную статью К. Бузашиновой /67/). Конкурирующие соотносительные производные аналогичного типа представлены и в других славянских языках.

Другой характерной чертой словообразовательной адаптации интернационализмов является образование на их базе целых гнезд производных слов в соответствии с типовыми моделями, свойственными данному языку, то есть "развитие производных по типовой словообразовательной схеме" /68, с. 127/. При этом в рамках гнезда взаимодействуют "свои" и "чужие" морфемы, ср.: *демократ, демократка, демократия, демократический, демократичный, демократично, демократичность, демократизм, демократизировать, демократизация*. В славянских языках подобные гнезда характеризуются чертами сходства и различия (как по составу производных, так и по их значению), ср., например, ряд слов с интернациональной основой в русском языке: *интенсивный, интенсивно, интенсивность, интенсификация, интенсифицировать, интенсифицироваться* и с той же основой в словацком языке: (совпадающие звенья цепочки) *intenzívny, intenzívne, intenzívnot', intenzifikácia, intenzifikovat'*; (несовпадающие звенья) *zintenzívniť* 'сделать (более) интенсивным, интенсифицировать, *zintenzívnovat'* 'делать (более) интенсивным, интенсифицировать', *zintenzívniť* 'стать (более) интенсивным, интенсифицироваться', *zintenzívnenie* 'интенсификация', *intenzifikačný* 'связанный с интенсификацией', например: *intenzifikačný prostriedok* 'средство интенсификации'. Ср. также русск. *детектив* '1. агент сыскной полиции, сыщик, 2. детективный рассказ, роман, кинофильм ...'; *детективный* и словац. *detektív* 'агент сыскной полиции, сыщик' (второго значения, как у русского слова, нет), *detektívny* 'детективный', *detektívka*¹ 'детективное произведение (роман, фильм...), детектив', *detektívka*² 'агент сыскной полиции, сыщик (о женщине)', *detektívkar* 'автор детективов', *detektívkarka* 'автор детективов (о женщине)'

3. Одним из ярких проявлений процесса интернационализации можно считать заметную активизацию в славянских языках разного рода гибридных образований, т.е. слов, частично состоящих из иноязычных элементов. В связи с этим можно говорить о языковой гибридации в широком и узком смысле слова.

При широком понимании к классу гибридов относятся все типы производных слов, в структуре которых сочетаются элементы славянские и иноязычные (как правило, интернациональные). Это могут быть и аффиксальные образования и словосложения. Один тип представляют слова, у которых к интернациональной основе присоединяется славянский суффикс, ср. русск.: *абстрактный, банкротство, официантка, саботажник, фрагтователь, реализовать* и др.; болг. *акробатство, деспот-*

ство, дресировач, бароков, кокетлив, балконче и др., словац. absentérstvo, inžinierstvo, normovač, servírka, kardiak, diagnostikovanie, granulovina, formovateľ и др. Другой тип представляет слова, у которых интернациональная основа сочетается со славянской приставкой, ср. русск.: *подкатегория, подсистема, передислокация, предфильтр* и др.: словац. nadrealizmus, nadprodukcia, podsekretár, podtext, predscéna и др., польск. podkultura, nadfiolet и т.п. Редкими являются гибридные образования с интернациональным суффиксом, сочетающимся со славянской основой, ср. русск.: *отзовист, уклонист*, укр. *бандурист, шашкист*, чеш. houslista, táborita и т.п. Интернациональный компонент может выступать в обрамлении славянскими морфемами, ср. *безыдейный, надклассовый*, болг. *безпретенциозен, едноцилиндров*, словац. bezkonfliktový, najdynamickejší, viacsektový, польск. najfatalniejszy, nadklasowość, wydoktoryzować и т.п. Большую группу составляют продуктивные гибридные образования с интернациональными префиксами (префиксидами) типа русск. *антиокислитель, архиважный, интервидение, квазичастица, контрнаступление, субподряд, суперобложка, ультразвук*, укр. *антиречовина, ультрашвидкий*, болг. *античастица, ултракъс*, словац. antihmota, arcizločinec, infraohrev, pseudoslovenský, ultrapravica, польск. antyspoleczny, arcyciekawy, kontrwywiad, kwazicząstka, metajęzyk и т.п. Наконец, следует отметить разнообразие по своей внутренней структуре гибридные словосложения типа русск. *автолихач, биополе, гидронасос, дисконвод, метеосводка, микровыключатель, роликобежец, самоорганизация, стереоснимок, теленовости, шумопеленгатор, энергозатраты*, укр. *аерозйомка, гйдровузол, драмгурток, телебачення*, болг. *авиоснимане, автоплуг, електроуред, кабелодържач, телезрител*, словац. autolekárnica, akciesshopný, bioparenisko, elektroliečba, fotosadzba, rádioopravár, preventívnoúčovný, úzkoprofilový, vzduchotechnika, чеш. autodílna, eletrospotřebič, stereopřístroj, turbodmychadlo, польск. auto-kierowca, mikronadajnik, młynkomikser и др. Подобные сложные слова характеризуют узкое понимание гибридации.

Значительная часть гибридных словосложений, а также гибридных слов с аффиксальными интернациональными компонентами относится к числу новообразований. Что касается сложных слов, то их продуктивность и регулярность образования в настоящее время, видимо, связана с заметной активизацией в современных славянских литературных языках способа словосложения вообще. "Краткость и семантическая емкость многих сложений зачастую предопределяет предпочтительность их употребления по сравнению с соответствующими им словосочетаниями" /69, с. 144/. Уже предварительные наблюдения показывают, что в одних славянских языках рассматриваемый тип новообразований является весьма активным и

продуктивным, в других — менее продуктивным (к первым можно отнести польский, словацкий и русский языки, ко вторым — болгарский и сербохорватский языки). Конечно, необходимо дальнейшее уточнение состава сложных слов гибридного типа в отдельных славянских языках. При этом очень важно опираться на данные, полученные в результате эксцерпции разнообразных по жанру и стилю текстов, так как материал, фиксируемый толковыми словарями отдельных славянских языков и соответствующими словарями иностранных слов, как правило, является далеко не полным. Сопоставительный анализ полученных данных поможет установить удельный вес гибридных словосложений в лексике и словообразовательной системе отдельных славянских языков, а также наметить более строгую градацию современных славянских литературных языков по степени активности и продуктивности рассматриваемого типа новообразований, которые составляют открытый ряд. Важной задачей является уточнение набора интернациональных морфем, которые активно сочетаются со славянскими основами, выявление объема и ограничений такой сочетаемости. В этом отношении по отдельным славянским языкам, видимо, можно будет установить определенную избирательность. Так, в словацком и польском языках в последние годы очень продуктивны гибридные образования с интернациональным элементом *super-*, причем подавляющее число их является неологизмами. В толковом "Словаре словацкого языка" (*Slovník slovenského jazyka*. Red. Št. Peciar. Bratislava, 1959-1968) не отмечено ни одного подобного гибридного слова. В словацком "Словаре иностранных слов" (M. Ivanová — Šalingová, Z. Maníková. *Slovník cudzích slov*. Bratislava, 1979) зафиксировано только слово *supervel'mos*. Между тем в словацких газетах и журналах за последние годы (*Pravda*, *Život*, *Slovenské pohľady*, *Roháč* и др.) нам встретилось немало подобных гибридов, ср.: *superbdelosť*, *supercitlivý*, *superčistý*, *superdial'kový*, *superdôležitý*, *superdraha*, *superhlboký*, *superhustý*, *superhviezda*, *superlod'*, *supermačka*, *supernáradie*, *superplavec*, *superplochý*, *superpočítač*, *superšľadký*, *superstroj*, *supertenký*, *supertvrдый*, *supertekutosť*, *supervodič*, *supervodivý*, *superzbraň*, *superzložitý* и др. (Естественно, что большинство из них тяготеет к терминологической лексике, к сленгу или обиходно-разговорной речи, но тем не менее они свидетельствуют о значительной активности подобной модели в современном словацком языке.). Аналогичная ситуация наблюдается в современном польском языке, ср.: *superbohater*, *supercieżki*, *superczyły*, *superdrogi*, *supergwiazda*, *superistota*, *superlotnisko*, *supermiasto*, *superobrabiarka*, *superodrzutowiec*, *superpiłka*, *supertwardy* и др. Эти гибридные образования встречаются в языке прессы, но не отмечены словарями современного польского литературного языка (*Słownik języka polskiego*, Red. W. Do-

roszewski, Warszawa, 1958-1969; Słownik języka polskiego. Red. M. Szymaczak, Warszawa, 1978-1981).

Заметно увеличилось в последнее время число подобных слов и в русском языке. В выпусках "Новое в русской лексике" (1980, 1981, 1982) отмечены следующие гибриды: *супервальцы*, *суперженщина*, *супержулик*, *супернарод*, *суперновинка*, *суперновость*, *суперострый*, *суперотвал*, *суперплоский*, *суперпредприятие*, *суперсильный*, *супертяжелый*, а также окказионализмы: *супербетон*, *супергорожанин*, *суперребенок*. К этому перечню можно еще добавить зафиксированные нами слова: *супербогач* (Иностранная литература, 1984), *супергород*, *супердержава*, *супердуховность* (Новый мир, 1985), *суперпровод*, *супертруба* (Москва, 1982), *супермозг*, *суперокисный* (Знание — сила, 1984), *суперпоезд* (Правда, Сельская жизнь, 1984). С другой стороны, в болгарском языке, например, гибриды, образованные по этой модели, встречаются значительно реже, ср.: *супербик*, *суперсила*.

Если говорить о словообразовательной структуре гибридных словосложений, то можно кратко охарактеризовать два основных типа субстантивных и адъективных образований:

а) Интернациональный компонент занимает препозитивное положение, например: *авиастроение*, *агроучеба*, *биозащита*, *блицпоход*, *вибросигнализатор*, *видеозапись*, *гермоперчатки*, *гидроузел*, *кинонеделя*, *макромир*, *микрокапельки*, *мотолодка*, *пнеумоизлучатель*, *стереонаушники*, *телепередача*, *термостойкость*, *фермовоз*, *фотобумага*, *электрозажигалка* и т.п.; болг. *автолепенка*, *аероснимка*, *дискохвъргач*, *електрозаварчик*, *енергоснабдяване*, *кинопреглед*, *минохвъргачка*, *нормочас*, *петролопровод*, *фотоизложба*, *хидровъзел* и т.п.; польск. *agromiasto*, *biopierwiastek*, *elektrowóz*, *ekstragatunek*, *fotopowielacz*, *hiperjądro*, *hydroskrzydło*, *mikropánstwo*, *minisamochód* и т.п.; словац. *agropriemyselný*, *autoopravár*, *bacilonsič*, *elektropohon*, *fotopuška*, *gramoplatňa*, *magnetopáskový*, *mikropočítač*, *minipredajňa*, *servokormidlo*, *stereosluchadlá*, *torpedoborec*, *videozáznam* и др. Данный тип гибридных слов отличается большой активностью в современных славянских языках¹⁰. Интернациональные компоненты могут выступать и в качестве второго определения к уже функционирующему слову, ср. например, русск. *автомотолубитель*, *агроресомелиорация*, *аэрофотосъемка*, словац. *stereorádioprijímač*, что подтверждает их словообразовательную продуктивность.

б) Интернациональный компонент находится в постпозиции,

¹⁰ По мнению Д. Буттлер, гибридные образования с международным компонентом в препозиции представляют собой "наиболее характерное проявление интернационализации словообразовательных систем славянских языков" /70, с. 59/.

например: русск. *ветроэнергетика, самодисциплина, сверхмикроскоп, высокоэффективный, многокомпонентный*, болг. *конеферма, цвеклокомбайн, четвъртфинал*, словац. *jemnomechanik, mnohofunkčnosť, plnoautomat, protiargument, rýchloanalýza, sebakontrola, veľkookapitalizmus, vysokoefektívny* и др.

Гибридные слова в современных славянских языках могут участвовать в дальнейшем словопроизводстве, выступая в качестве производящей базы, ср. словац. *autodoprava > autodopravca, elektroryt > elektrorytectvo, spoluautor > spoluautorstvo* и т.п., польск. *hyperpoprawny > hyperpoprawność, supernowoczesny > supernowoczesność* и т.п.

Через посредство гибридных слов происходит дальнейшее освоение данным славянским литературным языком интернациональных элементов, которые вступают в разнообразие лексико-семантические и словообразовательные связи с основами и формантами этого языка. Распространение гибридных слов — одно из проявлений более общей тенденции интернационализации словарного состава славянских литературных языков. Подобные слова представляют собой важный способ номинации и неологизации и в силу этого заслуживают пристального внимания исследователей¹¹.

4. Тенденция интернационализации находит свое отражение и в развитии функциональных стилей литературного языка, прежде всего научного и публицистического (см. наблюдения Й. Мистрика, сделанные на материале современного словацкого языка /55, с. 41—42/). В связи с этим мы затронем лишь вопрос об интернационализации в области терминологии.

Хорошо известно, что в настоящее время темпы количественного роста терминологии значительно опережают увеличение числа общелитературной лексики. При этом в каждом национальном языке обогащение терминологии (особенно связанной с научно-техническим прогрессом, с возникновением и развитием новых научных дисциплин) происходит не только за счет собственных ресурсов данного языка, но и за счет иностранных (заимствованных) слов и интернационализмов (слов и морфем). Как уже неоднократно отмечалось, процесс интернационализации в этой сфере идет интенсивно и играет очень важную роль. ср.: "... развитие научно-технической терминологии в подавляющем большинстве современных языков осуществляется по линии интернационализации данных средств" /79, с. 51/. По утверждению Я. Горецкого, "основной чертой" развития терминологической лексики современного словац-

¹¹ Материал отдельных славянских языков в этом плане изучен еще недостаточно и неравномерно; из специальных статей по данному вопросу см., в частности /68, 71—74/. Предпринимаются первые опыты сопоставительного изучения гибридных слов /75—78/.

кого языка является ее интернационализация /80, с. 86/. Область терминологии примечательна тем, что в ней объективно-стихийные проявления интернационализации (в результате межъязыковой интерференции), пожалуй, наиболее последовательно поддерживаются целенаправленной деятельностью специалистов, термиологов и лингвистов. Проводимая в этом направлении работа нередко выходит за национальные или государственные рамки: терминосистемы ряда новейших научных дисциплин и технических областей формируются и унифицируются в международном масштабе (в рамках ЮНЕСКО, СЭВ и других международных организаций).

Конечно, при решении общих и конкретных вопросов, связанных с унификацией и интернационализацией терминологической лексики, возникают определенные методологические, теоретические и практические трудности. Так, например, при формировании и развитии терминологии (и отдельных терминосистем) того или иного языка неизбежно встает проблема выбора между национальным и интернациональным термином. Здесь неприемлемы как односторонние пуристические позиции¹², так и функционально неоправданное перенасыщение терминологической лексики данного языка международными словами и терминоэлементами. Решая этот вопрос, необходимо учитывать как собственно терминоведческие и лингвистические (общезыковые и нормативные /см. 82, с. 10/) критерии, так и факторы социолингвистические. Необходим серьезный научный анализ их структурного соответствия воспринимающей языковой системе и их функционально-коммуникативной целесообразности. В частности, не следует упускать из виду и такой фактор, как широкое международное признание данного термина, его употребление во многих языках, на которых осуществляется научно-техническое и культурное сотрудничество, взаимный обмен информацией. При этом важно учитывать, что наблюдаемые в настоящее время интенсивные процессы интернационализации языков (особенно в области терминологии) вовсе не угрожают их национальной самобытности; "... распространение международной лексики и терминологии ведет к сближению языков в их национальной оболочке, но не к слиянию их" /83, с. 82/.

Важное значение имеет научно-практический опыт решения проблем межъязыковой унификации терминологии в нашей стране /см. 84, с. 13—21/. Он свидетельствует о том, что пробле-

¹² В связи с этим по-прежнему актуально звучат слова о том, что при разработке словаря и, в частности, терминологии "... не должно быть места националистическому и архаизирующему пуризму, ибо неумеренный пуризм любого толка ведет к обеднению словаря, ... придает научной терминологии чрезвычайно локальный и узкий характер" /81, с. 41/.

ма создания общего, интернационального терминологического фонда в языках народов социалистических стран может и должна решаться с учетом основных принципов марксистско-ленинской национально-языковой политики, в частности, принципа социалистического интернационализма, опираясь на который можно идти "путем наиболее целесообразного сочетания интернационального и национального в развитии терминологии" /84, с. 19/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев Д. Н. Основные процессы в лексике современных восточнославянских языков//Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.

2. Коломісць В. Т. Розвиток лексики слов'янських мов у післявоєнний період. Київ, 1973.

3. Křístek V. Paralely jazykového vývoje za socialismu//Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu. Lingvistika. Pr. 1978.

4. Cuřin Fr., Novotný J. Vývojové tendence současné spisovné češtiny a kultura jazyka. Pr. 1974.

5. Виденов М. Към характеристиката на движещите сили в развоја на съвременния български книжовен език//Език и литература. 1977. № 2.

6. Ницолова Р. Некоторые особенности языковой ситуации в Народной республике Болгарии//Zeitschrift für Slawistik. 1981. Bd. 26. № 1.

7. Buzássyová K., Bosák J. Dymamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny//Obsah a forma v slovnej zásobe. Br. 1984.

8. Смирнов Л. Н. Новый этап демократизации славянских литературных языков в эпоху социалистических преобразований//Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Киев, 1982.

9. Карпенко М. А. Демократизация русского литературного языка в послеоктябрьский период и перераспределение лексико-стилистических средств//Проблемы сопоставительной стилистики восточно-славянских языков. Киев, 1977.

10. Ružička J. Rozvoj slovenčiny v socialistickom Československu. Br. 1975.

11. Havránek B. Demokratizace spisovného jazyka//Studie o spisovném jazyce. Pr. 1963.

12. Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.

13. Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984.

14. *Klemensiewicz Z.* O różnych odmianach współczesnej polszczyzny. W-wa, 1953. S. 48.

15. *Ахманова О. С., Данчинова И. А.* Социолингвистика в свете эвристики и онтологии языка//Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.

16. *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

17. *Білодід І. К.* Культура мови в духовному світі сучасної людини. Філософська думка. 1977, № 6.

18. *Schmidt W.* Zum Verhältnis von Sprachkultur und Allgemeinbildung in der sozialistischen Gesellschaft//Sprachpflege. 1977. Jg. 12. Hf. 7.

19. *Скворцов Л. И.* Культура языка — достояние социалистической культуры. М., 1981.

20. *Дешериев Ю. Д.* Развитие и взаимодействие языков в зрелом социалистическом обществе//Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977.

21. *Журавский А. И.* Белорусский литературный язык на современном этапе//Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы. М., 1983.

22. *Дешериев Ю. Д.* Социальная лингвистика. М., 1977.

23. *Никольский Л. Б.* Прогнозирование и планирование языкового развития. М., 1970.

24. *Георгиев В.* Значението на правописната реформа от 1945 г.//Проблеми на езиковата култура. С., 1980.

25. *Ružička J.* Súčasné obdobie vo vývine spisovnej slovenčiny//Kultúra slova. Br., 1981. Č. 1.

26. *Скворцов Л. И.* Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии//Литературная норма и просторечие. М., 1977.

27. *Баханьков А. Е.* Словообразовательные неологизмы в белорусском языке советского времени//Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

28. *Bosák J.* Novorovost' ako dymanický faktor//Slovenská reč. 1984. С. 2.

29. *Szymczak M.* Język polski w sześćdziesięcioleciu naszej niepodległości (1918-1978)//Poradnik językowy. 1979. № 3.

30. *Шмелев Д. Н.* Введение//Способы наминации в современном русском языке. М., 1982.

31. *Jedlička A.* Spisovný jazyk v současné komunikace. Pr., 1978.

32. Науково-технічний прогрес і мова. К., 1978.

33. *Buttler D.* O wzajemnym oddziaływaniu terminologii i słownictwa ogólnego. II//Poradnik językowy. 1979. № 3.

34. *Pošťolková B.* K terminologizaci slovní zásoby v češtině//Slovo a slovesnost. 1979. Č. 1. S. 11-18.

35. *Иванчикова Е. А.* О развитии синтаксиса русского языка

в советскую эпоху//Развитие синтаксиса русского языка. М., 1966.

36. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 233—366.

37. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.

38. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

39. Lubaś W. Słownictwo kolokwialne i niekolokwialne. Próba definicji//Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego. Wrocław, 1978. S. 145—149.

40. Peciar Š. Hovorový štýl v slovenskej a českej jazykovej situácii//Studia Academica Slovaca. 10. Br., 1981. S. 347—368.

41. Wróbel H. Wyznaczniki potoczności — problemy dyskusyjne//Socjolingwistyka. 4. W-wa etc., 1982. S. 37—41.

42. Кожин А. Н. Современный русский литературный язык//Формирование славянских литературных языков. Теоретические проблемы. М., 1983.

43. Ермоленко С. Я. Литературно-письменная и народно-разговорная традиция в развитии современного украинского литературного языка//Формирование славянских литературных языков. Теоретические проблемы. М., 1983.

44. Kraus J. Jazyková situace zemi rozvinutého socialismu a problematika jazykové kultury//Slovo a slovesnosť. 1984. Č. 3.

45. Kačala J. Kultivovanie spisovného jazyka//Kultúra slova. 1977. S. 129—135.

46. Jedlička A. Vzt'ah současné spisovné češtiny a slovenštiny (k aktuálním problémům teorie a praxe)//Acta Universitatis Carolinae. 1975. Philologica 3—4. Slavica Pragensia XVIII. Pr. 1977.

47. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.

48. Акуленко В. В. Лексические интернационализмы и методы их изучения//ВЯ. 1976. № 6.

49. Йирачек Й. Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке. Структурно-семантическое исследование. Врно, 1971.

50. Йирачек Й. Интернациональные суффиксы существительных в современных славянских языках//Slavia. 1972. Seš. 1.

51. Йирачек Й. Интернациональные суффиксальные морфы прилагательных в современных славянских языках//Slavia. 1983. Seš. 3—4.

52. Интернациональные элементы в лексике и терминологии//Под ред. В. В. Акуленко. Харьков, 1980.

53. Dokulil M., Kuchař J. Slovtovná charakteristika cizích slov//Naše řeč. 1977. Č. 4.

54. *Mackiewicz J.* Co to są tzw.internacjonalizmy? — Język polski. 1984. № 3.
55. *Mistrík J.* K procesu internacionalizácie slovenčiny//Jazykovedný časopis. 1973. Č. 1.
56. *Stoberski Z.* Miedzynarodowa terminologia naukowa. W-wa, 1982.
57. *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966. С. 178.
58. *Дмитриев П. А., Крылова Г. В., Лилич Г. А., Мацюсович Я. В.* Новые явления в языках славянских социалистических стран (к постановке вопроса)//Вестн. ЛГУ. История, язык, литература. № 20. 1979. Вып. 4. С. 63.
59. *Журавлев В. К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
60. *Jiráček J.* K charakteristice internacionalismů v současné ruštině//Československá rusistika. 1969. № 1.
61. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
62. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1968.
63. *Канделаки Т. Л.* Об одном типе словаря международных терминологических элементов//НДВШ. Филол. науки. 1967. № 2.
64. *Юшманов Н. В.* Элементы международной терминологии. Словарь-справочник. М., 1968.
65. *Tvoření slov v češtině.* 2. Odvozování podstatných jmen. Pr., 1967.
66. *Furdík J.* Slvotvorba — hybná sila lexikálnej dynamiky//Obsah a forma v slovnej zásobe. Br., 1984.
67. *Buzássyová K.* Konkurencia slovotvorných typov s formantami -(iz)ácia, -(ova)nie//Slovenská reč. 1983. Č. 5.
68. *Засорина Л. Н.* Об активизации в русском словообразовании производных некоторых интернационализмов//Новые слова и словари новых слов/Отв. ред. Н. З. Котелова. Л., 1978.
69. *Галаванова Г. П.* Словообразовательные модели с авиа-, авто-, аэро-, био- и др. в Словаре русского языка//Современная русская лексикография. 1976. М., 1977.
70. *Buttler D.* Innowacje leksykalne we współczesnej polszczyźnie i w sąsiednich językach słowiańskich//Poradnik językowy. 1984. № 2.
71. *Helcl M.* Hybrydně složené slova jako *elektromotor, autodoprava*//Naše řeč. 1953. Č. 1—2.
72. *Dvonč L.* K hybridním slovam v spisovnej slovenčine//Československý terminologický časopis, 1964.
73. *Mejstřík V.* Tzv. hybridní složeniny a jejich stylová platnost//Naše řeč. 1965. Č. 1.
74. *Martincová O.* Tzv. hybridní složeniny jako lexikální inováce//Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 13. W-wa, 1974.

75. *Szymczak M.* O interferencji językowej w zakresie formantów słowotwórczych//Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językowego. Zesz. 34. W-wa, 1976.

76. *Szymczak M.* O nowym typie prefiksacji rzeczowników i przysłówków w językach słowiańskich//Z polskich studiów slawistycznych, seria V. W-wa, 1978.

77. *Makiková M. O.* Gréko-latinské kvantitatívne morfémy v zložených slovách (na materiáli slovenčiny a ruštiny)//Slavica Slovaca. 1983, Č. 1.

78. *Смирнов Л. Н., Стрекалова З. Н.* К сопоставительному изучению гибридных словосложений в современных славянских литературных языках//Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1986.

79. *Корлэтяну Н. Г.* Молдавский язык сегодня. Кишинев, 1983.

80. *Horecký J.* Spoločnosť a jazyk. Br. 1982.

81. Тезисы Пражского лингвистического кружка//Пражский лингвистический кружок: Сб. статей М., 1967.

82. *Даниленко В. П., Скворцов Л. И.* Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии//ВЯ. 1981. № 1.

83. *Акуленко В. В.* Научно-техническая революция и проблема интернационализации терминологии//Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977.

84. *Дешериев Ю. Д.* Языковые проблемы многонационального советского общества//ВЯ. 1982. № 6.

А. Г. Широкова

Вопросы функциональной стратификации национального чешского языка и некоторые тенденции его развития

Национальный чешский язык на современном этапе его развития характеризуется сложностью своей структуры, специфическим соотношением и неоднородностью форм существования, их иерархической взаимосвязью.

Специфичность языковой ситуации в ЧСР, т.е. на территории распространения собственно чешского языка, выразительно охарактеризована в статье Я. Белича "Давайте бороться за укрепление и распространение разговорной формы литературного чешского языка" /1/. Статья начинается следующими словами: "Иностранец, который изучает чешский язык и который приезжает к нам, обычно бывает очень удивлен тем, что

только незначительное число носителей чешского языка, в том числе и образованных, говорит на том чешском языке, который он изучал по учебникам и словарям и который он знает по прочитанной литературе, и что в повседневном обиходе очень мало людей пользуется литературным языком. Такая ситуация особенно бросается в глаза в Праге и вообще в Чехии, где чаще всего говорят на интердиалекте (*obecná čeština*), который по происхождению является наддиалектным образованием, возникшим в результате нивелировки собственно чешских диалектов...” /1, с. 133/. Эта статья опубликована в журнале “Чешский язык и литература”, предназначенном для учителей-словесников. Симптоматичным является уже само название статьи и призыв Я. Белича к учителям использовать в школе именно разговорную форму литературного чешского языка. Приведенная цитата красноречиво свидетельствует о том, что подобная языковая ситуация не имеет аналогии в других славянских странах.

О необычайной сложности языковой ситуации в ЧСР пишет и Сл. Утешеный, который утверждает, что постичь дифференциацию современного чешского языка с учетом функциональной, социальной и территориальной обусловленности различных форм его существования, отличающихся разнообразием коммуникативных сфер и многочисленными комбинациями стилистического плана, не под силу одному человеку и даже целому рабочему коллективу /2, с. 7/. При этом он отмечает отсутствие необходимого текстового материала, особенно материала по обиходно-разговорной речи, по местным и социальным диалектам (включая сленги). Несмотря на известный пессимизм, Сл. Утешеный считает, однако, задачу описания основных структур функциональной, территориальной и социальной стратификации чешского языка выполнимой.

Из сказанного выше вытекает, что функциональная парадигма национального чешского языка представляет собой комплекс структурных языковых образований или форм существования национального языка, нередко называемых идиомами /3, 25/, которые выделяются на основании территориального, социального и функционального критериев. Территориальный критерий предполагает учет территориального разграничения тех или иных форм существования национального языка, социальный — их связь с разными группами носителей и разными социальными сферами коммуникации, функциональный — роль и значимость в системе языка.

Формы существования чешского национального языка не изолированы; их структуры или элементы этих структур нередко совпадают, сосуществуют, часто пересекаясь и образуя структуру в форме диасистемы.

Двумя полюсами системы национального чешского языка,

составляющими его ядро и периферию, являются литературный чешский язык и территориальные диалекты. Прочие структурные и неструктурные (функциональные) образования занимают промежуточное положение между литературным языком и территориальными диалектами. Это интердиалекты и так называемый повседневный обиходно-разговорный чешский язык (*běžně mluvený jazyk*), о котором речь пойдет ниже.

Литературный чешский язык — это наиболее высокая и развитая форма существования национального чешского языка, которая является средством общения чешской нации во всех областях ее духовной, политической и культурной жизни. Это официальный и административный язык, язык науки, печати, специальной (научной и профессиональной) литературы, средств массовой информации (радио, телевидение) и в значительной степени — язык художественной литературы. Литературный чешский язык полифункционален; он имеет устную и письменную форму, но и ряд специальных функций. Именно литературный чешский язык располагает наиболее развитой и богатой системой средств выражения. Внутренне он глубоко дифференцирован. Поэтому в иерархии форм существования национального чешского языка он является образованием самого высокого уровня, которому, как высшей форме, подчиняются формы более низкие (диалекты, интердиалекты, обиходно-разговорный язык). В настоящее время норма литературного языка не перекрывается с нормой ни одного диалекта и интердиалекта.

В соответствии с важнейшими функциями литературного языка выделяются и его функциональные стили: научный, публицистический, специальный (профессиональный), художественный и разговорный, каждый стиль в зависимости от цели высказывания характеризуется определенным набором языковых средств и способом их организации.

В задачи данной статьи не входит характеристика функциональных стилей литературного языка. Однако при определении сфер использования литературного чешского языка нельзя не принимать во внимание особенности функционирования его разговорной формы (*hovorová čeština*), а точное — разговорного стиля, так как определение его места в системе языка проливает свет на всю языковую ситуацию в ЧСР.

Следует, однако, подчеркнуть, что хотя разговорная форма литературного языка является его важнейшим функциональным ответвлением, она в то же время является наиболее слабым звеном и наименее очерченным языковым образованием, границы которого подвижны, лабильны, не всегда ясны, проницаемы для элементов обиходно-разговорной речи. Поэтому не случайно, что все имеющиеся определения разговорной формы литературного языка довольно расплывчаты и носят

общий характер. Так Б. Гавранек считает ее функциональным стилем литературного языка /4, с. 60—68/, Я. Белич определяет ее как устную разговорную форму литературного языка, которая, с одной стороны, исключает особенности книжного языка, а с другой — не содержит узко диалектных явлений... Она образует переходную ступень между интердиалектом (главным образом, собственно чешским интердиалектом, называемым *obecná čeština*, и официальным литературным языком /5, с. 70/. Б. Трнка квалифицирует ее как "неназойливую правильную речь, которая не должна иметь ни следов книжной, школьной речи, ни следов небрежности и вульгарности" /6, с. 38/.

Более основательно специфику разговорной формы литературного языка описал А. Едличка /7—9/ и некоторые другие лингвисты. Несмотря на определенные расхождения во взглядах на статус и состав разговорной формы литературного языка, преобладающей является точка зрения, согласно которой ее следует квалифицировать как функциональный слой, который характеризует устное общение носителей литературного языка в повседневной жизни, в неофициальной, дружеской, семейной обстановке. Причем при определении ее статуса особо подчеркиваются две важнейшие характеристики: разговорность как составная часть литературности и закрепленность за ограниченным кругом активных носителей чешского языка.

А. Едличка, выявляя набор дифференциальных признаков разговорной формы литературного чешского языка, отмечает следующие: разговорная форма всегда является устной (реже — письменной), употребляется в спонтанных непубличных (реже — публичных) высказываниях, характеризуется отсутствием региональной ограниченности, вариантностью, неполной кодифицированностью, отсутствием единой нормы и ограниченностью ее употребления лицами, активно владеющими литературным языком /9, с. 39/. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо: разговорная форма литературного языка не является средством повседневного общения широких слоев чехоязычного населения, которое в повседневной речевой практике пользуется либо диалектами, либо (чаще) интердиалектами, особенно собственно чешским интердиалектом (*obecná čeština*), а также обиходно-разговорным языком (*běžně mluvený jazyk*), основу которого составляет *obecná čeština*.

С неизбежностью встает вопрос, как возникла подобная языковая ситуация и почему разговорная форма литературного языка не является достоянием широких слоев чехоязычного населения. Причину этого следует искать в истории развития чешского языка, в судьбах чешского народа /10—11/.

Хотя литературный чешский язык сложился на базе среднечешского диалекта, однако с течением времени, по мере его

развития и культивирования, по мере распространения образования и культуры он перестает обнаруживать прямую зависимость от своей диалектной основы. В XV-XVI вв. чешский язык достигает вершины своего развития. В тесной связи с письменной формой литературного языка развивалась и его разговорная форма, более свободная, чем книжно-письменный язык и более близкая к обиходно-разговорному языку, о чем свидетельствует частная корреспонденция того времени, а также не вполне официальные письменные документы. Трагические события 1620 г., результатом которых была потеря чехами национальной самостоятельности, сильная германизация чешского населения (особенно городов), денационализация чешского дворянства и буржуазии, ограничение функций литературного языка и сужение социального состава его носителей — все это привело к тому, что разговорная форма литературного языка начала утрачиваться. Традиция разговорного литературного языка были прерваны. Простой же народ (главным образом сельское население) говорил на диалектах.

В период национального Возрождения (конец XVIII и начало XIX вв.) в основу возрождаемого чешского литературного языка был положен язык произведений XVI — начала XVII в. Вначале этот литературный язык был только письменным. Разговорным языком образованных слоев населения еще долгое время оставался немецкий. В связи с развитием капитализма и миграцией населения в пражском центре и вообще в средней Чехии начинает распространяться интердиалект (*obecná čeština*), зарождение которого относится к более раннему периоду /5/.

Противоречия между литературным языком, который характеризовался наличием книжных, архаических и прочих элементов, далеких от живого разговорного узуса, и народно-разговорной речью было причиной того, что употребление литературного языка в повседневном общении носило отпечаток искусственности, педантизма, а нередко приводило и к комическим эффектам. Указанное противоречие тормозило образование непринужденной разговорной формы литературного чешского языка, которая начала зарождаться, по-видимому, в первой половине XIX в. первоначально в пражском центре в довольно узком кругу чешской интеллигенции. Свое дальнейшее развитие как в XIX, так и в XX в. она получает по мере демократизации литературного языка и расширения его функций /5, с. 59—71/. Однако разрыв между разговорной формой литературного языка (*hovorová čeština*) и народно-разговорной речью (*obecná čeština*) сохранился и по настоящее время. В цитированной выше статье Я. Белича мы читаем: "... для большей части представителей чешской нации литературный язык является повседневным средством коммуникации, как прави-

ло, в высказываниях в лучшем случае официальных (например, при чтении лекций, особенно написанных заранее, а не импровизированных). Напротив, в повседневной, обиходной коммуникации в большей степени, чем у прочих культурных народов, у нас говорят нелитературным языком. Здесь я имею в виду употребление интердиалекта, особенно чешского (obecná čeština), и обиходно-разговорной речи с элементами как литературными, так и нелитературными, которые появляются в тех случаях, где мы вправе ожидать употребления разговорной формы литературного языка (например, в разного рода дискуссиях, в более или менее официальных выступлениях)" /1, с. 436/. Сказанное выше о статусе разговорной формы литературного языка, которая возникла и функционирует в результате существующего по настоящее время противоречия между литературным языком и народно-разговорной речью (resp. интердиалектом), предполагает необходимость рассмотрения условий возникновения и статуса последних, в частности, той специфической формации, которая называется obecná čeština.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению специфики этого интересного языкового образования, его системно-структурной организации и функциональной значимости, следует остановиться на характеристике современного состояния диалектной системы чешского языка, поскольку obecná čeština, как и прочие интердиалекты, возникла на базе диалектов.

На территории распространения национального чешского языка выделяются четыре диалектные группы: 1. собственно-чешские диалекты (среднечешские, юго-западные и северо-восточные); 2. среднечешские (центральные ганацкие); 3. ляхские (на северо-востоке Моравии и Силезии); 4. моравско-словацкие (на востоке Моравии до границ со Словакией).

Основным дифференциальным признаком, по которому традиционно производится членение чешских диалектов, являются количественные различия гласных (долгие, краткие и дифтонги), а также их соотношение в системе того или иного диалекта. Указанные различия покажем лишь на одном примере, который является их постоянной иллюстрацией:

лит. язык: Dej mouku ze mlýna na vozík

собств.-чешск.: Dej mouku ze mlejna na vozejk

ср.-моравск.: Dé móku ze mléna na vozék

ляшские (силезские): Daj múkú ze mlyna na vozík

моравско-словацкие: Daj múku ze mlyna na vozík

Диалекты, являющиеся вторым полюсом языковой системы национального чешского языка, представляют собой языковые образования, которые характеризуют лишь определенные, территориально ограниченные области. Они служат средством коммуникации только части сельского населения, да и

то в области повседневного общения (сфера семейных и отчасти деловых контактов).

Диалект, как и язык — это историческая категория, которая в разные исторические эпохи принимала разные формы. В одни эпохи диалекты являются продуктивной категорией, развивающейся (эпоха феодализма), в другие — угасающей (эпоха капитализма), в третьи — реликтовой (эпоха социализма). В эпоху социализма, в связи с ростом промышленности и городов, в связи с индустриализацией деревни, расширением функций литературного чешского языка, его распространением через школу, печать, средства массовой информации происходит дальнейшая нивелировка диалектов, возрастает роль и значимость интердиалектов, городской речи, обиходно-разговорного языка широких слоев населения.

Работы чешских диалектологов, в частности Я. Хлоупека и Я. Белича /12, 13, 14/, убедительно показали, что развитие диалектов на территории собственно Чехии и Моравии происходило и происходит по-разному. Географическое положение Чехии как исторического центра королевской власти с большой культурной традицией в высшей степени способствовало нивелировке чешских диалектов. На территории Моравии феодализм принес значительную раздробленность, тенденцию к изоляции, к образованию отчетливых диалектных границ, к превращению изоглосс в пучки диалектных различий. И хотя для развития диалектов в настоящее время нет никаких социальных предпосылок, они еще остаются средством частной коммуникации, выражением семейной и дружеской спаянности. Диалекты постепенно умирают, но на разных языковых уровнях неравномерно и с разной степенью интенсивности у разных социальных слоев. Их исчезновение связано с материальной стороной жизни и культурным уровнем их носителей и только опосредованно — с общественным строем /12, с. 13/. В отдельных случаях, по мнению Я. Хлоупека, диалекты и в настоящее время приобретают известную долю общественной престижности — что, с одной стороны, является как бы защитным средством против недооценки диалектов с позиций (языкового) централизма, а с другой — выражением романтического подчеркивания этнического своеобразия, а в ряде случаев и местного патриотизма /12, с. 13/.

В отличие от литературного языка диалектная норма является менее осознанной и обязательной, она не кодифицирована, хотя с большей или меньшей полнотой бывает зафиксирована в монографических описаниях. Традиционная диалектная норма подвергается влиянию более престижного языкового образования национального языка — литературного. Следствием проникновения в диалект новых наименований, имеющих иную фонологическую структуру, является расшатанность

диалектной нормы, первоначально прочной и невариантной. Необходимо принимать во внимание и тот факт, что участие сельского населения в сохранении или изменении тех или иных диалектных особенностей также является неравномерным. Лучше всего сохраняют диалектные особенности те жители сельских местностей, которые не участвуют в миграционных движениях, которые редко покидают село и не приходят в столкновение с носителями других диалектов. Так, наиболее устойчивые, а нередко и архаические диалектные особенности сохраняются у пожилых женщин, ведущих оседлый образ жизни, а также у детей дошкольного возраста.

Диалектные особенности чаще всего теряют те его носители, которые сталкиваются с инодиалектной средой. В этом случае происходит сознательная или неосознанная интерференция и ассимиляция. Интенсивные общественные контакты приводят к языковому выравниванию. Стирание различий между городом и деревней, всеобщее образование, общность жизненных интересов выливается в стремление говорить понятно, близко или одинаково. Результатом этого является исчезновение из диалектного словаря некоторых терминологических наименований и целых тематических областей. В фонологии и морфологии стираются узко локальные особенности; в синтаксисе в результате нивелировки выкристаллизовываются модели разговорного типа. Продуктивное и живое словообразование в диалектах уже не фиксируется.

Все это приводит к унификации диалектов и к развитию интердиалектов, которые возникают в результате интеграционного и нивелирующего развития территориальных диалектов. В процессе этого развития исчезают узорегиональные территориальные особенности, а сохраняются и выкристаллизовываются черты, общие для целых групп близких наречий (диалектов). Так возникают наддиалектные образования — интердиалекты, которые и территориально и функционально имеют более широкую сферу применения /13—14/.

Интердиалект формируется как средство коммуникации прежде всего младшего поколения сельских жителей, жителей мелких городов и предместий, а также жителей крупных городов со значительным числом выходцев из сельской местности (таким Я. Хлоупек считает Брно), работающих в сфере производства или в сфере обслуживания /12, с. 14/. Так как интердиалект вырастает на базе традиционного территориального диалекта, он сохраняет его основные характеристики. Находясь на разных ступенях своего развития, интердиалекты имеют иерархическое устройство. На более низкой ступени развития интердиалект тяготеет к базовому диалекту, на более высокой ступени иерархической организации — к общенародному (resp. обиходно-разговорному) языку.

В рамках национального чешского языка образовались четыре интердиалекта: *Obecná čeština*, *obecná hanačtina* (*obecná moravština*), *obecná laština* и *obecná moravsko-slovenština*. Среди названных интердиалектов наиболее устойчивым, сконсолидированным и выразительным в структурном отношении является *obecná čeština* — интердиалект, возникший в результате процесса интеграции собственно чешских диалектов (прежде всего среднечешских). На этом интердиалекте говорит большое число носителей чешского языка. Он занимает территорию большую, чем все интердиалекты, вместе взятые, проявляет тенденцию к распространению за границы своего первоначального возникновения. Так, с территории собственно Чехии *obecná čeština* проникает в западную Моравию (особенно в города), а также в крупные города на территории средней и восточной Моравии. Особый и достаточно высокий статус собственно чешского интердиалекта определяется также и тем, что географическая область его распространения является одновременно политическим, экономическим и культурным центром ЧСР /15, с. 430/. Укреплению позиций *obecné češtiny* способствовали и исторические условия ее возникновения. После поражения у Белой горы в 1620 г., когда функции литературного чешского были значительно ограничены, основная масса собственно чешского (преимущественно сельского) населения говорила на диалектах или среднечешском интердиалекте, который в то время начинал выполнять интегрирующую и унифицирующую функцию. В конце XVIII и начале XIX в. по мере возрождения и расширения функций литературного чешского языка, т.е. языка старшей поры, архаического и оторванного от народно-разговорного языка, среднечешский интердиалект начал выполнять новую функцию — он стал средством широкой обиходной коммуникации.

Иная ситуация представлена на территории Моравии, где диалекты еще являются живой и употребительной категорией. Интердиалекты (ганацкий, моравско-словацкий и ляшский) значительно отличаются от основного варианта среднечешского интердиалекта (*obecné češtiny*) рядом специфических особенностей. Теория дихотомического и трихотомического членения национальных языков, учитывающих степень поливалентности литературных языков, а также степень сохранения диалектов и существование обиходно-разговорных образований, разработанная Вл. Барнетом /16, с. 28/, хорошо ложится на чешскую языковую ситуацию: дихотомическое членение: литературный язык — обиходно-разговорный язык характеризует собственно чешскую территорию, трихотомическое членение: литературный язык — диалект — интердиалект — территорию распространения моравских говоров. Г. П. Нецдименко считает, что на территории восточной Моравии и Силезии представлена дихотомия:

литературный язык — диалект /25/. Утверждение вполне правдоподобное, хотя и требующее дальнейшего изучения.

Специфичность и сложность языковой ситуации в Чехии не могла остаться незамеченной как чехословацкими исследователями, так и зарубежными лингвистами. Одним из первых на указанное обстоятельство обратил внимание французский славист Марк Вей, который уже в сороковые годы сделал попытку описать морфологический строй разговорного чешского языка /17/. После широкой дискуссии в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, которая прошла на страницах чехословацких и зарубежных журналов /18/, интерес к проблематике обиходно-разговорной речи значительно усилился. Появился ряд работ, посвященных как теоретическим принципам описания обиходно-разговорной речи (К. Гаузенблаз /19—20/, А. Трнкова — П. Сгалл /21/, Фр. Данеш /22/, О. Мюллерова /23/, Г. П. Нешименко), так и их практической реализации: Беднаржова-Кравчишинова /24/.

Были написаны также и обобщающие монографические исследования, в которых ставились вопросы исторической обусловленности развития чешского интердиалекта, рассматривались социолингвистические и психолингвистические факторы, определяющие его функционирование (И. Гронек /14/), решались вопросы соотношения и взаимообусловленности различных форм существования устной разговорной речи (А. Едличка /26/, Белич /27/).

Несмотря на это, среди лингвистов нет единства взглядов на статус, состав и соотношения собственно чешского интердиалекта (obecná čeština) и так называемого обиходно-разговорного языка (běžně mluvený jazyk), который скорее следовало бы назвать обиходно-разговорной речью.

Сложность проведения четкой границы между ними обуславливается также и тем, что стилистическое развитие литературного чешского языка позволило собственно чешскому интердиалекту, находящемуся на более высокой ступени развития, проникнуть в язык художественной литературы, на сцену, а как средству естественного и непринужденного выражения — в беседы деятелей литературы и искусства, проводимые на радио, телевидении и др. Словом, он начал функционировать почти как общенародный обиходно-разговорный язык, вытесняя из ряда позиций литературный язык, интерферируя и конкурируя с его разговорной формой и с другими интердиалектами.

Опираясь на имеющиеся исследования (Б. Гавранека, Я. Белича, Фр. Данеша, П. Сгалла, Я. Хлоупека, К. Гаузенблаза, Сл. Утешеного и др.), а также на многочисленные эксцерпции из произведений современной художественной литературы

(И. Марек, Вл. Пршибский, М. Кубатова и др.), в которых хорошо отражается современная функциональная, социальная и в меньшей степени — территориальная дифференциация чешского языка, мы сделали попытку дать самую общую характеристику высшей ступени обесné češtiny — обиходно-разговорной речи, которая на территории собственно Чехии проявляет экспансию стать устным языком общенародного повседневного общения.

Хорошо осознавая, что речь персонажей художественных произведений не является простым отражением речевой практики, что она может быть стилизованной и видоизмененной, так как письменный способ выражения накладывает определенные ограничения (не всегда можно написать то, что произносится устно), мы тем не менее делаем попытку сравнить данные, полученные в результате изучения функционирования разнородных средств обиходно-разговорного языка в произведениях художественной литературы с теми данными, которые были получены другими исследователями.

Мы учитываем также, что простая регистрация явлений обиходно-разговорной речи, многократно отмечаемых исследователями, мало что добавит к характеристике средств ее выражения, если не принимать во внимание совокупность факторов, определяющих специфичность отдельных высказываний. К их числу относятся как факторы собственно лингвистические, так и экстралингвистические и психолингвистические.

Собственно языковые факторы предопределяются структурной организацией обиходно-разговорной речи, лабильностью границ между нею и литературным языком, устной формой речи, предполагающей непосредственный контакт с адресатом, спонтанность, неподготовленность высказываний, монофункциональность и некодифицированность нормы.

Экстралингвистические факторы, влияющие на способы построения высказываний, предполагают учет различных характеристик адресанта и адресата: пола, места рождения, социального происхождения, рода занятий, возраста, образовательного ценза, степени знакомства говорящих, предмета высказывания и др.

К числу психолингвистических факторов следует отнести активное или пассивное владение литературным языком, обуславливающее большее или меньшее употребление элементов обиходно-разговорной речи в различных типах высказываний, коммуникативное намерение говорящего, его психологический подход к спецификации отдельных средств, степень эмоциональности при восприятии предмета разговора, а также некоторые особенности характера (темперамент, способность адаптироваться в той или иной ситуации) и др.

Все три аспекта тесно связаны с ситуацией высказывания,

которая представляет собой комплексное понятие, включающее в себя социальную, коммуникативную и языковую ситуацию /16, с. 25/.

Для чешского языка сложность и специфичность ситуации высказывания определяется еще и тем, что в высказываниях, характеризующих обиходно-разговорную речь, могут использоваться средства различных языковых образований, в том числе и литературного языка, которые выполняют определенную коммуникативную функцию (это профессионализмы, узко специальная лексика, слова и словосочетания публицистического стиля типа *brigáda socialistické práce* и др.) /19/.

Комбинаторика литературных и нелитературных средств выражения характеризует не только выступления по радио и телевидению (особенно, когда они имеют характер спонтанных разговоров), но и язык персонажей художественных произведений. Авторы художественных произведений часто используют в речи персонажей фонетические и морфологические особенности литературного языка, делая более свободным синтаксис высказываний и включая в них нелитературные лексические средства. Иногда, напротив, основы слов литературного языка комбинируются с нелитературными окончаниями. Однако в большинстве случаев в неофициальном и повседневном общении, в устной коммуникации говорящий, употребляя слова нелитературного языка, придает им также нелитературный фонетический и морфологический облик.

Процесс сближения литературного языка (*resp.* его функционального разговорного стиля) и *obecné češtiny* (как отличного структурного образования) обуславливает возможность стилистического употребления и варьирования в языке художественной литературы всех средств обиходно-разговорного чешского языка.

Язык обиходно-разговорного повседневного общения (*běžně mluvený jazyk*) представляет, таким образом, гибридное функциональное образование, включающее в себя основные характеристики высшей ступени развития *obecné češtiny*, т.е. интердиалекта, проявляющего тенденцию к дальнейшему расширению, но не получившего распространения на всей чехословацкой территории, и взаимодействующего с ним разговорного стиля литературного языка — образования недостаточно устойчивого, которым пользуются в официальном общении лица, активно владеющие литературным языком /16, 19, с. 199/.

К. Гаузеблаз, устанавливая связь между стилями языковых высказываний и членением языка, приходит к заключению, что самой сложной является область разговорного стиля. Его можно определить как комплексный, в котором соединяются стилистические особенности высказываний устных, неподготовленных, диалогических, эмоциональных. Комплексному раз-

говорному стилю противопоставлен книжный стиль, а также стиль собственно письменных высказываний. Однако на практике стили высказываний устных и неподготовленных часто комбинируются с высказываниями письменными и подготовленными /19, с. 193, 193/, образуя целые ступени переходов от одного к другому.

Характеристика языковых стилей неотделима от изучения языковых средств, которые их образуют.

Обратимся к определению специфических особенностей различных уровней обиходно-разговорного чешского языка, т.е. комплексного разговорного стиля или субстандарта /29, с. 97/, /25, с. 67—84/, в котором можно наблюдать многоступенчатый ряд переходных образований.

Фонетические особенности обиходно-разговорного языка.

К числу наиболее выразительных особенностей, отличающих обиходно-разговорный язык от литературного, относятся следующие:

1. В соответствии с *é* (долгим) литературного языка в обиходно-разговорной речи часто появляется *í* как в основах слов, так и во флексиях. Ср.: а) *míko* (лит. *mléko*) 'молоко', *polívka* (лит. *polévka*) 'суп', *líp* (лит. *lépe*) 'лучше', *mín* (лит. *méne*) 'меньше'; б) *starý město* (лит. *staré město*) 'старый город', *dobrý pivo* (лит. *dobré pivo*) 'хорошее пиво', *vod můho tatínka* (лит. *od mého*) 'от своего отца', *z tvýho okna* (лит. *z tvého okna*) 'из твоего окна', *to je zajímavý* (лит. *to je zajímavé*) 'это интересно'.

Указанная выше особенность не касается, однако, слов литературного языка типа *lékař* 'врач', *léto* 'лето', *péro* 'авторучка', *plénium* 'пленум', *slévač* 'литейщик', *montérku* 'спецовка', *téměř* 'почти', *krédo* 'кредо' и др., которые и в обиходно-разговорной речи употребляются в том же звуковом виде, что и в литературном языке. Одни из них — заимствованные слова отвлеченной семантики (*krédo*, *plénium*), другие — официальные литературные наименования (*lékař*, *péro*, *léto*), третьи — распространенные профессиональные названия (*montérku*, *slévač*).

2. Весьма распространенной особенностью обиходно-разговорной речи является наличие дифтонга *ej*, соответствующего литературному *ý* (*ý*), а в некоторых случаях и этимологическому *í* (в позиции после *s*, *z*, *s*, иногда *z*, *s*, *l*). Ср.: *minulej tejden* (лит. *minulý týden*) 'прошлая неделя'; *nemůže to bejt* (лит. *nemůže to být*) 'это не может быть'; *seš hodnej* (лит. *jsi hodný*) 'ты хороший'; *brejle* (лит. *brýle*) 'очки'; *zejtra* (лит. *zítra*) 'завтра'; *sejtít* (лит. *cítit*) 'чувствовать'; *vozejk* (лит. *vozík*) 'повозка'; *posejček* (лит. *posíček*) 'носик' и т.п.

Однако слова абстрактной семантики типа *výbor* 'комитет',

vývoj 'развитие', výsledek 'результат', а также официальные и собственные названия типа Londýn и др. указанным изменениям не подвергаются.

Во всех собственно чешских диалектах и в обиходно-разговорном языке у, а иногда и í подверглись изменению в еј не только в открытых флексиях, но и в закрытых. Ср.: z nějakých důvodů 'по каким-либо соображениям'. Исключение представляет форма твор. п. ед. ч. прилагательных муж. и сред. рода: se svým dobrým kamarádem 'со своим хорошим другом'; Spal tvrdým spánkem 'Он спал крепким сном'.

3. Во всех собственно чешских диалектах (кроме архаических, напр., доудлебских), в чешском интердиалекте и в обиходно-разговорном языке перед начальным -o (а также в середине слов после приставок) развилось протетическое v. Ср.: von vodešel (лит. on odešel) 'он ушел'; vokno 'окно'; vorát (лит. orát) 'пахать'; voves (лит. oves) 'овес'; vomáčka (лит. omáčka) 'соус'; voběd (лит. oběd) 'обед'; dovopravdu (лит. doopravdu) 'на самом деле'.

Однако, как и в приведенных выше случаях, официальные названия, заимствованные слова, а также слова отвлеченной семантики протетического v не имеют. Ср.: otec 'отец', ovoce 'фрукты', opera 'опера', organizace 'организация' и др.

Для моравских диалектов и интердиалектов наличие протетического v вообще не характерно. Его употребление мораване считают вульгарным.

4. В соответствии с литературным ú, находящимся в позиции начала слова, в собственно чешском интердиалекте и в обиходно-разговорной речи представлен дифтонг ou: ouroda (лит. úroda) 'урожай', oudolí (лит. údolí) 'долина', ouhoř (лит. úhoř) 'угорь'.

В литературном языке дифтонг ou в начальной позиции находим лишь в словах пейоративных: ouřad 'учреждение', ouředník 'чиновник', а также в слове ouško 'ушко'. Во всех прочих случаях представлено ú: úkol 'задача', úplně 'вполне', ústav 'институт', účastník 'участник' и др.

5. Весьма характерной особенностью обиходно-разговорной речи, равно как и диалектов, является разнообразное упрощение групп согласных. Ср.: duž (лит. když) 'когда', 'если', dycky (лит. vždycky) 'всегда', dyt' (лит. vždyt') 'ведь', řbitov (лит. hřbitov) 'кладбище', jarko (лит. jablko) 'яблоко', jesi (лит. jestli) 'если', pudu (лит. půjdu) 'я пойду', řemesník (лит. řemeslník) 'ремесленник', šak (лит. však) 'но, однако', řebík (лит. hřebík) 'гвоздь' и др.

Случаи упрощения групп согласных как в середине, так и в начале слов известны и литературному чешскому языку, ср.: jsem [sem], jméno [méno], prázdniny [prázniny], но не в таком объеме.

Следует еще раз подчеркнуть, что указанные выше фонетические особенности обиходно-разговорной речи в различных типах высказываний встречаются непоследовательно. Наряду с указанными выше факторами (экстралингвистическими, психолингвистическими и ситуационными), большую роль играет и формальная иерархия встречаемости различных нелитературных элементов. Так, чешские исследовательницы, К. Кравчишинова и Б. Беднаржова /24, с. 305—321/, обработав магнитофонные записи связной, заранее неподготовленной обиходно-разговорной речи 79 лиц различного возраста, образования, занимаемой должности, проживающих на различной территории Чехии и в различной среде (неофициальные беседы, передаваемые для молодежи, прямые записи повседневных разговоров — всего более 10 000 простых и сложных предложений), установили следующую встречаемость в них наиболее употребительных на фонетическом уровне особенностей обиходно-разговорной речи. Ср. приводимую ниже таблицу 1:

Т а б л и ц а 1

Передачи по радио I			Передачи по радио II			Прямые записи		
порядок следования	%	из общего числа примеров	порядок следования	%	из общего числа примеров	порядок следования	%	из общего числа примеров
-ej	65,22	184	-ix	46,32	95	-ej	95,09	265
-i	60,82	416	-ej	35,75	179	-ix	93,48	46
-ix	52,17	92	-i	33,43	341	-i	86,96	368
vo-	49,36	391	vo-	31,36	338	vo-	80,51	585
-i-	40,00	20	-ej-	31,11	90	-ejx	70,91	55
-ej-	34,57	81	-i-	29,41	17	-ej-	58,49	159
-ejx	33,03	109	-ejx	16,05	81	-i	45,00	20
ou-	3,33	30	ou-	0,00	17	ou-	5,56	18

П р и м е ч а н и е: Позиция -ej, -i — открытый конечный слог, -ejx, -ix — закрытая флексия; -ej-, -i- — основа слова.

Как видно из приведенной таблицы, наиболее частотным является употребление -ej в конечном открытом слоге и -i в закрытой флексии, в то время как употребление -i-, -ej- в основах слов или в закрытом слоге менее частотно. Протетическое *u* употребляется по-разному в речи различных социальных групп. Редким является употребление *ou-* (в начале слов в соответствии с *ú* лит. языка).

Данные, полученные нами в результате обследования детективных рассказов И. Марека "Паноптикум города Праги" (далее — *Mar.*), повести Вл. Пршибского "Знакомство с Элиш-

кой” (далее — Př.) и в повести М. Кубатовой ”Злоключения молодого Вертера” (далее — Kub.), а также произведений некоторых других чешских авторов, в которых хорошо представлены различные языковые, коммуникативные и социальные ситуации, в целом обнаруживают довольно близкую картину частотности появления в языке персонажей фонетических особенностей обиходно-разговорной речи.

Так, например, в рассказах Марека можно выделить несколько групп, различающихся употреблением элементов обиходно-разговорного языка: 1) работники полицейского аппарата (угрозыска): советник Вацатко, инспектор Бружек и др.; 2) ”обычные”, ”средние” люди, выступающие по большей части в качестве свидетелей; 3) деклассированные элементы (представители преступного мира) и др. Встречаемость элементов обиходно-разговорной речи в них распределяется в процентном соотношении примерно следующим образом:

	I группа	II группа	III группа
-ej	47,2%	88,9%	100%
-í	42,5%	76,8%	100%
vo-	13,0%	—	14,3%
-íx	27,0%	42,8%	100%
-ej-	26,0%	62,5%	100%
-í-	19,0%	60,3%	100%
-ejx	8,0%	32,3%	50%

Отличительной особенностью персонажей первой группы является непоследовательное употребление фонетических элементов обиходно-разговорной речи типа: Ср.: инспектор Бружек Hele, to je jasný! To je tedy zajímavé. В речи неактивных носителей литературного языка процентные показатели более высокие, а частотность употребления более устойчивая.

В повести Пршибского ”Знакомство с Элишкой” также довольно отчетливо выделяются три социальные группы, в разной степени использующие элементы обиходно-разговорной речи. Это: 1) тракторист Тонда и его приятели — работники машинно-тракторной станции; 2) Элишка (бухгалтер на этой станции) и ее подруга Эвина и 3) тетя Элишки и ее поклонник-юрист. В речи персонажей первой группы представлены все элементы обиходно-разговорной речи. Речь представителей второй группы характеризуется их непоследовательным употреблением. Тетя Элишки и доктор прав говорят на литературном языке. Ср. некоторые примеры: [Тонда]: Ten pitomej podnik (Př.); Nebejt tý tetičky (Pr.); [о театре]: ... Většinou je to strašná otrava (Pr.); Ten ale vylít z tý silnice (Př.).

Следует отметить, что частотность появления элементов обиходно-разговорной речи в речи молодежи значительно выше, чем в высказываниях персонажей старшего поколения.

Авторы цитированных выше и подобных произведений чутко реагируют также на образовательный ценз героев своих произведений, вкладывая в уста менее образованной и интеллигентной молодежи большее число элементов обиходно-разговорной речи. Так, в повести М. Кубатовой врачи (отец и мать Вацлава Новака-Ома), служащие (отец Эвы), и школьные учителя говорят, как правило, на литературном языке, в то время как школьники (Ом, Кид, Эва и их друзья) часто используют элементы обиходно-разговорной речи.

На 75 страницах текста М. Кубатовой мы проследили употребление $\acute{\text{e}}$ ($\text{<}\acute{\text{e}}$) в разных позициях и установили, что в 85% в речи молодежи наблюдается изменение $\acute{\text{e}} > \acute{\text{i}}$ в абсолютном конце слова, а в окончаниях прилагательных ($-\acute{\text{i}}\text{x}$) и в основах слов — примерно в 80%. В 102 случаях из 111 примеров зафиксировано изменение $\acute{\text{y}} > \text{ej}$ в абсолютном конце слова у прилагательных. Частотность употребления ej в закрытых флексиях намного меньше (70%), а в корнях слов ej находим только в словах частотных и обиходных: bejt 'быть', mejt 'мыть', zejtra 'завтра', tejden 'неделя', tejrat 'мучить'. В употреблении v -протетического в речи персонажей повести наблюдаются значительные колебания: в речи родителей формы без v встречаются реже, чем у их детей-школьников, для которых обычным является произношение voko 'глаз', vostuda 'срам', 'позор', vorice 'обезьяна', vokurky 'огурцы', voravit 'исправить', vobstarat 'устроить', vopsat 'списать', voženit se 'жениться' и др. Однако у представителей всех групп v протетическое последовательно отсутствует у слов литературного языка типа oblast 'область', ovšem 'однако', otázka 'вопрос', ostatně 'впрочем' и др. (из 100 зафиксированных нами случаев употребления слов на o - v -протетическое появляется только в 73 случаях).

Морфологические особенности обиходно-разговорной речи

Число морфологических отличий обиходно-разговорной речи значительно больше, но частотность их появления в языке персонажей по сравнению с фонетическими особенностями ниже. Назовем важнейшие:

1. Употребление окончания $-\text{ma}$ ($-\text{ama}$, $-\text{ema}$) в форме твор. п. мн. ч. у существительных всех родов в соответствии с различными окончаниями литературного языка: za tĕma domama (лит. za domu), se svýma dětma (лит. s dětmi), s ženama (лит. s ženami), za polema (лит. za poli), za staveníma (лит. za staveními) и т.п. Ср.: $\text{A s tĕma cejchama je na komisárství pořád}$ (Mar.); $\text{Co to s rozumnejma lidma udĕlá}$ (Kub).

2. Употребление окончания $-\text{i}$ в форме им. п. мн. ч. в тех случаях, когда в литературном языке употребляется $-\acute{\text{e}}$; lidi (лит. lidé), sousedi (лит. sousedé), hosti (лит. hosté), opčani (лит.

občané) и др.; Ср.: [Тонда] Lidi, jak já byl nervózni! (Pr.); [Ом]: I když u nás nebudou zrovna hosti... (Kub.).

3. Окончание -ách у существительных муж. и сред. рода в основе на -k, -g, -ch: во těch klukách (лит. o těch klucích), во vojákách, v zimníkách. Ср.: [Тонда] Tatínka mě zabili v koncentrákách (Pr.); Tak hledaj v básníkách... (Kuò).

4. В разряде прилагательных следует отметить:

а) отсутствие форм кратких прилагательных и употребление вместо них полных типа: Jsem zdравěj (лит. zdráv). Ср.: [Холден] Ale jinak jsem úplně zdравěj (Sal.).

б) употребление в им. мн. всех родов унифицированного окончания -ý в соответствии с тремя окончаниями литературного языка (-í, -é, -á) типа dobrý kluci, dobrý lavice, dobrý stoly, dobrý auta. Ср.: [Тонда] To jsme si koupili špatný místa (Pr.); Čekal jsem dobrý dvě hodiny (Pr.); Po půlnoci v rádiu bejvaj zábavný melodie (Pr.); ... půdaři jsou slušný lidi (Mar.); Nevidím žádný volný židle (Kub.); ... on si vzpomene, jak to bylo, až znovu uvidíme zamřížovaný okýnka (Mar.).

Б. Беднаржова и К. Кравчишинова, однако, отмечают неравномерность употребления окончания -ý с существительными разных родов. Так, в сочетании с существительными муж. рода прилагательное реже принимает окончание ý (dobrý muži), чем с существительными жен. рода (dobrý lavice), а также с существительными сред. рода (dobrý auta). В последнем случае (сред. род) фиксируются три варианта: ta dobrá auta (лит.), ty dobré auta (лит. разг.) и ty dobrý auta (обиходно-разгов.) /24, с. 313/.

Любопытно отметить, что прилагательные, употребляющиеся в сочетании с существительными, обозначающими технические термины, отвлеченные понятия, официальные названия, выступают в своей литературной форме. Ср.: technická zařízení 'техническое оборудование', lidská práva 'права человека' и др.

5. Значительные отклонения от нормы литературного языка наблюдаются в области глагольного словоизменения и инфинитивов.

1) Наиболее частотным является употребление инфинитивов на -st (pomocť, utéct/utýct, říct), формы 1 л. ед. ч. на -u у глаголов типа pracovat, pít: pracuju, miluju, piju. Ср.: [Тонда]: Já ji hrozně miluju (Pr.); Potřebuju vyměnit olej (Pr.); Moc ti přeju; [Ом]: Když s ní tancuju (Kub.); Musel všechno říct (Pr.); Jak jí pomocť? Nemohla mě utýct (Př.).

Употребление большей части приведенных и подобных форм является уже достоянием разговорной формы литературного чешского языка. Оно кодифицировано и словарями.

2) Менее частотным, но в целом достаточно распространенным является употребление окончания -ou в 3 л. мн. ч. у глаголов типа pít и pracovat: pijou, pracujou (а) (в лит. языке pijí,

pracují), а также употребление в 3 л. мн. ч. наст. времени усеченной формы *dělaj, sázej* от глаголов типа *dělat, sázet* (лит. *dělají, sázejí*). Ср.: а) [Тонда] *Dneska traktoristi pijou (Př.)*; *Voni pořád diskutují (Př.)*; [Вавра, сплавщик леса] *Nic jinýho ty mladý dnes nezasluhujú (Mar.)*;

б) [Тонда] *Lidi nečekaj (Pr.)*; *Voni to neuměj (Př.)*; *Voni dělaj vošklivou práci (Pr.)*; *Ti dva si z nás umlátěj smíchy (Doušek)*.

Интердиалектный характер носит употребление аналогических форм 3 л. мн. ч. у глаголов типа *prosit — prosej(i)* (=лит. *prosi*), появившихся под влиянием глаголов типа *uměti — umějí*. Ср.: [Витя] *Čím dražší jsou boty, tím míň vydržej (Př.)*; *Reklamy nutěj lidi, aby víc kupovali (Př.)*; [Кид] ... *hoši tam seděj u stolu a čekaj na ně (Kub.)*.

3) В шкале частотности элементов обиходно-разговорной речи довольно распространенным является употребление усеченной формы причастия мужского рода на -l (после согласных) типа *nes, řek* и т.п. Ср.: [Тонда] *Von to nemoh (Př.)*; [Элишка] *Jsem hrozně ráda, že jste nepřines žádnou kytku (Pr.)*; [инспектор Бружек] ... *třeba Kuba zmizel z Prahy, když ví, co proved (Mar.)*; [старик] *A já si pořád říkal, že už ženich utek (Mar.)*.

У глаголов с суффиксом инфинитива -nou (типа *tisknout, sednout*) причастие на -l в обиходно-разговорной речи может иметь двоякий звуковой вид: употребляется либо усеченная форма без суффикса -l: *sed* (= лит. *sedl*), *všim si* (=лит. *všiml si*), либо форма с суффиксом -nu: (*sednul, popadnul*). Ср.: [Тонда] *Vít'a mě vodtáh domů (Př.) (odtáhnout)*; *Já si toho taky všim (Př.) (všimnout si)*; *Popadnul ji za ruku (Př.) (popadnout)*.

Даже в выступлении Я. Дрды перед молодежью по радио встречаем усеченную форму *čet*: *Já bych čet* (= лит. *četl*) *jako d'as (Drda)*.

4) Среднее место в шкале частотности элементов обиходно-разговорной речи занимает употребление в 1 л. мн. ч. вспомогательной формы кондиционала *bysme* (*abysme, kdybysme*) в соответствии с литературными формами: *bychom* (*abychom, kdybychom*). Ср.: [старик] ... *abysme vypadali jako mládenci (Př.)*; [Тонда] *Nechci, abysme si vo tom eště mluvili (Př.)*; *Jeli bysme nejraději zeitra (Pr.)*; *A kdybysme věděli, kdo jí to udělal... (Mar.)*

5) Для обиходно-разговорной речи весьма характерным является употребление презентной формы от глагола *být — seš* (= лит. *jsi*) в значении глагола-связки: [Эвина] *Seš u aparátu? (Př.)*; [Тонда] *Ty seš strašně sympatická holka (Pr.)*; *Kde seš? Ты где? (разг.)*; *Tak to seš št'asný člověk (Kub.)*.

Рамки статьи и широта описываемой проблематики не позволяют остановиться на характеристике таких интересных явлений, как словоизменение притяжательных прилагательных типа *bratrův, sestřin*, личных местоимений *já, on*, образование форм императива (*pomoz* и др.), употребление некоторых

форм количественных числительных (do třech, do čtyřech), а также на других весьма показательных характеристиках обиходно-разговорной речи.

В целом же можно сказать, что в морфологии обиходно-разговорной речи шире, чем в литературном языке, действует тенденция к унификации, к обобщению звукового вида основ, к аналогическому выравниванию, к замене менее продуктивных типов склонения и спряжения более продуктивным. В морфологии в большей степени, чем в фонетике, наблюдается взаимное влияние литературного языка и обиходно-разговорной речи.

Синтаксические особенности обиходно-разговорной речи

Синтаксис обиходно-разговорного языка является наименее разработанной областью. Опираясь на выводы, содержащиеся в исследованиях Я. Белича /15/, И. Гронека /14/, К. Гаузенблаза /20/, О. Мюллеровой /23/, Беднаржовой и Кравчишиновой /24/, А. Едлички /9/, и др., а также на собственные наблюдения, можно прийти лишь к некоторым самым общим заключениям, которые требуют дальнейшей проверки на большом фактическом материале.

Наиболее яркой особенностью синтаксиса обиходно-разговорной речи является характер высказываний. В своей теоретически значимой статье, в которой впервые ставятся вопросы методики изучения синтаксиса повседневной, обиходно-разговорной речи, К. Глаузенблаз указывает на следующие ее социолингвистические и психолингвистические характеристики: а) разговорность; б) неподготовленность, спонтанность; в) функция сообщения и общения; г) неофициальный и непубличный характер общения; д) связь с ситуацией высказывания; е) прямой контакт со слушателями; ж) эмоциональность, экспрессивность и др.

К числу интралингвистических характеристик синтаксиса обиходно-разговорной речи можно отнести некоторые особенности структуры предложения:

1. Более простая и свободная структура высказываний типа: *Aby můj syn, teda já, měl aspoň šest jazyků, jak se říká* /24, с. 314/ *To přece – to jsme si tak hráli* (Куз.);

2. Преобладание сочинения над подчинением: *Nemoh jsem tenkrát přijít, to jsem měl chřipku* /24, с. 315/;

3. Широкое употребление простых, часто односоставных предложений, нередко незаконченных. Ср.: *Hrůza! 'Ужас!'; Těch ořechů! 'Ну и орехов!';*

4. Неупотребление некоторых конструкций литературного языка, например, деепричастий, книжных союзов типа *ježto, již, jelikož* и др.;

5. Более частое употребление возвратно-пассивных конструкций (типа *pivo se pije*) в отличие от литературного языка, где довольно распространены формы описательного пассива (типа *bylo vyprodáno*);

6. Система синтаксических средств более проста, чем в литературном чешском языке, что нередко приводит к развитию полифункциональности тех или иных средств выражения.

К числу полифункциональных союзов можно отнести, например, *co (a)*, выступающие на месте относительных союзов *jaký, který*, а также союзы *jak, když, že* и др. Ср.: *Sousedka, co tu včera byla...* 'Соседка, которая (букв. что) вчера была здесь...' /25, с. 59/; *Jak to dědeček řek, bude to pravda (=jestli)*; *Když přijde, budu rád (=Jestli přijde, budu rád)*.

Следует, однако, иметь в виду, что большая часть синтаксических особенностей касается не функциональных различий, а средств их выражения. К их числу можно отнести:

Преимущественное употребление полных форм прилагательных и страдательных причастий в качестве именной части сложного сказуемого. Ср.: [Тонда] *Já nejsem šitej na pitomosti, slečinko (Př.)*; *Ten její spolužák byl vždycky naučenej na samy jedničky (Př.)*; *Vít'a byl ochotnej si popovídat (Př.)*; *Je to dany talentem* (из выступления по радио артистки Любы Германовой); [Бружек] ... *Je jeden propíchnutej (Mar.)*.

Пропуск связки при употреблении форм прошедшего времени в 1 л. ед. и мн. ч. при обязательном употреблении личного местоимения: *Já měl strach (Př.)*; *Já myslel, že ty nepřijdeš (Př.)*; *Krucifix, já měl náladičku*; *Já udělal volovinu (Př.)*; *My nic nevěděli (разг.)*.

Более частое употребление личного местоимения *já* при употреблении презентных форм: *Já to vím, já myslím, že...* Ср.: [Тонда] *Já nejsem na čtení (Př.)*.

Частое употребление указательных местоимений *ten, ta, to* в непрямой, нередко в экспрессивной или анафорической функции. [Витя] *Kluci, ten ale vulýt z tý silnice (Př.)* 'Ребята, ну и следет же он с этого шоссе'; *Vít'a, ten se bude divit /28/*; *Tady máte ten váš časopis* 'Вот вам (этот) ваш журнал' (разг.).

Для обиходно-разговорного языка характерно употребление прономинального субъекта, а также нередко — удвоенное выражение подлежащего. Ср.: *On ti ten namalovaný budík na zakoukání zvoní (Kub.)*; *On ten Mirek není hloupý*; *Oni ti Markovi jsou hodní lidé (разг.)*; *Ona ta fyzika není žádná legrace! (разг.)*. Ср. также употребление формы дат. падежа личного местоимения в экспрессивной функции (нередко в функции частицы): [Ом] *Tam ti mě napadly takový starožitný slova (Kub.)*; *Von ti mi ukázal na plakát (Kub.)*; *A von ti mně začal všechno vyjmenovávat (Kub.)*

Употребление грамматических категорий и их форм во вто-

ричной функции вообще является характерной особенностью живой разговорной, как правило, эмоционально окрашенной речи. Ср., например, употребление инфинитива в функции кондиционала в условных придаточных предложениях: [Тонда] *Bejt tu Vít'a, jeli bysme tam* 'Будь тут Витя, мы бы поехали туда'; [Тонда] *Bejt hudba, mohlo by se klidne tancovat (Pr.)* 'Играй здесь музыка, можно было бы спокойно танцевать'.

Яркой синтаксической особенностью обиходно-разговорной речи является наличие в высказывании добавлений, дополнительное присоединение слов или целых выражений, помещаемых обычно в конце высказывания: *Sakra, přetáhli jsme to hodně — časově /24, с. 305—319/* 'Черт побери, здорово мы затянули это — по времени'.

Наличие анаколуфа, т.е. незаконченность или разрыв правильной формально-синтаксической связи между элементами высказывания, особенно между началом сложного предложения и его концом; соединение членов предложения, не согласованных между собой грамматически. Ср.: *Řada mladých lidí, která... to tak potom na tyhlety tábory jezdili /24, с. 315/*

Обилие вводных слов, междометий, контактоустанавливающей лексики, плеонастических слов, лишенных своей специфической смысловой нагрузки и выступающих лишь в экспрессивной функции, частиц и междометий. Ср.: *No tak, děvče, co je s tebou?* 'Ну так что, девушка, что с тобой?' *Chápeš to, jo?* 'Ты понимаешь это, да?' *To teda sedí, vid' že?* 'Она-то здесь на месте, не так ли?' *No jo! No tak; no a; no a tak; no ne; teda, že jo; možná; abych tak řekl.* Ср.: *No, jak chceš (Kub.); Hele, řekni mi to ještě jednou (Kub.); Jů, to jsou góly (Kub.).*

Из неотмеченных нами синтаксических особенностей обиходно-разговорной речи стоило бы упомянуть о нарушении согласования в роде (*kluk pitomá, chlap líná, děvče zlatá, člověče něšt'astná* и др.), о склонении некоторых разрядов неодушевленных существительных по образцу одушевленных (*najít hříba, koupit buřta, dostat padáka, nasednout na skútra*), о вытеснении в ряде конструкций форм род. и дат. падежей вин. (*natrhal hrušku, učít se češtinu*), о транспозиции времен и наклонений типа *Já to vědět, tak jsem tam šel* (=лит. *Kdybych to věděl, šel bych tam* 'Если бы я это знал, я бы пошел туда'/Знай я это, я бы...'); об употреблении безличных пассивных конструкции типа *Je tu uklíženo* 'Тут убрано'; форм разговорного перфекта типа *Máme zavřáno* 'У нас заперто', *Má to polepený* 'У нее/него поклеено' и др.

В целом же следует отметить, что указанные синтаксические особенности обиходно-разговорного языка касаются не столько различий между ним (*resp. obecnou češtinou*) и литературным языком, сколько различий между построением высказываний устных, разговорных, диалогических, употребляемых в повседневной речи — и высказываний письменных, литературных.

Наиболее яркими особенностями разговорных и неофициальных высказываний являются фонетические и морфологические элементы обиходно-разговорного языка /14, с. 53/. Синтаксические же отличия нередко носят не столько качественный, сколько количественный характер; они чаще встречаются в обиходно-разговорном, чем в литературном языке. Именно поэтому они фиксируются в работах, посвященных синтаксису литературного языка. Они являются неотъемлемой характеристикой и так наз. функционального стиля литературного языка — *hovorové češtiny*.

Особенности обиходно-разговорного языка на лексическом уровне

Изучение единиц лексического уровня всегда сопряжено с большими трудностями, что объясняется открытым и пронизываемым характером словарного состава. В повседневной речи носителями чешского языка могут быть использованы элементы разных форм существования национального чешского языка — от диалектных до литературных. Между лексикой литературного языка и обиходно-разговорной речи нет четких границ. Последняя отличается от литературного языка не всеми пластами лексики, а лишь той его частью, которая отражает прежде всего повседневную жизнь. Кроме того, частое употребление тех или иных слов обиходной речи приводит к тому, что они постепенно проникают в литературный язык, становясь нейтральными средствами его выражения.

Несмотря на лабильность границ между лексикой литературного языка и обиходно-разговорной речи, Я. Беличу удалось установить, что обиходно-разговорный язык отличается от литературного почти 3 500 лексемами и фразеологическими единицами. Он пишет: "Под не вполне литературным и нелитературным словарным запасом... понимается достаточно большая группа выражений, которые или вообще или в каком-либо значении не принадлежат собственно литературному языку, но которые более часто или более редко используются в обиходно-разговорной речи на всей территории" /29, с. 11/. Приведенное определение хотя и дает известное представление о том, что такое "нелитературная" лексика, но не содержит четких критериев выделения этой лексики из общего словарного состава чешского языка.

Тем не менее попытаемся определить некоторые общие особенности, характеризующие лексику обиходно-разговорной речи, указав предварительно на то, что в ее состав входят не только лексические единицы повседневной речи, но также лексемы разговорного стиля литературного языка, сленгов и диалектов.

1. Множество слов, общих для литературного и обиходно-разговорного чешского языка, имеет в последнем иной фонетический облик и тем самым более сниженную социально-языковую характеристику. Ср.:

лит. яз.	обих.-разг.	
přece	přeci	'все-таки': [Тонда]... to přeci musela poznat (Př.)
káva	kafe	'кофе': Dáme si kafe (разг.)
tedy	teda	'итак'; 'значит'; [Тонда] Majngot, mluv teda vážně (Př.)
jindy	jinda	'в другое время' [Тонда] To si povíme někdy jinda (Př.)
vousy	fousy	'борода', 'усы': Nechal si narůst fousy (Čapek)
inženýr	inžinýr	'инженер' To je inžinýr? (разг.)
student	šstudent	'студент'; studovat študovat/študírovat 'учить', 'изучать': [Тонда] Nechala ji vyštudovat (Př.)
sahnout	šáhnout	'дотронуться': [Тонда] Tady si nemůžu šahat (Př.)
vuřt	buřt	'сарделька': [Тонда] Já si poručil buřt (Př.)
jablko	jarpo	'яблоко': Máte ještě jarpa? (разг.)
čtyři	štyru	'четыре': Už jsou čtyru hodiny (разг.)
inspektor	inšpektor	'инспектор': [Куба] Já už vážně nevím, co mám říct, pane inšpektor (Mar.).

В ряде случаев слова литературного языка употребляются в разговорной речи в обрамлении частиц, которые изменяют их звуковой облик и которые являются сигналом их сниженного стилистического статуса. Например, лит. *ted'* и об.-разг. *ted'ka* Ср.: [Тонда] *Ted'ka* vám to povím (Př.); лит. *dnes* и об.-разг. *dneska* 'сегодня': *Dneska* jsem slyšela nejlepší vtip od tebe (Př.); лит. *jinak* — об.-разг. *jináč*: *Von* je každéj *jináč* zbarvenej (Př.).

2. Многим словам литературного чешского языка соответствуют в обиходно-разговорной речи другие слова. Ср.: *dům* — *barák* 'дом', *stále*, *pořád* — *furt* 'постоянно', 'все время', *mnoho* — *moc* 'много': *Bylo tam moc lidí* (Pr.); *dívat se* — *koukat* 'смотреть', *právě* — *akorát* 'именно', 'как раз'; *peníze* — *prachy* 'деньги': *Prej nejsou prachy* (Př.); *hoch* — *kluk* 'парень', *zamilovat se* — *zabouchnout (se)* 'влюбиться': [Тонда] *Jaktěživ do žádnéj nezabouch* (Př.).

3. Отличительной особенностью обиходно-разговорной речи, равно как и сленгов, является употребление большого количества слов иностранного происхождения (особенно немецких), часто экспрессивных и эмоционально окрашенных. Некоторые из этих слов уже проникли и в литературный язык, став стилистически нейтральными. Ср.: *fajfka* 'трубка', *luxovat* 'пылесосить', *gruntovat* 'проводить генеральную уборку', *trefit* 'попасть' и др.

Ряд других слов имеет в литературном языке иные соответ-

ствия. Ср.: лит. puška об.-разг. flinta 'ружье'; лит. továrna об.-разг. fabrika 'фабрика'; лит. auto(mobil) об.-разг. kára 'автомашина'; лит. tvář об.-разг. ksicht 'лицо, рожа': [Тонда] Bál jsem se podívat na svůj ksicht (Pr.); лит. kravata об.-разг. šlajfka 'галстук': [Тонда] To abych si vyžehlil šlajfku (Pr.); лит. řidič об.-разг. šofér 'шофер'; лит. lékař об.-разг. doktor 'врач'; лит. vůz об.-разг. fůra 1. 'телега', 2. 'уйма', 'пропасть': Má fůru peněz (Pr.); лит. schůzka об.-разг. randé 'свидание': Má randé (разг.); лит. pořád об.-разг. furt 'все время': Furt nadává (разг.); лит. zajímat(se) — об.-разг. interesovat(se) интересоваться (ся): [Тонда] Doktoři práv mě málo interesují; (Pr.); лит. byt об.-разг. kvartýr 'квартира'.

4. Обиходно-разговорный язык характеризуется наличием большого количества эмоционально окрашенных слов и словосочетаний, экспрессивных либо по своей семантике, либо по употреблению (адгерентная экспрессивность, привносимая контекстом) /30/.

К первой группе относятся такие слова, как brečet 'речь', kecat 'трепаться, болтать', čapnout 'сцапать, схватить', čmajznout 'стрельнуть, достать', namazat se 'сильно напиться, нализаться', zabouchnout se 'втюриться' (влюбиться), vypadnout (odkud) 'убраться', vykašlat se 'наплевать' и др. Ср.: [Тонда] Ten večer jsem se pořádně namazal, třebaže nemám v lásce vožralý (Př.); Nevím, co mě to čaplo, začal jsem si myslet, že se ten večer něco stane; Musel jsem rychle vypadnout z kancelíku; [Эвина] Ale — kdes ty mentolky čmajzla?; [Тонда] Já se na Vít'ů klidně — úplně klidně vykašlu.

Число подобных примеров можно свободно увеличить.

Ко второй группе относятся слова, экспрессивность и эмоциональная окрашенность которых приобретает в большинстве случаев в контексте, в употреблении. Они употребляются, как правило, в значении усилительных слов. Ср. примеры: [Тонда] Málokdy jdu do divadla, málokdy. Většinou je to strašná otrava (Př.); Dvě noci jsem mizerně spal (Př.); Zapadla jsi do děsně pitomýho podniku (Př.); [Эвина] No, řekla jsem pár extra volovin (Př.); [Эвина] Přišlo mi to nák děsně moc k smíchu (Př.); [Тонда] Mockrát bejvala tehda s Evinou, a já jsem si myslel: "No co, nějaký moc prima kamarádku" (Př.); Sakramenský kluci (Kub); [Эвина] Já mám ted' děsnej hlad (Př.); Tak hledej v básníkách, ty bejvaj senzačně vlasatý (Kub.).

5. Уже из приведенных в п. 4 примеров видно, что в ряде случаев усиление экспрессии достигается семантической транспозицией, употреблением слова в переносном значении. Так, наречие *strašně* 'страшно', 'ужасно' употребляется в значении 'очень' в выражениях типа *Mě strašně mrzí, že...* 'Мне очень (ужасно) неприятно, что...' и т.п.

Для обиходно-разговорной речи характерно употребление слов литературного языка в переносном значении, например:

mlíkař = hlídka SNB 'патруль СНБ', vejška 'каланча', sejša 'пузатый человек'. Особенно распространено метонимическое употребление нарицательных существительных при обозначении человека: buchta (букв. 'пирог') = 'толстый человек', křen ('хрен') 'ядовитый человек', inkoust ('чернила') 'человек с синим лицом', metr ('метр') 'высокий человек' /30, с. 25/.

6. В обиходно-разговорной речи функционирует много жаргонных и сленговых слов. Так, в обследованной нами повести Вл. Пршибского отмечено много профессионализм-жаргонизмов типа: havarka 'авария': Měl havarku; stopka 'стоп-лампа': Nesvíí mě stopka; trakt'ák 'тракторист', štace 'станция', kilák 'километр' и т.п. Сленговые выражения особенно широкое распространение получили в речи школьников и вообще молодежи (см. ниже).

7. Я. Белич /29, с. 30/ и другие исследователи в качестве характерной особенности обиходно-разговорной речи отмечали наличие больших синонимических рядов. Так, для названия неповоротливого, нерасторопного человека существует много наименований: babra, babral, moták, motovidlo, moula, nemotora, nešika, nimra, ňouma, packal, patla, pipla, piplal, и др. Ср.: [Тонда] Nikdy bach neřekí, jakéj jsem ňouma (Pr.) 'Я бы никогда не сказал, какой я растяпа'; Stál jsem u těch dveří, no učiněný nemešlo (Př.) 'Я стоял у дверей как медведь'.

8. В обиходно-разговорной речи гораздо чаще употребляется уменьшительно-оценочная лексика, чем в литературном языке, причем такие образования возможны даже от слов отвлеченной семантики. Так, у Пршибского встретились слова pohodlíčko (от pohodlí) 'удобство, комфорт', rádičko (от rádio) 'радио', kafičko (от kafe) 'кофе', zadarmičko (от zadarmo) 'задаром', pitomeček (от pitomec) 'дурак, болван', blbeček (от blbec) 'идиот', cent'áček (от cent) 'центнер', teplíčko (от teplo) 'тепло', и др. Ср.: [Тонда] Rád zajdu do biografu. Mám tam pohodlíčko, teplíčko a tmu k tomu (Př.); Lidi, já měl náladičku! (Pr.) 'Ну и настроеньице у меня было!'

9. Одной из важнейших особенностей обиходно-разговорной речи является наличие слов-ругательств, вульгаризмов, слов, имеющих негативный и пейоративный характер, например: blb, blbous, pitomec, pitoma, trouba 'идиот'; krucifix, kruci, krucinál, krucihiml, hergot, sakra 'черт побери', 'черт возьми' и др. Ср.: [Витя] Hergot, kde mám tornu? (Př.); [Тонда] Vít'o, hrab se, at' to máme krucinál za sebou; Předně mi uz krucihiral tykej; Tak sakra... vlez mi tam na zada и т.п.

10. Для обиходно-разговорной речи, как уже отмечалось при характеристике синтаксических особенностей, характерным является употребление большого количества вводных слов, междометий, обращений, эмоциональных частиц и вообще слов, лишенных конкретной лексической семантики. Ср.: No jo,

už je to tak (Mar.); No tak, my sme tady (пазг.); Vám to je ale fuk, co?; Нубай одсуд! Корукеј змизет! 'Давай отсюда!' 'Давай, проваливай!' Drž hubu! 'Заткни глотку'; Já jen jako, že starej Spencer byl příšerná figura (Sal.); No, a teď ti povím (Pr.); To je ale mezek! (Mar.) 'Ну и осел же он'.

Лексический состав обиходно-разговорной речи характеризуется не только наличием большого числа средств для выражения экспрессии, образованием неологизмов, употреблением иностранных слов, семантическим словообразованием, употреблением разнообразных фразеологизмов, особенно с глаголом mít (mít strach, smůlu, štěstí, kliku, radost) и глаголом dělat (dělat fofry 'поднимать суматоху'), а также být (je mi fuk, je mi to jedno 'мне все равно', je mi do breku 'мне хоть плачь', je fuč 'его и след простыл'), — но и специфическими способами словообразования, среди которых первое место занимает так называемая универбизация (универбация), сущность которой заключается в возникновении нового однословного наименования на базе двух- или трехсловного наименования, в результате чего снимается противоречие между единством значения и многословностью его выражения /31/. Наиболее продуктивным способом является так наз. деривационная субстантивная универбизация, когда в результате семантической и структурной конденсации на месте словосочетания (чаще всего существительного с определяющим словом) появляется существительное, оформленное при помощи продуктивных для обиходно-разговорного языка суффиксов (-ák, -ka, -ku, -anu, -as, -oun и др.). Ср.: prenární schůze → plenárka 'пленарное заседание', nákladní auto (vlak) → naklad'ák 'грузовой автомобиль' (поезд), panelový dům → panelák 'панельный дом', Václavské náměstí → Václavák 'Вацлавская площадь', Karlovo náměstí → Karlák 'площадь Карла', Tylovo divadlo → Tylák 'театр им. Тыла', Národní divadlo → Národ'ák 'Национальный театр', Příruční slovník → Příručák 'толковый словарь', pracovitý člověk → pracant 'работяга', normální situace (poměry) → normálka, gumové boty → gumovky 'резиновые сапоги', osobní auto → aut'ák 'персональная машина', fotografický přístroj → fot'ák 'фотоаппарат', krutý člověk → krut'ás 'суровый человек', rodičovská schůze 'родительское собрание' → rodičák (Kub.).

Нередко подобные образования производятся по готовым моделям и от слов, не имеющих определений: student → štud'ák, cvičiště → cvičák спортивное поле, kilometr → kilák и др.

Следует еще раз подчеркнуть, что большая часть словарного состава является общей как для разговорного функционального стиля литературного чешского языка, так и для обиходно-разговорного. Граница между ними очень лабильна и подвижна. Кроме того, обиходно-разговорный язык не обладает всем богатством словарного состава литературного языка. В

нем отсутствуют определенные лексические пласты и термины, связанные с передачей абстрактных понятий и представлений, а также с научной и специальной терминологией /32, с. 20/, /33, с. 34/. Влияние литературного чешского языка на обиходно-разговорный здесь сказывается особенно сильно.

Особенностью функциональной парадигмы национального чешского языка является также и то, что так называемые социальные диалекты (профессиональные говоры, жаргоны и сленги) возникают и развиваются на базе не литературного языка, а диалекта или обиходно-разговорной речи /34—36/.

Социальные диалекты — понятие социолингвистическое. Причиной их возникновения является социально-классовая, производственная, профессионально-групповая или возрастная неоднородность общества. От территориальных диалектов они отличаются тем, что их различия касаются не всех языковых уровней (фонетики, морфологии, синтаксиса и др.), а охватывают главным образом факты лексики, фразеологии и отчасти словообразования. Они не представляют собой языковой системы *sui generis*. От своей основы (диалектной, обиходно-разговорной) они отличаются главным образом словарем, который, однако, не является полностью самостоятельным. От диалектного или общенародного словаря они отличаются наличием определенных семантических групп слов. Характеризуя только устную речь, социальные диалекты (профессиональные говоры, аргó и сленги) находятся на положении бесписьменных языковых образований, характеризующихся подвижностью, текучестью и сменностью словарного состава /34/.

По функциональной предназначенности так наз. социальные диалекты в большинстве случаев делят на: а) профессиональные говоры, а точнее — разговорный вариант профессиональной речи; б) жаргоны (арго) и в) сленги.

Профессиональный вариант разговорной речи существует там, где есть разделение труда. Он создается и формируется постепенно, с развитием ремесел, промышленности, профессий, выполнял и выполняет общественно полезную функцию, так как обозначает предметы и явления, не имеющие своего названия в литературном языке. В определенных исторических условиях развития национального языка он обогащает словарь литературного языка за счет пополнения его профессиональной лексикой. В сущности, профессиональный вариант разговорной речи — это профессиональная терминология, которая формировалась и формируется либо на базе территориального диалекта, или на основе обиходно-разговорной речи /36, с. 320/. Профессиональная лексика охватывает лишь определенные сферы словаря. Это прежде всего названия различных разновидностей орудий произ-

водства, названия материалов, вырабатываемой продукции, наименования отдельных трудовых процессов и действий. Его характерной особенностью является большая дифференцированность специальной терминологии, богатая синонимия.

Жаргоны представляют собой такое ответвление обиходно-разговорного языка, которое возникло в результате стремления отдельных социальных групп обособиться в языковом отношении, сделаться непонятными для непосвященных с целью противопоставить свою социальную группировку остальному обществу. Сферу употребления жаргона обычно связывают с деклассированными элементами. Так, например, воровской жаргон имеет свои собственные названия для обозначения денег, кошельков, касс, карманов, замков, характера воровской акции, представителей закона и т.п. /35/.

Сленг — групповой говор, не связанный с какой-либо территорией, но возникший в среде различных групп людей и коллективов, находящихся в сходных профессиональных или бытовых условиях. В чешской лингвистической литературе достаточно хорошо описаны различные типы сленгов: спортсменов, охотников, школьников, студентов, работников искусства (театра и кино), а также профессиональные сленги горняков, ремесленников, строителей, работников текстильной промышленности и др. /см. 37/. Особый интерес представляет сленг учащейся молодежи (школьников и студентов), в основе которого лежит модифицированная повседневная, обиходно-разговорная чешская речь.

Наиболее общие особенности молодежного сленга характерны и для прочих сленгов. Это нелитературность, коммуникативная функциональность, употребление продуктивных моделей при словообразовании, стремление к дифференциации понятий, употребление профессиональной терминологии, выражение экспрессии и того, что вообще характерно для устных разговорных высказываний /37, с. 10/.

Фр. Оберпфальцер причину возникновения и постоянного развития сленга школьной и студенческой молодежи видит в желании отреагировать на культивирование в школе литературного языка /35, с. 340/. Можно указать также и на то, что целью сленга является своеобразное общественное развлечение, желание сделать свою речь непонятной для других. Особенностью сленга является большое количество эмоциональных синонимов, которые имеют особое значение для коммуникации в данном коллективе, и небольшое количество слов, имеющих специальные значения и не имеющих соответствий в общенародном языке.

Особенности лексики учащейся молодежи проявляются в сферах, связанных с их пребыванием и учебой в школах. Они касаются названий хороших и плохих учеников, учебных пред-

метов, школьных зданий, помещений, прозвищ и названий директоров, учителей, различных заданий, экзаменов, видов письменных и устных работ, молодежного юмора, учеников-выскочек и подлиз и пр.

1. Название студента (лит. student) — študák, štud'ák, štud'as; 'прилежный студент' (лит. pilný student) — drčoun, dříč, primus, pilas, pilník, rajšple; 'неуспевающий студент' (лит. neprospívající žák) — kulaf (от koule), pumař (puma); 'ученик-выскочка и подлиза': špt'ák, šprtoun, šplhoun, šplhovec, datel (žák), vyťahovač и др.

2. Названия профессора, учителя (лит. profesor): profík, prfous, profák, prófa;

3. Названия директора школы (лит. ředitel): říd'as, říd'a, říd'ák, řed'ák, řed'ule; řepák, řízek, řepinskej и др. (Žák).

4. Названия классного руководителя (лит. třídní profesor): tříd'a, tříd'as, tříd'ák, tříd'ník.

5. Названия учебных предметов: algebra — géra, géta, alga, gébra 'алгебра'; angličtina — anglina, angina 'английский язык'; dějepis — děják, dějas, dějepusek, dějka 'история'; čeština — čénina, čédina, čenčina, češa, čegra 'чешский язык'.

6. Названия школьных зданий: krabice, bouda, barák, holubník, blbárna, blázinec, flákárna и др.

7. Названия экзаменов и различных заданий: písemná kontrolní práce — písemka, písemec; přepad'ák 'письменная контрольная работа'; závěrečná zkouška — závěrka 'выпускной экзамен'; voráčka 'повторный экзамен'; kompozice — kóna 'сочинение'; svičení — svígro 'упражнение'.

Уже из приведенных примеров видно, что в студенческом и школьном сленге получают актуализированное выражение типичные для обиходно-разговорной речи приемы словообразования и деформации слов: усечение, выпущение и перестановка слогов, обрамление при помощи общенародных или специальных суффиксов, которые соединяются с нетипичными для литературного языка основами. Широкое распространение получили процессы универбизации и декомпозиции. Сущность последнего процесса заключается либо в механическом сокращении слов, либо в редукации некоторых его частей (часто сохраняется только начало слова). Ср.: [Эвина] Máš to bezvá (Př.) (bezvá = bezvadně); To je senzá trenink pro můj krevní tlak (Př.) (senzá = senzací); Tak heled', jsi zvána k nám na sváču (Př.) (sváča = svačina); Na nás to neplá (= neplatí) (пазг.); [Ом] Ta ti zná děják, člověče (Kub.); [Кид] ... totální voráčka z fizule (Kub.) ... je stavěnej na matiku a fyzu (Kub.).

Типичным для сленга является также употребление большого числа фразеологизмов, игра слов, семантическая транспозиция (ср. приводимые выше примеры на обозначение школьных помещений; krabice 'коробка', bouda 'будка', holubník 'голубятня', blázinec 'сумасшедший дом' и т.п.

Даже беглый анализ некоторых лексических и словообразовательных особенностей сленга учащейся молодежи свидетельствует о том, что общественные функции язык выполняет не только при помощи своей литературной формы. В современном обществе коллективы, объединенные общностью профессиональных и некоторых других интересов, широко используют также нелитературные формы, базирующиеся на диалектной или (чаще) интердиалектной основе, пересекающиеся на разных уровнях с обиходно-разговорной речью, широта функциональных границ и престижность которой тем самым значительно возрастает.

Таким, образом, обиходно-разговорная речь, уходящая корнями в чешский интердиалект, в настоящее время по своему статусу является образованием функциональным, которое отличается от литературного языка рядом особенностей, пересекаясь с ним в устных, неофициальных и неподготовленных высказываниях на синтаксическом и лексическом уровнях. В той или иной степени элементы обиходно-разговорной речи на территории собственно Чехии и западной Моравии используются почти всеми носителями чешского языка, причем не только в повседневной речи, но и в ситуациях более или менее официальных. Без знания этой формы существования национального чешского языка невозможен правильный анализ языка художественных произведений, адекватное речевое поведение в различных ситуациях коммуникативного акта, изучение особенностей городского койне /37—39/.

В связи с установлением функциональных границ обиходно-разговорного языка встает вопрос, как определить статус разговорной формы литературного языка (*hovorové češtiny*). Является ли она системным образованием со своими структурными особенностями? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Разговорная форма чешского литературного языка не является особым и самостоятельным структурным образованием, а лишь одним из стилей литературного чешского языка, одной из его функциональных разновидностей. Этот вывод вытекает как из приводимых выше определений ведущих чешских исследователей, так и из анализа ее особенностей.

Хотя разговорная форма чешского литературного языка располагает своим арсеналом разговорных средств, которые употребляют носители литературного языка в дружеской, семейной, неофициальной обстановке, однако средства эти, как будет показано ниже, не имеют характера только ее специфических особенностей.

На фонетическом уровне это непоследовательное произношение *í* на месте прежнего *é* в словах, которые в литературном языке имеют дублиеты: *okýnko* [okínko]/*okénko*, *polívka*/*polévka*

'суп', kolíbat/kolébat 'качать', lítat/létat 'летать и др., а также упрощение групп согласных: prázdniny [prázn'iny] 'каникулы', rozšířit [rošířít] 'распространить', jméno [méno] 'имя'; иное произношение заимствованных слов типа: študent (лит. student), škandál (лит. skandál) /37, с. 57/.

На грамматическом уровне:

1) употребление в 1 л. ед. ч. окончания -u (у глаголов типа psát, kupovat, pít): mažu, píšu, kupuju, slibuju, piju;

2) употребление инфинитивов на -ct: téct, říct, péct;

3) наличие более продуктивного окончания -i в им. п. мн. ч. у существительных, которые в кодифицированном литературном языке оканчиваются на é типа: hosti (лит. hosté) sousedi (лит. sousedé) и др.;

4) довольно частое появление окончания -ma в твор. п. мн. ч.: s téma ženama, půjdu s váma, s dětma;

5) употребление у глаголов, прилагательных и указательных местоимений в им.-вин. п. мн. ч. сред. рода окончаний жен. и муж. рода (неодушевленных) типа: Nenech ty okna otevřená (=кодифиц. лит. ta okna otevřená); Tyto pole byly neobdělání /5/.

6) одна форма личного местоимения mně (от já) в род., дат., вин. и предл. падежах: beze mně, ke mně, na mně, o mně;

7) частое употребление во вторичной функции указательного местоимения ten: Ta naše babička, ta je hodná и некоторых полифункциональных союзов, в частности, со, типа: Sousedka, co včera přišla...

На лексическом и словообразовательном уровнях можно отметить:

1) широкое употребление универбизированных слов типа asfaltka 'асфальтированная дорога', automobilka 'автомобильный завод', věžák 'высотное здание', panelák 'панельный дом', devítiletka 'девятилетняя школа', desítka '(трамвай) № 10'. Следует, однако, заметить, что не все универбизированные слова функционируют в разговорной форме литературного языка. Многие из них являются достоянием только обиходно-разговорной речи (osobák, nákladák, zasedačka и др.).

Лексический пласт разговорной формы литературного языка характеризуется наличием средств выражения эмоций, экспрессии и актуализации. Это экспрессивная лексика типа: fešák 'щеголь', suchar 'сухарь', žrát 'жрать'; обилие уменьшительно-оценочных образований (на -ek, -ík, -eček, -íček), употребление аугментативов на -isko, -an (chlapisko, dlouhan), гипокористических образований от личных имен: Tonda (Antonín), Pepík (Josef), Maruška (Marie), Jarda (Jaroslav), пейоративной лексики типа: chlap, morous и др., ср. /40, с. 15–16/.

Как видно из приведенных и подобных примеров, особенности разговорной формы литературного чешского языка не

носят характера специфических отличий. Как правило, они корреспондируют с особенностями обиходно-разговорной речи, представляя собой разговорный, функционально-стилевой слой литературного языка. В связи с этим еще раз следует подчеркнуть, что на чехоязычной территории активно функционируют два языковых образования (идиома /25/): литературный язык и обиходно-разговорная речь.

Литературный язык, в отличие от обиходно-разговорного, отличается широтой своих функций. Он располагает целыми комплексами средств стилистической маркировки. Это функциональные (стилевые) слои литературного языка, которые образуются средствами, нейтральными в стилистическом отношении, и средствами разговорными. Большая часть языковых средств носит характер нейтральных. Основное противопоставление внутри литературного языка образуется средствами книжными и разговорными.

Книжные средства литературного языка используются в письменных и устных официальных выступлениях на общественно важную тематику. Примером этого на лексическом уровне является употребление таких слов, как *dlít* 'находиться', 'пребывать', *pupí* 'в настоящее время', *spatřít* 'увидеть', *sňatek* 'бракосочетание', *být dalek čeho* 'быть далеким от чего-либо'.

На грамматическом уровне "книжность" обеспечивается благодаря употреблению таких словоформ, как *teoretikové*, *demokraté* (им. мн.), *reku*, *uteku* (1л. ед. ч.), *rekou*, *píší*, *češí*, *paží* (3 л. мн. ч.), употреблением деепричастий, конструкций типа *žádati něčeho*, *učiti se čemu*, союзов *leč*, *nebot'*, *jelikož*, *avšak* и др. /41, с. 49/.

Основной фонд средств литературного языка в его устных и письменных высказываниях образуют средства стилистически нейтральные, которые, однако, при наличии синонимических средств выражения дифференцируются на оси разговорность/книжность.

Сказанное позволяет прийти к выводу о том, что разговорный стиль литературного чешского языка является переходной зоной, связующим звеном между собственно литературным языком и обиходно-разговорной речью. Последняя является живым источником пополнения и демократизации литературного чешского языка. Связь с литературным языком осуществляется посредством его разговорного стиля. Таким образом, все формы существования национального чешского языка взаимосвязаны, проницаемы для элементов других языковых образований, оказывают друг на друга взаимное влияние.

В самом общем виде соотношение структурных форм существования национального чешского языка можно представить в виде схемы (см. схему, /20/ и /41, с. 42/).

книжный слой							литературный чешский язык
нейтральный слой							
разговорный слой							
обиходно-разговорный чешский язык как выс- шая ступень развития собственно-чешского интердиалекта				обиходно-разговорная моравская речь			интердиалекты
				моравские интердиалекты			
юго- запад- ные гово- ры	сред- не- чеш- ские	севе- ро- во- точ- ные	чеш- ско- морав- ские	ганац- кие	морав- ско- сло- вац- кие	ляш- ские (силез- ские)	диалекты

* * *

Характеристика функциональной стратификации национального чешского языка была бы неполной без определения общих закономерностей его развития на современном этапе.

1. Характер развития и взаимодействия славянских языков вообще, и чешского языка в частности, в период строительства социализма определяется прежде всего расширением общественных функций литературных языков. Качественно новые общественные условия, вытекающие из революционных изменений в разных областях: новое политическое и государственное устройство, общественная собственность на средства производства, социалистический характер труда, ликвидация существенных различий между разными социальными группами, между городом и деревней, всеобщее и обязательное образование, широкое сотрудничество в различных областях науки и техники и др. — все это приводит к значительным изменениям в использовании языка, к расширению сфер общественно-языковой практики, к расширению его общественных функций.

При этом важно отметить, что разные аспекты языковой практики получают отражение в текстах, в лексике, в словопотреблении, в образовании общего фонда языковых средств, в развитии терминологических систем, в укреплении сходных тенденций развития в словообразовании, в стилистике, а опосредованно даже в грамматике.

Именно литературный язык прежде всего отражает новые понятия, связанные с социалистической демократией, органами

государственного и политического управления. Ср.: národní výbor 'национальный комитет', národní fronta 'национальный фронт', generální linie strany 'генеральная линия партии', masové organizace 'массовые организации' и т.п.

Новые формы экономической жизни общества находят свое выражение либо в появлении новых слов, либо в семантическом переосмыслении старых слов, в расширении их значения, в их способности выступать в новых словосочетаниях. Так, например, слово brigáda, употреблявшееся ранее в значении военного подразделения, стало употребляться в значении добровольной сельскохозяйственной бригады. Ср.: jet na brigádu 'поехать на с/х работы'. Слово plán получило более расширенное значение в новом словоупотреблении: jednotný plán 'единый план', dlouhodobý plán 'долгосрочный план', nadplán 'сверхплана', překročit plán 'перевыполнить план', vstřícný plán 'встречный план' и т.п. /41, с. 61—68/.

Новое отношение к труду вызывало к жизни такие понятия и слова, как úderník 'ударник', zlepšovatel 'рационализатор', Řád práce 'орден труда', socialistický závazek 'социалистическое обязательство' и др.

В связи с изменившимся социальным положением женщины в социалистическом обществе появились новые наименования женщин по профессии, занимаемой должности, по выполняемым функциям: inženýrka, (женщина) 'инженер', mistryně 'мастер спорта', poslankyně (женщина) 'депутат', ministerská předsedkyně (женщина) 'премьер-министр', jeřábniče 'крановщица' и т.п.

Новыми понятиями обогатилась и культурная жизнь народов. Ср.: laureát státní ceny 'лауреат государственной премии', zasloužilý umělec 'заслуженный деятель искусств', socialistický realismus.

В последнее время особенно обогатился публицистический стиль и профессиональная терминология.

2. Важнейшей чертой развития чешского языка в эпоху построения социализма является его качественно новое по сравнению с предшествующими периодами взаимоотношение с русским языком как интегрирующим языком всей социалистической системы.

Поскольку русский язык в странах-членах СЭВ выполняет интеграционные общественные функции в очень большом масштабе, он не может не влиять на другие славянские языки, особенно на их лексический состав, словоупотребление и даже на изменение их синтаксических структур.

Й. Мистрик в докладе на IX Международном съезде славистов показал /43, с. 73/, что славянские языки сближаются в способах построения текста, в моделировании речевых высказываний. Всестороннее сотрудничество в рамках СЭВ способствует не только сближению терминологических систем, но и

административно-правовых формул, синтаксических конструкций и даже способов словообразования. В качестве примера можно указать на контекстную и синтаксическую структуру телеграмм, официальных и деловых бумаг, на заполнение анкет, оформление титульных листов, отдельных рубрик, на употребление формул обращения, на способы выражения в языках формул приказов, военных присяг. В словообразовании отмечается увеличение числа слов с суф. -ost, образованных от прилагательных и причастий (типа porodnost 'рождаемость', nehodovost 'число дорожных происшествий', nemocnost 'заболеваемость' и т.п.), процесс образования сложно-сокращенных слов, тенденция к увеличению числа гибридных образований с квазипрефиксами интернационального происхождения. Ср.: infrazvuk, ultrazvuk, autoškola, fotopapír, mikrosvět, termobeton, elektroměr /44, с. 319—330/.

В настоящее время взаимодействие русского языка с чешским, как и с другими славянскими языками, представляет собой живой и динамичный процесс. Для многих явлений, характеризующих систему языка, характерно ускоренное развитие, стимулируемое влиянием русского языка. Так, кроме прямых лексических заимствований (типа pětiletka, prověrka, chozrasčot, družba) для чешского языка характерно калькирование 2-словных и многословных наименований типа jednotné zemědělské družstvo 'единый сельскохозяйственный кооператив', hrdina socialistické práce 'герой социалистического труда', zlepšovací návrh 'рационализаторское предложение', mateřská školka 'детский сад', strojní stanice 'машиностроительная станция' и др.

Однако влияние русского языка на чешский касается не только словарного состава, но и грамматического строя чешского языка. Так, в период после 1945 г. в чешском языке (особенно в публицистическом стиле) заметно оживилось употребление деерпичастий и деепричастных конструкций, появились вторичные предлоги v rámci 'в рамках', v procesu 'в процессе', po linii 'по линии', vně 'вне, помимо' /44, с. 125/.

Русский язык нередко выступает в качестве проводника интернациональной терминологии, в качестве языка-посредника (ср. в чешском kombajn, buldozer, novátor, dispečer и др.).

3. К числу общих закономерностей развития чешского языка на современном этапе следует отнести и некоторые внутренние противоречия.

Важнейшим противоречием развития современного чешского языка является противоречие между литературным языком и нелитературными образованиями, которое находит свое выражение:

- а) в исчезновении и нивелировке диалектов;
- б) в возникновении и развитии интердиалектов;

в) в образовании городских койне (городской речи — *městská mluva*), развивающихся вследствие миграции сельского населения в города;

г) в изменении норм обиходно-разговорной речи под влиянием литературного языка;

д) в изменении норм литературного языка под влиянием обиходно-разговорной речи, что получает выражение в широком проникновении в разговорную форму литературного языка народно-разговорных элементов;

е) в значительном пополнении лексики и фразеологии литературного чешского языка лексическими элементами профессиональных стилей и сленгов /44—46/.

Следствием указанных противоречий является качественно новое соотношение литературного и других форм существования национального чешского языка. Следует особо отметить, что динамику развития на современном этапе определяет литературный язык, как основная и высшая форма существования национального чешского языка.

4. Важнейшей тенденцией развития чешского литературного языка является также тенденция к его демократизации и связанное с этим интенсивное развитие разговорных форм (прежде всего интердиалектов, особенно *obecné češtiny* и обиходно-разговорного чешского языка), что оказывает существенное влияние на всю систему литературного языка. Проявлением этой закономерности является действие двух противоположающихся тенденций: тенденции к унификации и тенденции к дифференциации языковых средств /44, с. 323—330/. Унификация языковых средств, как одна из сторон процесса демократизации, наиболее явно проявляется в области грамматики, где в качестве нейтральных начинают выступать формы и конструкции, проникшие в литературный чешский язык из повседневной обиходно-разговорной речи (*resp.* интердиалекта). В качестве примера можно привести некоторые глагольные формы, которые претерпели существенные изменения и которые нами извлекались из различных кодифицированных пособий (грамматик, словарей и орфографических правил).

Так, нами была обследована Грамматика Я. Гебауэра 1894 г. (далее *Geb.*), "Правила чешского правописания" 1902 г. (*Pravidla 1902*), "Грамматика чешского языка Гебауэра-Эртля" 1926 г., "Настольный словарь чешского языка" (*PSJČ*) 1935—1957 г., "Правила чешского правописания" 1941/46 г. (*Pravidla 1941/46*); "Правила чешского правописания" 1958 г. (*Pravidla 1958*); "Словарь чешского языка для школы и общественности" (*SČŠV*) 1978 и произведено сравнение кодифицированных форм инфинитива (на *-ti/t*, *-ci/ct*), презентных форм глагола типа *třítí*, *pécí*, *mazati*, *tepati*, *supati*, *trestati* и императивных форм от глаголов типа *pécí*, *bráti*. Таким образом, был обследо-

дован материал более чем за 80 лет. Результаты сравнения указанных выше пособий, касающихся звукового вида отдельных глагольных форм, приведен в табл. 2.

Из приведенной таблицы видно, что динамика языкового развития определяется проникновением в литературный язык и закреплением кодификацией форм, которые в конце XIX в. и в первой половине XX в. (до 40-х годов) считались народными, ошибочными и нелитературными. В своей теоретически значимой статье "Принципы Пражского лингвистического кружка и грамматическая кодификация литературного чешского языка" /55/ Б. Гавранек убедительно показал, в каком вопиющем противоречии находились языковая теория и языковая практика в конце XIX и в начале XX в. Постепенно это противоречие снималось путем кодификации форм, которые были общепотребительными, но которые на протяжении длительного периода считались нелитературными.

В области морфологии чешского литературного языка тенденция к унификации, как одна из сторон широкого процесса демократизации, получает выражение в выравнивании звукового вида основ форм одного и того же слова (например, řeči как řečeš, řeče; tří как třeš, tře; bereš как беру), в сближении отдельных типов спряжения (píšu, mažu как nesu, vedu), в переходе непродуктивных типов спряжения к продуктивным (třešci → třeštám, šepci → šeptám). Тенденция к унификации нередко приводит к дифференциации языковых средств (ср.: češu vlasu, но česam jablka 'Я причёсываю волосы', но 'Я собираю яблоки').

Дифференциация различных средств литературного чешского языка в зависимости от их функциональной значимости нередко приводит к стилистической дифференциации дублетных форм в рамках одной грамматической категории. Так, в современном чешском языке формы reku, (u)teku, rekou, res, (u)tec! и др. уже перешли в книжный слой языка, в то время как ранее стилистически маркированные (разговорные) формы типа řeči, (u)teči, řeč, (u)teč и др. стали стилистически нейтральными.

Фр. Цуржин и Й. Новотны /47/ в склонении имен существительных также выявили некоторые общие тенденции развития, которое характеризуется определенным упрощением системы, аналогическим выравниванием типов склонения, ослаблением и даже исчезновением некоторых периферийных типов склонения (напр., kámen, loket и др.).

Таким образом, развитие современного чешского языка характеризуется тесной связью с развитием обиходно-разговорной речи. Внутреннее противоречие между ними выливается в процесс, который связан с широким проникновением в литературный язык элементов обиходно-разговорной речи, т. е. в

Таблица 2

Формы	Я. Гебауэр 1894	Правила 1902	Гебауэр- Эрль 1926	PSIČ 1935-1957	Правила 1941/46	Правила 1958	СČSV 1978
инфинитив	-ti (dělati)	-ti (dělati)	-ti/-t (ob.)	-ti (dělati)	-ti/-t dělati/dělat	-t dělat	-t (dělat)
инфинитив	-cí (péci) -ct (péct) ob.*	-cí (péci)	-cí (řici) -ct (ob.*)	-cí (řici) péci	-cí (řici) (péci)	-cí/-ct řici/řict	-cí/-ct řici/řict péci/péct
наст. время I л. ед. ч. от třítí 3 л. мн. ч.	tru	tru	tru/třu	tru/třu	třu*	třu	třu
наст. время I л. ед. ч. от péct 3 л. мн. ч.	peku (peču*) pekou (pečou*)	peku pekou	peku pekou	peku pekou	peku pekou	peku/peču pekou/pečou	peču pečou
наст. время I л. ед. ч. от mazat kouzlat 3 л. мн. ч.	maži/-u kouši maži/-ou	maži kouši maži	maži maži	maži maži	maži/mažu kouši/-sám maži/mažou	maži/-u koušu/kousám maži/-ou koušou/kousají	maži/mažu koušu/kousám maži/mažou koušou/kousají
наст. время от trestat I л. ед. ч. от šeptat	tresci	tresci	tresci/-tám	trestám	trestám	trestám	trestám
повел. накл. от péci/péct (ob.*)	peci/peč (ob.*)	šepci peci	šepci/-tám peci!	šeptám peci!	šeptám peci!	šeptám peci/peci!	šeptám peci/peci!
повел. накл. от глагола bráti	beři/ber** (ошибочно)	beři! ber!	beři! ber!	ber/ber!	ber!	ber!	ber!

При мечании. В грамматике Я. Гебауэра 1894 г. знак * означает употребление формы только в народном языке, знак ** указывает на ошибочное употребление.

процесс интенсивной демократизации литературного чешского языка.

5. Одной из важнейших тенденций развития чешского литературного языка, равно как и других славянских языков, на современном этапе является его интернационализация и интеллектуализация, служащая не только целям пополнения словарного состава, но и целям дифференциации и специализации языковых средств.

Проблематика интернационализации славянских языков получила убедительное статистическое обоснование в докладе Й. Мистрика /43/ на IX Международном съезде славистов, который доказал, что процесс интернационализации является настолько широким, что в каждом славянском языке насчитывается около 10 тысяч существительных с интернациональными суффиксами *-ce/-cia*, *-ismus/-изм* (типа чешских *revoluce, tendence, dezinformace, komunismus, socialismus, realismus* и др.). Аналогичная картина представлена и в области глагольного словообразования (много глаголов на *-ovat, -izovat, -irovat* типа *dezinformovat, ironizovat* и др.).

В чешском языке увеличивается число словообразовательных моделей с заимствованными элементами, число гибридных слов, образованных при помощи квазипрефиксов иностранного происхождения (с *ultra-, mikro-, termo-, gramo-, foto-, auto-, elektro-* и др.) /44 — 47/.

Интернационализация характерна прежде всего для научного и публицистического стилей. При этом важно подчеркнуть, что она отражает процесс не простой флуктуации слов, но их стилистическое переосмысление.

Тенденция к интеллектуализации получает выражение не только в количественном росте, но и в терминологизации словарного состава языка, в появлении новых многословных наименований, мультивербизованных словосочетаний, в способах образования новых слов.

Стремление языка находиться в соответствии с возрастающими потребностями технизации и профессионализации тесно связано со специализацией языковых средств, следствием чего является создание особых средств выражения для более специальных участков человеческой деятельности. Со специализацией связано значительное влияние профессиональных стилей и сленгов на литературные способы выражения.

6. Для чешского языка, как и для других славянских языков, в послевоенный период характерным является и процесс стихийного выхода ряда слов из активного употребления, что было обусловлено исчезновением из общественной жизни или коренным преобразованием социально-экономических условий и отношений, а также общественно-политических организаций и институций, которые были обычными в довоенный период.

Так, на протяжении послевоенного периода подверглись вытеснению из активного употребления такие слова, как *milostpán* 'милостивый государь', *chleboďárce* 'работодатель', *almužna* 'милостыня', *čeled'* 'прислуга', *velkostatkář* 'крупный землевладелец', *fabrikant* 'фабрикант', *nejtman* 'уездный начальник' и др. /42/.

7. Развитие современного чешского языка характеризуется еще одной общей закономерностью: диалектическим противоречием самой языковой системы — стремлением, с одной стороны, сохранить стабильность языка, а с другой — необходимостью изменения в нем, т. е. противоречием устойчивость/развитие.

Следует, однако, принимать во внимание, что сложность внутреннего развития чешского языка (особенно в период после 1945 г.) определяется не прямолинейным развитием выше-названных тенденций. Она определяется одновременным действием ряда противоборствующих тенденций (унификация/дифференциация, интеллектуализация/демократизация, устойчивость/развитие и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bělič J.* Bojujeme za upevňování a šíření hovorové češtiny// *Český jazyk a literatura*. 1959. R.9. Č.10.
2. *Utěšený Sl.* K rozrůznění českého národního jazyka// *Slovo a slovesnost* (далее SaS). 1980. С.1.
3. *Брозович Р.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод// ВЯ. 1967. С.4. Он же: *Standartni jezik*. Zagreb, 1970. S.10.
4. *Havránek B.* K funkčnímu rozvrstvení spisovného jazyka.// *Studie o spisovném jazyce*. Pr., 1963.
5. *Bělič J.* Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné // *Československé přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě*. Pr., 1958. S. 59—71.
6. *Trnka B.* Recenze na *Trávníčkovu stat'* o jazykové správnosti// SaS. R.9. S.38.
7. *Jedlička A., Formánková V., Rejmánková M.* Základy české stylistiky. Pr., 1970. S.29—36.
8. *Jedlička A.* Problematika mluveného jazyka v poměru k jazyku psanému// *Говорните форми и словенските литературни јазици*. Скопје, 1973. С.69—79.
9. *Jedlička A.* Spisovný jazyk v současné komunikaci. Pr., 1974, 2-е изд. 1978.
10. *Широкова А.Г., Нецименко Г. П.* Становление литературного языка чешской нации// *Национальное возрождение и*

формирование славянских литературных языков. М., 1978. С.9—85.

11. *Heštimenka G. P., Štirokova A. G.* Особенности формирования литературного языка чешской нации в эпоху национального возрождения // Формирование наций в центральной и юго-восточной Европе. М., 1981. С.179—196.

12. *Chloupek J.* Aspekty dialektu. Erno, 1971.

13. *Bělič J.* Poznámky o mizení nářečí// Sedm kapitol o češtině. Pr., 1955. S.87—99.

14. *Hronek J.* Obecná čeština. Pr., 1972. S.91—97.

15. *Bělič J.* K otázce obecné češtiny// Studie ze slovanské jazykovědy. Pr., 1958. S.429—433.

16. *Barnet V.* Diferenciace národního jazyka a sociální komunikace// Говорните форми и словенските литературни јазици. Скопје, 1973. С.21—30.

17. *Vey M.* Morphologie dy tchèque parlé. P., 1946.

18. Slovo a slovesnost. 1961. Č. 1—4; 1962. Č. 1—4.

19. *Hausenblas K.* Styly jazykových projevů a rozvrstvení jazyka. SaS. R.23. 1964. S.194.

20. *Hausenblas K.* O studiu syntaxe běžně mluvených projevů// Otázky slovanské syntaxe II. Pr., 1962. S.313—323.

21. *Trnková A.* Sgall P. K metodám zkoumání běžně mluvených projevů// Naše řeč. 1963. R.46. S.28—35.

22. *Daneš Fr.* Kultura mluvených projevů// Naše řeč. R. 52. 1969. S.95—109.

23. *Mullerová O.* K syntaxi nepřipravených souvislých mluvených projevů// SaS. 1966. R.27. S.118—126.

24. *Kravčičinová K.* Bednářová E. Z výzkumu běžně mluvené češtiny// Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia, X, 1968. S.305—320.

25. *Heštimenka G. P.* Функциональное членение чешского языка//Функциональная стратификация языка. М., 1985. С. 67—84.

26. *Jdlička A.* Problematika mluveného jazyka v poměru k jazyku psanému// Говорните форми и словенските литературни јазици. Скопје, 1973. С.69—79.

27. *Bělič J.* Současná vývojová dynamika uvnitř českého jazykového celku// Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu. Lingvistika. Pr., 1978. S.15—25.

28. *Адамец П.* Функции указательных местоимений в чешском языке в сравнении с русским//Сопоставительное изучение русского языка с чешским и с другими славянскими языками. Ред. А. Г. Широкова, Вл. Грабье. М., 1983. С. 173-191.

29. *Bělič J.* Celonárodní slovní zásoba nepleně spisovna a nespisovná// SaS. 1964. R.25. S.11—25.

30. *Zima J.* Expresivita slova v současné češtině. Pr., 1961.

31. *Helcl M.* Univerbizace a její podíl při růstu dnešní slovní zásoby// SaS. 1963. R. 24., S.29—37.

32. *Havránek B.* Vliv funkce spisovného jazyka na fonologickou a morfológickou strukturu spisovné češtiny// Studie o spisovném jazyce. Pr., 1963. S.20.
33. *Daneš Fr., Sgall P.* Cesty moderní jazykovědy. Pr., 1972.
34. *Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л. 1936.
35. *Oberpfalzer Fr.* Argo a slangy// Československá vlastivěda. Pr., 1934. Sv. III. S.311—375.
36. *Křístek V.* Poznámky k problematice argotu a slangu// SaS. 1973. R.34. S.98—103.
37. *Hubáček J.* O českých slanzích. Ostrava, 1979.
38. *Bělič J.* Ke zkoumání městské mluvy// Acta Universitatis Carolinae, Slavica Pragensia. IV. Pr., 1962. S.574—584.
39. *Brabcová R.* Městská mluva v Brandýse nad Labem, Pr., 1973.
40. *Dejmek. B.* Běžně mluvený jazyk (městská mluva) města Přelouče. Hradec Králové, 1973.
41. *Hrbáček J.* Úvod do českého jazyka. Pr., 1984. S.42.
42. *Дмитриев П. А., Крылова Г. В., Лулич Г. А., Мацюсович Я. В.* Новые явления в языках славянских социалистических стран// Вестн. МГУ. 1979. №20. Вып.4.
43. *Mistrík J.* Konvergentné a divergentné tendencie vo vývine moderných slovanských jazykov// Československá slavistika. Pr., 1983. S.71—74.
44. *Daneš Fr.* Vývoj češtiny v období socialismu// Problémy marxistické jazykovědy. Pr., 1962. S.319—330.
45. *Daneš Fr.* Dialektické tendence ve vývoji spisovných jazyků// Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze. Pr., 1968. S.119—128.
46. *Dokulil M.* Nová skutečnost v zrcadle slovní zásoby češtiny// Naše řeč. 1951/52. R.35. S.10 a další.
47. *Cuřín Fr., Novotný J.* Vývojové tendence současné spisovné češtiny a kultura jazyka. Pr., 1981. S.10—16.
48. *Gebauer J.* Mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelké. Vídeň, 1894.
49. Pravidla hledící k českému pravopisu. Pr., 1902.
50. *Gebauer J., Ertl V.* Mluvnice česká Pr., 1926.
51. Pravidla českého pravopisu. Pr., 1941/1946.
52. Příruční slovník jazyka českého. Pr., 1935-1957. (далее PSJČ)
53. Pravidla českého pravopisu. Pr., 1958.
54. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Pr., 1978. (далее СČSV).
55. *Havránek B.* Zásady pražského lingvistického kroužku a nová kodifikace spisovné češtiny// Studie o spisovném jazyce. Pr., 1963. S.133—144.
56. *Havránek B.* Mluvnická kodifikace spisovné češtiny// Studie o spisovném jazyce. Pr., 1963. S.119—124.

57. *Martincová O.* Problematika neologismu v současné češtině. Pr., 1983. S.117—130.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

Mar. — *Marek Jiří.* Panoptikum města pražského. Pr., 1979.

Př. — *Příbský Vladimír.* Známost s Eliškou. Pr., 1976.

Kub. — *Kubatová Marie.* Průšvihy mladého Werthera. Pr., 1975.

Doušek — *Doušek Vladimír.* Tuláci. Pr., 1983.

Šal. — *Salinger J.* Kdo chytá v žitě. Pr., 1959.

Čapek — *Čapek Karel.* Povídky z jedné a druhé kapsy. Pr., 1985.

М. И. Ермакова

Особенности функционирования современных серболужицких литературных языков

Своеобразие в функционировании серболужицких литературных языков на современном этапе уходит своими корнями в эпоху формирования серболужицкой народности. Язык и письменность серболужицких сербов развивались в специфических исторических условиях, которые явились результатом действия ряда факторов политического и социально-экономического характера, определявших историю Лужицы на протяжении тысячи лет (конец X — середина XX в.).

С древнейших времен судьба серболужицкой народности оказалась тесно связанной с историей Германии. Лишенная своей государственности серболужицкая народность не сложилась в нацию. На протяжении всей истории серболужичан велась борьба за сохранение родного языка и традиций народной культуры в рамках чужого государства, в условиях постоянного социального и национального угнетения со стороны правящих классов этого государства, непрерывных попыток германизации.

Одну из важнейших особенностей истории серболужицкого языка составляет изначальная разобщенность двух основных серболужицких наречий — верхне- и нижнелужицкого. Между территориями расселения мильчан (центр — Будышин) и лужичан (центр — окрестности Кочебуза и верхнего Шпревальда), которые к XI в. представляли крупнейшие племена или племенные объединения предков теперешних серболужичан, пролегал пояс дремучих лесов и болот, так называемая Лужицкая голя. В результате длительных, многовековых кон-

тактов, в ходе внутренней колонизации первоначальная разобщенность двух основных диалектных комплексов была преодолена. В итоге могла возникнуть языковая интеграция как основа формирования "общей базы развития"¹, т.е. общих тенденций эволюции отдельных языковых явлений (форм, категорий и т.д.) в пределах всей серболужицкой языковой территории. Признание или отрицание существования "общей базы развития" во многом связано с признанием или отрицанием существования единого серболужицкого языка с достаточно сильной диалектной дифференциацией.

Статус языковых идиомов, распространенных на территориях Верхней и Нижней Лужицы, в истории сорабистики определялся и определяется по-разному². Большинство современных серболужицких лингвистов положительно решает вопрос о единстве серболужицкого языка³. Согласно другой точке зрения, существуют два самостоятельных серболужицких языка — верхне- и нижнелужицкий, представленные рядом диалектов⁴. При этом приходится признать существование двух особых серболужицких народностей как этнически различных носителей двух языков. В ряду доказательств той или иной точки зрения большое значение приобретает исследование целого комплекса экстралингвистических факторов, в том числе данных материальной и духовной культуры серболужичан, которые до сих пор использовались недостаточно.

По-разному в лингвистической литературе характеризуются результаты языковых контактов, представленные в говорах так называемой переходной зоны, границы между верхне- и нижнелужицкими диалектами. Однако наличие широкого пояса переходных говоров, в системах которых переплетены верхне- и нижнелужицкие элементы⁵, не снимает необходи-

¹ Понятие "общей базы развития" обосновывается в статье Г. Фасске /1/.

² См. обзор точек зрения по этому вопросу в работах Р. Летча /2; 3; 4/.

³ Это проявляется в последовательном употреблении термина "серболужицкий язык" и в попытках объяснить судьбу ряда языковых явлений на основе общих тенденций развития, характеризующих серболужицкую языковую территорию в целом (см. работы Г. Фасске по серболужицкой диалектной морфологии /5; 1/).

⁴ Эта точка зрения в настоящее время защищается Г. Шустером-Швецем (см., например, /6/).

⁵ Сложность генетических отношений между серболужицкими диалектами подтверждается данными диалектной морфологии (см., например, /1; 7; 8/ и особенно материал 11 тома Серболужицкого лингвистического атласа /9/). Они доказывают, что граница между собственно верхнелужицкими и собственно нижнелужицкими диалектами не является резкой и однозначной. Большинство переходных говоров, в фонетике которых пре-

мости решить проблему объединения родственных диалектов в рамках одного языка.

Развитие контактов с носителями немецкого языка в условиях немецкого государства привело серболужичан к усвоению немецкого языка и постепенному формированию двуязычия. Переход к двуязычию в отдельных районах серболужицкой языковой территории совершался в разное время в течение длительного периода. В настоящее время серболужичане являются единственным славянским народом, для которого характерно состояние "полного коллективного двуязычия" /10, с.57/; фактически все носители серболужицкого языка владеют немецким языком. Такой степени двуязычия достигло только в первой половине XX в. Современная языковая ситуация конкретного серболужицкого говора в условиях живого общения его носителей дает возможность для наблюдений над коллективным двуязычием, а также для исследований некоторых вопросов немецко-славянской интерференции, в частности на грамматическом уровне.

В период, предшествующий Реформации, серболужицкий язык, так называемый *Volkssprache* "народный язык", использовался, как правило, в устной форме; он был представлен рядом диалектов. Начало функционирования серболужицкого языка в письменной форме относится к XVI в., периоду Реформации. В это время появляются первые письменные редакции серболужицких богослужебных книг, применяемые в пределах отдельных церковных приходов.

Деятельность государственной власти, направленная на искоренение серболужицкого языка и культуры, была постоянным фактором в истории серболужицкого народа. Это не могло не влиять на условия формирования и развития серболужицкой письменности, а затем и литературного языка. Конкретное осуществление политики германизации было непосредственно связано с экономическим и политическим значением определенной части серболужицкой языковой территории и политической ситуацией данного момента (см. /11/). Так, в маркграфстве Верхняя Лужица при наличии конфессионального раскола серболужицкого населения политика искоренения серболужицкого языка в XVI-XVIII вв. не проводилась так последовательно, как в маркграфстве Нижняя Лужица (см. /12, с.145/).

Специфические исторические условия развития серболужицкого языка, отношение к нему властей во многом обусло-

обладают верхнелужицкие признаки, в морфологическом отношении ближе к нижнелужицким диалектам. Некоторые черты этих говоров не наблюдаются больше ни в одном другом собственно верхне- или нижнелужицком диалекте.

вили особенности развития серболужицкой письменности, сам факт позднего ее появления и, следовательно, отсутствие в ней длительных традиций, однообразный жанровый характер произведений письменности на протяжении длительного периода времени.

Уже в связи с памятниками XVI в. можно говорить о раздельном существовании верхне- и нижнелужицкой письменности /13, с.137/.

Процесс формирования серболужицкой письменности был сложным и противоречивым. При объяснении своеобразия развития серболужицкой письменности, литературных языков следует учитывать различные группы причин — языковых, политических, социальных. Появление верхнелужицкой письменности, представленной двумя вариантами — протестантским и католическим, и нижнелужицкой письменности было обусловлено диалектной разобщенностью, административной разьединенностью территорий, на которых был распространен серболужицкий язык, мерами властей, осуществлявших определенную политику, церковным расколом (большую часть серболужицкого населения составляли протестанты, меньшую — католики). Образование двух серболужицких литературных узусов исследователи относят к первым десятилетиям XVIII в. /14, с.25/. Нижнелужицкий сформировался на базе коттбусского диалекта и употреблялся серболужичанами Нижней Лужицы, принадлежавшей по решению Венского конгресса правительственному округу Франкфурт прусской провинции Бранденбург. Верхнелужицкий сложился на базе бауценского диалекта и был распространен в саксонской части Верхней Лужицы, возникшей после Венского конгресса 1815 г. (позднее округ Бауцен), а также в районах прусского правительственного округа Лигниц провинции Силезия. Сферы применения того и другого были очень ограничены. Переводами церковной литературы пользовались в церковной жизни, в процессе школьного обучения, в домашнем обиходе (для поучений и наставлений). Письменные формы серболужицкого языка с их ограниченной сферой распространения при неразвитости светской литературы постепенно обособляются от живого разговорного языка серболужичан. Письменный язык приобретает черты известного консерватизма и противостоит устному народному языку. Важное значение на серболужицкой территории получает такой факт, как использование немецкого письменного языка, немецкого литературного языка во всем, что выходило за рамки домашнего быта, церковного богослужения.

Относительно более благоприятные условия для развития серболужицкого языка, его литературных и разговорных форм складывались в саксонских районах Верхней Лужицы, где

в силу ряда политических причин политика германизации в XIX в. не осуществлялась так откровенно и последовательно, как в прусских частях Лужицы. Но и здесь литературный язык использовался почти исключительно в области литературы, прессы и в незначительной степени в науке. Овладение этим языком возможно было лишь путем усвоения литературных произведений. Как активное коммуникативное средство он был привилегией сравнительно небольшого слоя серболужицкой интеллигенции. Это определило относительно обособленное, изолированное от народного языка развитие его норм /15/.

Подъем национального движения в последней трети XIX в., деятельность Матицы Сербской, литературная работа ряда писателей, развитие прессы, возникновение культурных, научных и политических обществ, объединений способствовало расширению сфер применения серболужицких литературных языков. В 70-е годы XIX в. появились возможности для графической и орфографической унификации обоих конфессиональных вариантов верхнелужицкого литературного языка и создания единой нормы. Как отмечается в "Грамматике современного верхнелужицкого литературного языка" /14, с.26-27/, в XIX в. окончательно сформировались два литературных варианта серболужицкого языка, связанных с определенными территориями; они сложились как поливалентные коммуникативные средства с ограниченной сферой применения, как общественно обусловленная норма языкового поведения. При этом верхнелужицкий литературный язык с 70-х годов XIX в. в качестве поливалентной надрегиональной формы языковой коммуникации применялся в официальных ситуациях письменно и устно. В саксонской части Верхней Лужицы, где он был распространен, в XIX в. благодаря развитию политической и культурной деятельности в рамках серболужицкого общества начинает формироваться надрегиональная разговорная форма серболужицкого языка.

В прусской части Лужицы, в Нижней Лужице нижнелужицкий литературный язык использовался в очень ограниченной степени. Он был в основном языком церковной литературы. Светская литература на этом языке появляется с 60-х годов XIX в., но количество ее невелико. Нижнелужицкие тексты светского содержания представляли собой, главным образом, переводы произведений верхнелужицких авторов /16/. Более узкая сфера употребления нижнелужицкого литературного языка (по сравнению с верхнелужицким литературным языком) явилась следствием действия определенных неблагоприятных общественных факторов: уже в 40-х годах XIX в. в прусских частях Лужицы серболужицкий язык был изгнан из школьного обучения; его использование в церковной жизни было ограничено /14, с.26/.

Таким образом, сформировавшиеся ко 2-й половине XIX в. в результате параллельного развития верхне- и нижнелужицкой письменности два относительно стабильных серболужицких литературных языка⁶ имели свои особенности как в степени употребления, сферах применения, так и в самом характере их норм, в соотношении с другими формами существования серболужицкого языка.

Функционирование двух литературных языков (или двух вариантов серболужицкого литературного языка) на серболужицкой языковой территории является результатом своеобразного исторического развития. Возникновение и параллельное существование этих языков вплоть до настоящего времени находит различное объяснение, в значительной мере связанное с положительным или отрицательным решением вопроса о единстве серболужицкого языка.

Для исследователей, говорящих о двух серболужицких языках, наличие двух литературных языков является лишним аргументом при обосновании отсутствия серболужицкого языкового единства. Основными причинами возникновения двух литературных языков они считают прежде всего языковые различия, унаследованные от древнейшего периода, а также различия, связанные с историческими особенностями развития на различных административных территориях /19, с.17/. Сторонники противоположной точки зрения, объясняя существование двух вариантов серболужицкого литературного языка (или двух литературных серболужицких языков), ссылаются, главным образом, на причины административного характера /3, с. 182-183/. В качестве доказательства решающего значения именно этих причин приводится факт распространения так называемого протестантского варианта верхнелужицкого литературного языка во всех протестантских деревенских общинах, где были распространены нижнелужицкие или родственные нижнелужицкие говоры. Однако, по нашему мнению, весь процесс серболужицкого языкового развития свидетельствует о безусловной важности целого комплекса факторов. Кроме названных выше различных по характеру причин, на появление нескольких литературных языков /нижнелужицкого, верхнелужицких протестантского и католического/ оказали влияние и неграмотность, культурная отсталость подавляющей массы крестьянского серболужицкого населения — основного носителя серболужицкого языка — в условиях которой все попытки установления литературных норм, особенно на ранних этапах развития серболужицкой письменности, неизбежно носили изолированный характер.

⁶ О формировании серболужицких литературных языков см. /4; 13; 17; 18; 20; 39/.

Своеобразие в функционировании серболужицких литературных языков на современном этапе развития⁷ проявляются в соотношении их с другими формами существования серболужицкого языка в условиях постоянной конкуренции с немецким языком (его литературной формой — устной, письменной, локальными диалектами, надрегиональным диалектом). При сравнении с предшествующим периодом развития серболужицкого языка в данном случае речь идет не столько об изменении в составе форм существования этого языка, сколько об изменении в их характере и, следовательно, в особенностях их взаимосвязи с другими формами существования серболужицкого языка.

Общий фон для развития серболужицкого языка в настоящее время создают следующие политические и общественно-экономические факторы: в Германской Демократической республике язык серболужицкой народности является языком национального меньшинства⁸. В условиях социалистического государства он обладает равными с немецким языком правами. Серболужичанам предоставлена культурная автономия — право осуществлять деятельность, направленную на сохранение и развитие серболужицкого языка. Эта работа возглавляется специальной организацией — "Домовиной". Проявлением равноправия серболужицкого языка с немецким является, например, применение серболужицкого языка в преподавательской деятельности; об этом свидетельствует развитие народного образования (создание учительского института, двенадцатиклассных средних школ и десятилеток с преподаванием на серболужицком языке, введение в репертуар двуязычной театральной труппы произведений серболужицких авторов или иноязычных авторов в переводе на серболужицкий язык, работа серболужицкого фольклорного ансамбля, устройство фестивалей народной культуры, использование (хотя и в сравнительно незначительной степени) серболужицкого языка в административной деятельности способствуют расширению сфер его применения, а также социальной базы его носителей.

⁷ В период фашистской диктатуры в 1937 г. был введен запрет на употребление серболужицкого языка, оказались ликвидированными общественные объединения серболужичан, их издательство, типография; преследовались и высылались представители интеллигенции. Развитие серболужицкого языка было насильственно прервано. Новый, современный период его развития начинается после 1945 г.

⁸ В ГДР немцы составляют более 99% населения /21, с. 88/. Серболужицкое население насчитывает приблизительно 100000 человек. Сюда относится молодое поколение в протестантской части Лужицы, которое частично понимает серболужицкий язык, но не употребляет его как средство коммуникации, однако считает себя серболужичанами.

Однако существует целый ряд причин общественно-экономического характера, которые обуславливают сложность и противоречивость языковой ситуации в современной Лужице. Влияние ее на развитие серболужицкого языка невозможно оценить однозначно. Так, в послевоенный период на территории распространения серболужицкого языка в условиях полного двуязычия его носителей произошли изменения, связанные с миграцией населения, развитием индустрии и сельского хозяйства. В результате этих изменений на данной территории теперь преобладают деревни со смешанным немецко-серболужицким населением. Смешанный в этническом отношении характер имеют и отдельные трудовые коллективы (например, сельскохозяйственные бригады). Изменениям в этническом составе населения способствуют и смешанные браки.

На территории, где распространен серболужицкий язык, наблюдается различная степень компактности серболужицкого населения. Наибольшая плотность населения, говорящего по-серболужицки, отмечается в некоторых районах Верхней Лужицы (каменский, а также будышинский, воеровский, граничащие с каменским; особенно на территории распространения католического диалекта). В других районах (немецко-серболужицких) представители серболужичан обычно составляют меньшинство. При такой ситуации немецкий язык — общегосударственный язык в ГДР — является основным средством коммуникации в районах со смешанным немецко-серболужицким населением; большинство населения немецкой национальности не говорит по-серболужицки, а все серболужичане владеют немецким языком⁹. В отдельных коммуникативных группах решающим фактором употребления серболужицкого языка являются языковые возможности партнеров по коммуникации /22, с.311-312/.

Как отмечают исследователи, на территории распространения серболужицкого языка существует два принципиально отличных друг от друга типа языковой ситуации при наличии двуязычного населения. Первый тип характеризуется тем, что серболужицкий язык (носителем которого на определенной территории является меньшинство населения; большинство

⁹ Доминирующее влияние немецкого языка проявляется во всех сферах коммуникации — в радио- и телевидении, в торговле, просвещении, кино, в учреждениях здравоохранения, в прессе, в рабочих коллективах и т.д. Ряд работ лужицких исследователей сообщает данные о владении серболужицким языком представителями разных поколений серболужицкого населения различных деревень, об использовании его в различных коммуникативных ситуациях (см., например, /22, с. 311/; приводятся также данные о характере употребления серболужицкого языка в смешанных семьях /22/.

же составляют одноязычные немцы) выступает как средство коммуникации лишь в некоторых сферах общественной жизни; языковая ситуация в целом свидетельствует о быстром переходе от комплексного немецко-серболужицкого двуязычия к немецкому одноязычию: представители старшего и среднего поколений, хорошо владея обоими языками, при общении на серболужицком языке обнаруживают сильное влияние немецкого языка на серболужицкий на всех уровнях языковой системы; представители же молодого поколения практически не владеют серболужицким языком /см. 23, с.261/. Такая ситуация характерна для "так называемых двуязычных местностей Дрезденского и Коттбусского округов" /23, с.361-376/¹⁰. Она является результатом серьезных изменений в жизни деревни: сокращение населения, участвующего в сельском хозяйстве, рост числа технической, аграрной интеллигенции, получившей квалификацию с помощью немецкого языка, возможность для части населения работать за пределами территории распространения серболужицкого языка, там, где единственным средством коммуникации является немецкий язык; большая роль радио- и телевизионных передач на немецком языке, чтение серболужичанами немецких газет и журналов, книг. На территории с языковой ситуацией данного типа распространены общеобразовательные школы так называемого типа В, где серболужицкий язык изучается как специальный предмет (факультативно), два часа в неделю.

Второй тип языковой ситуации присущ территории с компактным серболужицким населением, составляющим здесь большинство. Это католические деревни Каменского района, окрестностей Будышина на крайнем западе верхнелужицкой языковой территории. Здесь наблюдается переход от более комплексного двуязычия к более координированному двуязычию¹¹: в немецком произношении старшего и среднего поколения обнаруживается сильное влияние серболужицкого

¹⁰ Языковая ситуация этого типа наблюдалась, например, в ряде верхнелужицких деревень (Вохозы, Барг, Нове Место и др.). Представители молодого поколения здесь уже не владеют серболужицким языком. При попытке говорить на нем делают много грамматических и лексических ошибок при чисто немецком произношении (см. /24, с. 261/). Изменение языковой ситуации было отмечено в 1955 г. и в деревне Парцов /25/. Здесь наблюдался переход от комплексного двуязычия к немецкому одноязычию, молодое поколение (молоче 18 лет) не говорит по-серболужицки. Из 137 человек, пользующихся серболужицким языком как коммуникативным средством, 2/3 — старше 45 лет. По сравнению с 1884 г. общее количество серболужичан уменьшилось с 98% до 27% от всего состава населения.

¹¹ Об особенностях того и другого типа двуязычия см. /26, с. 8—9/.

языка, на других уровнях серболужицкой языковой системы — влияние немецкого языка; представители молодого поколения владеют обоими языками; взаимовлияние языков проявляется слабо. В ситуации данного типа серболужицкий язык является коммуникативным средством в официальной жизни и на производстве. При этом немецкое население здесь владеет серболужицким языком пассивно или даже активно /23/. Именно на этой территории существуют школы типа А, где преподавание ведется на серболужицком языке. Вся церковная жизнь в католической церкви осуществляется на серболужицком языке¹². Сохранение подобной языковой ситуации в католических районах на западе верхнелужицкой языковой территории до известной степени объясняется островным, замкнутым положением католических серболужицких деревень, находящихся в соседстве с евангелическими немцами. Изолированный характер данной территории в большей мере, чем в других районах Лужицы, обеспечивает устойчивость определенных традиций, в том числе и языковых, см. /23, с. 313/. Однако влияние немецкого языка постепенно усиливается и в условиях языковой ситуации второго типа. Это обусловлено целым рядом причин социально-экономического характера: развитие индустрии, сельского хозяйства, изменение модели крестьянской семьи и др. ведут к размыванию некогда довольно устойчивых границ данного "национального и профессионального острова".

Таким образом, современные серболужицкие литературные языки функционируют в условиях сложной и неоднородной, специфической для того или иного района языковой ситуации. В зависимости от типа языковой ситуации определенный характер приобретает употребление серболужицкого языка, его конкретных форм и, в частности, литературных; соотношение различных форм существования серболужицких языков к диалектам и разговорной форме. При этом немецкий язык для серболужичанина всегда выступает как универсальное комму-

¹² Подобная ситуация наблюдалась в в. луж. д. Радвор (округ Будышин), где большинство детей моложе 14 лет еще свободно говорит по-серболужицки (в 1956 г.); серболужицкий язык употреблялся не только в семейной жизни, но и на работе. Однако и здесь уже и в 1956 г. было заметно усиление влияния немецкого языка /26, с. 16/. Изменения в языковой ситуации наблюдались и в процессе культурно-социологического обследования в 1976 г. двуязычных окрестностей Каменского района на территории союза гмин Панчицы/Куков. Здесь серболужичане составляют большинство населения каждой гмины. В центре этого района (например, д. Раблицы, где есть школа А) немецкое население составляет 3% населения /23/.

никативное средство, которым он владеет на всех стилевых уровнях. При необходимости двуязычным серболужицанином используется одна из форм существования немецкого языка: письменный литературный язык, устный литературный язык, региональный разговорный язык — новолужицкий (Neulausitzisch). Серболужицкий язык является специальным и при том факультативным средством общения, связанным с некоторыми сферами общественной жизни: наряду с немецким языком он в небольшой степени употребляется при официальных, деловых контактах, в большей степени — на мероприятиях серболужицких массовых организаций и прежде всего на заседаниях Домовины, в церкви, во время семейных праздников. Обычной и самой широкой сферой применения серболужицкого языка является семейная повседневная жизнь, общение с друзьями, соседями, знакомыми /27, с.274/.

В условиях современной языковой ситуации в Лужице можно говорить о следующих формах существования серболужицкого языка: надрегиональные формы — а) две кодифицированные, литературные письменные формы — верхне- и нижнелужицкая; б) две устные литературные формы — верхне- и нижнелужицкая; в) две некодифицированные разговорные формы, близкие верхне- и нижнелужицким диалектам; здесь, вероятно, наряду с устной формой можно выделить и письменную форму разговорного языка, которая употребляется, например, в корреспонденции, частной переписке; региональные формы — собственно верхне- и нижнелужицкие и так называемые переходные диалекты¹³.

¹³ Некоторые серболужицкие лингвисты пользуются понятием "социолингвистический слой" (с.-луж. *woršta*, термин, принятый в немецкой социолингвистике — *die Sprachschicht*, см /28/) и различают следующие слои в серболужицком современном языке: 1) литературный язык (*spisowna rěč*). Этот термин употребляется в сорабистике с конца XIX в. и является общепринятым; 2) диалекты и народный язык (с.-луж. *ludowa rěč*, нем. *Volkssprache*). Оба термина близки по своему содержанию и в некоторых случаях употребляются в одном и том же значении — "совокупность региональных вариантов серболужицкого языка", в других случаях термин "народный язык" используется для обозначения "современной устной формы серболужицкого языка" (см. /15/) или языка фольклора (см. /29/). По мнению Г. Енча, причиной сохранения этого термина в современной сорабистике является необходимость при изучении некоторых явлений литературного языка (особенно связанных с последствиями языкового пуризма) сопоставлять положение в литературном языке с языковым узусом народа (см. /15, с. 54/); 3) разговорный язык (с.-луж. *wobchadna rěč*, нем. *Umgangssprache*). Этот термин получил широкое распространение в последних работах по сорабистике (ср., например, /14/).

Для послевоенного периода развития серболужицкого языка характерно увеличение роли устных литературных форм и разговорной формы. Это обусловлено расширением сфер применения серболужицкого языка, ростом национальных кадров интеллигенции, расширением диапазона культурной жизни, издательского дела и т.д. Развитие народного просвещения, прессы, книжного дела способствует повышению престижа письменных литературных форм серболужицкого языка. Однако и в современной серболужицкой языковой ситуации большое значение (значительно большее, чем в других славянских языках) сохраняют диалекты серболужицкого языка. Диалект выступает как наиболее распространенное средство коммуникации для большинства носителей серболужицкого языка. В неофициальном общении им широко пользуется и интеллигенция, которая является основным носителем серболужицкого литературного языка и разговорных форм. Это дает основание при характеристике соотношения форм существования современного серболужицкого языка отметить отсутствие господствующей роли литературных форм, их нивелирующего по отношению к другим языковым формам значения. Причиной этого является достаточно консервативный характер серболужицких литературных языков (и особенно нижнелужицкого), их обособленность от других форм существования языка, что в свою очередь возникло вследствие действовавших пуристических тенденций, стремлений к реславянизации. Своеобразие серболужицких литературных языков сложилось под влиянием целого ряда факторов политического и социального характера (см. выше), в том числе таких, как слабое развитие народного образования в прошлом, особенно в прусских частях Лужицы, отсутствие влияния живого звучащего литературного языка. Характер серболужицких литературных языков в определенной степени является отражением своеобразия всей истории серболужицкого языка: периферийное положение на территории распространения славянских языков в пределах чужого государства, функционирование в условиях длительного контакта с немецкими диалектами, специфика отношений между серболужицкими диалектами, серболужицкими и немецкими литературными языками обусловили островной характер некоторых явлений и процессов, известную архаичность некоторых частей грамматической структуры, отличия в процессах языковых изменений общеславянского характера при сходстве в их конечных результатах (ср., например, сохранение простых и сложных форм прошедшего времени в серболужицких литературных языках и части верхнелужицких говоров; сохранение категории двойственного числа в литературных языках и большей части говоров).

Сложность взаимоотношения всех форм существования серболужицкого языка в настоящее время обусловлена своеобразием общей языковой ситуации и ролью литературных языков на территории распространения тех или иных диалектов. Если исходить из значения литературных языков в системе всех форм существования серболужицкого языка, то можно было бы выделить (с большой степенью обобщения по отношению к конкретным языковым ситуациям в отдельных районах Лужицы) два основных типа взаимодействия этих форм: первый характеризуется активной ролью литературных языков в различных сферах коммуникации, где возможно употребление серболужицкого языка, конкурирующего с немецким; во втором определяющая роль принадлежит региональным формам коммуникации. При этом в условиях того или иного диалекта литературным языком владеет незначительная часть населения, чаще — единицы, получившие знание литературного языка в школе. Это знание в дальнейшем поддерживается чтением серболужицкой литературы. Прямое влияние литературного языка при употреблении местного диалекта обнаруживается в лексике, в применении некоторых грамматических форм. Степень этого влияния может быть различной в зависимости от конкретной языковой ситуации на территории распространения данного диалекта. Так, например, в слепянском приходе (слепянский диалект — один из так называемых переходных диалектов) влияние верхнелужицкого литературного языка на данный местный диалект определяется его престижностью. Представители старшего поколения, хорошо знающие верхнелужицкий литературный язык (наряду со своим диалектом), в разговоре с будышанином употребляют формы, свойственные литературному языку и неизвестные местному диалекту: формы синтетического претерита, личные формы существительных мужского рода типа *wojasu*; используют литературные неологизмы типа *wucer*, *hodźina*, *prodrustwo*; некоторые диалектные слова почти полностью вытесняются литературными, например, *běrna* вместо *buna* /41, с. 129/. У серболужичан — носителей парцевского диалекта, который на всех уровнях языковой системы очень сильно отличается от верхнелужицкого литературного языка, авторитет соседнего воеровского диалекта определяется именно близостью его верхнелужицкому литературному языку /25/. Непосредственное же влияние верхнелужицкого литературного языка здесь проявляется в употреблении форм синтетического претерита вместо форм перфекта, свойственных парцевскому и воеровскому диалектам. Одновременно обнаруживается и влияние воеровского диалекта, более "правильного", чем собственный диалект. Влияние верхнелужицкого литературного языка проявляется по-разному в зависимости от ком-

муникативной ситуации. Так, в меньшей степени оно наблюдается в свободном рассказе, где преобладает местный диалект, и в большей степени — в подготовленном тексте. Заслуживает внимания также тот факт, что, например, в парчевском диалекте, где преобладают нижнелужицкие черты, отмечается влияние именно верхнелужицкого, а не нижнелужицкого литературного языка. Однако влияние немецкого литературного языка на немецкий язык местных серболужичан значительно больше, чем влияние верхнелужицкого литературного языка на местный серболужицкий диалект.

Первый тип взаимодействия различных форм существования серболужицкого языка, который условно можно назвать "центральным", характеризует языковую ситуацию культурных центров серболужичан и, прежде всего, Бауцена (Будышина), где сосредоточена деятельность научных, культурных, административных учреждений Верхней Лужицы; подобным культурным центром Нижней Лужицы является г. Коттбус (Кочебуз). Этот же тип свойствен языковой ситуации католических приходов в районе Каменца и Будышина. Именно здесь созданы общеобразовательные школы с классами типа А (серболужицкий язык используется при обучении различным предметам) и Б (серболужицкий язык преподается два часа в неделю с первого по восьмой класс), единственная политехническая школа типа А работает в Ралбицах, действуют школы типа Б, два лицея (в Будышине и Кочебузе, учительский институт. В школах типа А и Б (56) насчитывается около 4000 учащихся. Наряду с педагогическими учреждениями в культурном центре серболужичан активно действуют научные и культурные учреждения: Институт серболужицкого народоведения АН ГДР в Будышине, издательство "Домовина", театральная труппа с репертуаром на серболужицком и немецком языках, серболужицкий государственный фольклорный ансамбль; Коттбус-радио ГДР имеет в своем составе серболужицкую редакцию, осуществляющую передачи на серболужицком языке (5,5 часа в неделю). Большую работу по распространению знаний серболужицкого языка проводят районные и первичные организации Домовины. Определенное значение для поддержания престижа серболужицкого языка имеют службы на серболужицком языке в католических приходах Каменца.

Различные виды деятельности, осуществляемые на серболужицком языке благодаря работе названных выше учреждений и организаций, способствуют расширению сферы применения серболужицких литературных языков — как письменных, так и устных форм (доклады, рефераты, радио и телепередачи). В культурных центрах серболужицкой языковой территории, в районах Будышина и Каменца сосредоточена большая часть серболужичан, владеющих серболужицкими

литературными языками (часть серболужицкой интеллигенции владеют обоими литературными языками — верхне- и нижнелужицким), а также тех, кто осваивает их в учебно-воспитательных учреждениях для детей дошкольного и школьного возраста. Здесь выходит учебная (школьная) серболужицкая литература, художественные произведения серболужицких авторов (проза и поэзия), верхнелужицкая ежедневная газета "Нова доба" (Nowa doba), еженедельная нижнелужицкая газета "Новы часник" (Nowy casnik), ежемесячный культурно-просветительный журнал "Розгляд" (Rozhlad) (на верхне- и нижнелужицком литературных языках), раз в две недели публикуются религиозные газеты "Католический посол" (Katołski posoł) и "Помогай бог" (Pomhaj Bóh) (на верхнелужицком литературном языке) и ежемесячник для детей "Пламя" (на верхнелужицком — "Płomjo", на нижнелужицком — "Pjómje"). Ежегодно выпускаются календари — верхнелужицкий "Protyka", нижнелужицкий "Pratyja".

Как уже отмечалось выше, серболужицко-немецкое двуязычие в данных районах распространения серболужицкого языка обладает большей стабильностью.

Серболужицкие культурные центры и особенно Бауцен (Будышин) концентрируют серболужицкую интеллигенцию всех поколений, в том числе и новое поколение, употребляющее в личном общении исключительно литературный язык или разговорный. Г. Фасске /20, с.191-192/ предложил теоретическую модель для адекватного описания таких коммуникативных ситуаций, где употребляются или не употребляются серболужицкие литературные языки в конкуренции с немецким языком. Вслед за Г. Клоссом и А. Фергюссоном он исходит из трех критериев оценки коммуникативного акта: 1) коммуникативная установка, определяющая классы коммуникативных сфер, т.е. классы духовной деятельности (образование), практически-производственной деятельности (администрация) и общественного контакта (беседа); 2) обусловленность предметом коммуникации; 3) пространство коммуникации и зависящий от него диапазон участников коммуникации. Серболужицкие литературные языки чаще всего применяются в сфере образования (средства обучения, научно-популярная и научная литература, агитация и пропаганда), реже — в сфере разговора (беллетристика, частная корреспонденция, развлекательные передачи радио и телевидения, культурные мероприятия), меньше всего — в практически-производственной деятельности, в сфере управления. Чем меньше коммуникация связана со сферами жизни именно серболужицкой языковой общности, тем меньше и вероятность применения серболужицких литературных языков. Чаще всего они употребляются в коммуникативных действиях, адресованных всей языко-

вой общности, т.е. в процессе учебы, преподавания, агитации, пропаганды; реже всего тогда, когда коммуникативное пространство имеет более специальный характер и речь идет о профессиональном обучении, беллетристике крупных форм, территориальном управлении. На высшей ступени коммуникативного пространства — в исследовательской работе, на радио, телевидении — серболужицкие литературные языки употребляются главным образом тогда, когда предметом коммуникации является серболужицкий язык и его носители.

Первый тип взаимоотношения различных форм существования серболужицкого языка отличается большей ролью литературных форм — письменной и устной (особенно в условиях верхнелужицкой языковой ситуации) и так называемого разговорного языка. В серболужицких культурных центрах представлены все возможные сферы применения (см. выше) литературных языков. Необходимость в повседневном, в том числе и неофициальном общении представителей разных диалектных областей в рамках культурных и общественных учреждений, связанных в своей деятельности с проблемами жизни серболужицкого национального меньшинства, а также за их пределами (дружеские, семейные связи) создает предпосылки для развития и стабилизации надрегиональной формы устного неофициального общения — разговорного языка¹⁴. Однако отметим, что в неофициальном общении с родными и знакомыми часто употребляется и соответствующий диалект: представители серболужицкой интеллигенции наряду со знанием одного (или двух серболужицких литературных языков) обычно владеют и своим родным говором. Таким образом, в речевой практике серболужицкого интеллигента, живущего и работающего в центре серболужицкой языковой территории (в католических приходах районов Каменца и Будышина) воплощается первый тип взаимоотношений форм существования серболужицкого языка.

Наиболее сложным представляется характер взаимодействия литературного языка и так называемого разговорного, который употребляется в устном общении представителей интеллигенции, образованных в языковом отношении. Разговорный язык представляется развивающимся явлением, приобретающим все большую самостоятельность относительно других форм существования серболужицкого языка. Исследование его вызывает ряд вопросов, и прежде всего необходимо выяснение его структурных особенностей в сравнении с литературным языком, его устной формой. С точки зрения критерия "социальная ситуация коммуникативного акта", т.е. критерия

¹⁴ Это прежде всего относится к языковой ситуации в Верхней Лужице.

рия, учитывающего степень официальности, социальный статус и социальную дистанцию между партнерами, участвующими в коммуникации, устная форма литературного языка и разговорный язык противопоставлены как устный язык, употребляемый в официальном общении, и устный язык, используемый в неофициальном общении партнеров, между которыми социальная дистанция очень незначительна. С точки зрения коммуникативной интенции, т.е. при учете характера коммуникативных намерений партнеров речь идет о различии устного языка подготовленного, употребляемого главным образом в сообщениях (статьи, доклады, рефераты), и устного языка спонтанного характера, употребляемого обычно в беседе, т.е. диалогической коммуникации.

Вопрос о разговорном языке как особой форме существования серболужицкого языка остается пока неисследованным, не исследовано и его соотношение с литературным языком. Общие наблюдения дают возможность отметить такие особенности разговорного языка, которые не свойственны или не проявляются в ситуациях, требующих употребления устного литературного языка. На фонетическом уровне речь идет, например о присущей спонтанной устной верхнелужицкой коммуникации перегласовке у > ó (ср., например, mó, bóс), в лексике этой формы коммуникации отмечается большое число заимствований из немецкого языка, не характерных для литературного языка (ср., например, fojerlôšer 'огнегушитель', šrawbenciher 'отвертка', falšunka 'подлог, фальсификация'), а также чисто разговорные hěbl 'рубанок' (книжное tružawa, truhak, нем. Hobel; kurbła 'рукоятка, ручка для вращения', книжное kluka, нем. Kurbel; filc 'войлок, фетр', книжное pjelśc, pjelśc, нем. Filc.) /28/ Трудность выделения специфических, в частности лексических особенностей разговорного языка связана с тем, что в самом литературном языке, устной его форме существует наряду с нейтральным стилем более низкий стилевой уровень разговорного характера, к которому относятся фамильярные выражения, вульгаризмы (ср., например, stoprocentny, flotny 'бойкий, бесшабашный, активный' — нем. flott).

Разговорной форме серболужицкого языка, включающей как литературные, так и диалектные элементы, не свойственна определенная норма. Это обстоятельство частично определяется тем, что большинство носителей серболужицкого языка и в условиях языковой ситуации городского типа, а тем более сельского, в своей речевой практике в определенных (достаточно многочисленных) коммуникативных ситуациях обращается к своим родным говорам, которые как средство коммуникации играют важную роль и в среде серболужицкой интеллигенции (в определенных коммуникативных ситуациях).

Поэтому разговорная форма, допускающая использование диалектных элементов, может быть в значительной степени индивидуализирована (в том числе и с точки зрения насыщенности диалектными элементами, немецкими заимствованиями). Можно предположить довольно большой диапазон в использовании диалектных элементов при употреблении разговорной формы серболужицкого языка: от разговорного языка — полудиалекта до разговорного языка, в большей или меньшей степени близкого диалекту. Ближе к устному литературному языку может быть разговорный язык представителя молодого поколения серболужичан, не владеющего каким-либо диалектом. Большое значение для формирования своеобразного характера серболужицкого разговорного языка имеет значительное разнообразие коммуникативных ситуаций, обусловленное функционированием серболужицкого языка на фоне немецкого языка как универсального средства языкового общения для каждого серболужичанина. Так, по наблюдениям Ф. Михалка, двуязычные серболужичане при беседе друг с другом в присутствии одноязычного немца будут избегать лишних германизмов, стараться не переходить с одного языка на другой (явление *code-switching*, см. /24, с. 264/).

Как следует из сказанного выше, разговорная форма серболужицкого языка является сферой взаимодействия литературных и диалектных элементов. При анализе соотношения, например, верхнелужицкого литературного языка и верхнелужицкого разговорного языка на морфологическом уровне можно выделить две основные группы явлений: а) явления, определяющие структурные различия литературного и разговорного языков; одни явления свойственны только литературной форме, другие — только разговорной (речь идет о различиях во флексии, в выражении грамматических категорий), б) явления, засвидетельствованные как в литературном языке, так и в разговорном, но как бы на разной стадии развития (чаще всего речь идет о формах — вариантах, зафиксированных в литературном языке и разговорном языке; один вариант более распространен в литературном языке, другой — в разговорном). Закреплению того или иного варианта в литературном языке может способствовать кодификация, но и здесь с течением времени под влиянием разных причин происходит переоценка значения (стилистического) вариантов. Разговорный язык, включающий диалектные элементы, иногда отражает следующую ступень развития того или иного явления, зафиксированного и в литературном языке. В этом случае он идет вслед за диалектом.

Основываясь на материале современной грамматике верхнелужицкого языка /14/, приведем некоторые примеры из разных разделов морфологии на явления группы а)

и б) в верхнелужицком литературном и разговорном языке.

а) В разговорном языке, в неофициальной коммуникативной ситуации обычным является употребление глагольных форм 3 л.мн. наст. вр. (буд. вр.), образованных от полной основы наст. вр. типа *předžeja, lěžeja, sučeja*, только разговорными считаются формы *bodžeja, njeseja, wuknjeja*, а также *džeja, pondzeja; jedzeja, pojedzeja*; в литературном языке (письменном и устном), в официальной коммуникативной ситуации употребляются формы, образованные от так называемой краткой основы наст. вр. на -и типа *wezu, rasu, wuknu, njesu, bodu*. Исключительно разговорным является, например, глагол *zaropnuć* (секундарный к глаголу *zaropjeć*). В разговорном языке употребляются пассивные конструкции типа *to worduje zjedženo*, в литературном — *to budže zjedženo, to so zjě* 'это будет съедено'. В литературном языке косвенный пассив образуется с помощью вспомогательного глагола *dostać* (ср., например, *dostanu knihu darjenu* 'получу в подарок книгу', в разговорном языке (и диалектах) — с помощью заимствованного глагола *krydnuć* (нем. *kriegen*), ср., например, *wona je krunuła pomhane* 'ей помогли'. В разговорном языке, близком диалектному, как и в диалектах, формы аналитического будущего образуются от глаголов как несов., так и сов. видов, ср., например, *буду čakać, буду to drjewo do města dowjesć*, в литературном языке — только от глаголов несов. вида, ср., например, *буду pisać, warić, но róndu, poježdžemy* (от глаголов *hić, rojeć*). В разговорном языке совершенно не употребляются формы причастий на -у (от глаголов 3 класса), которые считаются книжными (типа *wjeducu*). Чисто литературными являются формы на -ŕ, которые в литературном языке употребляются как прилагательные — *zašły, dorostły*, в живом разговорном языке (как и в диалектах) встречаются только причастия типа *zańdženy, dorosćeny*. В литературном языке не употребляется форма претерита в выражении типа *Kelko maš ty wote mnje dóstać?* 'сколько ты должен получить от меня?', в разговорном языке здесь обычно употребляется форма претерита *Kelko méješe ty wote mnje dóstać?*

В разговорном языке *tón* неограниченно употребляется в качестве определенного артикля, в том числе в сочетаниях с именем собственным и посессивным местоимением; в современном литературном языке избегают подобного употребления *tón*, хотя иногда оно и встречается. В разговорном и литературном языках наблюдаются различия в склонении личных существительных м. р. на -а типа *předsyda, braška, čésła*, эти различия касаются в основном частных парадигм дв. и мн. ч. В литературном языке эти существительные изменяются в дв. и мн. ч. по образцу существительных м. р., а в разговорном — по образцу существительных ж. р. (так же и в катол-

лическом диалекте), т.е. И.дв. *brašce*, И.мн. *braški*, в ед.ч. эти существительные как в литературном языке, так и в разговорном обычно изменяются по образцу существительных ж.р., но в разговорном языке Д.ед. часто выступает с флексией *-ej*, свойственной парадигмам м.р., т.е. *braškej* вместо *brašce*. Различия между литературным языком и разговорным наблюдаются в парадигме заимствованных существительных на *-a* типа *tama*, *drama*, *reuma* (в немецком языке это существительные среднего рода). В разговорном языке существительные этого типа выступают как существительные мужского рода, в литературном языке они могут относиться к мужскому роду (в большинстве случаев) или к женскому, т.е. *tón drama* или *ta drama* (рассматривается как книжное употребление), при этом в ед.ч. эти существительные в литературном языке чаще не склоняются, а склонение их в ед.ч. с морфонологическим изменением типа 'расширение исходной основы (И.ед.) в косвенных падежах' (ср., например, *tema*, *temata*, *tematej* . . . по образцу существительных м.р.) считается книжным. Несклоняемыми в литературном языке являются заимствованные слова м.р. на *-a*, *-o*, *-i* или консонант-типа *kakadu*, *alibi*, в разговорном же языке, близком диалектному, основа данных существительных при склонении расширяется с помощью элементов *w*, *h* или *j*, ср. Р.ед. *kakaduha*//*kakaduwa*, *alibija*, изменяются они по образцу существительных м.р. Наблюдаются также различия в родовом значении некоторых заимствований из немецкого языка на безударный *-o* типа *radio*: в разговорном языке они выступают как существительные м.р. (*tón radio*), в литературном — как существительные ср.р. (*te radio*).

В разговорном языке, как и в диалектах, обычной является субституция форм дв. ч. в предикате формами мн.ч. при существительном — субъекте, имеющем форму дв.ч.; в литературном языке подобного явления не наблюдается.

Только в разговорном языке засвидетельствованы конструкции, в которых при глаголе *wuknuć* употребляется объект (обозначение профессии) в И.п., ср., например, *wón je muler wuknuł* вместо *wón je mulerstwo wuknuł* с существительным — объектом в В.п. 'он учился на художника'. В "Грамматике современного верхнелужицкого литературного языка" (см. /14, с. 453/ подобные конструкции рассматриваются как "ложные" заимствования из немецкого языка (ср., например, *Er hat Schneider gelernt*, где сущ. *Schneider* стоит в словоформе В.ед., тождественной И.ед.; ср. также *wón wuknje jendźelisce* 'он учит английский язык', нем. *Er lernt Englisch*, где существительное в В.п. формально не отличается от прилагательного — 'английский').

б) В литературном верхнелужицком языке и в разговорном (а также и в диалектах) употребляются синтаксические

конструкции со значением пассивного залога типа *tam suk-nju zašitu* 'мое платье зашито', *tam polo zworane* 'у меня поле вспахано'. В литературном языке подобные конструкции мало употребительны и стилистически не вполне нейтральны, здесь предпочтительней формы типа *bu rješenu* 'был испечен', *bichu mějene* 'были измерены'. В разговорном же языке и диалектах, напротив, более употребительны конструкции типа 'личные формы вспомогательного глагола *měć* + страдательное причастие полнозначного глагола'.

И в литературном, и в разговорном языках наблюдаются явления аттракции при употреблении посессива: если посессив имеет форму ед.ч., то происходит формальное выравнивание атрибута с детерминируемым посессивом (ср., например, лит. *Hdyž druhí raz ze swojej* (вместо *swojeho*) *džėdowej cigaru sėzahnych*). В разговорном языке это явление распространено шире, чем в литературном.

И в литературном, и в разговорном языках наблюдаются случаи, когда в синтагмах, состоящих из существительного и его аппозиции, существительное не склоняется (ср., например, *wot knjez wuđerja, z knjez wuđerjom*). Однако в литературном языке это явление сравнительно редкое и может быть присуще языку отдельных писателей.

В разговорном языке шире, чем в литературном, распространено следующее явление (свойственное и диалектам): числительные *trí, šturi* под влиянием числительных *rjeć, šėść* часто не склоняются, выступая в одной и той же форме.

В литературном языке и в разговорном, близком диалектам, и в диалектах встречаются сочетания числительных *rjeć, šėść* ... с существительными в И.мн. или В.мн. В литературном языке такие сочетания воспринимаются как противоречащие норме; обычно здесь употребляются сочетания данных числительных с существительными в Р.мн., например, *to je šėść holcow*; в разговорном языке они вполне возможны, хотя и не часты (ср. *Chowaj sej te rjeć feńki*).

Судьба некоторых форм, употребляемых в литературном языке и разговорном, различна. Разговорный язык иногда отражает судьбу этих форм в диалектах. Так, например, в глагольных формах 2,3 лл. дв.ч. существуют факультативные варианты флексий — *štaj //štej* или — *taj// — tej*. В верхнелужицких грамматиках, начиная с XIX в., наблюдается тенденция к следующей дистрибуции данных флексий — вариантов: — (*š*)*taj* для м.р. (или личных форм), — (*š*)*tej* — для немужского рода. Подобная дистрибуция письменному литературному узусу не была свойственна. Однако под влиянием кодификации этот узус изменяется: флексия — (*š*)*taj* употребляется преимущественно для м.р., флексия — (*š*)*tej* — для всех остальных родов. В разговорном языке побеждает флексия — (*š*)*tej*, кото-

рая вытесняет флексию $-(\dot{s})taj$ (последняя, если и употребляется, может быть связана не только с личными, но и неличными формами). В верхнелужицких диалектах встречается исключительно флексия $-(\dot{s})tej$, и только на юге верхнелужицкой диалектной территории наряду с этой флексией употребляется, хотя и редко, флексия $-(\dot{s})taj$.

Глагольные формы, выражающие отрицание с помощью глагола *pjeschać* типа *pjescha tśeć* предпочитают в разговорном языке и в последнее время вытесняются из литературного употребления. Формы, выражающие отрицание с помощью морфемы *po-*, связанной с основой глагола *chscuć* (ср. *poscu*), оцениваются как книжные.

В некоторых случаях в разговорном языке, располагающем формами — вариантами, предпочитается употребление форм, присущих литературному языку. Так, и в литературном, и в разговорном языках употребляются глагольные формы 3 л.мн. н.вр. типа *bija*, *lija*, *źněja*, в разговорном языке наряду с ними возможны и формы типа *bijeja*, *wijeja*, *trėjeja* . . . , однако здесь предпочитают литературные формы типа *bija*.

Если в литературном и разговорном языках отмечено существование суффиксального и бессуффиксального глаголов *н/в*, то в литературном языке согласно кодификации более предпочтительны суффиксальные формы, в разговорном же — несуффиксальные (ср., например, *wobstarac* (с/в) — *wobstarować* (н/в) и *wobstarac*, получивший значение *н/в*).

В разговорном и литературном языках в словоизменении существительных типа *ćelo* отмечается морфонологическое изменение исходной словоформы (И.ед.) в частных парадигмах ед., мн. и дв.чч. Оно выражается в расширении основы с помощью формантов — *at/ —eć*. В разговорном языке предпочитают формы с формантом *—at*, например, Р.дв. *dweju ćelatow* в литературном языке — с формантом *—eć* в ед. и дв. чч., —*at* в мн.ч. (например, Р.ед. *ćeleća*, Д.ед. *ćeleću* . . .).

У существительных среднего рода как в литературном, так и в разговорном языках в Д.ед. наряду с окончанием *—u* употребляется окончание *ej*, но в литературном языке она ощущается как разговорная и встречается редко (ср. Д.ед. *woknej*, *blidej*).

Некоторые различия между литературным и разговорным языками проявляются в выражении категории личности. В литературном языке у личных существительных в частных парадигмах дв. и мн.ч. В.дв. (мн.) = Р.дв. (мн.); в И.мн. личные существительные имеют особые флексии — *-ojo*, а также *-o*, *-i*, *-a*, перед которыми имеет место морфонологическое чередование в исходе основы (ср., например, *nan* — *napojo*, *roboł* — *posoljo*, *knjez* — *knježa*, *wojak* — *wojacy*). В разговорном языке во многих случаях наблюдается субституция личных форм

неличными, т.е. В.дв. (мн.) = И.дв. (мн.): Субституция типична и для словоформ И.мн. В литературном языке подобная замена личных форм неличными ограничивается парадигмами небольшого числа существительных.

В литературном языке, как и в разговорном, наблюдается конкуренция форм мн.ч. и дв.ч. Замена двойственного числа множественным здесь характеризует прежде всего существительные, обозначающие парные предметы. В остальных случаях литературный язык пытается избежать замены двойственного числа множественным. В разговорном языке, близком диалектному (как и в собственно верхнелужицких диалектах), употребление форм мн.ч. вместо форм дв.ч. — обычное явление.

Разговорному языку (и диалектам) свойственны некоторые особенности синтагматических связей внутри сочетаний, где одно существительное количественно определяет другое, ср., например, *šalka kofeja*; определяемое существительное имеет ту же падежную форму, что и существительное — квантификатор, т.е. *ze šalku kofejom, w škleńcy piwje*. Для литературного языка такие конструкции не типичны.

Приведенные примеры, подтверждая факт существования особой формы серболужицкого языка, используемой в неофициальном общении, свидетельствует о тесной связи разговорного языка с диалектами. Ряд явлений в этом языке — не только в области морфологии, но и в фонетике, лексике — имеют диалектное происхождение. Появляясь в разговорном языке под влиянием диалекта и развиваясь аналогично соответствующему диалектному явлению, они увеличивают разрыв между литературным языком и разговорной формой серболужицкого языка.

Проблема соотношения серболужицких литературных языков с разговорным языком серболужичан — надрегиональной или региональными формами — имела и имеет особое значение в связи со специфическим характером серболужицкой литературной нормы и перспективой ее развития. Большое значение этой проблемы определяется также и той значительной коммуникативной нагрузкой, которая приходится на серболужицкие диалекты, особенно в условиях такой языковой ситуации, при которой возможности коммуникации на серболужицком языке осуществляются почти исключительно с помощью диалекта (второй тип взаимодействия форм существования серболужицкого языка).

Серболужицкие литературные языки, возникнув на базе определенных диалектов (при этом верхнелужицкая литературная единая норма сформировалась на основе унификации двух конфессиональных вариантов с разной диалектной ориентацией — см. выше), в дальнейшем обособляются от своих диалектных баз. Этот естественный для первого этапа развития

литературных форм отрыв от исходных диалектных баз в последующие периоды в силу особенностей исторического развития серболужицкой народности, а также благодаря действию пуристических тенденций, тенденций к реславянизации (внедрению искусственных форм со славянскими чертами) привел к вытеснению из литературного языка узуальных языковых форм, к увеличению числа исключительно книжных структур. В послевоенной литературе и в новейшей литературе, особенно в произведениях некоторых писателей молодого поколения все большее распространение получают конструкции с несогласующимся атрибутом типа *ničo poweho, ničo worašneho, něšto rjaneho, wšo dobreho* вместо конструкций типа *ničopowe . . . , wšo dobre*. Подобные конструкции с несогласующимся атрибутом не наблюдаются в народном разговорном языке. Литературному узусу свойственны формы М.мн. личных местоимений типа *wo nami, wo wami, wo nimi* вместо предписываемых грамматикой форм типа *(wo) nas, (wo) was, (wo) nich* /15; 30; 39, с.250, 248/.

Серболужицкие литературные языки приобрели консервативный характер с чертами искусственности, что привело к существенному структурному разрыву с устными формами серболужицкого языка. В связи с этим не были случайными жалобы серболужичан, в том числе и части интеллигенции, на "непонятность" верхнелужицкого литературного языка /15, с.247/. Сетования по поводу искусственности литературного языка раздавались и в 60-е годы XX в. и вызвали появление ряда работ серболужицких лингвистов, анализирующих причины этого явления.

Ослаблению и без того недостаточно прочного языкового чутья у носителей серболужицких литературных языков способствовал перерыв в развитии серболужицкого языка. В литературном языке послевоенного периода появляется большое количество искусственно конструируемых форм, как, например, итеративных глаголов типа *najédowaś, kćéwaś, krywaś* и т.д., функционально не оправданных /30, с.380/. Большое значение имело отсутствие такой кодификации литературной нормы, которая была бы адекватной действительному языковому узусу. Вопрос о несоответствии существующей кодификации литературному узусу в той или иной мере затрагивается во всех работах серболужицких лингвистов, посвященных анализу различных грамматических вопросов. Осознание необходимости создания новой кодификации привело к выдвиганию в послевоенной лингвистической литературе критерия "народности" (см. работы Г. Фасске, Р. Летча, Р. Енча /30; 31; 15; 32/). Следовать этому принципу считается обязательным при решении вопроса о "литературности" или "нелитературности" тех или иных флексий, форм, конструкций.осу-

ществление принципа "народности", согласно которому норма литературного языка во всех своих важных структурных элементах должна соответствовать норме устной народной речи, означала демократизацию серболужицких литературных языков. Разрыв между существующим литературным языком, кодифицированная норма которого не соответствует действительному узусу, и развивающейся диалектной нормой, которая влияет на разговорную форму серболужицкого языка, препятствует пониманию и усвоению литературного языка носителями серболужицкого языка. Тем самым снижается значение литературного языка как надрегионального средства коммуникации. Как полагают серболужицкие лингвисты, реализация принципа народности в процессе кодификации, при оценке языковых фактов основывается на том, что структурные элементы, тождественные в литературном языке и народной разговорной речи, должны совпадать по своим функциям /30, с.381/. Необходимо учитывать характер дистрибуции существующих в литературном языке и народном разговорном языке элементов; при наличии в диалектах признаков развития того или иного явления, свойственных к тому же и литературному языку, считать новые формы в качестве факультативных также элементами и литературного языка /31, с.282/. Так, в современных верхнелужицких литературных произведениях формы И.дв. прилагательных и местоимений с флексиями -aj и -ej не выражают оппозиции мужской — немужской род (или личные — неличные формы). Подобная оппозиция не свойственна и верхнелужицким диалектам, где формы на -aj исчезают и при существительных всех родов употребляются формы И.дв. на -ej. Флексия -aj как факультативный вариант встречается лишь в редких случаях на юге верхнелужицкой языковой территории. Между тем, согласно верхнелужицким грамматикам, которые, вероятно, отражают употребление данных флексий в литературном языке и диалектах в более ранний период развития серболужицкого языка, указанная оппозиция существует. Новая кодификация верхнелужицкого литературного языка должна учесть особенности употребления флексий -aj и ej в литературном узусе, на который влияет использование этих флексий в верхнелужицких диалектах. В новейшей серболужицкой литературе находит отражение процесс изменения в выражении категории одушевленности в субстантивной парадигме: одушевленные существительные образуют не только формы В.дв. = Р.дв., но и В.дв. = -И.дв. В современных серболужицких диалектах (за исключением северных) этот процесс пошел дальше и здесь категория одушевленности уже не находит выражения в частной парадигме двойственного числа существительных форм: формы В.дв. = Р.дв. не встречаются.

Влияние диалектной нормы (бауценского и католического диалектов) сказывается на употреблении флексии в И.мн. прилагательных в литературном языке: наряду с флексией -i при согласовании с личными именами прилагательными встречается иногда и флексия -e (ср. *wulke holcy* /14, с.380/).

Отметим, что справедливое требование учитывать данные устного народного языка при оценке фактов литературного узуса нуждается в определенных оговорках. Мысль о том, что ориентирование, например, морфологии литературного языка на народную речь не может быть абсолютным, высказывалась уже Р. Енчем, одним из авторитетных представителей старшего поколения серболужицких лингвистов /см. 15, с. 309/. Указывая на необходимость введения иной кодификации форм дв.ч., он в то же время отмечал, что она не может следовать за народным разговорным языком, так как в литературном языке двойственное число является живой грамматической категорией. Эта же мысль недавно прозвучала в статье Г. Шустера-Шевца /33, с.67/, указавшего, что в современной двуязычной серболужицкой языковой ситуации о безупречном серболужицком устном народном языке, особенно в устах представителей молодого поколения, не может быть речи. В зависимости от языковой компетенции говорящего этот язык в той или иной степени насыщен элементами, чуждыми структуре и норме литературного языка. Иногда можно даже говорить о разложении унаследованной серболужицкой языковой системы. Это объясняется тем, что и в семье молодое поколение серболужичан лишено возможности познакомиться с "чистым" серболужицким языком. Отсутствие языкового чутья и пробелы в языковом воспитании часто не восполняет и школьное обучение. Поэтому и в разговорном, и в литературном языке очень распространено явление простого перевода с немецкого языка на серболужицкий конструкций, нетипичных для серболужицкого языка, даже если в серболужицком языке существует соответствующее средство выражения. (например, *dawa so měřić* вместо *hodźi so měřić*).

Внутренняя закономерность обращения к принципу "народность" для серболужицких лингвистов определялась своеобразным соотношением в серболужицком языке элементов ряда "литературный язык — разговорный язык — диалект", при котором особое значение имеет взаимодействие первого и третьего элементов. Формирование второго элемента — разговорного языка как особой формы коммуникации — связано с судьбой литературного языка и диалектов. Состояние диалектов различно на разных территориях распространения серболужицкого языка. На периферии серболужицкой языковой территории субстанция серболужицких диалектов довольно быстро исчезает (например, на востоке Нижней Лужицы),

а в центральной части народная разговорная форма испытывает сильное воздействие немецкого языка (Neulausitzisch). Это отражается и на характере литературного языка. В этих условиях особое значение приобретает укрепление его позиций и дальнейшее развитие, что в свою очередь связано с языковым воспитанием носителей серболужицкого языка, ростом языковой культуры. Большая ответственность возлагается на серболужицких писателей, а также на тех, чья деятельность непосредственно связана с распространением серболужицкого литературного языка — работников издательств, редакций газет и журналов, сотрудников редакций радиопрограмм.

Сложная языковая ситуация в современной Лужице ставит ряд проблем и перед серболужицким лингвистами. Одни лингвисты первоочередной задачей считают создание новой кодификации серболужицкой литературной нормы, адекватной существующему узусу. Решение ее предполагает не только тщательное изучение действительного литературного узуса, но также и разговорной формы и устного народного языка (см. упомянутые выше работы Р. Енча, Г. Фасске, Р. Летча). Решению этой задачи будет способствовать и вышедшая в свет фундаментальная описательная грамматика современного верхнелужицкого литературного языка /14/. Кодификация серболужицких литературных языков, отражающая объективно существующую норму, может повлиять на стабильность нормы, ограничить влияние диалекта и разговорного языка. Возможности кодификации в этой области подтверждаются такими, например, фактами из верхнелужицкого литературного языка: здесь последовательно употребляется двойственное число (в разговорном языке и диалектах наблюдается частная замена форм дв.ч. формами мн.ч.), конструкции со значением пассива типа 'форма вспомогательного глагола *buć* от основы *bu-* + *-n/-t* формы глагола' (*buch bity*; в разговорном языке формы пассива типа *sym bity wordował*), образование синтетических форм будущего времени от глаголов *s/v*, последовательное употребление форм простого прошедшего времени — претерита, утраченное в диалектах.

Некоторые серболужицкие лингвисты считают, что задачей языковой политики является корректирующая функция, предотвращение беспрепятственного проникновения в литературный узус немецких заимствований, грамматических форм и синтаксических конструкций, по крайней мере там, где есть соответствующие серболужицкие лексические единицы, формы и конструкции. Задача лингвистов — ограничить негативное влияние немецкого языка на функционирование литературного языка серболужичан /38, с.68/. Так, известный серболужицкий лингвист Г. Шустер-Шевц, резко отрицательно оценивая характер, который приобретает современная разговорная

форма серболужицкого языка, пишет и о падении престижа литературной формы серболужицкого языка. Одну из причин современного состояния этой формы Г. Шустер-Шевц видит в отсутствии крупного авторитета (писателя, ученого), языковая практика которого оказала бы в свое время (в первые послевоенные годы) стабилизирующее влияние на литературную норму. Кроме того, еще в 40-е и 50-е годы литературные серболужицкие языки пережили волну экспериментов, в результате которых они "обогатились многими искусственными образованиями, ненужными архаизмами и лишними неологизмами". Все это вело к пренебрежению орфографическими и грамматическими предписаниями и правилами, ослаблению позиций литературных языков, языковой культуры. Обращение же к принципу "народности", требование сближения литературного языка с устной народной речью не могло принести ожидаемых результатов в сложной языковой ситуации Лужицы, в условиях билингвизма и растущего влияния немецкого языка на все формы существования серболужицкого языка, особенно в устных формах. Ориентация на положение в других языках, в частности в чешском, не имела основания, поскольку языковая ситуация в Чехии и других славянских странах, имеющих функционирующие в полном объеме литературные языки и их разговорные формы, принципиально отличалась от языковой ситуации в Лужице. Основные пути, которые могли бы привести к подъему авторитета и престижа серболужицких литературных языков, Г. Шустер-Шевц видит не в изменении существующей кодификации, а в коллективных и личных усилиях каждого серболужицкого интеллигента, особенно писателей и тех, кто профессионально занимается серболужицкой тематикой (историей, фольклором, литературой и т.д.), шире и более последовательно применять серболужицкие литературные языки. Так, например, одним из условий укрепления литературной нормы серболужицкого языка явилось бы создание произведений художественной литературы и научных трудов непосредственно на литературном серболужицком языке, а не через стадию немецкого (с последующим переводом на серболужицкий).

Однако, как нам кажется, возможное более широкое употребление серболужицких литературных языков как средство поднятия их престижа не исключает необходимости научного (с точки зрения лингвиста) изучения их норм и осуществления кодификации, учитывающей современный литературный узус и его соотношение с разговорным узусом. Напротив, необходимость детальной разработки ряда вопросов, имеющих отношение к определению объективно существующей нормы серболужицких литературных языков, еще более возрастает, если учесть такие характерные их черты, как, например, высо-

кая степень вариативности, факультативное употребление различных форм с одинаковой морфологической, синтаксической или семантической функцией. Среди вариантов выделяются такие, которые обусловлены внутренним развитием языковой системы. Здесь возникает противопоставление стилистически нейтральных форм или нейтральных и устаревших, устаревающих или нейтральных и инноваций (ср., например, употребление флексии-вариантов, стилистически нейтральных, -ow и -i в Р.мн. существительных с основой на мягкий согласный: -konjow — koni, koscow — koci или флексий-вариантов в Д.ед. существительных среднего рода -u и -ej (последняя является инновацией). Варианты этого типа в ряде случаев свидетельствуют о взаимодействии литературной и диалектной нормы. Так, употребление флексии -ej наряду с флексией -u у существительных среднего рода отражает процесс генерализации флексии -ej, осуществляемый в большинстве серболужицких диалектов.

В связи с влиянием диалектной нормы возникает и проблема вариантов, которые в серболужицких литературных языках возникают под влиянием внешних причин социально-общественного характера. Так, в верхнелужицком литературном языке, который до второй половины XIX в. был представлен двумя вариантами — протестантским (база современного верхнелужицкого литературного языка) и католическим, опиравшимися на различные диалектные базы (будышинская и каменско-католическая), появляются варианты, и прежде всего в области лексики, которые отражают разное диалектное происхождение носителей верхнелужицкого литературного языка. Ср., например; лексические варианты — běrny — perle 'картофель', honač — karon 'петух', črije — stupnje 'туфли', kosak — kós 'черный дрозд', kraholec-škraholc 'ястреб', pólsica — łoboda 'марь', lomi — łońše lěto 'в прошлом году' и др.; первый вариант будышинского происхождения, второй происходит из каменского диалекта; морфологические варианты, отличающиеся флексией И.ед.: zbože — zbožo, wjesele — wjeselo, lisćeliscó, первый вариант известен в будышинском диалекте, второй — в каменском. Названные варианты стилистически не маркированы и в современном верхнелужицком литературном языке выступают как равноправные¹⁵. Усиление активности элементов католического диалекта, распространенного в окрестностях Каменца, в верхнелужицком литературном языке объяс-

¹⁵ Проблема вариантности нормы серболужицких литературных языков (главным образом, верхнелужицкого) разрабатывается в статьях Г. Фасске (см., например, /34; / 36; 37/); проблема возникновения вариантов рассматривается в связи с вопросом о соотношении кодифицированной нормы серболужицких литературных языков и реально существующего узуса (см. /38; 36; 39; 40/).

няется тем, что с конца XIX — начала XX в. центр общественной активности перемещается из евангелической части в католическую часть Верхней Лужицы¹⁶. Вместе с тем изменяется и роль, степень влияния каменско-католического диалекта на верхнелужицкий литературный язык. Элементы этого диалекта постепенно получают перевес и вытесняют соответствующие элементы — варианты, происходящие из будышинского диалекта. Таково общее направление процесса, отражающего вариантные различия на уровне литературного языка (вариант здесь — не отдельное языковое средство, а иная языковая система): если в течение XIX в. шел процесс интеграции двух вариантов верхнелужицкого языка, приведший к победе евангелического варианта, то в современной языковой ситуации все большую роль начинают играть западные районы центральной части серболужицкой языковой территории. Западные и восточные варианты в верхнелужицком литературном языке как правило равноценны. В некоторых случаях восточные формы И.ед. ср.р. существительных на -у уступили место формам на -о типа *lěco*, *zbožo*; вместо *spřócnu*, *ćernjowa rōža* употребляются *musnu*, *ćernik*, побеждают синтаксические конструкции, которые ранее считались диалектными и избегались, например, *w času*, *hdžež* вместо *w času*, *hdyž*¹⁷. В связи с усилением влияния католического диалекта отметим, что большая часть серболужицкой интеллигенции происходит именно из районов этой диалектной области, отличающейся наиболее компактным серболужицким населением.

В связи с проблемой социально обусловленных вариантов возникает и вопрос о актуальных неисторических изменениях /37/, которые отмечаются у носителей серболужицких литературных языков — представителей разных возрастных групп. Так, например, наблюдаются различия в образовании форм на *ŕ*, входящих в состав форм перфекта глаголов на -ну(ć) типа *wuknuć*, *korpuć*, *radnuć* (см. /37, с.277/): старшее поколение наряду с обычными формам на *ŕ* типа *wuknuŕ*, *korpuŕ*, *radnuŕ* образует также формы типа *wukŕa*, *korŕa*, т.е. непосредственно от базисной морфемы, при этом формы второго типа могут и преобладать. Молодое поколение относится к этим формам как к разговорным, нелитературным и в стилистически нейтральных текстах употребляет исключительно формы, сохраняющие морфему -ну.

Поскольку в норме серболужицких литературных языков

¹⁶ О вариантах-дублетах, обусловленных внешними причинами, см. /34, с.39-40/; ряд примеров на различные по диалектному происхождению варианты приводится в /35/.

¹⁷ Это явление отмечается в ряде работ серболужицких лингвистов (ср., например, /20, с.198; 34, с.39-40; 28, с.60/).

большую роль играют изменения, обусловленные интерференцией сосуществующих норм (разговорной, диалектной), большое значение имеет выработка критериев для оценки вариантов, свойственных литературному узусу. Проблема оценки вариантов тесно связана с вопросом о развитии стилистической дифференциации серболужицких литературных языков, т.е. с развитием системы языковых средств, характерных для определенных литературных жанров. По мнению лужицких лингвистов /14, с.197; 37, с.275/, текстам политической и научной публицистики свойственно возрастающее употребление пассивных конструкций, в которых агенс выражен дополнением с предлогом. В других случаях эти конструкции никогда не имеют выраженного агенса. В научной и научно-популярной публицистике наблюдается развитие номинализации в форме инфинитивных, причастных и деепричастных конструкций или отглагольных существительных. Сознательное использование диалектных элементов (грамматических, лексических) относится к области беллетристики, где они применяются как дополнительное выразительное средство.

Проблема оценки вариантов при недостаточно стабильной норме серболужицких литературных языков приобретает особую сложность благодаря очень разному отношению к литературной норме и ее кодификации носителей серболужицкого языка. Их позиция к существующим в литературных языках вариантам связана не только с принадлежностью к определенному поколению, но и социальному слою, профессиональной группе. В этом смысле показательным оказался проведенный Г. Фасске эксперимент, целью которого было выявить отношение носителей литературного верхнелужицкого языка к его норме и кодификации /38/. В результате эксперимента выявились три группы носителей литературного языка — теоретики языка (лингвисты, оценивающие варианты в зависимости от их отношения к системе и узусу литературного языка, независимо от кодификации), авторы текстов (писатели, журналисты, научные работники — нелингвисты, референты — функционеры и т.д.), знающие кодификацию, но относящиеся к ней критически; в своей практике они допускают варианты, не предусмотренные кодификацией; корректоры (учителя родного языка, редакторы, лекторы издательств, авторы учебников), нетерпимо относящиеся к вариантам, представляющим отступление от кодифицированной нормы.

Как следует из сказанного выше, в условиях серболужицкой языковой ситуации некоторые процессы носят противоречивый характер. Особенно это относится к процессу демократизации в серболужицких литературных языках. Взаимодействие литературных норм с устным разговорным языком и региональными формами является источником обогащения лите-

ратурного языка, способствует развитию стилистической дифференциации, но в то же время являются причиной появления в нем ненужных заимствований, чуждых форм и конструкций. Поэтому закономерной является и действующая в литературном языке тенденция вытеснения таких вариантов, которые пришли в литературный язык из диалектов или разговорного языка. В результате действия этой тенденции сохраняется определенная структурная дистанция между литературным языком и другими формами существования серболужицкого языка.

Кодификация, основанная на учете всех проявляющихся в литературном узусе тенденций и отражающая реальную норму в употреблении языковых средств, может способствовать стабилизации литературной нормы и повышению престижа литературного языка у носителей серболужицкого языка.

В связи с необходимостью создания новой кодификации и укрепления нормы литературного языка особое значение приобретает творчество писателей, произведения которых представляют новую серболужицкую литературу. Наблюдения над языком этих писателей дают возможность выявить круг таких отклонений от кодифицированной нормы, которые носят не индивидуальный характер (или не только индивидуальный характер), но и представить широко действующие тенденции как в лексике, так и в грамматике /42/. В ситуации коллективного билингвизма важную роль играет правильная оценка заимствований из немецкого языка, многие из которых стали составной частью серболужицких литературных языков, хотя и не нашли соответствующего места в словарях (ср., например, *toša, toška* (нем. *Reise-, Handtasche*), *wata* (нем. *Watte*), *sej wumolować* (нем. *malen*). Определенная группа заимствований как стилистическое средство используется лишь в некоторых ситуациях (для придания литературному стилю разговорного характера: в нейтральном стиле обычно соответствуют серболужицкие слова, ср., *koštować — płaćić*).

В заключение отметим, что норма нижнелужицкого литературного языка отличается от нормы верхнелужицкого литературного языка большей неустойчивостью и вариативностью. Это объясняется слабостью литературной традиции в нижнелужицком языке, что в свою очередь связано с целым рядом факторов политического и культурного характера. Нижнелужицкий литературный язык испытывает значительное влияние верхнелужицкого литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fasske H.* Hišće raz k prašenju kategorijow žiwosće a racionalnosće w serbšćinje//*Lětopis* Instituta za serbski ludospyt (далее *Lětopis...*). Rjad A. Č. 24/2. Bautzen, 1977.

2. *Löttsch R.* Einheit und Gliederung des Sorbischen. Akademie — Verlag. B., 1965.

3. *Löttsch R.* Das Problem der obersorbisch — niedersorbischen Sprachgrenze//ZfSl. 1963. B. VIII. H. 2.

4. *Löttsch R.* Einige Bemerkungen zu D. Brozović Aufsatz "C specifičnim vidivima lužičko-srpske jazične problematike//Létopis... Rjad A. Č. 15/1. 1968.

5. *Fasske H.* Wuwice ak./gen. jako wuraz kategorije žiwosće resp. kategorije racionalnosće w serbšćinje//Létopis... Rjad A. Č. 19/1. 1972.

6. *Schuster-Šewc H.* Sprache und ethnische Formation in der Entwicklung des Sorbischen//ZfSl. 1959. B. IV.

7. *Löttsch R.* Niektóre właściwości morfologiczne przejściowych dialektów gornołużyckich — dolnołużyckich//Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 7. 1967.

8. *Летч Р.* Некоторые вопросы морфологической дифференциации лужицких диалектов в связи с общеславянским лингвистическим атласом//Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.

9. *Fasske H.* Sorbischer Sprachatlas. Bd. 11. Morphologie. Die grammatischen Kategorien — Die Paradigmatik des Substantivs bearbeitet von H. Fasske. Bautzen: Domowina — Verlag, 1975.

10. *Michalk F.* Die sorabistische Sprachwissenschaft in der DDR//Македонски језик. 1975. XXVI.

11. *Шолта Я.* Специфика национального развития серболужичан//Формирование наций Центральной и Юго-восточной Европы. М., 1978.

12. *Mětsk F.* Der Anteil der Stände des Markgraftums Oberlausitz an der Entstehung der obersorbischen Schriftsprache, 1668—1728//ZfSlPh. 1959. XXVIII. H. 1.

13. *Schuster-Šewc H.* Die Geschichte der Sorbischen Schriftsprachen (ein) Grundriss//Славянска филологија. С., 1963. III.

14. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart Verfasst von Helmut Fasske unter Mitarbeit von Siegfriede Michalk. Morphologie. Bautzen: Domowina-Verlag, 1981.

15. *Jenč R.* K prašenju normy w hornjoserbskej spisownej řeči//Serbska šula. 17. 1964. 4. S. 247-254; 5. S. 309-317.

16. *Mětsk F.* Rozważowanja k městnu delnjoserbskeje literatury w stawiznach serbskeho pismowstwa//Rozhlad. 10. 1976.

17. *Schuster-Šewc H.* Zur gesellschaftlichen Bedingtheit der standardsprachlichen Prozesse in Bereich der Westslawischen//ZfSlPh. 1973. Bd. XVIII. H. 2.

18. *Schuster-Šewc H.* Wuwice spisowneje řeče pola lužiskich Serbow//Sorabistiske přednoški, 1977. Budyšin, 1977.

19. *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler 16.-18. Jahrhundert. Bautzen, 1967.

20. *Фасске Х.* Формирование серболужицких литературных

языков//Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы. Сборник обзоров. М., 1983.

21. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культура. М., 1985.

22. Korjeńk B. Serbja a serbska řeč//Rozhlad.9.1981.

23. Nedo P. Wo wuwicu žiwjeńskich poměrow a duchowno — kulturneho žiwjenja na wsach//Rozhlad.10.1976.

24. Michalk F. Dialekty a spisowna řeč w Serbach w swětle sociolingwistiki// Rozhlad. 7/8 1978.

25. Michalk S. Mundart und Umgangssprache der Bilingualen von Gross Partwitz im Kreis Hoyerswerda//ZfSl. 1971. B. XVI.

26. Studien zur sprachlichen Interferenz. II. Deutsch-Sorbischen Dialekttexte aus Radibor Kreis Bautzen bearbeitet von S. Michalk und H. Protze. Bautzen: VEB Domowina — Verlag, 1974.

27. Michalk F. Wo sociolinguistiskej situaciji publikuma serbskeho spisowaćela//Rozhlad. 9.1977.

28. Jenč H. Sociolinguistiske wopřijeća a termini w serbšćinje// Contemporary Problems in Linguistic Terminology. Collection of Papers. Göteborg. 1980.

29. Liebsch G. Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitzsch. Bautzen, 1884.

30. Fasske H. Što je norma džensnije spisowneje serbšćiny// Rozhlad. 12. 1968.

31. Lötzsč R. Někotre mysle k prašenju gramatiskeje normy serbskeje spisowneje řeče//Rozhlad. 8.1964.

32. Fasske H. Problemy a perspektiwy serbskeho řečneho slědženja//Rozhlad. 9.1976.

33. Schuster-Sewc H. Zwyšić prestiž spisowneje serbšćiny//Rozhlad. 3. 1985.

34. Fasske H. Wariantnosć normy a jeje typologija//Wariancja normy we współczesnych językach literackich. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1977.

35. Schuster-Sewc H. Preni hornjoserbski słownik//Rozhlad. 12. 1975.

36. Fasske H. K problematice vztahu normy a úzu//Slovo a slovesnost. R. XXXVIII. 1977.-

37. Fasske H. K někotrym aspektam tučasneho wuwica hornjoserbskeje spisowneje řeče//Slavica Slovaca. R. 16. Č. 3. 1981.

38. Fasske H. Poměr nošerjow spisowneje řeče k jeje normje a kodifikaciji//Nadawki a hranicy řečneje kodifikacije. Materialije 7. posedženja Komisije za słowjanske spisowne řeče při Mjezynarodnym komiteju slawistow 21.-23. septembra 1977 w Budyšinje. Budyšin, 1979.

39. Fasske H. Wuwice normy hornjoserbskeje spisowneje řeče a jeje kodifikacije//Rozhlad. 7. 1975.

40. Фаске Г. Норма серболужицкого (литературного) языка и ее кодификация//Проблемы нормы в славянских литера-

турных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.

41. *Fasske H.* Dialektny zaklad hornjoserbskeje spisowneje řeče a wutworjenje wobchadneje serbšćiny//Govornite formi i slovenskite literaturni jazici. Materijali od vtoroto zasedanie na megunarodnata komisija za slovenskite literaturni jazici. Skopje, 1973.

42. *Jenč H.* Řečespytné rozvažowanja při lekturje zběrki powědančkow "Pohladnjenja"//Rozhlad. 2. 1978.

Е. И. Демина

Проблема языкового строительства в социалистической Болгарии*

§ 1. Построение социалистического общества в Болгарии, коренные преобразования в экономической, производственной, государственной, общественной и культурной жизни, научно-техническая революция, рост городов и глубокие социальные и демографические сдвиги, укрепление и расширение международных связей, особенно с СССР и другими социалистическими странами, широкое развитие средств массовой коммуникации (печати, радио, телевидения), огромные достижения в области народного образования и полная ликвидация безграмотности обусловили ускоренное развитие современного болгарского литературного языка (СБЛЯ). Особенно бурно развиваются лексика и фразеология, что связано с необходимостью обозначения значительного числа новых явлений, понятий и реалий во всех сферах жизни. Сложилась и продолжает усиленно развиваться новая терминология, которая из профессиональных языков широко проникает во все коммуникативные сферы и стилевые разновидности СБЛЯ. Характерные изменения в терминологии связаны с новой политической обстановкой, с марксистско-ленинской теорией, методологией и идеологией. В связи с ведущей ролью СССР в построении социалистического и коммунистического общества усилилось влияние

* В настоящей работе автор пытается сформулировать свое теоретическое осмысление проблемы языкового строительства применительно к социалистической Болгарии на современном этапе ее развития и показать, как эта проблема ставится и решается в трудах болгарских лингвистов. Автор не претендует на исчерпывающее описание всех конкретных вопросов, встающих перед болгарскими лингвистами в процессе языкового строительства, а также на полноту библиографических данных, что диктуется ограниченным объемом работы.

русского языка советской эпохи. Ясно прослеживается тенденция к интернационализации лексического состава СБЛЯ. В то же время отошли на периферию языка многие слова, отражающие старый уклад жизни. В условиях новых общественно-экономических отношений, научно-технического и культурного прогресса чрезвычайно расширились общественные функции СБЛЯ, его социальная база. Демократизация всей общественной жизни в новых социалистических условиях способствовала демократизации литературного языка, как количественной (все большее число членов общества, не только интеллигенция, но и широкие слои рабочего класса и трудового крестьянства приобщаются к литературно-языковой формации), так и качественной, связанной с расширением нормативной базы (из субстандартных образований в литературный язык проникает целый ряд народных выразительных средств). Одновременно идет процесс интенсивной интеллектуализации СБЛЯ, связанной с активным развитием новой терминологии и ее детерминологизацией, с интернационализацией в области лексического состава языка и его национализацией /1/.

Изменения в нормативном комплексе, которые переживает в связи с этим СБЛЯ, выдвигают на первый план ту сознательную и целенаправленную деятельность общества по устройству, обогащению и усовершенствованию своего литературного языка, которую в болгарском языкознании обычно называют "языковым строительством" и внимание к которой было впервые привлечено в трудах А.Теодорова-Балана и Л.Андрейчина /2,3/.

§ 2. Несмотря на широкое распространение этого термина в современной болгарской лингвистике, содержание, которое вкладывается в обозначаемое им понятие, далеко не всегда однозначно. Такая расплывчатость исходного понятия мешает четкому осознанию и формулировке задач, которые стоят перед болгарским литературным языком на современном этапе его развития.

Нередко языковым строительством называют литературную деятельность болгарских писателей, вносящих свой вклад в развитие системы выразительных средств СБЛЯ и способствующих популяризации установленного в нем нормативного комплекса. Самох писателей при этом называют "языковыми строителями". Так, например, обратив внимание на процесс словотворчества в языке отдельных писателей, когда созданные ими окказионализмы оставляют длительное впечатление, начинают воспроизводиться, дают толчок к появлению сходных с ними по структуре или ассоциации образованиям и тем самым из индивидуального превращаются в общенародное, авторы приходят к выводу: "Это определяет роль художественной речи как важного источника языкового развития и обогаще-

ния, а писателей — как языковых строителей” /4, с. 246—247/.

Роль художественной речи как важнейшего фактора развития и обогащения литературного языка бесспорна. Но можно ли в связи с этим считать писателей ”языковыми строителями?” Очевидно, здесь не проводится необходимое различие между такими феноменами, как развитие языка (литературного языка), с одной стороны, языковое строительство как меры воздействия общества на направление этого развития, — с другой. В то же время нельзя не согласиться с тем, что изучение индивидуального словотворчества, способов достижения коммуникативной и эстетической содержательности речи в новейшей болгарской литературе является важным моментом в изучении тенденций и особенностей развития современного болгарского языка /4, с. 247/ и, добавим от себя, одной из важных задач языкового строительства.

Об участии в языковом строительстве говорится и по отношению к специалистам, что ”их относительная роль в языковом строительстве и в языковой культуре постоянно возрастает” /5, с. 470/. Так, например, проанализировав случаи неправильного числа от существительных с собирательным значением типа: *облекло — облекла, пепел — пепели, сгурия — сгурии*, которые широко проникли в текст рекламы производственных и торговых предприятий (ср.: *Поръчки за дамско и мъжко облекло* вм.: *Поръчки за дамско и мъжко облекло*), а отсюда в речевую практику и язык печати (ср. в таких центральных газетах, как ”Работническо дело”, ”Отечествен фронт” словоупотребления: *спортни и джинсови облекла, оползотворяването на пепелите и сгуриште*). Р. Русинов указывает, что нередко такие неправильные формы множественного числа пускаются в обиход специалистами в соответствующей области и из-за этого получают весьма высокую престижность среди остальных членов общества, что, в свою очередь, связано с превращением этих форм в языковую моду и имеет своим следствием очень быстрое их усвоение и многими другими членами общества /5, с.470/. Все же и здесь, очевидно, правильнее говорить о возникновении новых явлений в литературно-языковом узусе, о роли специалистов в какой-то профессиональной сфере в закреплении их в этом узусе. Вопросы же оценки инноваций, возможности включения их в литературно-языковую норму, нацеливания стихийного процесса развития, т.е. вопросы языкового строительства, как об этом свидетельствует и сам факт появления рассматриваемой статьи, решаются специалистами.

Иногда ”языковым строительством” называют сам процесс обучения литературному языку в школе, особенно если речь идет об обучении в условиях диалектной среды детей, которые

первоначально в семье усвоили узус диалектной речи /6, с. 112/. Очевидно, в этом случае имеется в виду лишь один из аспектов языкового строительства, связанный с внедрением принятых устроителями СБЛЯ нормализаторских решений в языковую практику, что, как известно, входит в круг задач языкового обучения и языковой культуры, и в этом смысле можно согласиться с общим выводом: "Если мы действительно хотим решить вопросы языкового строительства в национальном масштабе и проводить правильную языковую политику, нужно нацелить свое внимание к школе, где формируется языковая культура, так, как это делал проф. Андрейчин" /6, с. 117/.

Напомним в связи с этим, что, придавая большое значение вопросам языковой культуры, общеобязательному характеру литературно-языковых орфографических и орфоэпических норм, Л. Андрейчин четко разграничивал понятия "языковое строительство" и "языковая культура", давая следующее теоретическое обоснование этому: "Следует проводить различие между степенью развития нашего современного языка, которая бесспорно высока, и степенью овладения его выразительными средствами теми или иными лицами, той или иной средой. Так что, с одной стороны, перед нами стоят вопросы языкового развития и строительства, а с другой — вопросы языковой культуры" /7, с. 14/. В другом месте он пишет: "Под языковой культурой мы понимаем правильное, разностороннее и активное усвоение богатства выразительных средств родного языка, и специально литературного языка, без чего немислима наша современная жизнь и современное наше духовное и материальное строительство. Усвоение национального литературного языка в этом смысле — одна из важнейших задач нашего культурного развития. Обучение родному языку в болгарских школах преследует цель заложить основы необходимой более высокой языковой культуры у подрастающих поколений, что имеет особое значение для всего учебного процесса и для всей дальнейшей личной, трудовой и творческой жизни каждого человека и гражданина" /8, с. 233/.

М. Лилов подходит к определению понятия "языковое строительство", исходя из представления о том, что только литературный язык может полноценно исполнять функции инструмента культурного строительства, что только он может быть средством осуществления национальной культурной политики, а поэтому существуют своеобразные особенности в развитии и функционировании этого языка. По его определению, языковое строительство — это "активное, целенаправленное внимание к проблемам языка с целью нахождения наиболее подходящих путей его развития и эффективных средств воздействия на него. Эти два круга задач определяют и два аспекта языкового строительства: языковую политику как сбор взгля-

дов о состоянии и перспективах модели литературного языка и языковую культуру как сбор начинаний, имеющих своей целью достижение такой реализации, которая в наивысшей степени отвечает требованиям этой модели (причем из особенностей этой реализации делаются выводы и оценки будущего модели)" /9, с. 55—56/. Автор подчеркивает, что от точности этих оценок и обоснованности прогнозов зависит в высшей степени естественное развитие литературного языка, а это, в свою очередь, связано с углубленным познанием особенностей и закономерностей развития национального культурно-исторического процесса — и именно в этой связанности проявляется наиболее характерное в развитии языка в современную эпоху /9, 56/.

Таким образом, М. Лилов включает понятия "языковая политика" (сбор взглядов о состоянии и перспективах модели ЛЯ) и "языковая культура" (сбор начинаний по достижению соответствующей требованиям этой модели реализации) в число аспектов понятия "языковое строительство". В то же время такие важные аспекты языкового строительства, как выявление изменений в норме в итоге специального исследования современного состояния СБЛЯ и оценка этих изменений с целью их последующей кодификации или борьбы за сохранение старой нормы, как и сам аспект кодификации, не раскрыты, в лучшем случае отодвинуты на задний план, и лишь из замечания в скобках к понятию "языковая культура" ("из особенностей реализации делаются выводы и оценки будущего модели") можно заключить, что автор в какой-то мере имел эти аспекты в виду. При этом аспект кодификации нормы в определении не отражен.

Напротив, Й. Пенчев в понятии "языковое строительство" выделяет прежде всего момент кодификации ЛЯ. По его мнению, "когда мы утверждаем, что строительство болгарского языка продолжается (или должно продолжаться), мы встаем на ту точку зрения, что процесс кодификации литературного языка не завершен и что он вообще в определенных аспектах не завершается" /10, с. 57/.

Аспект кодификации нормы при определении понятия "языковое строительство" выдвигает на первый план также И. Дуриданов. Рассматривая языковое строительство как раздел прикладного языкознания, опирающегося в решении практических задач на лингвистическую теорию общего языкознания, И. Дуриданов считает его важной задачей периодическое рассмотрение существующей литературно-языковой нормы с точки зрения вновь возникших явлений (инноваций) в узусе, чтобы приводить ее в гармонию с живыми тенденциями разговорного языка. Язык находится в движении, следовательно, и норма не должна отставать, следовать за динамикой языка

и своевременно ее отражать /11, с. 19/. Задачи языкового строительства встают в связи с непрерывным обогащением лексики СБЛЯ новыми словами в условиях экономического и культурного развития болгарского народа после 9 сентября 1944 г., с расширением терминологии, с необходимостью мер по умеренному употреблению входящих в ЛЯ иноязычных слов путем их отсева и замены их болгарскими словами, а также в связи с изменениями в живой речи фонетического или грамматического характера и необходимостью внести соответствующие изменения в кодификацию нормы.

Аспект языкового строительства, связанный с необходимостью внедрения в языковую практику носителей ЛЯ принятых вновь или уже существующих нормализаторских решений, И.Дуридановым не выделяется. Говоря об изменениях на уровне узуса разговорной речи, он не учитывает возможности, а иногда и необходимости вмешательства общества в лице службы языковой культуры и языкового обучения в направление этого развития до того, как оно станет принятой общественной нормой, а связывает непосредственно наличие таких изменений в узусе с необходимостью изменений в кодификации. При этом признается оправданной кодификация региональных вариантов и, в связи с этим, расслоение, дублетность нормы. Так, например, отметив в результате наблюдений над живой речью широкое распространение таких неправильных, недопустимых с точки зрения действующей нормы форм, как членные формы существительных ж.рода на согласный *-тъ* в м. *-та*: *мисълтъ*, *благодарностъ*, *нощтъ* и т.п. в м. *мисълта* и под., которые встречаются и в речи образованных лиц, И. Дуриданов заключает: "По моей оценке, эти формы утвердились на уровне узуса, стали традиционными, обычными, так как ни на кого не производят впечатления территориальных вариантов, какими они являются в действительности. Налицо явное противоречие между устной разговорной практикой образованных слоев общества и кодифицированной книжной нормой. Поэтому время подумать, не следует ли допустить и формы на *-тъ* в качестве литературных, разумеется, наряду с формами на *-та*, как мы допустили дублетные формы *веднаж/веднѣж*, *зимас*, *зимаска/зимѣс* и под." /11, с. 12/. Ср. ниже, в тексте статьи, аналогичное предложение относительно нормы произношения гласного на месте дрб. *ѣ* под ударением.

В отличие от этого, определяя языковое строительство как "те меры, которые общество сознательно принимает для правильного устройства и усовершенствования своего языка" /12, с. 11—12/, В.Станков в числе этих мер называет прежде всего разностороннее и многонаправленное движение за более высокую языковую культуру, которое включает в себя: непримиримость к ошибкам и слабостям в произношении, т.е. наруше-

ниям произносительных норм болгарского литературного языка, борьбу за орфографическую культуру и усовершенствование болгарского правописания, требование точной и выразительной речи — против языкового шаблона, стремление к правильному и богатому в грамматическом отношении языку, борьбу за чистую речь — против ненужных иноязычных слов /12, с. 8/. В этой связи подчеркивается необходимость создания "представительного и авторитетного органа, который имел бы статус и полномочия основного регулятора процессов в болгарском литературном языке" /12, с. 13/ и способствовал бы проведение целенаправленной языковой политики, как это имеет место в ряде европейских стран. В качестве такого органа могла бы выступать постоянная комиссия по языковой культуре при Президиуме Болгарской академии наук, включающая в свой состав выдающихся языковедов, литературоведов и писателей (с численным преобладанием языковедов). Задачей такой комиссии должно было бы стать периодическое обсуждение состояния болгарского литературного языка и внесение (при необходимости) предложений об изменениях и уточнениях правописных и произносительных норм и о конкретных мерах, связанных с повышением языковой культуры общества, регулированием процессов развития словарного состава, научно-технической терминологии, транскрипции и под. Решения комиссии должны иметь обязательный характер для всех административных, культурных, научных, учебных и иных институций в стране, причем предусматриваются соответствующие санкции за уклонения от их исполнения. Более существенные изменения в орфографии могут войти в силу лишь после утверждения Государственным советом. "Созданием комиссии по языковой культуре будет положено начало по проведению единой государственной политики в области языкового строительства у нас" /12, с. 14/.¹

Отметив, что после переломного 1944 г. при социалистических культурных, общественных и производственных отношениях неизмеримо возрастает роль и участие всех слоев общества в языковом строительстве /12, с. 7/, В.Станков подчеркивает, что борьба за более высокую языковую культуру может быть плодотворной, только если она выйдет из тесной сферы специалистов и охватит широкие круги самих носителей языка /12, с. 14/. Важная роль при этом принадлежит школьно-

¹ Это предложение, прозвучавшее на Первой национальной конференции по языковому строительству в 1978 г., поддерживается и в более поздних публикациях. Ср., напр.: /13, с. 33/. В то же время высказывается и мнение о преувеличенном характере выдвинутых предложений, что, очевидно, учитывается государственными органами, не приступившими к созданию подобных комиссий и подкомиссий /14, с. 172/.

му обучению, средствам массовой информации — печати, радио, телевидению.

Таким образом, в понятии "языковое строительство" на современном этапе В.Станков прежде всего подчеркивает аспект, связанный с сохранением литературно-языковых норм путем повышения языковой культуры общества. "Сохранение этих литературных норм каждым членом нашего общества — основное мерило культурной и общественной зрелости" /12, с. 9/. Аспект оценки состояния норм на современном этапе и при необходимости их изменения и уточнения передается в ведение комиссии по языковой культуре, которая должна проводить единую государственную политику в области языкового строительства. По этой формулировке задач комиссии, ее скорее следовало бы, на наш взгляд, назвать комиссией по языковому строительству.

Некоторые болгарские языковеды считают, что понятие "языковое строительство" наряду с понятием "языковая культура" являются составной частью "языковой политики", и определяют его как "целостную деятельность как по улучшению, обогащению литературного языка и правильному нацеливанию его развития в коренным образом измененных общественных, культурных и производственных условиях нашей страны, так и по укреплению и усовершенствованию языковой практики общества" /15, с. 182/.

Поскольку, по мнению М.Виденова, в современной социолингвистике используются три термина с примерно одним и тем же содержанием: языковая политика — языковое планирование — языковое строительство, что ведет к ненужной терминологической синонимике, он предлагает отказаться от последнего из названных терминов. Понятие "языковое строительство", на его взгляд, оказывается неудобным, поскольку, подчеркивая субъективную роль, наводит на мысль, что могут создаваться такие модели, какие мы хотим — таких элементов, которые могут отсутствовать как в узусе, так и в норме /14, с. 161—162/. Как реально используется этот термин болгарскими языковедами, какой смысл вкладывается в это понятие в имеющихся публикациях, автор не рассматривает.

Для обозначения "целенаправленной селективной социальной деятельности, направляющей стихийное социально-языковое развитие, выражая субъективную волю определенной социальной группы" /14, с. 162, курсив автора. — Е.Д./, М.Виденов предлагает термин "языковая политика". Оценив языковую ситуацию, а также характер инноваций с точки зрения определенного социального мировоззрения, определенного ценностного комплекса, деятели языковой политики принимают определенные решения. Возникает необходимость теоретического обоснования выбора критериев для принятия таких решений,

в частности, социолингвистических критериев. Для обозначения "теории решений" в языковой политике М.Виденев использует термин "языковое планирование". Следовательно, заключает автор, "языковое планирование является самой важной составной частью языковой политики" /14, 162/. Как составная часть в него входит "языковое прогнозирование", которое опирается на объективные параметры, наблюдаемые в узусе, и норму определенных сфер общества /14, с. 162—166/. При этом языковое планирование имеет только регулирующую функцию: оно не может поставить перед собой задачи, которые противоречат языковой политике и не проистекают из определенной современной языковой ситуации /15, 175/. Языковая политика тесно связана со всей социальной политикой и относится к ней как функциональная часть к целому: "невозможно, чтобы реакционное общество следовало прогрессивной языковой политике" /14, с. 162—163/. Диагностическими моментами, по которым может быть оценена языковая политика любого общества, являются, с одной стороны, отношение к элементам диалектных формаций, проникающим в литературный язык, с другой стороны — отношение к новым словам чужого происхождения /14, с. 163/. Хотя любая кодификация совершается с позиций определенной языковой политики, последняя является более широким понятием, чем кодификация, поскольку она охватывает и те меры, которые предшествуют акту кодификации: она планирует, какие из изменений в языковом узусе могут быть централизованы и за счет чего /14, 167/. Планирование выражается в нацеливании процесса языковых изменений /15, 166/. В задачи языкового планирования входит также языковое воспитание /15, с. 172/.

При этом норма как коллективное дело всего общества в последнем счете является тем фильтром, который принимает или отбрасывает предлагаемые в кодификации варианты. Кодификатор находится под покровительством государства, но не через полномочия комиссий, которые могут применять и санкции, а благодаря введению решений в практику государственных институций /14, с. 174/.

М.Виденев отказывается от "упрощенного" понимания "языковой культуры" как овладения структурными моделями языка. Новое содержание этого понятия, по его мнению, сводится к преодолению затруднений ("смущений") в языковом канале с помощью активизации словообразовательной деятельности, национализации заимствований, приближения транскрипции к фонетическому облику слова в языке, откуда проникло заимствование, языковой интернационализации и под. /14, 168/.

Таким образом, перераспределив по-своему между отдельными понятиями и терминами сферу той деятельности в обла-

сти ЛЯ, которую можно было бы отнести к языковому строительству, и соподчинив эти понятия, М.Виденов учитывает разные аспекты этой деятельности и рисует в целом достаточно полную картину. В то же время не все в его определениях представляется удачным. Понятие "языковая политика" оказывается перегруженным: с одной стороны, это часть социальной политики, призванной исходить из учета современной языковой ситуации как результата современного общественного развития /14, с. 165/: ее целью может быть, например, демократизация ЛЯ. С другой стороны, в него включается вся конкретная деятельность по осуществлению языковой политики в области развития ЛЯ: выявление изменений, их оценка, принятие решений, внедрение их в практику ("языковое планирование"). Вместе с тем в числе функций языкового планирования называется нацеливание процесса языковых изменений, т.е. функция скорее собственно языковой политики, а также языковое воспитание — функция языковой культуры. Понятие кодификации сопоставляется с понятием языковой политики (как более широким понятием), хотя из рассуждений автора следует, что кодификация — это, скорее, часть деятельности в сфере "языкового планирования" (принятие решений). Это объясняется, видимо, тем, что в понятие "языковое планирование" вкладывается неодинаковый смысл: это и собственно планирование, частью которого является прогнозирование, и "теория решений", т.е. определение критериев выбора между узуральными решениями, при подготовке кодификации, и само принятие решений (т.е. кодификация), и языковое воспитание. Заметим, что в термин "языковое строительство" эксплицитно не включено подчеркивание субъективного момента, идея произвольности "постройки", как это думает автор, а из тех определений, которые ему даются в работах болгарских и не только болгарских исследователей, легко убедиться в том, что речь идет о деятельности, опирающейся на объективные закономерности развития ЛЯ и объективные факты.

§ 3. Понятие "языковое строительство" применительно к языковой ситуации в Болгарии представляется нам оправданным, поскольку оно, охватывая все те меры, которые использует общество для развития, укрепления, обогащения, устройства и усовершенствования своего литературного языка, позволяет сохранить и такие необходимые понятия, как языковая политика, языковая культура, кодификация. Исследуя ниже проблемы языкового строительства в социалистической Болгарии, на которые обращено внимание болгарских лингвистов, я исхожу из следующего предлагаемого мною определения этого понятия. Языковое строительство — сознательная и целенаправленная деятельность общества, представленного учеными-лингвистами, по претворению в жизнь принципов государ-

ственной языковой политики путем выявления и социальной оценки изменений, происходящих в литературном языке на данном этапе его развития в условиях данной языковой ситуации; принятия обоснованных в свете языковой политики и лингвистических соображений внутривидового характера решений о их включении/невключении в кодифицированный нормативный комплекс литературного языка; внедрения принятых решений в практику с помощью службы языковой культуры и языкового обучения².

Следует подчеркнуть, что понятие языкового строительства относится только к сфере литературного языка — выявлению происходящих в литературно-языковом узусе изменений, их оценке, принятию соответствующих решений и мер для их внедрения в литературно-языковую практику. Эта как бы сама собой разумеющееся обстоятельство не всегда достаточно эксплицируется, что способствует неточности изложения и может привести к сдвигу реальных представлений. Ср., например, в целом удачное определение этого понятия: "...языковое строительство, т.е. те меры, которые общество сознательно предпринимает для правильного устройства и усовершенствования своего языка" /12, с. 11—12, разрядка моя.—Е.Д./ и далее: "...язык — сложное общественное явление, которое развивается по своим собственным закономерностям. К его устройству следует подходить научно, принимая во внимание особенности языковой системы и подкрепляя тенденции, которые являются результатом естественного языкового развития. Попытки путем грубого внешнего вмешательства, декретирования или пожеланий воздействовать на язык в принципе обречены на неуспех" /12, с. 12/. Ср. также: "Можно сказать, что болгарские языковеды хорошо изучают прошлое и современное состояние болгарского языка, но следует признать, что у них нет плана его настоящего и будущего строительства. Здесь задача двойная: с одной стороны, создается новое в языке, с другой стороны — ведется борьба с паразитическим в нем" /18, с. 122/.

В настоящей работе во всех случаях, когда говорится о проблематике языкового строительства, речь идет об устройстве современного литературного болгарского языка. Процессы влияния литературного языка на диалекты, интердиалекты и другие формы существования болгарского языка, как и развитие последних, протекают стихийно и сознательному регулированию не поддаются. Иное дело, что при решении проблем языкового строительства следует исходить из учета особенностей болгарской языковой макросистемы и внутривидовых тенденций ее развития, что отражено в предложенном

² При работе над данной формулировкой сыграло свою роль знакомство со статьей Э. Каргожа /16, с. 443—446/. Ср. также: /17/.

нами определении, а также учитывать роль субстандартного влияния.

§ 4. Проблематика языкового строительства в социалистической Болгарии чрезвычайно актуальна. В обращении ЦК БКП к Первому конгрессу общества филологов-болгаристов подчеркивалась важность решения "тех проблем, которые ставят перед языковым строительством современная научно-техническая революция, процессы единения и сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами, современные формы общения между странами и народами" /19/.

Большое значение придается тому аспекту языкового строительства, который связан с повышением языковой культуры носителей СБЛЯ. Как подчеркивает П. Зарев, "в развитом социалистическом обществе, в условиях культурной революции практически все слои должны владеть в достаточно высокой степени нормами и богатством разговорного и письменного литературного национального языка, чтобы быть полноценными участниками во всей общественной жизни каждый на своем месте, каждый со своей ответственностью. И еще одно хочу подчеркнуть: языковая культура — одна из самых важных сторон эстетического воспитания" /20/. Ср. в связи с этим тот примечательный факт, что с 1979 г. в Софийском университете введена специальная дисциплина "Языковая культура" /21/. Задача обучения болгарскому языку как трудная и почетная задача учителей по болгарскому языку и литературе, всех учителей и воспитателей от дошкольного возраста до высших учебных заведений была поставлена Т. Живковым во вступительном слове на Пленуме ЦК БКП 16 июля 1979 г.

Задачи, стоящие перед языковым строительством, необычайно широки: от принятия глобальных решений по наиболее актуальным вопросам литературно-языкового развития, до выявления частных, нередко связанных с одной какой-то формой, одной лексемой сдвигов в норме и их оценки в аспекте возможности/невозможности кодифицирования. Например, глагол *отлагам/отлага се* зафиксирован в словарях СБЛЯ с двумя значениями: 1) 'откладывать', 2) 'снимать' (шапку). На основе исследования конкретного языкового материала (главным образом, учебников по медицинским специальностям), выявления широко закрепившейся в узусе практики употребления глагола *отлага се* (под влиянием русского языка) со значением 'отлагаться', предлагается включить и это значение в новые издания болгарских словарей /22/. И в этом весьма частном случае проявляются основные стороны феномена "языковое строительство": 1) исследование конкретного материала, выявление инновации; 2) оценка этой инновации с точки зрения перспективы развития современной литературно-языковой нормы с учетом языковой политики, социолингви-

стического и внутрисистемного аспекта вопроса; 3) предложение кодифицировать инновацию, т.е. включить ее в систему болгарского литературного языка; 4) разъяснение предлагаемого решения через службу языковой культуры.

Заметки подобного рода широко публикуются в болгарских языковедческих журналах, специально в ж. "Болгарский язык" в разделе "Языковая культура", сливаясь в общий поток исследования динамики современной нормы. Много сделал в этом отношении проф. Л. Андрейчин, отдельные разработки которого объединены в специальных изданиях /23; 7/. Обсуждение проблемы языкового строительства выносятся в постоянные рубрики многих неспециальных журналов и газет (Отечествен фронт, Вечерни новини, Литературен фронт, Отечество, София и др.), где не только языковеды, но и писатели, читатели дискутируют по некоторым открытым вопросам, главным образом, болгарского правописания /21/. Об усиленном интересе всей болгарской общественности к этим вопросам свидетельствует и Первая национальная конференция по языковому строительству, состоявшаяся в октябре 1978 г. в Софии /24/, а также Первый конгресс общества филологов-болгаристов, проведенный в Софии в октябре 1984 г. /25/. Проблемы и тенденции развития СБЛЯ, связанные с общим культурным, экономическим и общественным развитием, необходимость усовершенствования литературного языка и своевременных изменений в его норме широко рассматривались на Третьей комплексной международной научной конференции по болгаристике /26, с. 30/. Им были посвящены многие доклады Первого международного конгресса по болгаристике в мае 1981 г. /27/.

§ 5. Проблемы языкового строительства всегда стоят перед обществом, владеющим литературным языком как единой для всей нации, нормированной, поливалентной, функционально и стилистически расчлененной, представительной формой языкового общения. Как неоднократно отмечалось, "с эпохи существования любого литературного языка различные типы его "обработки" неизбежны, а часто и необходимы. Это вызвано общественным стремлением либо сохранить известное единство литературного языка, либо способствовать его же дальнейшему развитию, либо и тем и другим одновременно (изменяясь, литературный язык в каждую эпоху не лишается и некоторой целостности)" /30/.

Уже отсюда ясно то сложное диалектическое взаимодействие, в котором находятся такие различные по своей природе и по своему существу явления, как развитие литературного языка, с одной стороны, языковое строительство, — с другой.

Влияя на развитие литературного языка в определенном направлении, языковое строительство является важнейшим экстралингвистическим фактором этого развития /31/ как во

внутриструктурном, так и в функциональном и стилистическом плане. Вместе с тем для того, чтобы осуществлять сознательное, целенаправленное вмешательство в стихийный ход языкового развития, давать правильную оценку вновь появляющихся языковых единиц и правил их употребления, решать вопросы нормирования, общество в лице своих облеченных соответствующими знаниями и полномочиями представителей-языковедов должно четко представлять себе основные закономерности и движущие силы развития ЛЯ на современном этапе, особенности современной языковой ситуации, оценивать развитие ЛЯ с позиций марксистско-ленинской философии и государственной языковой политики, исходить из этого в решении конкретных вопросов. Учитывая основные движущие силы литературно-языкового развития, его закономерности на современном этапе, языковое строительство должно способствовать наиболее целесообразному, отвечающему основным потребностям социалистического общества и его языковой политике направлению этого развития, что достигается путем принятия нормализующих кодификаторских решений и внедрения их в языковую практику общества.

Такие хорошо известные особенности развития современных литературных языков в социалистических странах, в том числе в Болгарии, связанные со значительными переменами в их общественной и культурной жизни, как демократизация, интеллектуализация, интернационализация и др. процессы, представляя собой прогрессивные тенденции развития ЛЯ, ложатся в основу языковой политики социалистического общества и тем самым в основу языкового строительства. Не следует смещать акценты и представлять дело так, что демократизация, интеллектуализация, интернационализация и т.п. литературного языка — это проявление языкового строительства, как это, например, можно понять из следующей формулировки: "...многие из явлений, которые наблюдаются в процессе языкового строительства, могут одновременно характеризоваться как проявления интернационализации, интеллектуализации и универбизации или же как проявления национализации, демократизации и мультивербизации" /32, с. 145/. Языковое строительство лишь вводит в нормативный комплекс и стремится внедрить в литературно-языковую практику одна из выразительных средств, возникших в результате действия указанных тенденций развития, выводит за пределы нормы другие и борется с ними с помощью службы культуры речи (ср. борьбу за чистоту болгарского языка и устранение из него ненужных иностранных слов, субстандартных влияний, борьбу против стандартизации языка массовой информации и под.).

При этом успех кодификаторских усилий зависит от того,

насколько они отражают реальную речевую практику общества, существующие в ней узус и норму. Решения, не основанные на знании реальных, живых особенностей функционирования тех или иных выразительных средств литературного языка, являются своеобразной языковой маниловщиной. Вместе с тем кодификация некоторых узуальных решений, соответствующих основным тенденциям развития ЛЯ, но еще не перешедших на уровень принятой обществом нормы, способствует закреплению их в этой норме, подталкивает языковое развитие в определенном направлении.

§ 6. Перед языковым строительством в современной Болгарии стоят два основных круга задач, требующих каждый своего подхода и выработки своих критериев при их решении.

Прежде всего, это круг задач, связанных с исследованием и оценкой тех изменений в нормативном комплексе, которые возникли в результате действия внутренних тенденций развития системы литературного языка в рамках литературно-языковой практики в новых социолингвистических условиях. Это и пополнение системы выразительных средств ЛЯ, особенно лексически, и становление системы некоторых присущих главным образом письменному языку особенностей (транскрипция, аббревиация и под.), и нарушения некоторых нормативных правил, недостаточно четко, без должного учета литературно-языковой практики сформулированных в свое время или подвергшихся изменению в процессе этой практики (ср., например, проблему согласования при формах учтивости).

Некоторые болгарские языковеды именно этот круг задач рассматривают как объект языкового строительства, считая другие отклонения от нормы в литературно-языковой практике объектом службы языковой культуры и языкового воспитания. Ср., например, приводившееся выше высказывание Л. Андрейчина о задачах языкового строительства и языковой культуры /7, с. 14/. По мнению М. Лилова, современное языковое строительство должно исходить из черт, которые присущи литературному языку, взятому в его современном состоянии как результат исторического развития, как система с собственной практикой и как носитель собственных тенденций развития. Изменения в его составе или в его нормативном комплексе должны делаться тогда, когда перекрещиваются или деформируются некоторые присущие ему структурные или функциональные оси и это приводит к нарушениям в его собственной системе. Остальные языковые системы "могут и должны использоваться как источники или коррективы: однако они должны восприниматься не как непосредственно составляющие, а как параллельные, при этом подчиненные системы". /33, с. 63/.

Во-вторых, это круг задач, связанных с проникновением в литературно-языковую практику, главным образом в разго-

ворную форму, некоторых субстандартных особенностей, что находится в тесной зависимости от характера современной языковой ситуации.

§ 7. Сама языковая ситуация в современной Болгарии неодинаково расценивается разными лингвистами.

Как отмечает М.Лилов, важнейшей особенностью функционирования СБЛЯ в настоящее время является то, что при наличии развитой структуры, при установленном и недвусмысленном нормативном комплексе он на известный период лишен такой адекватной социолингвистической базы, которая отвечала бы его структурному состоянию. Его структурное развитие опередило функциональное; поэтому в настоящее время очень небольшая часть говорящих на этом языке владеет его средствами в полной степени развития, которой они достигли. Этому способствовали быстрые перемены в общественной жизни: урбанизация страны в условиях ее индустриализации, демократизация всей культурной жизни и включение в нее самых широких слоев населения, расширение сфер функционирования ЛЯ, превращение его в средство повседневного общения чрезвычайно большого числа людей, принадлежащих к разному общественному, культурному, интеллектуальному уровню, стилистическое разветвление ЛЯ, становление его диалогичной формы /33, с. 60/.

Х.Вальтер, сопоставляя языковую ситуацию в ГДР и НРБ, приходит к заключению, что и для Болгарии, где диалекты уже имеют периферийное значение, можно говорить о существовании региональных литературных языков, которые сохраняют ряд особенностей больших диалектных групп, например, палатализацию всех согласных перед *e* и *u* в восточноболгарских областях или еkanie (респективно гиперкорректное яkanie как следствие диалектных особенностей) в западноболгарских областях /34, с. 70/.

Некоторые лингвисты при описании современной языковой ситуации основное внимание обращают на то, что наряду с СБЛЯ и диалектами на современном синхронном срезе в Болгарии функционируют так называемые интердиалекты, существующие в форме разговорного коммуникативного средства определенных социальных групп в современных городских макроструктурах и представляющие собой новые структурные целостности, составленные из диалектных и литературных по происхождению элементов /35/. Если расширение социальных групп, для которых литературная формация является центральной и обязательной, привело к нетерпимости к диалектным языковым проявлениям в ряде сфер человеческой деятельности (например, в интеллектуальной, научной сфере, где поддерживается литературно-языковая норма в своем наиболее престижном виде), то для многочисленных городских

групп населения интердиалект выступает как представительное средство общения. По утверждению М. Виденова, "современный город требует разрыва с диалектной нормой, но не предъявляет ко всем прослойкам требования овладеть литературной системой" /14, с. 146/.

Если, замечает он, под "стандартом" понимать "литературно—языковую кодификацию", то интердиалекты являются субстандартными образованиями. Если, однако, принять за стандарт "социальную терпимость к определенному средству коммуникации в городских социальных макроструктурах", то, по его мнению, интердиалекты уже не имеют характера субстандарта для многолюдных группировок /35, с. 82/. Именно это интердиалектное общество является неисчерпаемым источником расширения группы владеющих литературным языком, чем объясняется его влияние на СБЛЯ. "Интердиалекты — закономерность, полученная от контакта двух социальных потребностей: современной (литературный язык) и бывшей (традиционные территориальные диалекты)" /35, с. 83/. Следовательно, заключает он, "говоря о норме современного болгарского языка, необходимо учитывать присутствие еще одного нормативного комплекса — интердиалектного, характерного для многочисленных городских социальных групп" /35, с. 83—84/.

Автор забывает, что, по его же определению, существуют разные интердиалекты; даже в рамках одного города может быть несколько интердиалектов (ср. ситуацию в Софии), т.е., очевидно, ему следовало бы говорить о существовании наряду с нормой СБЛЯ еще какого-то (пока не установленного) числа нормативных комплексов. Трудно согласиться с утверждением, что требование овладеть системой СБЛЯ предъявляется не ко всем городским социальным прослойкам: ср., например, приведенное выше программное высказывание П. Зарева о том, что в развитом социалистическом обществе в условиях культурной революции практически все слои должны владеть в достаточной выскокой степени нормами и богатством разговорного и письменного национального литературного языка /20/. Сомнительно сближение нормативного комплекса СБЛЯ и интердиалектов на основе принципа социальной терпимости.

Вместе с тем исследования М. Виденова важны для понимания реальной картины современной языковой ситуации в Болгарии, в условиях которой живет "социальная группа центральных носителей литературно-языковой формации" /35, с. 82/. Здесь следует особенно выделить работы М. Виденова, посвященные исследованию софийской языковой ситуации, софийских "интердиалектов", отражающих черты западноболгарских городов, поскольку именно они в принципе могут быть источником субстандартных влияний на литературно-языковую практику наиболее престижных слоев носителей СБЛЯ (ср.,

например, ниже проблему "екания" и "сверхъякания") /36, 14, с. 204—206/. Языковые особенности этих городских койне, противоречащие кодифицированной норме СБЛЯ, проявляют тенденцию закрепиться в узусе устной литературной речи части интеллигенции, что нередко рассматривается как основание для постановки вопроса о необходимости их включения в нормативный комплекс СБЛЯ. Ср. в связи с этим констатацию, что на современном этапе общение с помощью средств литературного языка все еще имеет нестабильный, колеблющийся характер /37, с. 212/.

§ 8. Если при решении первого круга задач, связанных с внутрилитературным развитием, основным критерием для устройств СБЛЯ является "унаследованная тенденция к единству и унификации национального языка как инструмента культурного строительства" /33, с. 60/, то пути решения второго круга задач расходятся. Иногда в таких случаях также исходят из сформулированного выше принципа единства ЛЯ. Так, например, под влиянием разговорного языка широкой среды интеллигенции (в силу воздействия со стороны западных говоров) в литературном языке исчезло употребление одного из остатков падежных форм имени — формы в. п. личных имен муж. р. Сейчас письменной и устной нормой является *чакам Иван* вместо поддерживаемого до 9 сентября как норма *чакам Ивана*, ср. также *письмо от Петко* вм. *письмо от Петка*, *стихотворение от Вазов* вм. *стихотворение от Вазова* /38, с. 72/.

Но нередко современные болгарские языковеды предлагают в подобных случаях включить в литературно-языковую норму дублетные образования: кодифицированную форму и форму (формы) субстандартного, регионального характера. Считается, что постепенно, в процессе конкуренции в живой литературно-языковой практике, один из дублетов победит. Тем самым прокладывается дорога в норму различным субстандартным образованиям (региональным вариантам, интердиалектным влияниям).

Этот путь языкового строительства иногда считают проявлением тенденции к демократизации литературного языка. Хотелось бы, однако, обратить внимание на то, что в данном случае само понимание языкового строительства оказывается весьма специфическим: исходя из наблюдения над процессом стихийного развития СБЛЯ и давая свою оценку направления этого развития, устройства СБЛЯ принимают решение о включении всех имеющихся в узусе реализаций данной особенности системы в норму (что уже является кодификаторским актом), рассчитывая на победу одной из них в процессе дальнейшего стихийного развития и тем самым отказываясь от такого необходимого этапа языкового строительства, как внедрение принятых решений в литературно-языковую практику с помощью

службы языковой культуры и языкового обучения. Да такое внедрение в принципе и невозможно именно в силу того, что неясно, какой из признанных равноценными дублетов внедрять (ср. ниже принятое в одном из нормативных словарей СБЛЯ решение о равно допустимом в литературном произношении "якании" и "екании"). В то же время нельзя не учитывать, что кодифицирование какой-либо языковой особенности служит стимулом ее стабилизации в узусе. В болгарской лингвистической печати высказывались возражения против упрощенного и расширительного понимания процесса демократизации ЛЯ.

Расценивая демократизацию как основной принцип языкового строительства в социалистической Болгарии, что диктуется демократическим характером ее языковой политики, требованием "следить за процессами в языке и — не вызывая смущений в языковой практике общества — своевременно вносить изменения в нормы литературного языка и правописания" /12, с. 10/, некоторые ведущие болгарские языковеды выступают, однако, против ее понимания как "нерегулируемого использования всех возможных или существующих форм и слов, освобожденных от тисков литературно-языковых норм, которые якобы душат и убивают их живительные соки" /37, с. 214/. В силу своей специфики кодифицированная норма всегда отстает от литературно-языковой практики, более консервативна по сравнению с ней, т.к. регламентируется уже установившееся, стабильное, а не новое, едва намечающееся. Поэтому демократизация, т.е. стремление к приведению норм литературного языка в соответствие с современным состоянием литературно-языковой практики, с живыми процессами, протекающими в языке как динамичной системе, необходима. Ярким проявлением тенденции к демократизации ЛЯ является проведенная в 1945 г. реформа правописания /28/. Но в любом случае демократизация не должна восприниматься как освобождение от всяких усилий "изучать" литературно-языковую систему и ее нормы /37, с. 214/.

Рассмотрим поставленные здесь проблемы на примере одного из наиболее остро обсуждаемых, наиболее болезненных вопросов болгарского языкового строительства — вопроса о произношении и буквенном обозначении гласного на месте дрб. *ѣ* в позиции перед твердым слогом или твердым согласным под ударением. В дискуссии по этому вопросу, которой охвачена не только научная, но и широкая общественность Болгарии, горячо отстаиваются предложения внести изменения в кодифицированную норму СБЛЯ; в то же время высказываются серьезные доводы в ее защиту.

§ 9. Как известно, по произношению гласного на месте дрб. (*ѣ*) в позиции перед твердым слогом под ударением (дрб. *хлѣбъ*, *вѣра*) все болгарские говоры делятся на восточные

(хляб, вяра) и западные (хлеб, вера). В позиции под ударением перед мягким слогом в восточных говорах ѣ произносится как *è, ê* (хлѣбни, вѣрни), т.е. имеет место чередование [’á];[è], [’â]/[ê], за исключением некоторых юго-восточных говоров, где чередования нет (хля̀бни, вя̀рни). В западных говорах также нет чередования, и на гласный на месте дрб. ѣ представлен во всех позициях под ударением как [è], ср.: /39/.

Уже к моменту первого кодификаторского решения, закрепленного Руководством по общему правописанию 1899 г., было признано считать литературным произношение, соответствующее ситуации в центральных балканских говорах /40/, с чередованием [’â]/[ê] на месте дрб. ѣ (такое произношение в болгарском языкознании принято называть ”яканием”), причем при написании сохранялось употребление буквы ѣ на традиционном месте (в зависимости от характера следующего слога или согласного). Норма произношения буквы ѣ была сформулирована в Руководстве следующим образом: ”Буква ѣ в принципе произносится и как я, и как е. Как я она в принципе произносится, когда на нее падает ударение и после нее не следует мягкий слог: грѣхъ, живѣль, вѣра, облѣнь; как е в принципе произносится, когда на нее не падает ударение и когда после нее идет мягкий слог: грѣхове, грѣшень, живѣли, вѣри и под”. /41/.

Написания через ѣ сохранялись кодификациями БЛЯ вплоть до реформы 1945 г., когда было принято правило, что на месте ѣ (е-двойное) пишется е или я в соответствии с литературным произношением /42/. Специальных статистических и социолингвистических исследований того, действительно ли норма двойного произношения гласного на месте ѣ под ударением в зависимости от твердости/мягкости следующего слога или согласного характерна для узуса литературно-разговорной речи того времени, не проводилось (как не проводились в достаточно широком масштабе они вплоть до нашего времени), однако уже тогда кодификаторам было ясно, что западноболгарская интеллигенция нередко этих норм не придерживается и ѣ во всех позициях произносится обычно как е /43, с. 55/. Этому в значительной мере способствовали и написания через ѣ, не несущие информацию о произношении обозначенного этой буквой гласного и допускавшие поэтому возможность в устной речи следовать характерному для того или иного из диалектных регионов произношению. Сорок лет, которые прошли с момента принятия в 1945 г. официального Руководства по орфографии, в этом отношении существенно отличались от предшествующего периода: написания конкретных слов и словоформ уже несут информацию о принятом кодифицированной нормой произношении, что не могло не оказать влияния на постепенное овладение литературно-языковым обществом ”яка-

нием” как предприсываемым нормой произношением. Всеобщее образование, сеть школьного обучения, общий подъем культуры и роли ЛЯ способствовали закреплению нормы ”якания”, тому, что в настоящее время, как это отмечалось в одном из докладов на Первой национальной конференции по языковому строительству в 1978 г., носителями БЛЯ от 8 до 35 лет ”екание” (т.е. произношение [è] на месте ъ в позиции перед твердым слогом под ударением) воспринимается как жаргонно маркированное /6, с. 118/. Автор одной из работ самого последнего времени отмечает, что постановление комиссии 1944—1945 г. оказало очень большое влияние на дооформление ”якового” языкового сознания у современного болгарина и в настоящее время ”екание” воспринимается преимущественно как узко диалектная раздражающая и недопустимая в литературно-языковой практике особенность /44/.

Вместе с тем, состояние нормы обозначения на письме и, особенно, произношения гласных на месте ъ остается наиболее спорной и актуальной проблемой языкового строительства в Болгарии. Как это можно заключить из многочисленных высказываний по данной теме, в настоящее время в болгарской литературно-языковой практике наблюдаются две тенденции в отклонении от литературно-языковой нормы, неодинаковые по своим результатам, но во многом имеющие общие корни.

С одной стороны, отмечается тенденция связывать произношение [’à] на месте ъ не с двумя предписываемыми нормой факторами: [1] позиция под ударением, [2] твердость следующего слога, а только с первым из них, т.е. с ударением /45/. Так, наряду с формами *сръда*, *бял*, *желязна*, *тяхна* все чаще встречается употребление форм *сръди*, *бяли*, *желязни*, *тяхни*, т.е. произношение [’à] в позиции перед мягким слогом под ударением, которое иногда называют ”сверхъяканием”. Оно отмечается у существительных (*мърки*, *обяди*, *промъни*, *смъни*, *сръди*), прилагательных (*бяли*, *голями*, *лятни*, *припръни*, *пръсни*, *святни*, *цъли*), причастий (*връли*, *вървляли*, *изкуфляли*, *пожълтяли*, *изживяни*, *навъртяни*, *разпиляни*), местоимений (*тяхен*, *тяхни*, *всяки*).

При переносе ударения на другой слог [’à] независимо от характера следующего слога переходит в [e]. Как это отмечает Б. Вылчев на основе своих общих впечатлений, в устной речи наиболее часто встречаются формы прилагательных и причастий с [’à] на месте ъ в позиции перед мягким слогом под ударением, реже — существительные и местоимения. В письменной речи подобные отклонения от нормы чаще встречаются у причастий, реже у прилагательных и местоимений и совсем редко — у существительных /44, с. 68/. ”Сверхъякание” встречается у носителей литературного языка из обеих диалектных областей, и не может быть объяснено поэтому только влиянием западно-

болгарской языковой ситуации, как это предполагалось вначале /46/, хотя больше оно распространено в Западной Болгарии /44, с. 68/.

Существуют различные объяснения явления "сверхъякания". Высказывается мнение, что оно возникло в языке интеллигенции западноболгарского происхождения еще в период до реформы 1945 г.: желая овладеть нормой литературного произношения, но не получая необходимой информации о таком произношении из написаний с *ѣ*, образованные лица из Западной Болгарии произносили [ʼà] также и перед мягким слогом под ударением: *бял, бя̀ли*, что, однако, воспринималось, судя по незначительному числу рифм с *я* перед мягким слогом в стихотворных текстах, как нелитературное явление /47/. Чаще "сверхъякание" объясняют действием аналогии (Б. Цонев, К. Попов, Ст. Стоянов, Хр. Първев, П. Пашов, Б. Николаев и др.) или "сверхстарательностью" (М. Виденов). При этом имеет место не только аналогия с яковыми формами типа *бял, бя̀ла, бя̀ло* (и отсюда — *бя̀ли*), но и аналогия со словами, включающими в свой состав группу фонем: мягкий согласный + *a*, восходящее к дрб. *ka*, в которых, в отличие от восточноболгарских говоров, согласно норме СБЛЯ, чередование перед мягким слогом отсутствует: *поля̀на — поля̀ни, пия̀н — пия̀ни* (и, по аналогии с этим, "сверхъякание": *разпиля̀н — разпиля̀ни, простря̀н — простря̀ни*) /48/. Различие в ориентированности нормы СБЛЯ в случаях *бял — бя̀ли* (в соответствии с восточноболгарской моделью) и *пия̀н — пия̀ни* (в соответствии с западноболгарской моделью), по мнению некоторых исследователей, является одной из причин расшатывания нормы "якания" в современном литературно-языковом узусе /11, с. 21/. Высказывается предположение и о действии в данном случае языковой экономии — отказа от чередования, имеющего фонетический характер /44, с. 72/. Наконец, высказывается предположение, что это явление возникло на почве литературного языка: литературный узус корригирует норму путем объединения элементов двух диалектных областей, т.е. отсутствия чередования в западной области и произношения *я* в восточной с целью создания нормы, опирающейся на общеполитарскую основу /44, с. 71/.

Видимо, появление "сверхъякания" можно объяснить совместным действием перечисленных факторов, причем в конкретной языковой и коммуникативной ситуации на первый план выступает тот или иной из них. Все это нуждается в серьезном социолингвистическом изучении. Так, уже на основе отраженных в печати наблюдений можно заключить, что явление "сверхъякания" характерно для людей, в своей повседневной речи прибегающих к общению на диалекте. Тот же Б. Вылчев отмечает, что, когда общение идет на местном диалекте, рефлекс старого гласного *я*ть произносятся полностью в соот-

ветствии с внутренней формой диалекта, отклонения единичны. Если же общение связано с употреблением литературного языка, "начинают часто проявляться якавые формы", причем, по общему впечатлению автора, это явление шире распространено в Западной Болгарии /44, с. 68/.

Спорным в свете этих данных представляется мнение Б. Вьлчева о том, что "сверхъякание" возникло на почве литературного языка, который "через свой узус снова идет по линии, отличной от положения в обеих частях нашей языковой территории" /44, с. 71/. Ср. в связи с этим наблюдения о появлении "сверхъякания" в таких субстандартных образованиях, как городские говоры, койне, интердиалектные образования, где широко осуществляются процессы языковой интерференции по линии литературное/диалектное в направлении приближения к литературно-языковой норме. Очевидно, именно из таких субстандартных образований это явление проникает в обиходно-разговорную речь, а иногда и в печать /48/. Так, М. Виденов отмечает наличие "сверхъякания" (как "сверхстарания") в софийском городском интердиалекте жилых районов Врыбница и Надежда у молодежи: *тѣхци, голѣми, лѣтци*, к которому прибегают при условии, что адресат речи из другой языковой среды. В остальных случаях молодые, как и во всех случаях более пожилые, "екают" /36, с. 91; 14, с. 205/. Наблюдения М. Виденова позволяют судить об очень важной особенности: "сверхъякание" характерно для тех же носителей субстандартных форм языка, которые в ситуации обычного, не рассчитанного на желание показать свое владение престижной литературно-языковой формацией общения, "екают". Следовательно, вряд ли здесь есть основания говорить о сдвигах в литературно-языковой норме, речь, очевидно, может идти лишь о недостаточном овладении этой нормой у некоторых носителей субстандартных образований, что иногда приводит к гиперкоррекции. Степень проникновения этих субстандартных проявлений в устную и письменную речь престижных слоев носителей СБЛЯ нуждается в специальном изучении.

В работе Б. Вьлчева на основании проведенного им теста (в письменном тексте сделаны отклонения от принятых нормой написаний, в частности, написаний типа *бял, бели*, и студентам—болгаристам предложено отметить эти ошибки) дана вполне определенная констатация: "современный носитель болгарского литературного языка не воспринимает якавое отклонение от нормы произношения как диалектное, т.е. считает его за допустимое и правильное в литературно-языковой практике" /44, с. 73/. Отсюда делается вывод, что в будущем можно предположить утверждение и расширение этого явления, что может привести к расшатыванию действующей в настоящее время нормы. Этому может способствовать то, что эти отклонения от

нормы наиболее часто отмечаются в наиболее престижной столичной (софийской) языковой ситуации. Поскольку составители последнего издания Орфографического словаря СБЛЯ предложили включить в орфоэпическую литературную норму "екание", т.е. произношение типа *хлеб, бел* при обозначении этих же слов на письме через *хляб, бял* /49/, Б. Вылчев предлагает: "Если при яковом написании допускаются екавые формы, которые воспринимаются как нелитературные (диалектные), следовало бы допустить и обратное — при екавом написании якавые формы, которые не воспринимаются как нелитературные" /44, с. 73—74/. Он не замечает при этом тот факт, что "сверхъякание" потому и не воспринимается некоторыми носителями СБЛЯ как нелитературное, что оно возникло в результате гиперкоррекции, т.е. именно в результате стремления говорить "по-литературному" при недостаточном усвоении литературно-языковой произносительной нормы. На данном этапе развития СБЛЯ оно может расцениваться только как ошибочное, хотя и свидетельствует о потенциальной возможности определенных сдвигов в норме в направлении ее упрощения, а именно отказа от учета фактора твердости/мягкости следующего за слогом с *ѣ* слога и ориентации только на фактор ударения: в позиции под ударением всегда ['à], в безударной позиции — всегда [e]. Мнение о необходимости кодификации "сверхъякания" в некоторых формах, а именно в формах прилагательных и причастий мн. числа по аналогии с ед. числом: *бял — бяла — бяло — бяли; живял — живяла — живяло — живяли* и под., т.е. об отказе от перегласовки во мн. числе под влиянием мягкого слога, как это имеет место в некоторых юго-восточных говорах, уже высказывалось в самое последнее время в процессе обсуждения ситуации с произношением гласного на месте *ѣ* в СБЛЯ. Это изменение в норме предлагается сочетать с признанием "екания" в разговорной речи правильным литературным вариантом "якания", т.е. *бял и бел, хляб и хлеб, дядо и дедо* /50, с. 14/. Признать нормативными все три варианта произношения, а затем через известное время сопоставить их употребление в узусе и оставить в качестве нормативного один из них предлагает Вл. Мурдаров /13, с. 28/.

Насколько широко распространено явление "сверхъякания"? Вернемся в этой связи к анализу информативности теста, проведенного Б. Вылчевым в указ. соч. Прежде всего, он рассчитан на пассивное языковое поведение испытуемых: им предложено отыскать отклонения от нормы (ошибки) в искусственно созданном письменном тексте, т.е. ошибки, которые в реальном общении в принципе могут и не возникать. То, что испытуемые заметили не все отклонения от нормы (в частности, 85% из них не обратило внимание на "сверхъякание" в написаниях *цяли, извъряни, пожьлтяли, сряди, тяхен*), может сви-

детельствовать об уровне их образованности (грамотности) и "корректорского умения", а не об их реальных произносительных и правописных навыках. Очевидно, лишь наблюдение над живым, непреднамеренным, активным языковым поведением устным и письменным с учетом ряда социолингвистических параметров (возраста, социального и территориального происхождения, профессии участников речевого контакта, особенностей языковой и коммуникативной ситуации общения, темы и стилистической отнесенности высказывания, самой возможности рассмотрения его как литературно-языкового и под.) могло бы дать материал для суждения о состоянии рассматриваемой литературно-языковой нормы и степени отклонений от нее в сторону "сверхъякания" или "екания".

С другой стороны, по мнению ряда болгарских лингвистов живой тенденцией в развитии СБЛЯ является ограничение "якания". О реальных отклонениях в литературно-языковой норме, постепенно закрепляемых нормативными словарями СБЛЯ, можно судить по все возрастающему числу слов, в которых кодифицировано вместо "якавого" "екавое" произношение и написание. Как известно, определенное количество таких исключений в произношении слов, воспринятых в литературный язык из западноболгарских говоров или церковнославянского и русского языков, типа *век, човек, лекар, Преспя* (западноболг.), *размер, лицемер, водомер, дело, предел, успех, смел, смелост, напев* (русск. или цсл.), допускалось еще в Грамматике 1944 г. Л.Андрейчина (т.е. в период, когда эти слова писали через ѣ) /43, с. 54—55/; ныне число таких отклонений в сторону "екавого" не только произношения, но и написания возрастает /11, с. 21—22/. Оно стало проникать и в систему грамматических форм в результате действия морфологического закона унификации раздвоенного корня; ср., например, не только *хлебен*, но и *хлебна, хлебно, цветен — цветна — цветно, светски — светска — светско*. В ряде слов в качестве нормы признано наряду с "яковым" также и "екавое" произношение, т.е. узаконены варианты (дублиеты) типа: *невеста/невяста, обед/обяд, гнездо/гняздо, мех/мях, преспя/пряспя, стреха/стриха* и др. /11, с. 23/.

Ограничению "якания" способствует ряд факторов и, прежде всего, то обстоятельство, что в обиходно-разговорной речи интеллигенции западных областей Болгарии, а к ним принадлежит и столица София, по констатации болгарских лингвистов, широко употребляется "екавое" произношение. Из устной языковой практики городского населения "екавизмы" постепенно проникают в литературно-языковую узус, закрепляются в нем и в ряде случаев кодифицируются. Как это отметил И. Дуриданов, важно, что подобные "екавые" формы имеют

наддиалектный характер, поскольку сочетают в себе черты западных говоров — "екавизм" и литературного языка — в них сохраняется согласный *x*, опускаемый в диалектных западно-болгарских формах: *хлеб*, *хлебове* вм. *леб*, *лебове*, *мех*, *грех*, *вървех*, *бех* и под. Поэтому эти формы используются западно-болгарской интеллигенцией как нормальные, как литературные /11, с. 25—26/.

По словам Дуриданова, "процесс расширения екавых форм вместо кодифицированных якавых в устной языковой практике (узусе) городского населения Западной Болгарии в настоящее время принял такие размеры, что уже не может быть остановлен никакой принудительной кодификацией. Нельзя не считаться с тем фактом, что екавые формы сегодня не являются ограниченным явлением, присущим только нашим сельским говорам, что из-за своего широкого распространения в языковом узусе городской интеллигенции западноболгарских областей они получили характер наддиалектного явления" /11, с. 25/. Ссылаясь на необходимость демократизации литературно-языковой нормы, И. Дуриданов замечает, что сложность правил произношения изменяемого "я" (они насчитывают пять пунктов), значительное количество исключений из этих правил делают трудным их усвоение, что "обрекает на неграмотность всю нашу интеллигенцию из западной Болгарии". По его мнению, вопрос назрел, и должен быть решен, чтобы задерживать развитие литературного языка. "Выход в настоящее время может быть один: екавые формы должны быть допущены без исключений в кодифицированную норму наряду с яковыми" /11, с. 26—27/.

Предлагая признать "екание" в разговорной речи правильным литературным вариантом "якания", т.е. *бял* и *бел*, *хляб* и *хлеб*, *дядо* и *дедо*, Ст. Стоянов мотивирует это тем, что "норма якания в литературном языке имеет и свои отрицательные стороны. Западные наши говоры остались в изоляции и неравноправном положении по отношению к восточным" /50, с. 10/. В связи с этим Ст. Стоянов считает "ошибочным шагом" устранение буквы *ѣ* из болгарского алфавита, поскольку ее употребление, как это подчеркивал еще Ст. Младенов, могло бы обеспечить единство в написании слов со старым гласным *я* при дублетности в произношении: *бѣл* (*бял* и *бел*), *вѣра* (*вяра* и *вера*), *хлѣб* (*хляб* и *хлеб*) /51/. К. Попов, выступая за равноправие "якания" и "екания", аргументировал это тем, что яkanie в литературном языке превратило западную Болгарию в языковом отношении в провинцию северо-восточной Болгарии /46/. По его мнению, объявление "екавых" форм дублетами "якавых" и свободная конкуренция между ними естественным путем завершится победой одной из них. При этом норма яkania не может рассчитывать на повсеместный успех, т.к. проти-

воречит одному из внутренних законов болгарского языка, который гласит, что изменение в грамматических формах не может приводить к изменению коренного гласного, например: *чета, четещ*, в то время как при якании он изменяется: *бял, бяла — бели, белият*. Поэтому якание не может легко и правильно усваиваться в разговорной практике населения западных областей /52/. Заметим в связи с этим, что "якание", т.е. перегласовка коренного гласного на месте дрб. *ѣ* под ударением в зависимости от характера следующего слога, присуща значительному массиву восточноболгарских говоров, следовательно, является одним из внутренних законов болгарского языка как диасистемы.

Как известно, против доводов такого рода неоднократно выступал Л. Андрейчин: "Не нужно упрощать положение до такой степени, чтобы думать, что норма якания ставит в бесправное ("обезправено") положение западных болгар. В действительности, одна из других норм: сохранение *e* и *o* в безударных слогах — происходит из западных говоров и следует знать, что ее усвоение представляет еще большую трудность для восточных болгар, чем якание для западных. Допущение двойного произношения — якания и екания — в литературном языке было бы возвращением назад, пример чего едва ли можно найти в других языках, но, что еще важнее, оно приведет и к более сильному разъединению в нашем литературном языке, поскольку неизбежно откроет путь и для выпячивания других областных особенностей как в речи западных, так и в речи восточных болгар" /53/.

Отметив наличие значительного числа нормативных правил в СБЛЯ, основанных на ситуации в западноболгарских говорах /38, 54, 55/, хотелось бы привлечь внимание также к тому обстоятельству, что для значительного числа балканских говоров центрального типа у границы по *ѣ*, которые, возможно, составили диалектную базу СБЛЯ, характерно сосуществование в разных комбинациях диалектных черт и восточноболгарского, и западноболгарского диалектных типов. Учитывая это, как нам кажется, нет оснований резко противопоставлять черты обоих диалектных типов в норме СБЛЯ /24, с. 238/.

Как отмечается в специальной литературе, существует и еще одна, чисто социолингвистическая, причина расшатывания нормы "якания" в сторону "екавого" произношения. По наблюдениям М.Виденова (1969—1972 гг.), значительная часть местной софийской молодежи, занятой в престижных социальных сферах, в которых требуется безупречное соблюдение литературно-языковой кодификации, несколько лет тому назад начала создавать особый стиль для повседневных нужд разговорной коммуникации в своей неофициальной молодежной среде. В этом стиле "екание" нарочито используется с

целью показать через речевое поведение свою принадлежность к коренному софийскому населению в противоположность вновь прибывшим провинциалам /14, с. 206/. Это, в свою очередь, придает некоторую престижность "екавому" произношению, поскольку, как отмечает Виденов, в настоящее время "софийская интеллигенция делает обязательным свой бытово-разговорный стиль в качестве разговорного стиля всей страны" /14, с. 152/.

Не для всех языковедов возможность признания вариантности "якания" и "екания" как произносительной нормы СБЛЯ представляется достаточно очевидной. Как отмечала в своем выступлении на Первой национальной конференции по языковому строительству Е.Георгиева, если целью языкового строительства является единство произношения, целесообразно расширять влияние диалектов на произносительную норму /24, с. 238/.

Подходя к проблеме произношения *ѣ* с позиции обучения родному языку, Р. Новачкова подчеркивает: чтобы было обучение, должна быть традиция, а новаторство может быть внесено в норму лишь после углубленных, точных научных исследований. Нельзя 30 лет строить ныне принятое произношение бывшего *ѣ*, а сейчас, не проверив, какова постройка, разрушать ее. Возможно, социолингвистическое обследование покажет, что против "якания" только пожилые носители языка. Есть данные, что для носителей языка от 8 до 35-летнего возраста "екание" маркировано как жаргон /6, с. 118/.

На необходимость статистических исследований проблемы с учетом возрастной дифференциации носителей языка, т.е. на необходимость социолингвистического подхода к решению проблемы "якания" указала П.Баракова. Она напомнила, что придерживание к исходным диалектным системам, отсутствие твердости *ѣ* в применении нормы в сербохорватском языке привело к значительному взаимному удалению сербского и хорватского языков /24, с. 239/.

При решении вопроса о произношении *ѣ* (как и при решении других проблем фонетической и фонологической системы ЛЯ) М.Лилов считает необходимым исходить из признания комплексного характера языковой нормы. В отличие от времени, когда элементы различных систем постепенно входили в единую систему, но отношения между ними еще не имели системного характера, что находило свое отражение в литературно-языковой практике, в настоящее время изменение какой-либо нормы имеет не локальное, а общее значение. Оно отражается в ряде направлений, дает свои результаты на разных уровнях и иногда нарушает системность отношений в параметрах, весьма удаленных от первоначального изменения. Так, введение "екания" привело бы к созданию таких форм

несовершенного причастия прошедшего времени на *-л*, используемого в составе пересказывательных времен (*четел* вм. *четял*), которые не встречаются вообще в болгарских говорах. Следовательно, заключает М.Лилов, необходимость подобного изменения нормы отпадает /33, с. 62—63/.

В другом месте он подчеркивает, что отклонения от нормы, которые обусловлены все еще недостаточным ее усвоением, как это имеет место при "якании", требует особого к себе отношения при рассмотрении нормативного комплекса и мотивов его ревизии. Они имеют иную социолингвистическую значимость, чем ошибки, вызванные стремлением к соблюдению требований какой-либо устаревшей нормы /24, с. 237/.

Как показывает наш подробный обзор, несмотря на оживленное обсуждение вопроса, реальное состояние нормы произношения гласного на месте бывшего *ѣ* в свете современной языковой ситуации (характер произносительных вариантов, их распределение между стандартными и субстандартными образованиями, между разными социальными, возрастными, территориальными группами населения, частота и коммуникативные условия их встречаемости) практически остается недостаточно изученным. Основанные скорее на общих наблюдениях и впечатлениях, а также на некоторых идеях экстралингвистического характера, чем на анализе достаточно представительного литературно-языкового материала, оценки исследователей позволяют им прийти, как это показано выше, к противоречивым выводам и рекомендациям. По-видимому, до проведения углубленных социолингвистических наблюдений, которые позволили бы выявить реальное состояние и тенденции развития литературно-языкового узуса в настоящее время, какие-либо изменения в существующей норме преждевременны. Возможно, здесь уместно вспомнить программное высказывание Л.Андрейчина: "Странно, что все еще не редки у нас случаи, когда не осознаются хорошо роль и значение литературного языка как высшей и единой для всего народа формации в сложных процессах общения и творчества в нашей современной общественной действительности, которая активизировала и приобщила к более совершенным формам культурного и технического прогресса все слои нашего народа. Это развитие жизни у нас диктует затягивание, а не распускание языковой дисциплины, опору на лучшее усвоение литературного языка, а не тягу назад к местным диалектам, сознание огромного значения языкового единства в культурной, общественной и производственной жизни, а не подкармливание местных амбиций" /7, с. 16/.

Нельзя забывать и о том, что нормы национального языка обычно позднее всего охватывают произношение /56, с. 10/.

§ 10. Предложения о включении в литературно-языковую

норму в качестве равноправных вариантов субстандартных, региональных вариантов произношения, постепенно проникающих в язык столичных жителей, в том числе некоторых представителей интеллигенции, касаются и других случаев. Упомянем здесь, например, предложение о включении в норму произношения членной формы ж.р. существительных на согласный *-тъ* наряду с кодифицированной формой *-та* /11, с. 19—20/. Как отмечает М. Виденов, "без сомнения, одной из первых задач, стоящих перед нашей современной социолингвистикой, является адекватная регистрация речевой нормы социально престижных групп по некоторым спорным пунктам, которые затрудняют языковое общество: напр., яkanie и екание, затверждение согласных перед окончанием глаголов второго новоболгарского спряжения в 1 л. ед. числа и 3 л. мн. числа (тип *вървъ-вървѣтъ*), произносительная норма членной морфемы имен ж.рода ед. числа, оканчивающихся на согласный (тип *песентъ*) и др. Проведение тщательно подготовленной анкеты среди престижных столичных социальных групп, занятых в сферах, для которых литературный язык является профессиональным средством, может навести кодификаторов на интересные размышления. Едва ли оправданно напрасно тратить столько усилий для поддержания кодификации, которая не подкрепляется даже нормой таких социальных сословий. Трудно было бы найти разумные доводы против допущения широко распространенного "сверхъяkania", против произношения типа *вървъ*, или типа *песентъ* /14, с. 197/. В то же время целесообразно, очевидно, прислушаться и к мнению ученых, которые считают, что проникновение в структуру и функции литературно-языковой системы недостаточно, когда вносятся изменения в ее норму. Непременно следует иметь в виду, что носитель языка очень часто допускает неточности с точки зрения критериев соотносительности с его структурой, выражающиеся прежде всего в излишестве языкового материала (использовании многих вариантов) /13, с. 31/³. Впрочем, автор этого высказывания считает возможным компромиссное решение признать нормативными все три варианта произношения бывшего *ѣ* с целью сопоставить их после определенного времени и тогда на основании узуса определить в качестве нормативного один из них.

§ 11. Вернемся к рассмотрению круга задач языкового строительства, которые связаны с внутривидовым разви-

³ Ср. точку зрения на проблему советского социолингвиста: "Следует сказать, что строго нормативная точка зрения отвергает "региональные варианты" литературного языка, когда неправомерно ставятся в один ряд нормы литературной речи и отклонения от них (в виде диалектно окрашенной речи носителей литературного языка)" /58. с. 7/.

тием СБЛЯ как саморегулирующейся системы, с реализацией заложенных в его системе потенциальных возможностей (что, впрочем, не означает его самоизоляции от общих закономерностей развития национального болгарского языка как диасистемы /ср. 59, с. 56—59/, а также от влияния социолингвистических факторов).

Речь идет, во-первых, о наблюдении над естественным процессом уплотнения литературно-языковой модели новыми выразительными средствами, главным образом лексическими /60/, с целью влияния на отбор возникающих в процессе этого пополнения вариантов и борьбы за чистоту ЛЯ с учетом установлений в области языковой политики, а также с учетом того, чтобы вновь возникшее выразительное средство "вписывалось" в существующую систему и норму, в наибольшей степени соответствовало ее закономерностям. Встающие в ходе этого процесса острые проблемы, связанные, в частности, с борьбой за чистоту болгарского языка /10, 7, с. 11—12/, с принципами создания терминологических систем и детерминологизацией /32/, широко обсуждаются в специальной и широкой печати, в частности, в рубрике "Языковая культура" ж. "Болгарский язык". Предлагая и обосновывая тот или иной вариант решения какого-либо конкретного вопроса, участники такого рода обсуждения вносят определенный вклад в первый этап языкового строительства: исследование материала и оценка альтернативных решений. В рамках данной ограниченной по своему объему статьи мы не рассматриваем круг указанных вопросов, в значительной мере относящихся к задачам культуры речи.

Во-вторых, речь идет о наблюдении над узуальными сдвигами в литературно-языковой практике, имеющими тенденцию закрепляться в ней как норма, с целью либо препятствовать тому, чтобы эти узуальные решения перешли на уровень принятой обществом нормы, либо способствовать такому переходу /61, с. 86—87/. Служба языковой культуры, разъясняя нормативные правила предписывающей грамматики, выступает обычно именно против несоответствующих этим правилам узуальных реализаций системы. Тем самым она выявляет слабые места принятого в ЛЯ нормативного комплекса. Если узуальные решения перешли на уровень принятой обществом нормы, какие-либо предписывающие усилия устройств ЛЯ оказываются запоздалыми, а сама эта норма рано или поздно кодифицируется.

§ 12. Примером того, как явления, сложившиеся в литературно-языковом узусе, постепенно закрепляются в принятой обществом носителей ЛЯ норме и учитываются в дальнейшем в нормативных грамматиках, что является фактически шагом к их кодификации, может послужить развитие так

называемой счетной формы мн. ч. существительных муж. р., оканчивающихся на согласный, которая активно выходит из употребления при нарицательных существительных, обозначающих лицо: *вм. ожидаемого употребления после количественного числительного (и в других случаях, когда имеется в виду определенное количество предметов) счетной формы *пет* *войника* все чаще не только в разговорной, но и в письменной форме СБЛЯ встречаем *пет* *войници*, т.е. обыкновенную форму мн. ч. Эта живая тенденция широко отмечается в нормативных грамматиках СБЛЯ. Ср.: От существительных нарицательных, обозначающих лицо, в языковой практике, однако, все чаще предпочитают обыкновенные формы мн. ч. после количественных числительных: *петдесет* и *пет* *войници*, *сто* и *петдесет* *учители*, *триста* *летовници* и др. После мужских личных количественных числительных, оканчивающихся на *-ма*, *-има*, *-ина* также употребляются обычные формы мн. ч.: *двама* *студенти*, *петима* *инженери*, *седмина* *работници* и др. /62, с. 108/.*

Подробно исследовав употребление счетной формы в письменной и устной литературно-языковой практике и отметив значительные колебания в выборе между нею и обыкновенной формой множественного числа как личных, так и неличных существительных муж. р., П.Пашов приходит к заключению: "Мы не можем сказать, что "двама сина" — ошибочное употребление, но нельзя не признать, что выражение "двама синове" все больше утверждается как норма" /63, с. 40/.

В других работах, посвященных этому вопросу, также отмечается, что употребление обыкновенных форм мн. ч. после числительных при существительных, обозначающих лицо, уже твердо установилось в литературном языке, хотя при существительных с суф. *-ник* еще отмечаются обе формы: *десет* *ученици* и *десет* *ученика* /64, 65/.

М. Виденов рассматривает это явление как тенденцию к унификации в СБЛЯ, понимаемой как упрощение выразительных средств: "Языковое чувство современных творцов и носителей СБЛЯ воспринимает как своеобразный плеоназм наличие двух возможностей и предпочитает более употребительную" /1, с.5/. Более верным представляется видеть здесь проявление грамматических закономерностей развития системы СБЛЯ /66/.

§ 13. В связи со случаями подобных сдвигов в норме уместно рассмотреть, как устроители СБЛЯ решают вопрос о соотношении в литературно-языковом узусе (письменном и разговорном) старых и новых, возникших в процессе внутреннего развития литературно-языковой системы вариантов тех или иных грамматических явлений, с целью выработки тактики языкового строительства применительно к этой проблеме. Анализируя конкуренцию старых и новых черт в морфологической структуре СБЛЯ, П.Пашов подчеркивает: "Новое рож-

дается в борьбе со старым, но не может без него. Не следует считать, что чем быстрее мы освободимся от старого в языке, тем лучше. Чтобы новое окрепло, чтобы оно укоренилось, чтобы вошло в систему языка и тем самым ее изменило, новое нуждается в старом /67, с. 130/. Архаизмы в ЛЯ (автор рассматривает некоторые падежные остатки в системе существительных и местоимений, связанные с различением категорий лица и не-лица имен мужского рода) нередко выполняют определенную стилистическую функцию и, будучи уместно употребленными, способствуют богатству палитры болгарской речи /67, с. 131–140/. Так, например, тройной способ выражения типа *кому — на кого — на кой* или *всекиму — на всекиго — на всеки* "является своеобразным богатством языка, достаточно знать, когда каким выражением воспользоваться, чтобы не смешивать "стили" /67, с. 137/. При этом имеют место два двучленных противопоставления: с одной стороны, противопоставляются *кому* (старое) — *на кого* (новое, норма), с другой — *на кого* (старое, норма) — *на кой* (новое, не принимаемое нормой, но распространенное у молодого поколения). Литературно-языковая норма отдает предпочтение одному из этих выражений, но это не делает остальные выражения неприсущими болгарскому языку /67, с. 140/. Автор призывает стремиться сохранить так называемые мужские личные формы типа *мнозина, малцина, колцина, неколцина* и под., которые все чаще стилистически окрашены (звучат как бы архаично, книжно, приподнято) и вытесняются из литературно-языковой практики, подчеркивая, что было бы легкомысленно отказываться от этих прекрасных народных слов. Стремление к стилистическому разграничению дублетных образований и тем самым сохранению их в стилистически разветвленной системе СБЛЯ представляется целесообразным решением некоторых конкретных вопросов языкового строительства.

§ 14. В числе задач, встающих перед языковым строительством в связи с внутривидовым развитием СБЛЯ как саморегулирующейся системы, можно назвать состояние нормы согласования форм в составе высказываний, выражающих учтивость по отношению к адресату сообщения. Возникнув в свое время на периферии ЛЯ под влиянием русского языка как особый вид предикативного комплекса, не отвечающий моделям исходных диалектных систем, форма учтивости в наши дни получает широкое распространение в устной и письменной речи, в диалоге и монологе, в условиях прямого и непрямого контакта участников коммуникации и т.п. при этом нормой кодифицирована асимметричная система /59, с. 57/. В тех случаях, когда сказуемое, относящееся к местоимению *мн.* числа *Вие* в функции формы учтивости при обращении к одному лицу любого пола, выражено формой сложного гла-

гольного времени или условного наклонения, включающих в свой состав действительное причастие на *-л*, нормой предписывается грамматическое согласование формы сложного времени или условного наклонения с подлежащим *Вие*: *Вие сте ходили*; *бихте ли направили?* (по отношению к мужчине и женщине). В тех же случаях, когда подлежащее *Вие* сочетается со сложным именным сказуемым, включающим в свой состав существительное, прилагательное, числительное, местоимение или страдательное причастие, а также если сказуемое выражено причастно-страдательной формой на *-н*, *-т*, именная часть составного сказуемого, а также страдательное причастие в составе причастно-страдательной формы согласно норме остаются в единственном числе и согласуются с подлежащим *Вие* по роду: *Вие сте студент*, *вие сте добър (добра)*, *Вие сте първи (първа)*, *Вие сте мой (моя)*, *Вие сте поканен (поканена)*.

По мнению П. Пашкова, эту норму "нетрудно запомнить: не входя в подробности, не принимая во внимание ряд особых случаев, можно сказать просто, что при учтивой форме *Вие* причастия на *-л* ставятся во множественном числе, а причастия на *-н*, *-т* — в ед. числе. Это правило следует соблюдать и при соседстве действительного, страдательного причастия и прилагательного" /63, с. 37—38/. Л. Андрейчин охарактеризовал рассматриваемое правило как "ясную и хорошо установленную норму в нашем литературном языке", хотя уже он вынужден был указать на наличие в речевой практике "грубых нарушений" этой нормы и призвать к "большей устойчивости против легкомысленного новаторства и влияния чужих образцов /68/.

Эти нарушения сейчас широко отмечаются в литературно-языковой практике престижных групп носителей СБЛЯ, в языке радио, телевидения, художественной литературы. Они проявляются в особом рода унификации: очевидно, под влиянием конструкций со сложным именным сказуемым, в составе которого формы прилагательного, страдательного причастия на *-н*, *-т*, числительного, местоимения, согласно норме, стоят в ед. числе и указывают на род (пол) лица, к которому обращаются, причастие на *-л* в составе форм сложного глагольного времени или условного наклонения также употребляется в ед. числе и при этом согласуется по роду с подлежащим — местоимением *Вие*: *Вие сте ходил*, *Вие сте ходила*. Этому способствует и то, что формы страдательные причастия на *-н*, *-т* в составе грамматических форм причастно-страдательного спряжения, в отличие от действительного причастия в составе грамматических форм сложных глагольных времен, при выражении учтивости остаются в ед. числе: *Вие ще бъдете награден*. Играет роль и общая тенденция к усилению логических связей, характерная для современных ЛЯ и отражающаяся на их грамматических системах /69, с. 77/, специфическое для развития ЛЯ взаимодействие

между парадигматической и синтагматической осью /59, с. 58/. Налицо тенденция к разграничению мужского и женского рода подлежащего *Вие* путем согласования с формой действительного причастия на *-л* в составе сложных времен и условного наклонения, что находит в себе подкрепление в установившемся в болгарской грамматике положении о том, что сказуемое согласуется с подлежащим по лицу, числу, а иногда и по роду.

Как показали некоторые статистические наблюдения над языком лиц, принадлежащих к престижным группам носителей СБЛЯ (в качестве таковых в одном из проведенных опытов выступали лица с высшим филологическим образованием, преподаватели болгарского языка, учащиеся старших классов и лица с высшим нефилологическим образованием), при обращении к женщине форма ед. числа "ощущается" как более правильная, более литературная /70, с. 78/. На вопрос, почему они считают, что нужно говорить *Вие сте казал*, а не *Вие сте казали*, опрошенные лица отвечают: "Чтобы было видно, что в учтивой форме говорится об одном человеке, что это не обращение ко многим людям" /70, с. 80/.

Колебания в норме идут и в ином направлении: значительно реже, но в разговорной практике встречаются случаи употребления форм прилагательных и причастий в составе сложного именного сказуемого при выражении учтивости во мн. числе: *вие сте били добри*, *вие сте наградени*. Этому отклонению от нормы способствует совместное употребление в составе сказуемого или сложного предложения форм действительного причастия на *-л*, прилагательного и страдательного причастия, т.е. случаи типа: *Вие сте били поканена, но не сте дошли* (вм. этого правильного с точки зрения нормы сочетания форм встречается употребление: *Вие сте били поканени, но не сте дошли* либо *Вие сте била поканена, но не сте дошла*) /83, с. 37—38/. В пользу этого нарушения нормы некоторые представители широкой общественности приводят такой довод: как в сочетаниях *Вие сте казал* или *казала* недопустимо рассогласование по числу, точно так же оно недопустимо и в сочетании *Вие сте награден*, передающем то же содержание.

Дополнительные сложности создает употребление действительного причастия на *-л* в качестве определения к подлежащему *Вие* (при выражении учтивости). Как обособленное определение оно должно было бы остаться в ед. ч., т.е. из сформулированного П.Пашковым правила, что при выражении учтивости действительное причастие на *-л* стоит во мн. ч., должно было бы быть сделано исключение. В то же время сохранение у обособленного причастия способности предикативно приписывать признак склоняет к выбору в таких случаях мн. ч., причастия /72; 22, с. 314/. Как констатирует П.Пашков, о примерах типа: *Вие сте го разбрали и, разбрали го, сте го обикнали* (или: *Вие*

сте го разбрали и, разбрала го, сте го обикнали); Завърнал се в своята родина, Вие веднага се включихте в борбата (или: Завърнали сте в своята родина, Вие веднага се включихте в борбата) ”трудно сказать, чему следует отдать предпочтение” /72, с. 314/.

Мнения в оценке сложившейся ситуации расходятся. Часть ученых считает, что установленная кодификацией норма все определеннее становится обязательной /63, с. 38/, что, несмотря на имеющееся в ней колебание, ”пока она в силе, говорящие и пишущие должны считаться с поставленными в ней требованиями” /60, с. 71/. Другие — в частности, те, которые исходят их экспериментальных социолингвистических данных, — считают, что едва ли при современном состоянии нормы грамматика сможет ”удержать или, точнее, сделать обязательной учтливую форму в том ее виде, который указывается как правильный... необходимо... более оперативно, углубленно и функционально проанализировать эти явления и найти им место в системе. Необходимо найти более правильное решение вопроса об учтливой форме” /70, с. 79—80/. В этом свете рассматривается возможность принятия ед. ч. действительного причастия на *-л* в составе сложного глагольного времени или условного наклонения при учтливой форме, что, видимо, будет воспринято более естественно и быстро, поскольку такое решение опирается на два важных фактора: твердо установленную в этих случаях практику употребления форм ед. ч. существительных, прилагательных, местоимений, числительных, страдательных причастий и логику. При этом будет нарушено грамматическое правило об единстве сложной глагольной формы, но оно уже, в сущности, нарушено на практике. В то же время правило об употреблении мн. ч. действительного причастия при формах учтливости не усвоено и не осознано даже филологами — болгаристами, которые преподают болгарский язык, а также и писателями, журналистами, редакторами. Этому способствует раздвоенность нормы для морфологических категорий: с одной стороны, синтаксических конструкций, с другой — база допускаемых ошибок /70, с. 80—81/. Следует отметить, что в новой академической грамматике СБЛЯ нормы согласования форм в составе выражений учтливости оставлены без изменений /62, с. 193/, т.е. принят путь языкового строительства, направленный на внедрение установленной кодификацией нормы в литературно-языковую практику с помощью службы языковой культуры. Поскольку узальные явления в данном случае имеют определенную тенденцию стать принятой в литературно-языковой практике, одобренной обществом нормой, но еще не стали таковой, трудно прогнозировать успех/неуспех кодификаторских усилий, направленных на сохранение существующих нормативных правил.

§ 15. Многие живые процессы в литературно-языковом узусе, требующих нормализаторского вмешательства и активных усилий службы культуры речи, связаны с общественными изменениями в социалистической Болгарии. Например, как известно, в процессе развития социалистического государства женщины получили неизмеримо большие возможности участия во всех областях общественно-политической, экономической и культурной жизни страны. В связи с возникшей необходимостью обозначения новых для женщин профессий, должностей, занятий, званий перед языковым строительством в Болгарии встал ряд проблем. Часть из них решается главным образом на том уровне языкового строительства, который связан с языковой культурой и языковым обучением. Здесь, в частности, можно назвать вопрос о том, насколько допустимо употребление в указанной функции существительных м. р., широко распространенное в литературно-языковой практике за счет народных по своему происхождению форм с суф. *-ка*, *-иня* от названий соответствующих должностей, профессий, званий, занятий мужчин: *преподавател* — *преподавателка*, *крановик* — *крановичка*, *плувец* — *плувкиня*. По наблюдениям Л.Ивановой над языком газет и журналов за январь 1982 г. (Народа младеж, Работническо дело, Народна култура, Поглед, Антени), в 40% случаев использованы формы м. рода /79, с. 78/. Особенно это касается названий руководящих должностей и профессий, в которых женщина все еще эпизодически занимает определенные позиции. Такое употребление встречает отпор со стороны нормативной грамматики /62, с. 103/.

Выступая против этого, Л. Андрейчин писал: "Употребление существительных мужского рода для обозначения женщин — интеллигентское явление в нашем языке. Оно не присуще нашей народной речи" /74, с. 148/. Поддерживая характерную и для народной болгарской речи языковую тенденцию к образованию названия лиц ж. рода от соответствующих названий м. рода, устроители СБЛЯ усматривают основания для этого не только в собственном языковом, но и в социальном аспекте /73, с. 78/, а также в аспекте борьбы с иноязычным (русским) влиянием за чистоту болгарского языка /74, с. 148/.

Вместе с тем болгарские языковеды отмечают, что существуют некоторые существительные м. р., обозначающие должности, звания, степени и профессии, от которых не образуются соответствующие имена ж. р.: *академик*, *генерал*, *доцент*, *капитан*, *летец*, *майор*, *министър*, *професор*, *член-корреспондент* /75, с. 172/. Эти слова относятся и к мужчинам, и к женщинам; поэтому обычно их причисляют грамматически к так называемому общему роду, хотя, по-видимому, здесь скорее речь должна идти о другом явлении. В бинарной оппозиции названия профессий, должностей, званий и под. лиц ж. рода, обра-

зованные с помощью суф. *-ка, -иня* от соответствующих названий лиц м. рода, выступают в качестве маркированного члена. Поэтому выступающие в качестве немаркированного члена оппозиции существительные м. р. могут употребляться нейтрально по отношению к признаку пола (или в релевантных условиях контекста указывают на м. пол).

В грамматиках СБЛЯ не разработан вопрос о согласовании таких слов в случаях, когда они называют лицо женского пола, хотя здесь в литературно-языковой практике возникает ряд сложностей как в более ясных случаях типа: *уважаема професор Петрова* или *уважаеми професор Петрова*, где принимается первый вариант на основании того, что речь идет о лице женского пола, так и в более сложных случаях типа: *Министърът беше посрещнат на летището* или *министърът е била посрещната на летището*, где принимается первый вариант согласования независимо от того, идет ли речь о мужчине или женщине, поскольку на первый план выступает универсализирующая характеристика самого данного пола /75, с. 172—173/.

Связан с этим и вопрос об обращении к женщинам — официальных лицам: *другарю директор* или *другарко директорка, другарко директорке, другарю директорка*. Высказывается мнение, что больше шансов быть принятым имеет обращение: *другарко директор* /76, с. 164/. Поскольку в литературно-языковой практике в указанных случаях отмечаются колебания, служба языковой культуры может способствовать установлению в качестве нормы предлагаемых устроителями СБЛЯ вариантов.

§ 16. Живым процессом в болгарской литературно-языковой практике является создание специальных форм совершенного вида от двувидовых глаголов на *-ир-* с помощью суф. *-в-*, а также префиксация этих глаголов: *анализирам — анализиравам — проанализирам — проанализиравам* /77/. Это явление характерно, главным образом, для разговорной литературной речи, но проникает и в письменную. Как показал М.Лилов, оно развивается в самом литературном языке и порождено его специфическими особенностями. Указанные способы словообразования не принадлежат письменному нормативному комплексу СБЛЯ, в то же время они не могут быть отнесены к субстандартной системе как такой разновидности средств выражения, для которой характерно проникновение элементов специфических диалектных навыков /78/, поскольку имеют место в литературно-языковой практике (или в практике, конвергирующей к ней). Диалектное влияние здесь испытало воздействие нормативного комплекса, который регулирует проявления диалектных навыков /79/.

Определяя это явление как нарушение нормативных правил, Вл.Мурдаров относит его к числу тех фактов, которые уже

сейчас свидетельствуют о противоречии между узусом и кодифицированной нормой. Это противоречие постепенно будет углубляться и, вероятно, сделает необходимым в дальнейшем изменение нормативного правила, хотя бы путем допущения в нем вариантов /13, с. 32—33/.

§ 17. В процессе становления находятся и нуждаются в специальном внимании устроителей СБЛЯ, как и службы культуры речи некоторые присущие письменной форме ЛЯ нормы, связанные с активно протекающими в современном языке словообразовательными процессами /80/. Так, например, несмотря на существование определенных кодификаторских решений, отраженных в нормативных словарях, еще не установилась и нередко нарушается в письменной практике норма слитного, полуслитного или раздельного написания некоторых трехкомпонентных сложных слов. Ср. отмеченные исследователями написания: *кино видео клуб*, *кино-видео клуб*, *кино-видео клуб*, *киновидео клуб* и даже *кино "Видео клуб"* /81/. Такая непоследовательная практика в известной мере, видимо, объясняется тем, что принятые правила написания подобных композитумов не всегда однозначны и нуждаются в дополнительном осмыслении и уточнении. В новейшем Словаре болгарского языка предлагаются написания *авто-мото клуб* и *авто-мото клуб*, *авто-мото дело* и *автомотодело* /82; 81, с. 397/. Подвергается сомнению целесообразность принятых в новом Орфографическом словаре СБЛЯ /49/ написаний типа *кино-фото клуб*, поскольку при этом нарушаются семантические отношения между компонентами сложного слова: два первых компонента, объединенных сочинительной связью, равным образом находятся в подчинительной связи с третьим, а принятое написание указывает только на подчинительную связь второго и третьего из них, поэтому предлагается слитное написание *кинофото клуб*, отражающее подчинительную связь первых двух компонентов /81, с. 399—400/. Как полагают некоторые болгарские языковеды, в процессе устройства данной нормы, приобретающего особое значение в силу бурной активизации композиции как одного из современных способов словообразования, целесообразно иметь в виду смысловый принцип, согласно которому в расчет принимаются равноправные (сочинительные) или неравноправные (подчинительные) отношения между элементами, составляющими сложное слово: в первом случае рекомендуется полуслитное написание, во втором — слитное. /83/.

§ 18. Примером недостаточной разработанности словообразовательной нормы и необходимости дальнейшего языкового строительства в данной сфере являются синтетичные конструкции типа: *Вазов стих*, *Ботев пламък*, *Ванцаров дух*, в которых притяжательное прилагательное со значением личной принадлежности образуется от имени собственного — фамилии притя-

жателя. Если конструкции типа: *Ботево стихотворение, Ботева страст, Ботеви балкани, Вапцаровият въпрос* не порождают особых сложностей из-за того, что суффикс притяжательности в них не повторяется, то иначе обстоит дело в случаях, когда необходимо образовать притяжательные прилагательные от фамильных имен на *-ски* типа *Левски, Смирненски, Гуляшки, Маяковски* (а также от названий населенных пунктов того же типа) или от женских фамильных имен типа *Вакарелска, Вранска, Вревска*. Здесь литературно-языковая практика не установлена (*левскиевски жител? левски жител? Левска стъпка? смирненски улици?* — все эти варианты не признаются языковым сознанием и нормой носителей СБЛЯ /89/.

§ 19. Особые задачи перед языковым строительством стоят в связи с наличием в литературной языке некоторых словообразовательных дублетов, поскольку именно здесь в литературно-языковой практике в настоящее время имеет место живой процесс семантической, стилистической и отчасти грамматической дифференциации дублетов, а также процесс лексикализации отдельных словообразовательных моделей. Эти процессы должны внимательно проследиваться и изучаться с целью своевременного, основанного на анализе конкретного материала решения об их включении в нормативные словари СБЛЯ. К подобным явлениям относятся, например, такие словообразовательные дублеты, как однокоренные отсубстантивные прилагательные на *-ически, -ичен*, вошедшие в болгарский ЛЯ в период Возрождения через посредничество русского языка /85, 86/.

Как отмечает К. Попов, "дублетное употребление прилагательных на *-ичен* и *-ически* характеризует определенный момент в развитии нашего литературного языка. Очевидно, еще не стало время подчинить это употребление строгой нормативности либо в пользу *-ичен*, либо в пользу *-ически*. Абсолютно необходимо, однако, различать по смыслу прилагательные, у которых смысловая и стилистическая дифференциация является законченным процессом, и, следовательно, грубое их смешение опошляет языковую практику и языковой стиль" /87/. Ситуация осложняется тем, что в качестве семантически равных однокоренных образований наряду с прилагательными на *-ичен* и *-ически* в последнее время все активнее пробивают себе дорогу формы с болгарским суфф. *-ски* (*-жки, -шки*), входящие в ту же семантическую группу: *биографически- биографичен- биографски, метеорологически- метеорологичен- метеороложки, католически- католишки* /85, с. 161; 88, с. 70, 72/.

Как известно, семантическая дифференциация этих дублетов проявляется в том, что отдельные прилагательные на *-ичен* постепенно осмысляются как качественные, прилагательные на *-ически* — как относительные: *оптимистичен* 'содержащий, выражающий оптимизм', *оптимистически* 'относящийся к оптимиз-

му как к общему понятию' /89/. Процесс этот живой, происходящий в настоящее время, о чем свидетельствует, очевидно, высказанное недавно предложение исключить из числа дублетных образований с связи с их семантической дифференциацией ряд прилагательных на *-ичен, ически*, которые еще в Орфографическом словаре СБЛЯ 1965 г. были охарактеризованы как дублиеты: *автоматичен* и *автоматически*, *академичен* и *академически*, *дипломатичен* и *дипломатически*, *эстетичен* и *эстетически*, *комичен* и *комически* и под., всего 16 пар /100, с. 72—73/.

Как отмечают болгарские исследователи, в современной литературно-языковой практике устанавливаются прилагательные на *-ичен* /85, с. 162; 88, с. 73/. В-то же время отчасти и под влиянием русского языка "более старые и более традиционные для определенной части носителей языка" /110, с. 194/ формы на *-ически* сохраняют свою продуктивность. Ср., например, прилагательное *космически*, выступающее только с данным суффиксом /85, с. 161/. По мнению Е. Георгиевой, нет оснований считать, что употребление прилагательных на *-ически* будет преодолено в литературно-языковой практике, т.к. они все еще живы и очень распространены /110, с. 195—196/. Этому способствует и то, что прилагательные на *ически* выступают и в функции наречий: *апоплектически*, *догматически*, *экзотически*, *эмпирически*, *оптимистически* и под. /85, с. 161/.

В свою очередь, форманты *-ски (-жки, -шки)* также проявляют, хотя еще и слабую /85, с. 161/, тенденцию к активизации.

Очевидно, эти активно протекающие в настоящее время процессы в области словообразования прилагательных нуждаются в углубленных исследованиях и кодификаторских усилиях строителей СБЛЯ. Ср. аналогичную проблему при прилагательных с суф. *-ов, -ев, -ен*, которые в письменной и устной практике употребляются смешанно и непоследовательно: *шоколадови* и *шоколадени* *бонбони*, *бензинен* и *бензинов*, *портокален* и *портокалов*, *циментен* и *циментов* /110, с. 195/.

При наличии словообразовательных вариантов, норма употребления которых не установлена и колеблется как в структурно-морфологическом, так и в стилистическом отношении, строители СБЛЯ нередко предлагают придать этим вариантам особую стилистическую значимость. Так, например, констатируя наличие в СБЛЯ дублетных образований: *потресающ* — *потресаещ* — *потресаващ* — *потресващ*, что во многом объясняется отсутствием в болгарском языке глагола, с которым непосредственно могло бы быть соотнесено заимствованное в нем церковнославянско-русское слово *потрясающий*, Хр. Пырзев считает нереалистичной в данное время рекомендацию употреблять лишь одну какую-то из этих форм. Поэтому он предлагает прилагательное *потресающ* использовать в "более высоких стилях" по аналогии с *верующ, страждущ, цветующ*, которые

противостоят действительным причастиям настоящего времени *вярващ, страдащ, цѣфтящ*; форму *потресаваш* (в которой нет той глагольности, что в форме *потресаваш*) следует предпочитать в обыкновенном изложении /90/. Опубликованная в разделе "Езикова култура", данная рекомендация выступает и как определенный кодификаторский факт, и как опыт внедрения данного решения в литературно-языковую практику. В то же время тот факт, что данное предложение не опирается на реальное употребление этих форм в литературно-языковом узусе делает сомнительным прогнозирование его успеха.

§ 20. Не все активно протекающие в живой разговорной речи процессы, очевидно, являются прямым объектом языкового строительства. Так, например, продуктивный в настоящее время процесс образования прозвищ от фамильных имен (фамилий) лиц мужского пола путем их усечения: устранения одного или более суффиксов с возможным их последующим прибавлением *Александров — Алекси, Мавродинов — Мавро(то), Анастасов — Анастас*, иногда и с устранением группы начальных фонем: *Христакиев — Таки, Докузанов — Кузи* /91/ остается в рамках разговорно-бытового стиля, связанного с определенной коммуникативной ситуацией — наличием равноправных и искренних дружеских отношений в каком-то коллективе (армейской казарме, на предприятии, в учреждении) между участниками общения — мужчинами независимо от их возраста, степени образования и социального положения /91, с. 223/. Несмотря на универсальный характер данной модели, позволяющей создать эмоционально-стилистически нейтральное прозвище от любого фамильного имени (с некоторым фамильярным оттенком), она вряд ли может рассматриваться как объект кодифицированной нормы, связанной с официальным стилем общения, хотя и должна учитываться в грамматической и ономастической литературе. Иными словами, исследование этой словообразовательной модели ограничивается ее выявлением, описанием и социальной оценкой (отнесение к разговорно-бытовому, субстандартному стилю), не доходя до стадии принятия кодификаторских решений и их внедрения в практику.

§ 21. При решении вопросов языкового строительства возникает проблема известных различий между нормой письменного и нормой разговорного литературного языка. Так, например, универбирование как особый способ словообразования в субстантивной системе СБЛЯ (*задочник, многотиражка, дневален, кола 'лека кола'*) признано устно-разговорной литературной нормой, но в целом не допускается нормой письменного ЛЯ; исключения делаются для отдельных лексических единиц и категорий /80, с. 122/. Вместе с тем, войдя в устную норму литературного языка, универбирование в настоящее время проявляет стремление проникнуть и в письменную норму на

основе прежде всего общей тенденции к универбизации как проявлению демократизации литературного языка /80, с. 133/. Так, вошла в письменно-литературную норму субстантивация имен прилагательных и причастий из состава синаптических сочетаний, т.е. случаи типа *свинско* (*свинско месо*), *телешко*, *говеждо*, *овнешко*, *пилешко* и под. /80, с. 113; 92, с. 30/. Переход некоторых словообразовательных категорий и отдельных лексических единиц, связанных с универбированием, из сферы устной речи в письменную практику — один из живых процессов СБЛЯ, сфера, нуждающаяся во внимании устроителей СБЛЯ и службы культуры речи.

§ 22. Характерной особенностью развития лексического состава СБЛЯ является активизация аббревиации. Это в значительной степени связано с существенными изменениями в общественно-политической жизни и ускоренными темпами научно-технического прогресса, с появлением ряда новых институтов, учреждений, новых сложных понятий и, соответственно, значительного числа устойчивых словосочетаний, частое употребление которых диктует необходимость их сокращенного обозначения с целью облегчения языкового общения /93/. Письменные и устные сокращения длинных описательных названий "технически очень удобны и практически во многих случаях обогащают язык, не подрывая роли основных словообразовательных средств" /38, с. 71/. Сокращенные слова широко употребляются в общественно-политической /94, 95/, производственной, сельскохозяйственной, транспортно-бытовой, спортивной, культурной лексике /96/.

Являясь одним из активных, живых средств пополнения словарного запаса СБЛЯ /97/, аббревиатуры заслуживают серьезного внимания исследователей в области языкового строительства. Ср., в частности, наличие в литературно-языковой практике колебаний в произношении буквенных сокращений. С одной стороны, входящие в состав этих сокращений согласные буквы произносятся не как в болгарской азбуке со звуком [ъ], а в сочетании со звуком [е] как в русском и латинском языке; при этом буква *к* читается или как *ка*: *КПСС* (*ка-пе-ес-ес*), *БКП* (*бе-ка-пе*), или как *ке*: *ТКЗС* (*те-ке-зе-се*), что свидетельствует о русском характере явления. С другой стороны, пробивает себе путь тенденция произносить буквы, входящие в состав аббревиатур, по болгарскому образцу, т.е. в сочетании со звуком [ъ]: *ИОНХ* (*ид-нъ-хъ*) 'Институт за обща и неорганична химия', *ЕЦНПК* (*е-цъ-нъ-пъ-къ*) 'Единен център за наука и подготовка на кадри по физика' /60, с. 62—63/.

Недостаточно разработаны нормы написания сокращений. Не всегда ясны сами принципы аббревиации: инициальных или слоговой /98/.

Особую проблему составляет включение аббревиатур в

грамматическую систему СБЛЯ. Здесь фактически господствуют узуальные решения, не всегда однозначные в письменной и устной литературно-языковой практике, имеет место ряд колебаний. Так, при морфологическом оформлении буквенных аббревиатур по роду часть из них принимает род основного слова исходного словосочетания, например, ЦК 'Централен Комитет' (*цѐ-ка*) — существительное м. р., как и слово *комитет*, КПСС 'Комунистическа партия на Съветския Съюз' (*ка̀-не-ес-ес*) — ж. р. по слову *партия*. В то же время многие инициальные сокращения отрываются от исходного словосочетания. В таких случаях решающей при определении рода становится звуковая форма аббревиатуры: ВУЗ (*вуз*) выступает как слово м. р., поскольку оканчивается на согласный, хотя основное слово в исходном словосочетании 'висше учебно заведение' среднего рода. Аббревиатура ТЕЛК 'трудо-експертна лекарка комисия' в письменной практике употребляется как форма ж. рода, а в разговорной (в том числе в речи врачей-специалистов) и как форма ж. р., и как форма м. р.: *обща ТЕЛК*, *общият ТЕЛК*, *ТЕЛКът*, *ТЕЛКове*, причем предлагается кодифицировать форму ж. рода /99/. В некоторых случаях род определяется по общему семантическому содержанию аббревиатуры, например, ЮПИ от англ. UPI 'телеграфна агенция в САШ' воспринимается как форма ж. р., т.к. к ж. р. относится семантический определитель *агенция* /100, с. 385—386/.

Буквенные аббревиатуры нередко принимают средний род, поскольку при их произношении к конечному согласному прибавляется звук [e]: ТКЗС (*тѐ-ке-зе-ес*). Как отмечают исследователи, в разговорной речи отмечается тенденция все буквенные аббревиатуры подводить под ср. р., даже если в официальной речи они принадлежат к другому роду, например: ДСК (*дѐ-се-ка*) 'Държавна спестовна каса' официально — ж.р., в разговорной речи — ср. р. /100, с. 386/.

Неоднозначно в литературно-языковой практике решается вопрос об употреблении членных форм буквенных аббревиатур, выступающих в позиции, когда исходное словосочетание требует употребления членной формы. Обычно в этих случаях членная форма избегается, ср.: ПУ (*пѐ-у*, а не *пе-у̀-то*) "Свежест", на предстоящия конгрес на БКП (*бѐ-ка-не*, а не *бе-ка-пѐ-то*). В то же время некоторые сокращения получают членную форму: *вузът*, *текезесето*, *метесето* /60, с. 70/. Однако, как отмечают исследователи, употребление членных форм буквенных аббревиатур почти всегда влечет за собой определенное стилистическое снижение, вносит в высказывание разговорность и простонародность. Именно в стилистическом ключе различаются предложения: *събранието ще бѐде в клуба на ОФ* и *събранието ще бѐде в клуба на ОФ-то, той е студент на МЕИ* и *той е студент на МЕИ-то* /93, с. 387—388/.

Установление орфоэпических, орфографических, грамматических и стилистических норм употребления различных типов сокращений и их внедрение в литературно-языковую практику — одна из важных и мало разработанных задач языкового строительства, тем более, что в новой академической грамматике СБЛЯ /62/ аббревиация не рассматривается. Возможность многозначного толкования некоторых аббревиатур, пуристические тенденции языкового коллектива, который все еще не может привыкнуть к этой форме сокращений и часто их не понимает, что затрудняет процесс общения, условность аббревиатур как словообразовательной формации и в связи с этим нередкое нарушение системных связей между ними, что также мешает их восприятию в коммуникативном акте, сложности их включения в грамматическую систему СБЛЯ дают основание болгарским специалистам "явно сформулировать мнение об ограничении словообразовательного способа аббревиации в современном болгарском языке" /80, с. 108/. Наличие большого числа аббревиатур в журналистических материалах сразу же вызывает ассоциации с административно-канцелярским стилем /95/. Необходимость ограничения разрастания этого типа слов отмечал в свое время Л. Андрейчин /38, с. 71/. Здесь свое слово должна сказать служба культуры речи.

§ 23. В эпоху широких международных контактов и развития средств массовой информации в словарном составе любого языка, в том числе СБЛЯ, появляется значительное количество новых иностранных слов, чужих собственных имен и названий. Поэтому важное место в языковом строительстве в Болгарии занимают вопросы транскрипции, разработка конкретных норм транскрибирования в соответствии с орфоэпическими, орфографическими и грамматическими особенностями современного нормативного комплекса и внедрение их в практику, анализ допускаемых ошибок в литературно-языковой практике /101/. Помимо ряда статей на эту тему достаточно назвать специальный сборник, посвященный вопросам транскрипции и проношения на материале 31 языка мира /102/.

Из двух применявшихся ранее способов передачи чужих имен: транслитерации и транскрипции, в настоящее время принята транскрипция, основывающаяся на максимальном приближении к живому произношению того или иного имени в языке-источнике, которое, однако, не нарушало бы систему произносительных, правописных и грамматических норм СБЛЯ. В то же время, ряд чужих слов: личных имен и фамилий известных личностей, географических названий и под. — уже прочно вошел в СБЛЯ в написаниях, основывающихся на транслитерации или заимствованных из другого языка, в частности, русского. Это сталкивает между собой новый и традиционный способ передачи чужих имен, делает актуальной про-

блему выбора между ними, т.е. открывает поле деятельности для языкового строительства.

В принципе этот вопрос решается болгарскими лингвистами в пользу сохранения широко известных, устоявшихся написаний важнейших географических названий и имен исторических личностей, при тенденции в остальных случаях придерживаться транскрипции /103—105/. Здесь, однако, в свою очередь встает ряд проблем и конкретных вопросов /101, с. 176—180/.

Прежде всего, встает проблема выбора между решением следовать при транскрипции произношению языка-источника и его морфологическим особенностям и решением учитывать приносительные и орфографические нормы СБЛЯ. По мнению одних ученых, нуждается в пересмотре практика письменной передачи собственных имен, произносимых в языке-источнике со звонким гласным на конце (ср. англ. *Джеймс, Стивэнс, Холмс*), поскольку это противоречит нормам произношения в болгарском языке, согласно фонетическим законам которого гласные в конце слова оглушаются. И хотя основным принципом современной системы транскрипции является точное следование произношению соответствующего языка, в случаях, когда это создает предпосылку для создания в СБЛЯ противоречия между написанием и произношением, уместнее отразить в написании нормы болгарского произношения, т.е. в рассматриваемых случаях прибегнуть к транслитерации: *Джеймс, Стивэнс, Холмс* (где конечное *s* соответствует англ. букве *s*) /106/.

В то же время другие ученые подчеркивают, что существенным при транскрибировании чужих собственных имен является требование соблюдать морфологический принцип при передаче звонких и глухих согласных. С этой точки зрения, следует писать *Вайганд* с *d* в конце слова, хотя он произносится как *t*, *Зигфрид* с *g* в середине слова, а не с *k* и др. /101, с. 178/.

Особый вопрос перед устроителями СБЛЯ возникает в связи с тем, что в журналистических кругах, где требуется "быстрая реакция", транскрипция чужих имен нередко заимствуется прямо из русского языка /14, с. 150/.

В болгарской специальной литературе приводится большое число примеров отклонения в литературно-языковой практике от рекомендуемых нормализаторами СБЛЯ решений, разъясняются и уточняются нормы транскрибирования применительно к большому числу конкретных случаев. В совокупности мер, которые предпринимает в этой сфере языковое строительство, на первый план выдвигается деятельность службы языковой культуры.

§ 24. В заключение хотелось бы остановиться еще на одном вопросе.

По мнению всех болгарских лингвистов, одной из перво-

очередных задач языкового строительства в Болгарии, нуждающихся в скорейшем решении, является необходимость пересмотра нормы употребления полной (-ът) и неполной (-а) членной формы имен м. рода ед. числа в зависимости от их синтаксической функции в предложении. Эта норма, берущая свое начало еще от грамматических взглядов Неофита Ръльского, отраженных в его грамматике 1835 г. /107/, была кодифицирована правописанием Т. Иванчева 1899 г. и оставлена без изменений правописной реформой 1945 г., несмотря на возражения готовившей эту реформу орфографической комиссии /28, с. 32—33/.

Как известно, в основе рассматриваемой нормы лежит принцип грамматического разграничения имен м. рода ед. числа, когда они выполняют функцию подлежащего предложения (или сказуемого определения), от имен того же рода и числа, выполняющих в предложении иные функции: *ученикът пише — повикайте ученика*. При этом членные формы -ът и -а, которые современные языковеды считают фонетическими или правописными вариантами, выступают в грамматической функции как самостоятельные морфемы, противопоставленные между собой. Как отмечает Л. Андрейчин, "искусственно придуманное в XIX в. правило, придающее падежные функции различным по своему диалектному употреблению членным формам существительных имен мужского рода (-ът и -а) в зависимости от падежных функций существительных в предложении (*градът* — именительный падеж, *града* — винительный или, лучше, неименительный падеж), уже несколько десятилетий имеет какую-то традицию в письменной практике, но в живой речи и до настоящего времени остается без приложения" /38, с. 121/. Несмотря на то, что "бесполезность этого искусственного правила доказывалась и подчеркивалась много раз видными нашими языковедами и педагогами, оно еще держится, хотя в разговорной речи почти никогда не соблюдается, а в письменной речи часто нарушается" /50, с. 10/. Со всей определенностью высказываясь против существующего искусственного правила (его искусственность в том, что ни в одном болгарском диалекте нет подобного разграничения полной и краткой членных форм), болгарские языковеды подчеркивают: "Необъяснимо, почему столько времени после реформы 1945 г. и Национальной конференции по проблемам болгарского правописания 1951 г. сохраняется орфографическая норма употребления полных и неполных членных форм существительных мужского рода, которая давно не существует в устной языковой практике (в узусе)" /11, с. 29/ и которая, по словам В. Георгиева, "делает 80% пишущих неграмотными" /28, с. 33/.

Следует отметить, что в работах на эту тему не приводятся примеры ошибочного употребления членных форм в пись-

менно-литературных текстах, а также материал конкретных наблюдений над живой речью носителей СБЛЯ с учетом необходимых социолингвистических параметров. По нашим наблюдениям, разграничение полных и кратких членных форм в печатной продукции (научной и художественной литературе, языке прессы) проводится последовательно, как и в публикациях самих языковедов, выступающих за его отмену.

Что же все-таки способствует задержке этого правила в норме СБЛЯ? Обратим в связи с этим внимание на интересное наблюдение Э. Хаугена: "Стандартная орфография в определенной степени независима от речевых навыков тех, кто ее употребляет; она становится как бы "языком в себе", а не только отражением речи" /16, с. 447/. Возможно длительная, более чем вековая традиция синтаксического разграничения на письме подлежащего от других членов предложения путем употребления полных и кратких членных форм имени, соответственно воспринимаемых при чтении, привела к созданию стойких письменных навыков у носителей СБЛЯ, что находит свое отражение и в устной практике.

Можно также думать, что кроме того здесь играет свою роль и характерная для развития СБЛЯ тенденция к его интелтуализации /108/, т.е. "подбор и использование таких языковых средств, которые дают возможность более точного обозначения явлений и более эксплицитно выражают сложность и связанность мыслительного процесса" /80, с. 123/. Любопытно в связи с этим привести высказывание на Первой национальной конференции по языковому строительству одного из участников-неспециалистов: "В болгарской языковедческой литературе иногда высказываются мнения о необходимости устранения существующего до сих пор правила об употреблении полного члена, когда имя в именительно падеже, поскольку, якобы, этому нет покрытия в узусе. Я думаю, что большинство более начитанных болгар и в своей устной речи на нужном месте употребляют полный член. Если этот вопрос рассмотреть углубленно в свете отношения интелтуализации и (или) демократизации языка и правописания, существующее правило следует сохранить и в дальнейшем. Пока существуют одновременно полный и неполный член, логично, чтобы полный член употреблялся именно там, где слово имеет большую грамматическую (и мыслительную) значимость. Это не обременяет, а скорее обостряет внимание при формировании и передаче мысли" /109/.

Предложения об изменении указанного нормативного правила исходят из двух возможных решений: /1/ обе членные формы кодифицируются как свободные равноправные варианты /13, с. 10/ и /2/ в качестве нормы избирается только одна из них, очевидно, неполная, чаще встречающаяся в литературно-языковой практике /13, с. 32/. Последнее предложение больше

соответствует принципу единства ЛЯ, хотя трудно предвидеть все последствия, к которым может привести отказ от закрепившейся в языковом сознании наиболее престижного слоя носителей СБЛЯ и в его письменной форме, а, следовательно, и во всей обширной печатной продукции, длительной традиции разграничения двух членных форм, безусловно, способствующей интеллектуализации ЛЯ. Возможно, не случайно в новой академической грамматике СБЛЯ норма употребления полных и неполных членных форм оставлена без изменений /62, с. 118—121/.

§ 25. Как это видно уже из нашего по необходимости сжатого и неполного обзора, в социалистической Болгарии идет интенсивный процесс развития литературного языка, вливающийся в общий поток развития социалистической культуры и во многом определяющий ее характер. В этих условиях особое значение приобретает такой важнейший социальный фактор, как языковое строительство — вмешательство общества, представленного учеными-языковедами, в стихийный процесс литературно-языкового развития и организованное руководство этим процессом путем изучения и оценки направления развития, принятия решений и внесения необходимых корректив в существующий нормативный комплекс, внедрения новых перспективных явлений в литературно-языковую практику борьбы с теми сдвигами в норме и теми явлениями, которые нарушают единство и чистоту ЛЯ. Направление этой деятельности определяется языковой политикой социалистического общества и государства, которая в стране, охваченной единым национальным литературным языком, определяется исходя из задачи борьбы за сохранение его единства и связи с традицией и народной основой, за его дальнейшую демократизацию и интеллектуализацию, за всемерное овладение всеми гражданами его нормами.

Многие из встающих вопросов в настоящее время находятся на стадии исследования и оценки происшедших в литературно-языковой практике изменений, прогнозирования возможности их включения в нормативный комплекс. При этом не всегда достаточен социалингвистический фон такой оценки: не проведены вообще или в удовлетворительном объеме наблюдения над тем, насколько широко распространено то или иное явление, в каких коммуникативных условиях оно встречается, социальный, территориальный, возрастной круг носителей ЛЯ, у которых оно отмечается, источник сдвига, его принадлежность собственно литературно-языковому узусу или субстандарту и т.п. Не всегда в достаточной мере изучена и описана грамматическая сущность явления, его место в системе СБЛЯ. Именно эти звенья процесса языкового строительства, предвещающие этап кодификации, сейчас на повестке дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виденев М.* Към характеристиката на движещите сили в разволя на съвременния български книжовен език//Език и литература. 1977. Кн. 2. С. 1—107.

2. *Викторова К.* Александър Теодоров-Балан и езиковата култура//Български език. Год. XXV. 1975. Кн. 5. С. 422—430.

3. *Георгиева Е., Лилов М., Манолова Л., Мурдаров В.* Проф. Любомир Андрейчин и езиковото строителство//Български език. Год. XXVI. 1976. Кн. 1—2. С. 19—26.

4. *Гунова З., Пернишка Е.* Особенности и тенденции в словотворчеството в художествена литература//Проблеми на езиковата култура. С., 1980. С. 246—253.

5. *Русинов Р.* Не всички съществителни притежават форма за множествено число//Български език. Год. XXXIV. 1984. Кн. 5. С. 469—470.

6. *Новачкова Р.* Обучението по роден език и езиковото строителство//Проблеми на езиковата култура. С. 112—118.

7. *Андрейчин Л.* Езикови тревоги. С., 1973.

8. *Андрейчин Л.* Относно факторите и пътищата за разширяване на езиковите знания и повишаване на езиковата култура//Проблеми на българската книжовна реч. С., 1974. С. 233—236.

9. *Лилов М.* Книжовният език как средство за изграждане на национална култура// Проблеми на езиковата култура. С. 48—56.

10. *Пенчев Й.* Езикова норма и езикова структура//Проблеми на езиковата култура. С. 57—60.

11. *Дуриданов И.* Общото езикознание и проблемите на езиковото строителство//Проблеми на езиковата култура. С. 16—30.

12. *Станков В.* Основни проблеми на нашето езиково строителство//Проблеми на езиковата култура. С. 5—15.

13. *Мурдаров В.* Промени в нормата на съвременния български книжовен език// Съвременна България. С., 1984. Т. 5. Развитие на българския език и българската литература. С. 29—33.

14. *Виденев М.* Социолингвистика. Основни тезиси. Български социолингвистически проблеми. С., 1982.

15. *Георгиева Е., Мурдаров В.* Първа национална конференция за езиково строителство//Български език. Год. XXIX. 1979. Кн. 2. С. 181—186.

16. *Хауген Э* Лингвистика и езиково планиране//Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1973. С. 441—459.

17. *Базиев А.Т., Исаев М.И.* Язык и нация. М., 1973. С. 135.

18. *Заимов Й.* На какви принципи трябва да се изгражда терминологията на съвременния български език//Проблеми на езиковата култура. С. 122.

19. Приветствие на ЦК на БКП до Първия конгрес на Дружеството на филолозите българисти//Език и литература. 1985. Кн. 1. С. 3.
20. *Зарев П.* За задачите на българската филология в условията на изграждането на зряло социалистическо общество в Народна република България//Език и литература. 1985. Кн. 1. С. 11.
21. Български език. Год. XXXI. 1981. Кн. 2. с. 162.
22. *Табакова И.* За още едно значение на глагола *отлага се*// Български език. Год. XXXIV. 1974. Кн. 5. с. 470—471.
23. *Андрейчин Л.* На езиков пост. С., 1961.
24. *Лилов М.* Изказвания на Първата национална конференция за езиковото строителство. (София, 17—19 X 1978)//Български език. Год. XXIX. 1979. Кн. 3. С. 236—240.
25. Първи конгрес на Дружеството на филолозите българисти//Език и литература. 1985. Кн. 1. С. 116—125.
26. Съвременна България. С., 1984. Т. 5. Развитие на българския език и българската литература.
27. Първи международен конгрес по българистика: Доклади. Исторически развой на българския език. С., 1983. Т. 2. Съвременен български език.
28. *Георгиев В.* Значението на правописната реформа от 1945 г.//Проблеми на езиковата култура. С. 31—35.
29. *Русинов Р.* Учебник по история на новобългарския книжовен език. С., 1980. с. 32.
30. *Будагов Р.А.* Човек и его език//ВЯ. 1970. № 6. С. 9.
31. *Исаев М.И.* Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка//Язык и общество. М., 1968. С. 81—99.
32. *Босилков К.* Демерминологизацията, езиковото строителство и езиковата култура//Проблеми на езиковата култура. С. 143—148.
33. *Лилов М.* Принципи на съвременното книжовно строителство//Български език. Год. XXVI. 1976. Кн. 1—2. С. 60—63.
34. *Валтер Х.* Проблеми на развитието на книжовния език и езиковата ситуация в България през XX в.//Първа национална младежка школа по езикознание. С., 1981. С. 66—70.
35. *Виденов М.* Някои проблеми на съвременната българска езикова ситуация//Исторически развой на българския език. С., 1983. Т. 2. Съвременен български език. С. 72—84.
36. *Виденов М.* За някои страни на столичната езикова действителност//Изследвания вързу историята и диалектите на българския език. С., 1979. С. 88—93.
37. *Георгиева Е., Станков В.* За принципите, върху които се гради правописен речник на съвременния книжовен език//Български език. Год. XXXV. 1985. Кн. 3. С. 211—218.
38. *Андрейчин Л.* Из история на нашето езиково строителство. С., 1977.

39. *Стойков Ст.* Българска диалектология. С., 1968. с. 52—57, 132—134.

40. *Андрейчин Л.* Унификационни процеси в българския книжовен език през първите две десетилетия след Освобождението//Български език. Год. XXIII. 1973. Кн. 5. С. 375.

41. *Иванчев Т.* Упътване за общо правописание//Училищен преглед. Год IV. 1899. Кн. 1—2. С. 43.

42. *Андрейчин Л. и др.* Упътване за правописа на българския книжовен език, официално издание на Министерството на народно просвещение. С., 1945.

43. *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. С., 1944.

44. *Вълчев Б.* Отклонения от нормата на ятовия преглас в съвременната езикова практика (*бяли, извървяни* и др.)//Език и литература. 1985. Кн. 2. С. 68—74.

45. *Пашов П., Първев Хр.* Българският правоговор. С., 1983. С. 30.

46. *Попов К.* По някои спорни и нерешени въпроси на книжовния правоговор//Пламяк. 1970. Кн. 1. С. 55—63.

47. *Русинов Р.* Някои основни проблеми в развитието на книжовния български език през първите четири десетилетия на ХХ в.//Съвременна България. Т. 5. С. 27.

48. *Николаев Б.* "Видяни, разпиляни" и пр.//Български език. Год. XXIII. 1973. Кн. 3—4. С. 306.

49. Правописен речник на съвременния български книжовен език. С., 1983.

50. *Стоянов Ст.* Насоки и тенденции в разволя на българския книжовен език след 9.IX.1944 г.//Съвременна България. Т. 5. С. 7—17.

51. *Стоянов Ст.* Приносът на Стефан Младенов за устройството на българския книжовен език//Език и литература. 1981. Кн. 2. С. 14—15.

52. *Попов К.* Нормите трябва да поддържат еластична стабилност в книжовния език//Език и литература. 1979. Кн. 1. С. 96.

53. *Адрнейчин Л.* Някои въпроси на българския правопис.//Български език. Год. XXIII. 1973. Кн. 3—4. с. 191.

54. *Теодоров-Балан А.* Български изток и запад в книжовния език//Български език. Год. VIII. 1958. Кн. 6. С. 486—498.

55. *Младенов М.* Диалектният произход на някои книжовни норми//Проблеми на езиковата култура. С. 199—205.

56. *Аванесов Р.* Общонародный язык и местные диалекты. М., 1954. С. 10.

57. *Холиолчев Хр.* Взаимоотношението български книжовен език — български диалекти и съвременното езиково строителство// Проблеми на езиковата култура. С. 190—197.

58. *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980. С. 7.

59. *Лилов М.* Общи и частни особености в развоја на българскиот јазик како стандартен//Славистичен зборник (По случај VIII меѓународен конгрес на славистите во Загреб — Люблина). С., 1978. С. 53—59.

60. *Јорданова Л.* Новите думи во современиот български јазик. С., 1983.

61. *Демина Е.И.* Актуални проблеми на јазиковото строителство//Јазик и литература. 1979. Кн. 1. С. 86—87.

62. Граматика на современиот български книжовен јазик. С., 1983. Т. 2. Морфологија.

63. *Пашов П.* Книжовнојазикови норми во процес на устројство//Проблеми на јазикова култура. С. 36—47.

64. *Георгиева Е.* Некои въпроси во врска со употребата на бројната форма на съществителните имена од машки род//Български јазик. Год. XIV. 1964. Кн. 2—3. С. 214—216.

65. *Гунова З.* Некои въпроси околу бројното множествено число во нашиот јазик//Български јазик. Год. XXIV. 1974. Кн. 6. С. 568.

66. *Лилов М.* Бројната форма за множествено число при имената од машки род во българскиот јазик//Заседание на комисијата за анализ на граматичните структури на славјанските јазици при Меѓународниот комитет на славистите. С., 1977. Ч. 1. С. 74—81.

67. *Пашов П.* Стари и нови черти во морфологичната структура на современиот български книжовен јазик//Први меѓународен конгрес по българистика: Доклади. Исторически развој на българскиот јазик. 2. Современ јазик. С., 1983. С. 130.

68. *Андрејчин Л.* *Вие сте радостен, -стна* (не: *радостен*), *Вие сте чели* (не: *чел, чела*)//Јазикови тревоги. С. 87—88.

69. *Баракова П.* Отново за формите на учтивост во нашиот јазик//Български јазик. Год. XXIX. 1979. Кн. 1. С. 77.

70. *Петрова С.* Състояние на формата за учтивост во българскиот јазик//Јазик и литература. 1980. Кн. 5. С. 78.

71. *Косев К.* За јазиково строителство//Јазик и литература. 1979. Кн. 1. С. 90.

72. *Пашов П.* По некои въпроси за авторската форма и учтивата форма за множествено число//Български јазик. Год. XII. 1962. Кн. 4. С. 314.

73. *Иванова Л.* За емансипација и во јазикот//Български јазик. Год. XXXIV. 1984. Кн. 1. С. 77—78.

74. *Андрејчин Л.* Неправилна употреба на съществителните од машки род при означување на жени//Во јазиков пост. С. 147—151.

75. *Мурдаров В.* Особен случај на согласување по род//Български јазик. Год. XXXIII, 1983. Кн. 2. С. 172—173.

76. *Андрејчин Л.* Обршенија кон служителки жени//Андрејчин Л. Јазикови тревоги. С. 163—164.

77. *Иванова К.* Към въпроса за префиксацията на двувидовите глаголи от чужд произход в съвременния български език// Изв. на Ин-та за български език. 1964. Кн. XI. С. 245–251.

78. *Горецки Я.* Исходные принципы теории литературного языка//ВЯ. 1977. Кн. 2. С. 62.

79. *Лилов М.* Активни процеси в глаголната префиксация// Езиковедски проучвания в чест на акад. В. Георгиев. С., 1980. С. 454–58.

80. *Мурдаров В.* Съвременни словообразователни процеси: Очерк върху българското словообразуване. С., 1983.

81. *Цанков К.* За правописа на някои трикомпонентни сложни думи//Български език. Год. XXV. 1985. Кн. 4. С. 397–400.

82. Речник на българския език. С., 1977. Т. 1. С. 171.

83. *Мурдаров В.* Слято, полуслято и разделно писане. С., 1976. С. 78.

84. *Брезински Ст.* Начини за образуване на притежателни прилагателни имена//Проблеми на езиковата култура. С. 240–245.

85. *Леков И.* Динамично функционално съотношение на някои синонимни наставки в български език според данни за предвиждания. (По въпроса за *-ически, -ичен, -ски, -жки, -шки*)// Български език. Год. XX. 1970. Кн. 2–3. С. 158–162.

86. *Георгиева М.* Прилагателни на *-ичен, -ически* в развитието на съвременния български литературен език//Български език. Год. XII. 1962. Кн. 4. С. 273–282.

87. *Попов К.* Съвременна употреба на прилагателните на *-ичен, -ически*//Език и литература. 1962. Кн. 4. С. 273–282.

88. *Манолова Л.* Словообразователни дублети — прилагателни със суфикси *-ичен, -ически* в правописния речник на българския книжовен език (София, 1965)//Български език. Год. XXXIV. 1984. Кн. 1. С. 70–72.

89. *Андрейчин Л.* Оптимистична или оптимистическа трагедия// Български език. Год. VIII. 1968. Кн. 2. С. 179.

90. *Първев Хр.* Потресающ, потресаещ, потресаващ и потреващ//Български език. Год. XIII. 1963. Кн. 3. С. 277–278.

91. *Мурдаров В.* Прозвища от собствени фамилни имена в битово-разговорния стил//Български език. Год. XXXIV. 1984. Кн. 3. С. 221–231.

92. *Виденов М.* Универбизацията — присъща черта на българския разговорен стил//Език и литература. 1976. Кн. 4. С. 30.

93. *Крумова Л., Чоролеева М.* Съкращаването и съкращения в българския език. С., 1982.

94. *Тодорова Е.* Абревиатурите в съвременната българска публицистика//Български език. Год. XXXV. 1985. Кн. 1. С. 50–60.

95. *Брезински Ст.* Законът на икономия на изразни средства в публицистиката//Език и литература. 1976. Кн. 4. С. 52–57.

96. *Йорданова Л.* Тематична класификация на абревиату-

рите в българския книжовен език//Език и литература. 1981. Кн. 1. С. 86—89.

97. Речник на съкращенията в българския език. С., 1983.

98. *Викторова К.* Съкращаване на научните степени и звания. Абревиатурите като термини//Български език. Год. XXVII. 1977. Кн. 4. С. 359—362.

99. *Дончева-Марева А.* За вариантите от типа специализирана ТЕЛК — специализиран ТЕЛК//Български език. Год XXXI. 1981. Кн. 5. С. 469—470.

100. *Крумова Л., Чоролеева М.* Абревиацията в български език//Български език. Год. XXVI. 1976. Кн. 5. С. 385—386.

101. *Жерев Ст.* По въпроса за транскрипцията на чуждите имена//Проблеми на езиковата култура. С. 173—181.

102. Изговор и транскрипция на чужди имена в българския език. С., 1974.

103. *Андрейчин Л.* Изговор и транскрипция на руски имена в български език//Български език. Год. II. 1952. Кн. 4. С. 248—252.

104. *Въгленов М.* Правилно да изговаряме и пишем чуждите имена//Проблеми на българската книжовна реч. С., 1974. С. 213—224.

105. *Станков В.* За предаване на някои италиански географски имена на български език//Български език. Год. XXXI. 1981. Кн. 5. С. 466—467.

106. *Георгиева Е.* Езикови бележки за една новоизлязла книга//Български език. Год. XXXI. 1981. Кн. 5. С. 467—469.

107. *Андрейчин Л.* Характер и произход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език//Славистичен сборник. С., 1963. С. 163.

108. *Ницолова Р.* За интелектуализацията на съвременния български книжовен език//Проблеми на езиковата култура. С. 79—87.

109. *Захариев Б.* Критически бележки върху последната правописна реформа//Език и литература. 1979. Кн. 1. С. 102.

110. *Георгиева Е.* Дублетни форми в българския правопис//Български език. Год. XXIII. 1973. Кн. 3—4. С. 194—196.

З.Н. Стрекалова

Теория и практика
языковой политики в ПНР

Современная языковая ситуация в Польской Народной Республике начала формироваться в послевоенные годы в результате тех социальных преобразований, которые произошли в

стране, а также вследствие значительных изменений национального состава Польши. Польская Народная Республика сложилась как народно-демократическое государство, приступившее к строительству социалистического общества. Его территория расположена на исконных польских землях. Именно эти условия и особенности исторического развития польского народа в новейший период определяют специфику формирования языковой ситуации в ПНР.

Подавляющее большинство населения страны (98%) составляют граждане польской национальности, для которых польский язык — родной. Национальные меньшинства (около 2% населения), как правило, активно пользуются польским языком. В связи с этим Польша считается страной по преимуществу моноязычной. Польский литературный язык выполняет функции единого официального языка в государстве. Языковая политика в стране осуществляется в соответствии с ее особенностями как моноязычного государства.

Отметим, что если в многоязычном обществе языковая политика призвана решать прежде всего национально-языковые проблемы и является частью национальной политики государства, то в моноязычной стране основное содержание языковой политики составляет культурно-языковой аспект. Естественно, что языковая политика и в этом случае зависит от общих принципов государственной политики и в конечном счете определяется ее социально-культурными установками.

Политика государственных органов и учреждений ПНР изначально была направлена на демократизацию всей культурной жизни страны и прежде всего — просвещения. Языковая политика в народной Польше (как свидетельствует целый ряд официальных документов) ставит своей целью пропаганду знаний о польском языке и воспитании языкового сознания граждан, которое должно выражаться в высокой требовательности к языку как средству общения. При этом придается большое значение работе лингвистов в области теории и практики языковой культуры. Теоретические принципы и практические рекомендации лингвистов, направленные на совершенствование литературного языка как средства коммуникации и как важного национального достояния, являются той базой, на которую опирается деятельность государственных органов в области языковой политики.

Польское общество всегда, на протяжении многовековой истории страны, придавало большое значение совершенствованию и "борьбе за чистоту" литературного языка. Нормализаторская деятельность — или "нормализаторская политика" — в языковой сфере и теперь привлекает внимание широкой общественности.

Следует признать, что научная и практическая деятельность лингвистов-кодификаторов, а также тех кругов интеллигенции, которая профессионально связана с практической работой над языком (редакторы, литературные работники, журналисты, учителя, преподаватели, актеры, дикторы и т.п.) представляет собой важнейшую часть реализации языковой политики. Одной из своих задач полонисты считают выработку общественного мнения о языке, о тенденциях его развития, адекватную оценку тех процессов, которые наблюдаются в современном польском языке.

В настоящей статье представляется уместным рассмотреть некоторые основные признаки языковой ситуации в ПНР, деятельность государственных учреждений в области культурно-языковой политики и специфику нормализаторской работы языковедов.

Полонисты изучают языковую ситуацию в стране прежде всего в связи с быстро изменяющимися социальными и культурными условиями, в ее социально-культурном аспекте. На фоне актуальных культурно-языковых проблем в ПНР национально-языковая проблематика отступает на второй план. В период между первой и второй мировыми войнами Польша была многонациональным государством, в котором граждане польской национальности составляли менее 70% населения. Тогда национально-языковые вопросы занимали значительно большее место в языковой политике, чем теперь, в народной Польше. Народная власть в Польше обеспечивает национальным меньшинствам права и условия, необходимые для естественного функционирования их диалектов и литературных языков. Национальный вопрос в ПНР был решен на основе марксистско-ленинских принципов национальной политики: равные права всех народов и национальностей, проживающих в социалистической Польше, закреплены Конституцией: "Граждане Польской Народной Республики, независимо от национальности, расы и вероисповедания, имеют равные права во всех областях государственной, политической, хозяйственной, общественной и культурной жизни" /статья 69/. Украинцы и белоруссы, проживающие в настоящее время в Польше (они составляют 1% населения страны), говорят на диалектах или на своем литературном языке, имеют возможность получать образование на родном языке в начальной школе, а также изучать его в средней школе. Украинцы живут на территории ПНР более рассеянно, чем белоруссы, составляющие компактную группу на север и на юг от реки Нарев. Белорусское социально-культурное общество ведет активную деятельность, организует работу библиотек, клубов, белорусских самодеятельных художественных коллективов, издает еженедельник "Нива", патронирует школы, где обучение ведется на белорусском языке. В мае 1984 г.

состоялся X съезд этого общества, принявший план работы на ближайшие четыре года. Польские лингвисты изучают белорусские диалекты на территории ПНР.

Аналогичным образом организована работа культурных обществ других национальных меньшинств: все они получают финансовую поддержку от государства. Их деятельность способствует продолжению языковых традиций национальных меньшинств. Представители нацменьшинств, как правило, двуязычны, наряду с родным языком они активно владеют польским языком. Однако в полном смысле слова двуязычна только интеллигенция белорусского происхождения, которая в равной мере свободно владеет двумя литературными языками, польским и белорусским. Немногочисленные группы литовцев, русских, чехов, словаков, евреев и цыган, проживающих в ПНР, также, как правило, активно владеют польским.

Объектом целенаправленной, организованной языковой политики в ПНР являются различные слои общества и группы населения¹; владение ими литературно-языковой нормой и повышение их языковой культуры вообще считается фактором создания оптимальных условий коммуникации во всех сферах общественно-культурной жизни, соответствует интересам демократического общества.

Польские лингвисты неоднократно писали о том, что возникновение ПНР было переломным моментом в становлении нынешней языковой ситуации и в функциональном развитии польского литературного языка. Основной фактор формирования языковой ситуации — глубокие и обширные политические, социальные, экономические, культурные преобразования в стране. Изменение классовой структуры, социальные сдвиги в Польше не могли не сказаться на условиях функционирования литературного языка, привели к изменению объема и характера его использования. Демократизация культурной жизни в ПНР, участие в ней всех социальных групп, развитие просвещения и средств массовой информации — все это способствовало увеличению числа лиц, пользующихся литературным языком.

Опосредованное, но глубокое воздействие на языковую ситуацию оказывают экономические факторы, такие, как развитие промышленности, быстро прогрессирующий процесс урбанизации, научно-техническая революция. Все эти процессы продолжают развиваться, и социолингвистика, имея дело с непрерывным изменением, становлением общественно-экономической жизни, вряд ли может (на сегодняшний день) всесторонне

¹ Обычно считается, что объектом языковой политики являются этнические группы, народности, нации; однако в социолингвистической литературе есть указания на то, что она может быть направлена и на определенные классы и социальные группы /1, с. 148/.

учесть то воздействие, которое оказывает научно-техническая революция на языковую коммуникацию и на языковую сферу вообще. Несомненно, однако, что НТР ускорила темпы изменений во всех сферах общественной жизни, это сказалось и на функционировании языка.

В связи с урбанизацией в ПНР миграция населения из деревни в город приняла массовый характер. В довоенной Польше около 70% населения жило в деревне, которая не была тогда так тесно связана с городом, как современная деревня; это население общалось на местных диалектах и было в значительной части неграмотным.

В настоящее время сельские жители, по данным польской статистики, составляют 41% населения; при этом в Польше существует довольно многочисленная прослойка лиц, занятых одновременно в индивидуальном хозяйстве в деревне и на предприятии в городе. Стиль сельской и городской жизни постепенно унифицируется, как в культурном, так и в языковом плане.

Внеязыковые факторы влияют на функционирование всей системы национального языка поляков, и, в частности, приводят к сужению сферы использования диалектов. Это происходит, во-первых, ввиду миграции части сельских жителей из деревни в город, что означает их постепенный переход на городское койне, интердиалект или так называемый "культурный диалект", и, во-вторых, ввиду изменений, происходящих в жизни самой деревни, возникновении разного рода обстоятельств, которые вынуждают сельских жителей контактировать с городом, когда диалектные средства общения становятся недостаточными и непрестижными.

Существенной особенностью современной польской деревни стала прогрессирующая языковая дифференциация населения, прежде всего — возрастная: молодежь стремится овладеть "культурным диалектом", старшее поколение общается на диалекте, по крайней мере в местной среде, в пределах своего села. Существование диалектов поддерживается благодаря старшему поколению крестьян. Исследования языка среднего поколения позволяют утверждать, что это поколение хорошо владеет своим диалектом, однако не пользуется им с момента поступления на работу вне своего села /2/. По наблюдениям польских диалектологов, дети школьного возраста оказывают большое влияние на язык родителей, у которых ограничиваются возможности сохранить диалект в семейном общении /3/. Известно, что до недавнего времени каждый отдельный говор был единообразной языковой формацией; сегодня он, как правило, дифференцирован и уже не сохраняет единой диалектной нормы. И все же линия разграничения языка села и языка города остается наиболее отчетливой в слабо дифференцированном национальном языке поляков. Немаловажно и то, что носители

диалекта, знакомые с литературным языком хотя бы пассивно, иначе оценивают возможности говора. В их сознании происходит переоценка собственного говора с общенациональных позиций.

Язык города, как известно, никогда не бывает единообразной формацией. Города, особенно малые, испытывают влияние окружающих диалектов, и, кроме того, городской язык дифференцирован социально. В настоящее время в большей степени, чем раньше, для горожан характерен переход с говора на "культурный диалект". Полонисты отмечают, что лицо города определяет речь людей, постепенно осваивающих литературную норму, приспособляющихся к городскому языковому узусу. Переход на "культурный диалект" зависит от ряда конкретных обстоятельств: от длительности пребывания в городе, интенсивности общения в городской среде и т.д.²

Существенной особенностью послевоенной Польши была массовая миграция польского населения на западные и северные земли. После воссоединения этих земель с Польшей на них начался процесс экономической и культурной интеграции³. Там на обширной территории образовался конгломерат польского населения, чрезвычайно пестрого по диалектному составу (как исконного, так и переселившегося из других областей Польши). Исследования диалектологов показывают, что первоначально часть населения в этом регионе говорила на диалектах, сохранявших следы восточнославянского влияния. Процесс стирания диалектных особенностей — по наблюдениям диалектологов — начался с момента переселения первых групп населения и продолжается до сих пор. Западные и северные земли сравнивают с огромным горнилом, в котором постепенно переплавляется его содержимое; сами носители диалектов наблюдали, каким образом в их языковой среде происходит стирание диалектных черт. Ср., например, высказывание жителя Кошалинского воеводства: "Сначала люди смеялись друг над другом, и каждый должен был исправлять свою речь, поэтому наша речь выравнивалась" /6, с. 103/. Таким образом, диалектные нормы в процессе повседневного речевого общения людей — носителей разных территориальных говоров — расшатывались; на определенном этапе один из взаимодействующих диалектов мог оказывать влияние на окружающую языковую среду в

² В последнее десятилетие язык города стал предметом внимания польских лингвистов, работающих в целом ряде научных центров Польши; его изучение началось с конференции, организованной в 1974 г. В Любасем. Интерес к этой проблематике растет, публикуются тексты /3, 4/ и первые результаты исследований /5/.

³ Этот процесс всесторонне изучается учеными разных специальностей: историками, социологами, этнографами, лингвистами, культурологами, экономистами.

такой степени, что его нормы становились общепринятыми в том или ином населенном пункте или местности. Однако это явление, как показывают исследования польских диалектологов, оказалось преходящим. Смешанные диалекты не возникли; диалекты вообще не стали основным средством общения в этом регионе. Образцом языковой нормы стал литературный язык, местное население сознательно стремилось приобщиться к "культурному диалекту", следовать общепринятому узусу.

Воздействие школы и средств массовой информации сказывалось здесь наиболее интенсивно, количественная демократизация литературного языка проходила ускоренными темпами. Здесь объективно обусловленный и закономерный процесс распространения "культурного диалекта" получил название "языковой интеграции".

Лингвистическое обследование этого региона в настоящее время показало, что исконные польские диалекты на западных землях продолжали существовать и в условиях многовековой германизации /7/. Интерес языковедов к этому региону способствовал усилению связей польского общества с этнической польской территорией, длительный период не входившей в состав Польши, оторванной от нее. В этом смысле лингвистические труды содействовали интеграции польского общества, значительному сдвигу в общественном и, в частности, в языковом сознании /7, с. 268/. Одним из аспектов языкового "освоения" северных и западных земель была деятельность Комиссии по определению топографических наименования; благодаря ее работе были восстановлены, воскрешены польские названия городов, сел, рек и другие топонимы, подвергшиеся ранее германизации. Все эти обстоятельства имели большое значение для воспитания национального самосознания у тех поколений молодых поляков, которые выросли на этой воссоединенной земле.

Огромное значение для расширения социальной базы польского литературного языка имела политика государства в области народного просвещения. В довоенной Польше за пределами начальной школы оставалась значительная часть крестьян и городских жителей из низших слоев. Процент неграмотных был очень высок (40% населения в Центральной Польше). Непосредственно после второй мировой войны каждый пятый поляк был неграмотным /6, с. 103/. В ПНР в 1949 г. был введен "Закон о ликвидации неграмотности", согласно которому бесплатное обучение грамоте распространялось на всех граждан. К началу 50-х годов неграмотность была полностью ликвидирована, что было одним из достижений строительства социализма в ПНР. В 1946—1948 гг. началось осуществление программы всеобщего обязательного обучения. Реформа народного просвещения, наряду с национализацией промышленности и аграрными преобразованиями, была одной из важнейших задач

народной власти. Осуществление реформ в области просвещения внесло значительные изменения в культурную жизнь страны и явилось составной частью социалистических преобразований. Культурному подъему в ПНР способствовала демократизация литературного языка, приобщение к нему молодежи, особенно сельской, которая в начальной и средней школе овладевает нормами литературного языка. В послевоенные годы народное просвещение развивалось в трудных условиях: было недостаточно квалифицированных учителей, сказывалась нехватка школьных зданий и т.п. Городская и сельская школы еще долгое время различались по уровню преподавания вообще и по требованиям, предъявлявшимся к языку. Сельская школа находилась (и теперь еще находится) под более или менее сильным воздействием местной диалектной среды. Диалектизмы — фонетические, морфологические, синтаксические и особенно диалектная лексика — сохраняются в речи учащихся начальной школы и порой сказываются на устной и письменной речи старших школьников. Естественно, что молодежь легче усваивает литературную норму там, где местные диалекты наиболее близки к литературному языку. Окраинные диалекты (Мазовские, Силезия, Поморье, Кашубы) сильнее отличаются от литературного языка; в некоторых районах настолько сильно, что преподавание родного языка в сельской школе в послевоенные годы требовало разработки специальной методики. С одной стороны, принимались меры для того, чтобы учащиеся быстрее овладели лексикой литературного языка и лучше понимали речь учителя. В этих целях "Общество любителей польского языка" и редакция журнала "Ензык польски" предложили составить и опубликовать специальные словари, содержащие диалектную лексику, нуждающуюся в "переводе" на литературный язык. Для кашубских детей был издан такой диалектно-литературный словарь; в него вошли специфические кашубские лексемы, а также некоторые литературные слова, сходные с кашубскими по звучанию, но различающиеся по смыслу /8/. С другой стороны, методические пособия рекомендовали учителям, фиксируя внимание школьников на местных диалектных особенностях речи, оценивать их именно как региональные языковые черты, а не квалифицировать как ошибки /9/. Такая постановка вопроса, не умаляя роли литературного языка как общепольского средства коммуникации, исключала момент принуждения, навязывания литературных норм носителям диалекта; она способствовала развитию диглоссии, воспитанию и обогащению языкового сознания молодого поколения. Всеобщее обязательное обучение обеспечивало повседневный контакт всей молодежи с литературным языком, в результате которого увеличивалось число его активных носителей. Внимание обществу постоянно было обращено на культуру речи учащей-

ся молодежи; это находило выражение в многочисленных дискуссиях, осуждении "модных", распространенных в школьной среде слов молодежного жаргона, а прежде всего в требовании повысить уровень грамотности школьников, уровень владения литературной нормой. Все эти вопросы ставились "Обществом друзей польского языка", которое обратилось в Министерство просвещения с "Памятной запиской" /10/, где выдвигался ряд практических предложений по устранению недостатков обучения родному языку в средней школе (улучшить подготовку учителей-словесников, увеличить число часов, отводимых в школе на польский язык, пересмотреть школьную программу, которая слишком перегружена, и т.д.). В этом документе отмечалось, что "средняя школа — центральное звено языковой культуры, внедряющее ее в широкие массы населения, формирующее прослойку интеллигентных носителей языка" /10/, с. 233/ и подчеркивалось, что проблема в целом имеет значение для развития всей национальной культуры и важнейшего ее элемента — польского языка.

Перестройка школьной программы началась в 60-е годы; срок обучения в неполной средней школе был продлен до восьми лет, что дало возможность уделить большее внимание преподаванию родного языка. Работа по совершенствованию программы обучения родному языку в школе не прекращалась; в последние годы она широко обсуждалась как педагогами, так и языковедами. Обновленная программа по сравнению с прежними имеет ряд преимуществ: она содержит установку на обучение активному владению литературным языком, различными его стилями /6, с. 103/. Вместе с тем ею предусмотрено ознакомление учащихся с основными особенностями функционирования современного польского языка. Подготовлено и опубликовано новое пособие для средней школы, содержащее основные сведения о взаимосвязи литературного языка и диалектов, о функциональных стилях польского литературного языка, о языке как средстве коммуникации в современном обществе /11/. Особое внимание уделяется определению типов языковых ошибок, перечисляются функциональные, социальные, грамматические категории правильной речи, даются указания относительно пользования словарями разных типов. Такое пособие несомненно открывает возможности лучшей языковой и общекультурной подготовки учащихся средней школы. Однако в настоящее время польские языковеды вновь обращают внимание на необходимость усилить внимание к изучению родного языка в средней школе, отмечают, что существует еще определенный разрыв между требованиями школьной программы и уровнем знаний учащихся (особенно в области практической стилистики), указывают на некоторые недостатки организации обучения польскому языку /12, с. 258/. Полонисты разрабаты-

вают новые методы развития речи учащихся, изучают язык школьной среды, исследуют влияние на речь учащихся различных социальных факторов (диалектная среда, образовательный уровень родителей и т.д.).

За годы народной власти в ПНР значительно изменился состав интеллигенции, как в количественном отношении, так и с точки зрения ее социального происхождения. В довоенной Польше число лиц с высшим и средним образованием было очень невелико, оно составляло всего 2% населения страны. Интеллигенция представляла собой довольно замкнутую элитарную группу; в нее нелегко было войти представителям других общественных слоев, доступ в высшую школу был весьма ограничен (для неимущих особенно). Народная власть в ПНР сделала образование доступным для всех независимо от социального происхождения. Предпринимаются действенные меры по улучшению подготовки рабочей и крестьянской молодежи к поступлению в высшие учебные заведения.

Часть представителей интеллигенции в первом поколении, как известно, сохраняет на определенном этапе некоторые языковые особенности той социальной среды, к которой она первоначально принадлежала; эти лица, сознательно стремящиеся следовать норме литературного языка, постепенно освобождаются от привычки использовать диалектизмы. Диглоссия в этих случаях — явление чрезвычайно редкое. Наблюдения диалектологов показывают, что дольше всего в языке этих лиц сохраняются фонетические особенности диалектной речи⁴. В настоящее время в жизнь вступило уже второе и даже третье поколение интеллигенции, сформировавшейся в условиях народной Польши. Это, как правило, лица с развитым языковым сознанием, более высокой требовательностью к отбору языковых средств выражения, наконец, со знанием иностранных языков. Потомственная интеллигенция, новая и старая, призвана быть и действительно является авангардом языковой культуры польского общества. Для нее характерно особое отношение к языку; пользуясь литературным языком в его устной и письменной форме, она руководствуется не только интуицией, как большинство носителей языка, но и осознанным стремлением следовать литературной норме и использовать языковые средства в соответствии с коммуникативными целями. Конечно, язык современной интеллигенции не вполне однороден уже потому, что несет на себе отпечаток профессиональной среды. При наличии большого числа общих черт в речевой практике интеллигенции есть, естественно, и определенные различия. Счи-

⁴ Даже опытные лингвисты-нормализаторы, прослушав магнитофонную запись своей речи, обнаруживают в ней следы диалектного произношения, ср. /13, с. 280/.

тается, например, что гуманитарная интеллигенция больше, чем техническая, уделяет внимание культуре языка, стремится сохранить традиционную литературную норму. Язык интеллигенции в целом заслуживает специального изучения с точки зрения реализации нормы в ее речевой практике (это не раз отмечалось польскими лингвистами). Однако пока имеются лишь частные исследования по языку отдельных групп интеллигенции (профессиональных или территориальных), см. /13, с. 275—335/.

Одним из основных факторов, регулирующих функционирование литературного языка, является массовая коммуникация, т.е. "процесс распространения информации (знаний, духовных ценностей, моральных и правовых норм и т.д.) с помощью технических средств (печать, радио, кинематограф, телевидение) на численно большие, рассредоточенные аудитории" /14, с. 203/. Технические средства передачи массовой информации развиваются стремительными темпами, что способствует постоянному и очень быстрому росту масштабов аудитории, охваченной массовой коммуникацией. Известно, что большую роль в этом процессе играет пресса; с развитием науки и техники возрастает количество научно-популярных журналов, растут и их тиражи. На массового читателя рассчитана и научно-популярная литература: книги и брошюры, написанные, как правило, на высоком научном уровне и с большим мастерством. Этот жанр литературы весьма популярен в ПНР и несомненно оказывает определенное воздействие на языковую практику.

В послевоенные годы в Польше завершилась повсеместная радиофикация села, развивалась кинофикация, но наиболее популярным и быстро распространяющимся средством массовой коммуникации стало телевидение. По данным на конец 1982 г. в ПНР на тысячу человек приходится в среднем 229,3 телевизора /15, с. 408/. Согласно подсчетам ЮНЕСКО, наличие 200—250 телевизионных приемников на каждую тысячу населения означает, что телевидение практически обслуживает всех жителей страны /16, с. 44; 17, с. 248—249/. Язык — основной компонент массовой коммуникации; его внешнее воздействие разнообразно: язык прессы и научно-популярной литературы стал образцом письменной речи, а звучащий язык радио и телевидения обеспечивает слушателю повседневный контакт с литературными нормами, в том числе и с нормой литературного произношения. Средства массовой информации делают литературный язык общедоступным, способствуют не только культурной интеграции населения, сельского и городского, но и известной унификации языка, выработке узуса, общепринятого в масштабах всего национального польскоязычного коллектива.

Разнообразием тематики, освещаемой средствами массовой коммуникации, объясняется широта и богатство используемых языковых средств. Различие жанров — от репортажа, информа-

ций разного рода, фельетона до политической статьи и художественной литературы, в частности — классической, т.е. произведений лучших польских мастеров слова, позволяет на практике приобщить массового слушателя к различным функциональным стилям польского литературного языка. Язык средств массовой информации при современных темпах их распространения становится основной базой и опорой норм литературного языка, которые выводятся образованными людьми из всей совокупности воспринимаемого языкового материала. Средства массовой информации расширяют круг социально авторитетных источников языковой нормы для всех носителей польского языка и тем самым способствуют демократизации литературного языка. В языковой сфере их воздействие на носителей языка многогранно и еще мало изучено; они не только дают образец литературной нормы, которая воспроизводится говорящими в их речевой практике, но и воспитывают сознание причастности к общенациональной культуре и формируют оценку собственных средств общения (например, местного диалекта, городского койне и т.п.) с общенациональными позициями, с точки зрения литературной нормы.

Необходимо подчеркнуть, что язык средств массовой информации неоднороден. По радио и телевидению наряду с литературно обработанными текстами передаются выступления лиц, которые пользуются городским просторечием или даже диалектом, т.е. допускается речевая практика, которая не является литературной. Это — одна из причин снижения общего языкового фона средств массовой коммуникации. Другая причина этого отрицательного явления — в недостаточной обработке языка самих журналистов, которые допускают стереотипные ошибки, разного рода отклонения от литературной нормы (в значительной мере это происходит из-за спешки в работе, непрерывной "текучки", когда нет возможности отредактировать текст; так иногда сами условия работы журналистов толкают их к небрежности в языковой практике). В прессе, особенно в газетных текстах, бросаются в глаза профессиональные штампы, снижающие информативную ценность текста и обедняющие стиль, что, естественно, отнюдь не способствует борьбе за культуру языка. Язык прессы и телевидения находится под особым наблюдением и контролем лингвистов /18—24/, которые специально изучают как специфику языка и стиля прессы, так и мнения современников о языке журналистики /25/. Эти мнения весьма противоречивы; случается, что журналистам выражают благодарность за хороший язык, но это скорее всего исключение. Как правило, их обвиняют в небрежности, упрекают в том, что они недостаточно внимательны к известной им и общепринятой литературной норме. У некоторой части журналистов есть стремление украсить свой стиль заимствованными словами

(“европеизмами”), которые не только не являются общепринятыми, но иногда отсутствуют в словарях иностранных слов. Инновации и ошибки языка прессы исследуются польскими лингвистами в разных аспектах, на различных уровнях языка /26—29/. И все же язык средств массовой коммуникации служит поводом для суждений о недостаточно высоком уровне языковой культуры вообще. Эти суждения основаны, на наш взгляд, как на знании фактов, свидетельствующих о неотработанности стиля, так и на некоторых, не всегда квалифицированных, наблюдениях носителей языка, даже на их эмоциях, стремлениях непрофессионалов сохранить “чистоту” польского языка. Так, например, варшавская интеллигенция дает хотя и разноречивые, но в целом отрицательные оценки языка прессы /30, 31/.

Критическое отношение к культуре родного языка традиционно для польского общества и родилось примерно одновременно с возникновением национального языкового сознания. На первый план неизменно выдвигалась проблема “засоренности” польского языка иноязычными словами, а национальный критерий правильности имел первостепенное значение; в эпоху Просвещения велась борьба с латинским и французским влиянием, на протяжении всего XIX в. — главным образом с германизмами, а также с русизмами. На переднем крае этой борьбы были лингвисты, неоднократно ставившие вопрос о кризисе в истории польского языка (и на разных его этапах). Кризисным периодом назвал межвоенное двадцатилетие крупнейший лингвист, авторитет в области нормализации языка Ст. Шобер. Он писал: “Возникает стихийная борьба между старым и новым, нарождающимся миром; ни один из них еще не взял верх, равновесие не наступило, господствует неуверенность и замешательство, язык переживает кризис, а кризис вызывает новую необходимость “борьбы за культуру языка” /32, с. 375/. В настоящее время некоторые лингвисты переносят представления Ст. Шобера на современный язык и сами говорят о явлении кризиса (или “сбоя”). Речь идет при этом, конечно, не об утрате или разрушении норм литературного польского языка, не о каком-либо функциональном “кризисе”, а о проблеме, целиком относящейся к сфере культуры речи. “Этот сбой, — пишет Ст. Урбанчик, — вряд ли будет долговечным, на что указывают отмирание и недолговечность модных языковых явлений” /33, с. 156/. Тем не менее этот вопрос остается “болевой точкой” в общественном сознании, предметом беспокойства не только общественности, но и объектом особой заботы общественных организаций и официальных учреждений в ПНР.

Прежде чем перейти к теоретическим вопросам языковой политики, разрабатываемым польскими лингвистами, необходимо остановиться на проблеме стратификации польского национального языка в трактовке полонистов.

Польский национальный язык состоит из ряда языковых формаций (или языковых разновидностей), близких друг к другу, взаимно связанных и взаимозависимых. "Современный польский язык, — как отмечают полонисты, — на фоне других языков отличается высокой степенью унификации" /34, с.129/; при этом подчеркивается, что единообразие современного языка обеспечивается единой системой просвещения, средствами массовой коммуникации, распространением "текстов, создаваемых в соответствии с одной и той же нормой" /34, с.129/.

"Литературный язык в обеих своих формах (письменной и устной), — пишет Ст. Урбанчик, — наиболее обработанная разновидность польского языка, наиболее приспособленная для выполнения всех функций, какие может выполнять язык" /34, с. 139/. Нормы литературного польского языка последовательно отражались в грамматиках, учебниках, в орфографических и орфоэпических справочниках, словарях "Правильного польского языка", наконец, лексический состав литературного языка зафиксирован в многотомных словарях.

Литературный язык в таком понимании противопоставляется другим разновидностям национального языка поляков: народным говорам, с одной стороны, и социальным (профессиональным) диалектам, с другой. Полонисты подчеркивают, что социальные диалекты меньше отличаются от литературного языка, чем народные говоры /34, с. 407/. Исключение представляют только социальные жаргоны, которые служат для изоляции их носителей от остальной части общества (воровской, тюремный жаргон и т.п.).

Используя в нашей работе термин "литературный язык" в указанном значении, мы должны отметить, что в трудах польских языковедов не сложилась единая система понятий и терминов, касающихся стратификации национального языка. Так, наряду с термином "литературный язык" широко употребляется близкий по значению термин "общепольский язык". Последний введен в научный оборот З. Клеменсевичем сравнительно недавно (в ходе дискуссии о происхождении польского литературного языка в 50-е годы). Общепольский язык, согласно определению З. Клеменсевича, это "язык образованных поляков, нормы которого кодифицированы в грамматиках и словарях польского языка". Старое название "литературный язык" сохранено им за письменной разновидностью литературного языка, оно сближается тем самым с понятием "язык литературы", но обслуживает, по З. Клеменсевичу, как художественную литературу, так и все остальные сферы общественной жизни: школу, администрацию, прессу /34, с. 138/. Таким образом, письменная разновидность литературного языка в данном случае более обособлена терминологически, отграничена от разговорного языка "образованных поляков". Последний же по-

нимается шире, чем устная форма нормированного литературного языка, допускает более свободную трактовку нормы, наличие большего количества вариативных форм устного общения. Дальнейшие попытки описания общепольского языка показали, что этот язык не является единообразным, унифицированным, т.к. в него неизбежно приходится включать элементы разговорной речи жителей города (причем в разных частях Польши), а также учитывать устные формы общения лиц разной социальной принадлежности. Определение статуса носителя общепольского языка до сих пор представляется затруднительным, и вопрос этот остается нерешенным.

И все же сложились две рассмотренные выше основные системы терминов, принятые полонистами для описания стратификации польского национального языка. Очевидно, что разница между ними не сводится к терминологии. По сути дела речь идет о границах литературного языка. В определении "общепольский язык" подчеркивается общность этого языка для всех образованных поляков, однако нормированный разговорный литературный язык не ограничен при этом от народно-разговорной речи в разных ее ипостасях.

Необходимо подчеркнуть, что мы остановились лишь на двух основных "школах" исследования разновидностей польского национального языка, особенностей его стратификации на современном этапе. Польские языковеды не отдают решительного предпочтения какой-либо из них. Более того, проблемы стратификации национального языка постоянно находятся в поле их зрения и в ряде лингвистических трудов получили новую оригинальную трактовку. В пределах данной статьи не может быть охвачено все разнообразие тех точек зрения по этому вопросу, которые представлены в польской лингвистической литературе⁵. Отметим лишь, что различие взглядов не всегда получает последовательное выражение в терминологии; неоднородность терминологии, на наш взгляд, иногда мешает понять концепцию автора. Так, В. Писарек как будто в принципе следует концепции Э. Клеменевича (заменив, правда, термин "общепольский" на "общий язык"). Однако он считает, что "общий язык используется всеми административными, политическими, просветительными и культурными учреждениями, осуществляющими коммуникацию на общенациональном уровне". Вслед за этим говорится: "Для общего языка характерно кодифицированное постоянство норм, закрепленных и распространяемых учебниками и словарями" /34, с. 406—407/. Речь идет, таким образом, о тех языковых функциях, которые

⁵ Различные схемы описания разновидностей национального языка представлены в работах Г. Курковской /35/, А. Фурдаля /36/, К. Дейны /37/, С. Грабьяса /38/, К. Стемпняка /39/; ср. также /40—44/.

выполняет литературный язык в его традиционном понимании. Как нам кажется, такое отождествление понятий "общий язык" и "литературный язык", встречающееся в польской лингвистической литературе и помимо работ В. Писарека, может ввести в заблуждение. Некоторая неоднородность терминологии и непоследовательное ее использование можно обнаружить в соответствующих статьях "Энциклопедии знаний о польском языке" /34/.

В связи с концепцией З. Клеменевича хотелось бы отметить, что предложенное им терминологическое разграничение устной и письменной форм языка продолжает привлекать внимание языковедов. Вопрос о их соотношении представляется довольно сложным: с течением времени обнаруживается не только их тесная взаимосвязь, но и все более отчетливо осознается их взаимная "инфильтрация". Я. Токарский писал о "выравнивании обеих форм развития языка, устной и письменной, о их взаимовлиянии и одновременно — о трудности их изучения, вытекающей из трудности различить то, что для них типично" /45, с. 428/. Различие между словом написанным и произносимым почти отсутствует в звучащем языке средств массовой информации, т.к. транслируются тексты чаще всего ранее написанные. Звучащая "письменная речь", в свою очередь, оказывает воздействие на повседневную разговорную речь.

В работах польских языковедов получил распространение термин "культурный диалект", обозначающий устную речь образованных людей /34, с. 61/. Иногда "культурный диалект" отождествляется с литературным разговорным языком, т.е. считается нормированной речью. Но, как правило, термин понимается шире: в культурный диалект включаются региональные различия (т.е. особенности языка Варшавы, Кракова, Познани и т.п.). Ст. Урбанчик, как и многие другие лингвисты, компонентом культурного диалекта считает городское койне. По его словам, культурный диалект "еще очень близок к письменному языку, но одновременно не слишком удален от территориальных диалектов" /33, с. 145/.

Понятия "общепольский язык", "культурный диалект" — явления одного ряда; как нам кажется, в них находит отражение общая для многих современных языков тенденция к углублению контактов "между литературными и нелитературными формами существования языка" /46, с. 25/.

Проблема литературного языка, его функционирования и соотношения с другими разновидностями национального языка "приобретает все большее значение не только для языкознания, но и для всего общества; причины этого — в демократизации культуры и образования" /47, с. 24/.

Пользуясь терминологией З. Клеменевича, различавшего "количественную" и "качественную" стороны демократизации

польского литературного языка, можно отметить, что на современном этапе обе стороны этого процесса интенсивно развиваются, а взаимодействие их растет. Литературный язык, сохраняя "эластичное постоянство" нормы, пополняется элементами народно-разговорной речи, активнее, чем раньше, взаимодействует с теми формами существования языка, которые получили название "общепольский язык" или "культурный диалект"⁶.

В результате взаимодействия литературного языка с народно-разговорной речью складываются разные типы этой речи, в различной мере близкие литературному языку. В настоящее время в ПНР несомненно распространяются ненормированные формы общенационального общения. В работах польских языковедов появился термин "узусная норма" /48/. Термин этот, как нам кажется, противоречив по своему существу: в лингвистической литературе принято разграничивать понятия узуса и нормы. Но гораздо более важно то, что узус, о котором идет речь, не единообразен, не стабилен и весьма динамичен. Он, конечно, отличается от литературной нормы, при этом "степень изученности отдельных субъязыков, — как отмечает, в частности, Ст. Гайда, — неодинакова; о некоторых из них мало известно, и они ждут еще заинтересованного исследователя" /48, с.18/. Хотелось бы подчеркнуть эту мысль автора и разделить его мнение о том, что общепольский узус изучен еще очень мало.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в лингвистической и публицистической литературе часто ставится вопрос о необходимости кодификации инноваций, получивших широкое распространение в узусе. Это может быть осуществлено только в результате обследования и описания разных форм народно-разговорной речи. Пока полонисты лишь ставят задачу кодифицировать норму "более демократичную и прогрессивную, т.е. учитывающую разнообразие разновидностей узуса"⁷ /48, с. 23/.

Исследователи польского языка до последнего времени не пользовались термином "языковая политика", т.к. соответст-

⁶ Советские языковеды, в частности, Л. И. Скворцов, применительно к русскому языку говорят о "распространении ненормированной формы общенационального общения" /46, с. 71/; при этом отмечается тенденция "поднять разговорный язык до литературного уровня". Л. И. Скворцов пишет, что современный русский язык "принимает многое, навязанное ему разговорным языком и диалектами, но лишь тогда, когда он приспособил новое к своей системе, подправив и переделав его соответствующим образом" /46, с. 73/.

⁷ Аналогичные вопросы возникают у исследователей современного русского языка, правда, в иной языковой ситуации. Ими высказывается мнение, что "норма литературного языка жестко противостоит внелитературному просторечию (ненормированной речи), но практически индифферентна к вариантам литературного просторечия" /49, с. 40/.

вующее понятие связывалось обычно с многоязычной языковой ситуацией, не характерной для современной Польши⁸. Однако сама идея возможности воздействия на ход развития языка не была чуждой польским лингвистам. Еще И.А. Бодуэн де Куртене "склонялся к мысли о возможности и целесообразности организованной политики в области языка" /50, с. 12/. Но только много лет спустя на страницах журнала "Порадник ензыковы" началась дискуссия, в ходе которой обсуждались вопросы языковой политики. Поводом для дискуссии послужило письмо в редакцию журнала проф. Е. Ланге, юриста, который, наблюдая функционирование польского языка, пытался провести некоторые параллели между юриспруденцией и языкознанием. Он считал, что языковеды не достаточно активно требуют соблюдения кодифицированной нормы литературного языка и "часто, вопреки собственному языковому чутью, капитулируют перед распространением тех форм, которые еще вчера считались ошибками" /52, с. 13/. Вопросы, затронутые в этом письме, с лингвистических позиций рассмотрел З. Клеменевич. Он сосредоточил внимание на основной проблеме, затронутой Е. Ланге, проблеме связи языковой эволюции и кодификации литературного языка. "Следует особенно подчеркнуть, что именно наука о языке, — писал З. Клеменевич, — внушает лингвистам элементарную истину, что живой язык непрестанно изменяется во всех своих частях и образованиях. А если так, то в языке каждой эпохи, каждого дня должны происходить какие-то изменения, существовать какие-то тенденции преобразований". При этом отмечалось, что одни языковые явления можно наблюдать в начальной стадии, другие — в завершающей, когда данный языковой факт получил широкое распространение и исключения уже немногочисленны; наконец, третьи дают картину борьбы двух тенденций равной силы — традиционной, консервативной, и новаторской, преобразующей, и лингвисты не могут относиться к языковым фактам с недоверием только потому, что они новые, и положительно оценивать отживающие явления только потому, что они традиционны. В изучении и оценке этих фактов "грамматист может и должен занять строго нейтральную позицию в границах, определенных научным знанием предмета" /52, с. 18/. Знание системы, истории языка,

⁸ В "Словаре лингвистических терминов" /51/ этот термин отсутствует. В "Энциклопедии знаний о польском языке" /34, с. 251/ есть статья "Языковая политика", где говорится, что это понятие, сложившееся у советских и американских лингвистов, означает "целенаправленное влияние общества на стихийный процесс языкового развития" (В. В. Виноградов). В качестве синонимов приводятся термины "языковое планирование" (С. Фергюсон) и "нормативное языкознание" (В. Таули). Главной сферой языковой политики автор статьи считает "молодые многоязычные государства Азии и Африки".

а также психологических установок и социологии языка З. Клеменевич считает условиями, которые позволяют лингвистам "во многих случаях утверждать без каких-либо сомнений, что определенное языковое образование — неправильное, ибо его невозможно объяснить какой-либо существующей в языке тенденцией, и объясняется оно только промахом, ошибкой говорящего или группы лиц, повинных в недостаточном владении теми элементами языка, знание которых обязательно для речевой деятельности польского интеллигента нашего времени, или недостаточном стремлении следовать известному и признанному образцу" /5, с. 18—19/. В этой статье З. Клеменевич дает свое определение языковой ошибки (а ошибки следует осудить и отвергнуть) и определение "колебаний", языковых вариантов, к которым надлежит отнестись толерантно. Хотя из сказанного очевидно, что роль лингвистов в установлении и оценке этих явлений определяющая, автор не считает их деятельность "законодательной", с его точки зрения, "мнение лингвиста — это только мнение эксперта и совет педагога". Исполнительная власть принадлежит учителям, корректорам, рецензентам, которые могут "тормозить нежелательные явления" /52, с. 21/. Полемизируя с Е. Ланге, предлагавшим ужесточить языковую политику, З. Клеменевич не только не соглашается с ним, но и отказывается от самого термина, заменяя его термином "языковая педагогика".

И в наши дни многие лингвисты высказывают мысль о необходимости сохранить, сберечь традиционную норму польского литературного языка. В связи с этим, как нам кажется, заслуживает внимания положение З. Клеменевича о том, что норма на фоне языковой эволюции неизбежно приобретает признаки факультативности и относительной обязательности. "Если бы норма была консервативна, а кодификаторы настаивали на сохранении прежнего состояния, языковая жизнь не посчиталась бы с такой нормой, и эта норма стала бы анахронизмом" /5, с. 22/. Далее автор пишет: "Современный грамматист не хочет быть глашатаем такого консерватизма, а, ограничиваясь констатацией проявлений вариативности, признает, что решение даст сама жизнь в близком или далеком будущем". Что же касается "грамматического законодательства", к которому призывает Е. Ланге, то оно, если бы и существовало, натолкнулось бы на невозможность реализации. По мнению З. Клеменевича, "в лучшем случае дело дошло бы до разрушения единства литературного языка, деления его на два типа: один — подчинившийся консервативному закону, другой — подчинившийся тенденциям естественного развития языка". В попытках внедрить жесткую консервативную норму им усматривается опасность для языковой культуры, для функционирования литературного языка вообще. Хотя З. Клеменевич отдает предпочтение дескриптив-

ной нормализации, а не прескриптивной, его требование оценки инноваций, выявления их типов (ошибка, вариант нормы, провинциализм, индивидуальное образование) позволяет считать, что он не подвергает сомнению возможность влияния на ход языковой эволюции. Между тем эта возможность и теперь еще дискутируется, некоторые полонисты обсуждают вопрос о том, может ли языковед играть роль "садовника" или должен ограничиваться ролью "ботаника". А публицисты сравнивают деятельность лингвистов-нормализаторов с работой метеорологов, предсказывающих погоду. Иной, крайней точки зрения, придерживаются те, кто считает, что к лицам, допускающим ошибки в своей языковой практике, языковеды обязаны применять санкции /5, с. 29/.

В последнее время языковая политка в ПНР изучается весьма интенсивно. Значительным этапом исследований была организация первой в Польше социолингвистической конференции, посвященной проблемам языковой политики. Конференция была подготовлена по инициативе В. Любася и проведена в 1976 г. Силезским университетом (г. Катовице). Самый замысел обсудить проблемы языковой политики оказался привлекательным и заинтересовал не только лингвистов. В конференции приняли участие языковеды из многих научных центров ПНР, а также деятели культуры, просвещения, актеры (всего более 60 человек). Материалы конференции были опубликованы /54/ и положили начало серийному изданию "Социолингвистика" /54 — 58/.

В докладах, прочитанных на конференции, а также в ходе их обсуждения рассматривался широкий круг вопросов, касающихся теоретических и практических аспектов языковой политики, ее задач, приемов и методов осуществления. Все эти вопросы изучались в тесной связи с состоянием языковой культуры в ПНР, на фоне языковой ситуации в стране. Конференция проходила на таком этапе разработки проблемы, когда еще не было выработано сколько-нибудь общепринятых суждений по основной проблематике; это обстоятельство делало дискуссию особенно острой, способствовало выявлению спорных и противоречивых точек зрения. В целом конференция свидетельствовала о начале разработки нового направления в польской лингвистической науке.

Обращаясь к данной проблематике, необходимо прежде всего остановиться на определении понятия "языковая политика". В. Любась видит сущность языковой политики в сознательном общественном руководстве использованием языка. "В наших условиях, — пишет он, — языковую политику следует понимать как планируемую сознательную деятельность организаций и отдельных лиц (ученых, творческих работников, политиков), которая дает позитивный общественный результат во

всех сферах, где осуществляется широкий языковой контакт /44, с. 92/. "Прежде на протяжении веков, — отмечал В. Любась, — цель языковой политики определялась необходимостью защитить национальный язык от иноязычной чужеземной конкуренции", а "освобождение Польши и возникновение народного государства решительным образом изменило положение и роль польского языка; прежде всего была устранена угроза экспансии" /44, с. 92/. В ПНР языковая политика призвана обеспечить "всем членам общества посредством формирования определенных языковых навыков творческое участие в культуре" /54, с. 7/; в этом высказывании В. Любася подчеркивается, таким образом, демократический характер культурной и языковой политики народной власти в ПНР.

В новейшей польской лингвистической литературе, как и в приведенном выше определении В. Любася, под языковой политикой, как правило, понимается и теория, и практика воздействия общества на ход языковой эволюции. В. Писарек определяет языковую политику как "сознательную и планируемую деятельность в сфере формирования и распространения образцовой языковой практики, а также программу этой деятельности" /59, с. 73/.⁹ Естественно, что в условиях по преимуществу моноязычной страны цели языковой политики сближаются с целями нормализаторской политики в области национального языка. Правда, одни лингвисты видят в языковой политике прежде всего деятельность, направленную на совершенствование родного языка как средства коммуникации и в связи с этим анализируют эту деятельность, занимаются организационными вопросами вплоть до кадрового вопроса /53, с. 26/. Другие понимают языковую политику как "комплекс директив, направленных на формирование отношения общества к языку" /61, с. 17/. Обе приведенные точки зрения учитывают, однако, лишь одну из сторон языковой политики.

Наиболее развернутое и полное определение термина "языковая политика" находим у Д. Буттлер /62/; она считает, что языковая политика состоит из следующих компонентов:

"1) языковая педагогика и языковая пропаганда (т.е. деятельность, влияющая на систему взглядов носителей языка);
2) языковая стратегия, т.е. сознательные и планомерные инициативы, направленные на формирование той или иной объективной языковой ситуации"¹⁰;

⁹ Ср. аналогичное определение языковой политики у В. П. Григорьева: "Языковая политика — теория и практика сознательного воздействия общества на ход языкового развития" /60, с. 8/.

¹⁰ Элементом языковой ситуации, как отмечает Д. Буттлер, "являются экономические и административно-политические условия, в которых живут носители языка, социальная стратификация данного общества и другие внелингвистические факторы" /62, с. 52/.

3) кодификация, т.е. нормализующее вмешательство в спонтанно протекающие процессы развития грамматической и лексической системы" /62, с. 52—53/.

Далее автор подчеркивает, что изучаемое понятие носит двоякий характер, что речь идет, с одной стороны, о воздействии на языковое сознание общества, с другой, — о формировании самой языковой материи. В работах Д. Буттлер освещается целый ряд спорных вопросов языковой политики. Неслучайно цитируемую выше статью она назвала "Дилеммы польской языковой политики" /62/, подчеркивая тем самым сложность и нерешенность вопросов, о которых идет речь.

Одна из таких проблем — определение состава носителей польского литературного языка; автор склоняется к мысли, что в послевоенные годы круги носителей литературного языка значительно расширились, а в их среде выделяется группа образцовых носителей языка, лиц, для которых язык является орудием труда (писатели, журналисты, редакторы и т.п.); по мнению Д. Буттлер, именно эта группа должна быть в первую очередь объектом нормализаторской политики, чтобы через нее можно было влиять на языковую практику большинства, на примере этих лиц формировать языковое сознание всего общества. Этот способ пропаганды языковой нормы признается гораздо более действенным, чем, например, чтение лекций о культуре языка для широких кругов населения. Гарантию успеха автор видит в большой численности деятелей культуры и в их высоком социальном престиже.

Другая, не менее важная дилемма — выбор нормативного образца польского литературного языка. Д. Буттлер считает, что не художественная литература, как это было раньше, и не авторитет писателя, а язык средств массовой коммуникации становится "образцом правильного языка" /62, с. 57/. Эту дилемму, по ее мнению, "решит сама жизнь", и приведенные ею факты распространения средств массовой коммуникации подтверждают этот прогноз.

Касаясь сферы методов языковой политики, Д. Буттлер останавливается на дилемме, предполагающей выбор характера нормативных указаний — прескриптивных или дескриптивных — и характера самой языковой политики — по преимуществу стабилизирующего или модификационного. Опираясь на суждения известных, авторитетных польских лингвистов, ратовавших за дескриптивную нормализацию, Д. Буттлер считает ее "единственно правильной". Тем не менее признается целесообразность прескриптивных формулировок там, где "необходимо быстро отреагировать на факты, которые еще не сделались общепринятыми в узусе, с целью закрепить или исключить их" /62, с. 58/. Далее автор отмечает: "Дескриптивная кодификация — это основная процедура оценки стабильных

средств, особенно вариантов, прескриптивная политика находит применение в области инноваций” /62, с. 58/. Этот постулат автора подкрепляется следующим наблюдением. Когда происходят процессы интенсивного развития языка (это относится к языковой ситуации в современной Польше) и ”проявляются эгалитарные тенденции” в функционировании языка, большие права получает модификационная, а не стабилизирующая политика, ибо ”модификационная кодификация санкционирует инновации, которые позволяют языку прийти в соответствие с изменившейся действительностью”, и, с другой стороны, ”исключает нефункциональные элементы (лексические архаизмы, грамматические реликты)” /64, с. 59/. Д. Буттлер справедливо отмечает, что остается решить еще массу конкретных вопросов, чтобы определить ту сферу языковых фактов, где стабилизация нежелательна. Так, вместо традиционной кодифицированной формы местоимения *tę вин. пад. tę książkę* повсеместно стала употребляться форма *ta książkę* (в устной речи). По мнению Д. Буттлер, эта форма вполне соответствует системе современного польского языка и, следовательно, может быть кодифицирована /62, с. 59/. Сфера языковых инноваций, которые получили распространение в узусе и стали уже фактом литературного языка, также подлежит изучению, выявлению того, что должно быть кодифицировано.

Говоря о кодификации новых языковых фактов, автор придает должное значение тем практическим трудностям, которые с нею связаны (переиздание школьных учебников, справочников, нормативных словарей и т.п.). Эта сторона вопроса, как нам кажется, сыграет немалую роль, когда вопрос о новой кодификации будет стоять практически.

Проблеме нормализации и кодификации современного польского литературного языка Д. Буттлер уделяет большое внимание и приводит свои аргументы в пользу кодификации новой литературной нормы наряду с существующей традиционной нормой.

Д. Буттлер считает, что носителем традиционной литературной нормы является ”старая” потомственная интеллигенция, которая, однако, ”имеет лишь минимальные шансы распространять свои нормативные навыки”. В связи с этим хотелось бы отметить, что традиционная норма закреплена не только в этих нормативных навыках, но и в литературе, которая является письменным памятником своей эпохи. Нормативные навыки старой интеллигенции поддерживаются не только устной речью, но и всей языковой традицией. Наряду с этим достаточно полный учет языковой практики широких кругов образованного населения ПНР несомненно приведет, как считает Д. Буттлер, ”к либерализации нормы, к санкционированию многочисленных узусных инноваций” /62, с. 57/.

Вслед за В. Барнетом /63/ Буттлер различает две нормы: "близкую к системе, но отдаленную от узуса и основанную прежде всего на узусе, охватывающую много фактов нерегулярных и несистемных". Хотя считается, что отступления узуса от кодифицированной литературной нормы не так уж велики, выбор и пропаганда одной из двух версий нормы, "системной" или "узуальной", это, по мнению Д. Буттлер, вопрос, который уже назрел /62, с. 58/. Из двух вариантов решения — либо максимально либерализировать кодификацию и тем самым приблизить норму к узусу, либо ввести две различные нормы: "обиходно-эксплуатационную", толерантную, и "официально-образцовую", ригористическую, Д. Буттлер склоняется ко второму варианту.

Вопрос о кодификации "второй", "узуальной" нормы польского языка обсуждается языковедами в теоретическом плане; инновации, подлежащие кодификации, пока еще не выявлены или названы лишь предположительно, ср. /6, 35/. Изучение на конкретном материале тенденций развития современного польского языка /65, 6, 13/ также пока не стало базой для противопоставления "системной" и "узуальной" нормы. Но и в чисто теоретическом плане нам представляется верным рассмотренное выше положение З. Клеменевича о том, что введение двух норм может привести к функциональному расколу литературного языка, который, заметим, сохранял единую литературную норму как основу функционирования на протяжении всей своей истории.

Г. Курковская в своей статье, посвященной вопросам языковой политики, предложила еще более радикальное решение рассматриваемого вопроса. По ее мнению, носители польского языка по степени участия в языковой коммуникации делятся на несколько групп: 1) создатели разного рода письменных текстов (начиная с заполнения анкет и составления объявлений до "творческих" текстов — профессиональных, научных, художественных), 2) рецепторы письменных текстов тех же типов, 3) создатели устных текстов и 4) рецепторы устных текстов /61, с. 23/. Правда, автор признает относительный характер своей классификации, упоминая о том, что большинство носителей языка участвует в актах коммуникации разного типа. Это несомненно так, и поэтому, с нашей точки зрения, сама классификация вряд ли будет иметь практическое значение. Однако Г. Курковская сделала попытку связать указанную группировку носителей языка с проблемой языковой кодификации. Она поставила вопрос о создании "более удобной" "многоярусной" кодификации норм современного польского языка, рассчитанной на различные группы участников коммуникации. По ее мнению, целью языковой политики в ПНР в конечном счете должна быть кодификация трех языковых

норм, которыми могли бы пользоваться разные группы населения, разные слои польского общества: "обиходно-разговорная" норма — для минимального участия в языковой практике, "публичная" норма — для среднего типа участия и "образцовая" норма — обязательная на высшем уровне языковой коммуникации /61, с. 23—24/. Автор предполагает, что подобная кодификация способствовала бы более успешному процессу нормализации польского языка, с чем, на наш взгляд, трудно согласиться. Данная концепция, однако, еще не была предметом специального рассмотрения, и мы кратко затронули ее, чтобы дать более полную картину обсуждаемого вопроса.

Интересную попытку подхода к языковой политике предложил Е. Згулка /64/. Он считает, что в трактовке этого понятия допускаются две крайности: одни лингвисты видят цели языковой политики в социальной интеграции общества средствами языка (якобы "оставляя в стороне вопрос о совершенствовании средств языкового выражения"); другие сосредоточивают внимание на работе над самим языком, ограничиваются практической работой в области культуры речи. Противопоставляя эти позиции, Е. Згулка не присоединяется ни к одной из них. Основной задачей языковой политики он считает совершенствование языковой компетенции, т.е. тех знаний, которые "необходимы для грамматически правильного построения и понимания высказываний на данном естественном языке" /64, с. 10/. Предлагаемая установка на совершенствование, углубление языковой компетенции польского общества, по мысли автора, может быть реализована через совершенствование кода, путем создания моделей идеального кода и моделей идеального носителя языка. Чтобы это осуществить, следует изучать "процесс освоения обществом языковых инноваций". Инновации, возникающие всегда на уровне реализации языка, проходят ряд стадий социального осмысления и отбора, в результате чего формируются изменения в языковой компетенции; именно этот процесс считает автор объектом языковой политики, и только в этом смысле, с его точки зрения, языковая политика связана с общественным сознанием.

Практические рекомендации Е. Згулки в области языковой политики направлены на то, чтобы 1) противодействовать распространению инноваций определенного типа (тех, которые признаны ошибками, нефункциональными или ненужными) и 2) формировать общественное языковое сознание (оно отождествляется с языковой компетенцией в понимании автора), т.е. стремиться к тому, чтобы нежелательные инновации не получали общественного признания /64, с. 11/.

Значимость работы польских лингвистов в области изучения языковой политики, ее целей, задач, методов осуществления, как нам кажется, выходит за рамки полонистики; теоретиче-

ские положения, выдвигаемые польскими лингвистами, представляют интерес для социолингвистики вообще.

Проведенный обзор основных проблем языковой политики в ПНР убеждает в том, что эти вопросы трактуются и изучаются полонистами как комплексные проблемы социолингвистического характера. Все дилеммы, касающиеся функционирования современного польского литературного языка, освещаются с учетом как внутриязыковых, так и внеязыковых факторов его эволюции. Правда, ряд вопросов ставится, скорее, в теоретическом плане, собрано еще очень мало фактического материала, который позволил бы более определенно судить о таких явлениях, как формирование общепольского языкового узуса, о значении и роли традиционной литературной нормы в речевой практике наших дней, о возможности кодификации двух языковых норм и т.п. Сближая, а в ряде случаев отождествляя языковую политику с нормализацией языка, полонисты тем самым связывают понятие "языковая политика" с традиционно разрабатываемой в Польше проблематикой, касающейся нормализации языка и культуры речи. При этом языковая политика понимается шире, чем нормализация или культура языка; традиционно изучаемые дисциплины включаются в языковую политику как ее составная часть.

Вопросы культуры языка продолжают обсуждаться польской общественностью и в настоящее время. Им уделяют особое внимание и государственные органы. Заседание Сейма 25 января 1982 г. призвало ряд министерств и ведомств разработать комплексную программу действий, направленных на борьбу за культуру родной речи. Такая программа была подготовлена, обсуждена учеными и общественными деятелями и 25 мая 1982 г. утверждена Социально-политическим комитетом при Совете Министров ПНР. Ответственность за реализацию программы и контроль за выполнением принятых решений возложен на межведомственную коллегия по вопросам развития культуры польского языка при Министерстве культуры и искусства. В принятом документе говорится, что уровень культуры польского языка и речевой практики нельзя считать удовлетворительным, что по целому ряду причин происходит расшатывание принятых языковых норм. Усилия школы, деятельность лингвистов, популяризаторов знаний о польском языке, направленные на языковое воспитание, признаются недостаточными. В "Программе" /66/ содержатся разделы, посвященные 1) системе просвещения, 2) науке и высшей школе, 3) средствам массовой информации, 4) организациям и обществам, которые ведут работу по вопросам речевой культуры, 5) проблеме официального языка административных органов, 6) координации работы и вопросам финансирования комплексных мероприятий по осуществлению программы. Каждый из перечислен-

ных разделов "Программы" содержит краткий анализ ситуации в соответствующей сфере использования польского языка и конкретные предложения по борьбе за культуру языка. Таким образом, впервые в истории страны была создана и начала осуществляться правительственная программа работы в области культуры польского языка.

В марте 1984 г. на заседании межведомственной коллегии подводились итоги проделанной работы. Одним из положительных результатов было увеличение тиража словарей, учебников польского языка и пособий по культуре речи. Тиражи этих изданий увеличились с 400 тысяч экземпляров в 1981 г. до полутора миллионов экземпляров в 1983 г.. В дальнейшем предполагается сохранить этот уровень.

Было отмечено, что систематически проводятся мероприятия по повышению квалификации учителей-словесников. Центр по изучению прессы занимается исследованиями языка текущей прессы. Переиздан "Справочник по польскому языку для журналистов". В Комитете радиовещания и телевидения работает специальная языковая редакция, осуществляющая повседневный контроль за правильностью устной речи, которая звучит по радио и телевидению. Было выдвинуто предложение о комплектовании сельских библиотек пособиями по культуре языка, словарями польского языка, а также предложение подготовить специальные пособия по культуре речи для учителей несловесников.

В декабре 1984 г. в Щецине состоялся первый общепольский Конгресс по вопросам культуры речи. Это был "форум ученых и общественных деятелей, посвященный проблемам развития современного польского языка, социальным условиям функционирования различных его разновидностей" /67/. В отличие от предшествующих общепольских встреч, на которых рассматривались вопросы культуры речи, на Конгрессе были представлены не только языковеды, но также историки и социологи, широкая общественность в лице журналистов, учителей, писателей. Присутствовали на Конгрессе представители министерств, принимающих участие в работе по культуре речи в соответствии с принятой государственной "Программой". Было отмечено, в частности, что культурная революция в ПНР, открывшая народным массам доступ к просвещению, позволила широко пропагандировать достижения культуры, а также повлияла на ход языкового развития, которое выражается прежде всего в обогащении лексики польского языка /68/. Однако наблюдаемое в настоящее время снижение уровня культуры речи не совместимо с высоким рангом польской культуры, который обязывает более бережно относиться к родному языку.

Кроме докладов, где были поставлены проблемы общего характера, на Конгрессе были выступления по конкретным вопросам языковой эволюции и языковой ситуации в ПНР.

Проведение Конгресса и намеченная межведомственной коллегией дальнейшая работа в области культуры польского языка позволяет считать, что борьба за культуру польского языка находится на новом этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1977.
2. Нота Е. Nowe gwary na Pomorzu Srodkowym. // Język i językoznawstwo w 60-leciu niepodległości (1918—1978). Wrocław etc., 1982.
3. Teksty języka mówionego mieszkańców miast Górnego Śląska i Zagłębia/Pod. red. W. Lubasia, Katowice. T.1. 1978; T. 2. 1980.
4. Miejska polszczyzna mówiona. Metodologia badań/Red. W. Lubaś, Katowice, 1976.
5. Słownictwo gwarowe i kultura. Wrocław, 1975.
6. Szymczak M. Język polski w 60-leciu naszej niepodległości. — Poradnik Językowy. W-wa, 1978, Z. 3.
7. Urbańczyk St. Językoznawstwo polskie a ziemie odzyskane// Język a językoznawstwo w 60-leciu...
8. Labuda A. Słowniczek kaszubski. W-wa, 1960.
9. Żłabowa J. Wskazówki metodyczne do ćwiczeń językowych dla szkół średnich. Katowice, 1959.
10. Memoriał Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego do Ministerstwa Oświaty//Język Polski. 38. 1958. N 5.
11. Nagajowa A. Słowo do słowa. Poradnik językowy dla uczniów wyższych klas szkoły podstawowej. W-wa, 1984.
12. Śmiech W. Język polski w szkole (1918—1978)//In: Język a językoznawstwo w 60-leciu...
13. Współczesna polszczyzna. Wybór zagadnień. Praca zbiorowa pod red. H. Kurkowskiej. W-wa, 1981.
14. Массовая коммуникация. Философский словарь. М., 1980.
15. Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. М., 1983.
16. Фирсов Б. М. Пути развития массовой коммуникации. М., 1977.
17. Пименова И. В. Массовые коммуникации и интернациональные процессы в культуре//Культура в общественной системе социализма. М., 1984.
18. Kniaginina W., Pisarek W. Język wiadomości sportowych. Kraków, 1966.
19. Trzebiatowski Z. Zagadnienia poprawności i kultury języka polskiego w programach polskiego radia. Poradnik Językowy. W-wa, 1979. Z. 7—8.

20. *Pisarek W.* Słownik języka niby-polskiego czyli błędy językowe w prasie. Wrocław, 1978.
21. *Bąba J.* O frazeologii w języku współczesnej prasy//*Studia polonistyczne.* 1979, N 7.
22. Problemy badawcze radia i telewizji/Red. W. Lubaś. Katowice, 1981.
23. *Reczek S.* O stylu prasy sportowej. Zeszyty Prasoznawcze. Kraków, 1978. Z. 3.
24. *Buttler D., Satkiewicz H.* O typach błędów frazeologicznych. Na podstawie materiału prasowego//*Poradnik Językowy.* 1960. Z. 2.
25. *Pisarek W.* Prasa masowa o poprawności i kulturze języka//*Poradnik Językowy.* 1978. Z. 7—8.
26. *Zagrodnikowa A.* Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie. Kraków, 1982.
27. *Chruścińska K.* Rzeczownikowe neologizmy słowotwórcze w języku prasy//*Poradnik Językowy.* 1975, Z. 10.
28. *Kniaginina W.* Niektóre błędy gramatyczne w prasie//*Zeszyty Prasoznawcze.* 1960. N 2—3.
29. *Kurzowa Z.* Wyrazy natrętne. Moda i bezmyślność//*Język Polski.* 1978. Z. 3.
30. *Cienkowski W.* Postawy Polaków wobec zagadnień poprawności językowej. Z socjologii i psychologii kultury językowej//*Poradnik Językowy.* 1978. Z. 7—8.
31. *Klebanowska B.* Poglądy przedstawicieli inteligencji warszawskiej na współczesną polszczyznę//*Współczesna polszczyzna...*
32. *Szober St.* Wybór pism. W-wa, 1959.
33. *Буттлер Д., Урбанчик Ст.* Состояние и основные направления исследований современного польского литературного языка//*Формирование славянских литературных языков. Теоретические проблемы.* М., 1983.
34. *Encyklopedia wiedzy o języku polskim.* W-wa, 1978.
35. *Kurkowska H.* Próba charakterystyki socjolingwistycznej współczesnego języka polskiego//*Współczesna polszczyzna...*
36. *Furdal A.* Klasyfikacja odmian języka polskiego. Wrocław, 1973.
37. *Dejna K.* Ile mamy języków polskich?//*Język Polski.* 1980. Z. 2.
38. *Grabias St.* Funkcyjna klasyfikacja socjalnych wariantów języka// *Język Polski.* 1974. Z. 1.
39. *Stępnia K.* Miejsce i rola gwar środowiskowych w rozwoju języka narodowego//*Poradnik Językowy.* 1972. Z. 10.
40. *Urbańczyk St.* Rozwój języka narodowego. Pojęcia i terminologia//*Urbańczyk St.* Szkice z dziejów języka polskiego. W-wa, 1968.
41. *Współczesna polszczyzna i jej odmiany.* Katowice, 1980.
42. *Klemensiewicz Z.* O różnych odmianach polszczyzny. W-wa, 1953.

43. Język literacki i jego warianty/Red. St. Urbańczyk. Wrocław, 1982.

44. *Lubaś W.* Społeczne uwarunkowania współczesnej polszczyzny. Kraków, 1979.

45. *Tokarski J.* Język polski w ostatnim 50-leciu//Poradnik Językowy. 1968. Z. 9.

46. *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

47. *Краус И.* Языковая ситуация в странах развитого социализма и проблемы культуры языка//ВЯ. 1985. № 1.

48. *Gajda S.* System norm współczesnej polszczyzny//Studia Polonistyczne. Poznań, 1981. t. 9.

49. *Горбачевич К.* Вариативность слова и языковая норма. Л., 1978.

50. *Виноградов В. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ*//Бодуэн де Куртенэ И. А. Избр. тр. по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

51. *Gołąb Z., Heinz A., Polański K.* Słownik terminologii lingwistycznej. W-wa, 1968.

52. *Polszczyzna piękna i poprawna. Porady językowe. Wybrał i opracował St. Urbańczyk. Wrocław etc. 1966.*

53. *Bajerowa I.* Aktualne problemy polityki językowej//Socjolingwistyka. Katowice, 1977. 1.

54. *Socjolingwistyka. Polityka językowa. Katowice, 1977.*

55. *Socjolingwistyka. W-wa etc. 1979. 2. Analizy i syntezy.*

56. *Socjolingwistyka. W-wa, 1980. 3. Analizy i syntezy.*

57. *Socjolingwistyka. W-wa, 1982. 4. Analizy i syntezy.*

58. *Socjolingwistyka. W-wa, 1983. 5. Analizy i syntezy.*

59. *Pisarek W.* Poczucie językowe, znajomość języka i praktyka językowa//Socjolingwistyka, I.

60. *Григорьев В. П.* Культура языка и языковая политика//Вопросы культуры речи. М., 1963. вып. 4.

61. *Kurkowska H.* Polityka językowa a zróżnicowanie społeczne współczesnej polszczyzny//Socjolingwistyka. I.

62. *Buttler D.* Dylematy polskiej polityki językowej//Nadawki a hranicy ręčneje kodifikacije. Budyšin, 1979.

63. *Барнет В.* Языковая норма в социальной коммуникации// Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.

64. *Zgółka T.* O teoretycznych podstawach t.zw. polityki językowej//Studia Polonistyczne. 9. Poznań, 1981.

65. *Buttler D.* Innowacje składniowe współczesnej polszczyzny. W-wa, 1976.

66. Program prac nad kulturą języka polskiego. Ministerstwo kultury i sztuki. W-wa, 1982.

67. Trybuna Ludu. 10—11/III 1984.

68. Trybuna Ludu. 8/XII 1984.

**Борьба за культуру речи
как важнейший аспект языкового строительства
в современной Лужице.**

Огромное общественное значение речевой культуры подчеркивалось многими лингвистами, но наиболее ярко, по нашему мнению, высказался по этому поводу В. В. Виноградов: "Высокая культура разговорной и письменной речи, хорошее знание и чутье родного языка, умение пользоваться его выразительными средствами, его стилистическим многообразием — самая лучшая опора, самое верное подспорье и самая надежная рекомендация для каждого человека в его общественной жизни и творческой деятельности" /2, с. 19/.

В общественной жизни и творческой деятельности лужицких сербов произошли после второй мировой войны глубокие перемены, которые привели к весьма заметным изменениям в языковой ситуации в Лужице /8, с. 7—8/. Верхне- и нижнелужицкие литературные языки значительно расширили свои общественные функции, их престиж среди смешанного (серболужицкого и немецкого) населения возрос. Хотя и до сих пор усилия компетентных органов направлены в основном на приобщение всего серболужицкого населения к элементарному владению литературными языками /62, с. 39—40/, на повестку дня уже выдвигаются требования о повышении культуры речи деятелей национальной организации "Домовина", работников радио и издательства, учителей, работников культуры /64/.

Вопрос о соотношении понятий "культура речи" и "культура языка" в серболужицком языкознании не рассматривался ни в монографических исследованиях, ни в специальных статьях, не была выработана и соответствующая терминология. В работах, посвященных теоретическим вопросам нормы и кодификации литературного языка, проблемы культуры речи (языка) не затрагиваются /14; 15; 17; 26 и др./.

В одной из статей употребляются словосочетания *kultura řeče*, *řečna kultura*, но не дается пояснение, с каким понятием они соотносятся (см. /54, с. 67, 69/). Нет четкости дефиниций и в документах "Серболужицкой языковой комиссии", в которых говорится о ее задачах, ср. /64, с. 1, 5/. Можно лишь предполагать, что во всех названных случаях подразумевается коммуникативное совершенство литературного языка, совокупность знаний лужицких сербов о нормах литературного языка, навыки выбора лучших средств для выражения мыслей и эмоций в конкретных ситуациях.

В одной рецензии, оценивающей чехословацкий научный сборник, автору пришлось терминологически различить два понятия: *řečna kultura* и *kultura řečneje komunikacije* /63, с. 91/. По всей вероятности, эти термины соотносятся с русскими терминами "культура языка" и "культура речи".

Неразработанность проблемы культуры речи (и культуры языка) в серболужицком языкознании объясняется, по нашему мнению, тем, что перед серболужицкой наукой, перед организациями, призванными развивать национальную культуру в целом, пока не стоит задача поднять освоение литературного языка населением на самую высокую ступень. Заботой "Домовины" и органов культуры, народного образования является приобретение всеми лужицкими сербами основных навыков пользования кодифицированным литературным языком. Об этом свидетельствуют документы X Конгресса "Домовины", состоявшегося в марте 1982 г. В отчетном докладе конгрессу говорится: "В прошлом году мы изучили состояние владения серболужицким языком членами организации. Положение таково: около 78 процентов членов владеет серболужицким языком" /62, с. 39/. "Мы должны активно поддерживать изучение и усовершенствование знаний в области серболужицкого языка путем привлечения и направления заинтересованных лиц на учебу в государственную серболужицкую языковую школу..., путем организации языковых кружков" /62, с. 40/.

Несмотря на ограниченность задач в области речевой культуры, забота о чистоте языка, об использовании говорящими языковых средств, оптимальных для сложившейся в послевоенные годы языковой ситуации, об умении пользоваться выразительными средствами языка в разных сферах речевой деятельности не ускользает от внимания лингвистов, литераторов, редакторов. Их стремления очевидны, результаты конкретных действий вполне ощутимы.

Мы сознаем, что наши наблюдения и обобщения, касающиеся борьбы за культуру речи в современной Лужице, не исчерпывают всей проблематики данной сферы языкового строительства (и языковой политики) за последние сорок лет, но надеемся, что нам удалось увидеть основные характерные отличия между отношением "общество — литературный язык" в прошлом (чем мы детально занимались ранее, ср. /7; 10/) и в период после второй мировой войны.

Термин "культура речи" ("речевая культура") используется нами для выражения сложного понятия, включающего такие элементы: полное владение говорящими (пишущими) нормами литературного языка на всех языковых уровнях, умение целесообразно пользоваться вариантами нормы в соответствии со смыслом данного текста, способность говорящих (пишущих)

избирать стилистические средства и приемы с учетом целей коммуникации¹.

В СССР забота о речевой культуре любого национального языка определяется ленинскими заветами бережного отношения к языку, наиболее точного его использования в общении /1, т. 24, с. 125, 221, 293—295; т. 40, с. 49/. Богатый опыт языкового строительства в СССР используется в ряде стран, вставших после второй мировой войны на путь строительства социализма. Не является исключением и ГДР, которая, будучи мононациональным государством, с большим вниманием относится к развитию культуры единственного национального меньшинства — лужицких сербов. Еще до образования ГДР Саксонским ландтагом был принят "Закон об охране прав серболужицкого населения" (23.03.1948 г.), в котором среди других мероприятий, призванных обеспечить равноправие небольшого славянского народа, значились меры, направленные на беспрепятственное развитие и культивирование серболужицкого языка² на территории Лужицы. В первом немецком государстве рабочих и крестьян права лужицких сербов закреплены в конституциях 1949 г. и 1968 г. СЕПГ в своей программе определила в качестве одной из задач создание условий для развития языка лужицких сербов, что соответствовало возрастающим потребностям строительства социалистического общества /9/.

Основную заботу о дальнейшем уточнении и стабилизации норм верхне- и нижнелужицкого литературных языков взяла на себя национальная социалистическая организация лужичан "Домовина", которая осуществляет практические меры по расширению общественных функций верхне- и нижнелужицкого литературных языков, координирует усилия ученых по их дальнейшей нормализации и кодификации. Для этого используются школы, радиовещание, театр, пресса, издание разнообразной книжной продукции на лужицких литературных языках, популяризаторская деятельность ученых и пр.

Борьба за культуру лужицкой речи как важный аспект языкового строительства в Лужице — интересный, актуальный и важный объект исследования. Этому вопросу в сорабистической научной литературе, как уже нами упоминалось, до сих пор не уделялось достаточного внимания. Ввиду этого практика культурного и языкового строительства в Лужице не обеспечивается в нужной мере надежными советами и квалифицированным руководством, а общая теория культуры речи не по-

¹ Более широкое понимание термина "культура речи" достаточно полно представлено в работах советских лингвистов последних лет /3, с. 6—13; 4, с. 5—9; 5, с. 29 и сл./.

² Под термином "серболужицкий язык" понимается совокупность обоих литературных языков (верхнелужицкого и нижнелужицкого) и всех серболужицких диалектов.

полняется новыми данными, которые, учитывая своеобразие языковой ситуации в Лужице, могут открыть какие-то незамеченные аспекты проблематики речевой культуры: ведь в истории славянских литературных языков нет аналога, равного серболужицкому.

В предлагаемой статье мы намерены очертить главные контуры борьбы за культуру речи в современной Лужице. Однако для освещения данной проблематики необходимо хотя бы кратко остановиться на истории становления литературных серболужицких языков. В конечном счете культура речи на определенном этапе развития общества, возможность ее дальнейшего совершенствования зависит от того, насколько правильно и полно была познана норма национальных³ литературных языковых формаций, обслуживающих данное общество; насколько удачно была проведена их кодификация. "Языковед-нормализатор — это прежде всего исследователь. Исследователь структуры языка, его исторического развития и функционирования. Языковед-нормализатор — сначала беспристрастный (по возможности) наблюдатель и аналитик и лишь потом (в силу полученных знаний, объективных данных) — ценитель и рекомендатель" /5, с. 39/.

Отсылая читателя к достаточно полному изложению интересующих нас проблем в соответствующих публикациях /7; 8; 10; 11/, здесь мы лишь схематично представим историю и проблематику становления норм в верхнелужицком литературном языке, его функционирования в обществе, а также осветим первые шаги в борьбе за культуру речи. Этот экскурс в историю поможет объяснить некоторые особенности борьбы за культуру речи в современной Лужице.

Только в XIX в. был поднят в Лужице вопрос о необходимости упорядочения правописания для всех слоев общества верхнелужицкого населения⁴. Речь шла не только об унификации двух правописаний (точнее — двух графических систем), принятых у католиков и протестантов, но и о преодолении отдельных различий в грамматике и лексике в двух разновидностях верхнелужицкого письменного языка. Стремление к слиянию двух конфессиональных вариантов языка диктовалось идеями общественного движения в Лужице, именуемого возрождением. Одной из его главных задач было тесное сплочение всего народа с целью укрепления национальной культуры и борьбы со все усиливающейся германизацией. Деятели воз-

³ Термин "национальный" мы соотносим не только с термином "нация", но и "национальность" ("народность"). Известно, что многие черты языков наций и народностей (во всяком случае некоторых) совпадают /7/.

⁴ Раздавались голоса и о необходимости объединения верхне- и нижнелужицкой письменности /21/, но для этого не было условий.

рождения (Я. А. Смолер, Я. П. Йордан, М. Горник и др.) справедливо считали, что единству народа препятствует его разобщенность в письменности: католики издавали свою печатную продукцию на письменном языке, исторически сложившемся на основе западного диалекта верхнелужицкого языка ("католического диалекта"), протестанты пользовались письменным языком, созданным кодификаторами и писателями (переводчиками) на базе центральных верхнелужицких говоров ("будышинских").

Основанное в 1847 г. научно-культурное общество "Матица сербская" в первом же номере издававшегося им журнала (в 1848 г.) предложило "единое правописание" для всех верхних лужичан, в котором предлагались также единые нормы произношения и грамматики /7, с. 177—179, с. 185—187/. "Матица сербская" вплоть до 1937 г. (до запрета фашистским режимом всех проявлений серболужицкой культуры) последовательно боролась за единство литературного языка и в целом достигла своей цели. Новый ("матичный") литературный язык стал ведущим в художественной и научной литературе, он начал проникать и в некоторые другие сферы жизни общества. Старые варианты ("католический" и "протестантский") были оттеснены на задний план: в первые десятилетия XX в. они использовались лишь в религиозной литературе. Акт объединения двух письменных языков, установления единых норм для всех пишущих (и публикующихся) был явлением прогрессивным. Однако уже с самого начала возникли определенные трудности в распространении и восприятии единых литературных норм, в сознательном применении нормализующих установок "Матицы сербской". Во-первых, диалектные различия между западом и центром региона продолжали оказывать влияние на речь индивидуумов, стремящихся говорить на новом литературном языке. Во-вторых, религиозная литература, сохранившая старые конфессиональные различия, тормозила распространение внеконфессионального "матичного" языка. В-третьих, двуязычное население (имеется в виду, что лужичане наряду с родным языком владели немецким языком) в гораздо меньшей мере, чем моноязычное, способно было в личном общении утверждать правильность родной речи. В-четвертых, распространение норм нового литературного языка задерживалось отсутствием государственных учреждений, которые бы официально предписывали обязательность этих норм.

В таких сложных условиях пришлось работать ревнителям объединения двух разновидностей верхнелужицкого письменного языка. Могли ли они выполнить все требования, предъявляемые к языковеду-нормализатору, все условия, о которых говорилось выше? Думается, что при всей их преданности делу задача для них была слишком трудной, чтобы решить ее в пол-

ном объеме. Тем не менее серболужицкие лингвисты добились, на наш взгляд, оптимальной для того времени нормализации единого верхнелужицкого литературного языка. Усилия К. В. Пфуля, М. Горника, Г. Краля, Г. Либша, А. Муки и других (21; 27; 30; 32; 40/ привели к тому, что с начала XX в. и вплоть до запрета в гитлеровской Германии серболужицких изданий наблюдается вполне удовлетворительное единство в правописании, употреблении грамматических форм, в словоупотреблении.

Представляет интерес и ситуация с устной разновидностью верхнелужицкого литературного языка на рубеже XIX и XX вв. Можно ли говорить о высокой культуре речи образованных лужицких сербов? (Крестьяне, ремесленники, городские рабочие мало заботились о правильности своей речи, говорили обычно на родном диалекте). У нас нет достаточного материала для воссоздания полной картины, однако на уровне правильности устной речи можно судить по некоторым специфическим публикациям и архивным документам, содержащим непринужденные записи разговорной речи. Например, о типичных речевых неправильностях можно получить представление по отдельным журнальным статьям, по заметкам в рубриках, посвященных очищению речи от вульгаризмов и ошибок. Так, в частности, одна занимательная сатирическая публикация свидетельствует о том, что разговорная речь образованных лужицких сербов была сильно засорена германизмами /50/. Важно, на наш взгляд, установить также, насколько "католические" и "протестантские" особенности верхнелужицкого литературного языка нивелировались в новом "матичном" варианте. Наиболее подходящими для анализа оказались архивные рукописные материалы, язык которых в функциональном отношении близок к разговорной речи интеллигентов. Это протоколы заседаний различных обществ конца XIX — начала XX в. В целом эти документы написаны на довольно хорошем литературном языке (если отвлечься от стилистических погрешностей, которых трудно избежать в таких документах). Отклонения от нормы касаются главным образом форм местоимения и прилагательных. В одном документе /48 а/ читаем, например, temu (вместо tomu), в другом /48 в/ — tehodla вместо tohodla. В этой же рукописи встречаются и такие "католические" формы: wašŋjo, jo вместо wašŋje, je. В протоколе заседания молодежной организации от 6 августа 1898 г., который, как видно из помет карандашом на полях, был плохо отредактирован, находим много синтаксических некорректностей (неизбежных при быстрой записи неподготовленных выступлений), однако с точки зрения правописания и морфологических норм текст написан грамотно. Нами отмечены всего две орфографические ошибки: teiž вместо tež, pokkostali вместо pokħostali, а также употребление

устаревшего ("протестантского") абу вместо аво /48 с/⁵.

Правда, в архивах мы обнаружили и документы, написанные на переломе XIX и XX вв. в традициях старой протестантской или католической письменности. Их авторы явно не стремились к соблюдению норм единого "матичного" языка. Встречаются отдельные письма и другие материалы с большим количеством ошибок, однако они не могут опровергнуть того факта, что в то время было много интеллигентов, умевших даже в непринужденной обстановке, без особого контроля над собой хорошо писать на новом верхнелужицком литературном языке, а также корректно пользоваться им в устной речи.

Необходимо заметить, что, наряду с кодификацией норм нового литературного языка в грамматиках, словарях и в специальных лингвистических статьях, в Лужице второй половины XIX — первой трети XX в. распространению норм способствовали образцовые издания художественной литературы и популярные статьи для населения. Это были типичные для публикаций по культуре речи небольшие заметки. В журналах "Лужичанин" и "Липа сербская" в 60-е — 70-е годы XIX в. были введены постоянные рубрики, в которых велась борьба с засорением языка германизмами и поднимались другие вопросы культуры речи. Правда, эти постоянные рубрики со временем исчезли со страниц журналов.

С начала XX в. пропагандой чистоты литературного языка активно занимался М. Навка, которому удалось издать несколько книжечек (тетрадочек), где в форме разговора с читателем, в заданиях к текстам, в поучениях и т.д. непринужденно популяризировались правильные формы слов, обороты речи, в которых говорящие обычно допускали ошибки /36; 37/.

При благоприятных условиях развития национальной культуры количество говорящих на литературном верхнелужицком языке, несомненно, росло бы. Ревнителю чистоты языка, вероятно, добивались бы успехов в поднятии культуры речи в Лужице. Однако в условиях притеснения со стороны государства и шовинистически настроенных эксплуататорских классов господствующей нации (немцев) этот процесс не мог быть быстрым и успешным. Гонение же со стороны гитлеровского режима вообще сделало невозможным развитие литературного языка лужицких сербов и их национальной культуры.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать, что усилия лужицких нормализаторов и кодификаторов прошлого столетия и начала XX в. были в целом достаточно успешны, хотя стоявшая перед ними задача не была полностью решена. И дело

⁵ Упомянутые документы Архива серболужицкой культуры в Будышине имеют следующие шифры: M Zb V 4 H; M Zb V 4 D.

здесь не только в отсутствии благоприятных условий для нормального развития и функционирования литературного языка на основе родной речи, но и в сложности решения самых актуальных лингвистических проблем.

Объединить две верхнелужицкие письменности со сложившимися нормами на всех уровнях языка (пусть и совпадавшими в некоторых элементах) — задача чрезвычайно трудная. Для этого необходимы были очень тщательные исследования всей "материи и формы" верхнелужицких говоров, норм обоих литературно-письменных вариантов, их взаимодействия с немецким языком. Такой тщательности в деятельности нормализаторов того времени не могло быть, что и привело к тому, что некоторые элементы нормы нового верхнелужицкого литературного языка оказались чуждыми, непривычными для населения. Не говоря об этом подробно, отметим хотя бы один фактор, препятствовавший оптимальности кодификации объективно существовавших норм. Это стремление кодификаторов к славянизации верхнелужицкого литературного языка, которая привела к закреплению форм, утраченных в ходе исторического развития в верхнелужицком, но продолжавших существовать в других славянских языках.

Конечно, это препятствовало широкому распространению литературного языка, правильному его употреблению в письменной и устной форме, затрудняло борьбу за высокую культуру речи. С другой стороны, однако, со всей определенностью надо подчеркнуть, что литературный язык, созданный во второй половине XIX в. и развивавшийся до 30-х годов XX в., стал тем необходимым идиомом, который был принят обществом в новых условиях его развития после второй мировой войны.

В послевоенные годы условия развития и функционирования верхнелужицкого литературного языка претерпели прямотаки революционные изменения. Произошел резкий скачок, который коренным образом изменил отношение общества в целом (и немцев прежде всего) к языку национального меньшинства, поставил на новый фундамент языковое строительство в Лужице. Естественно, что немецкий язык по-прежнему оставался предметом заботы новой власти, хотя нельзя не обнаружить некоторых изменений в трактовке ряда явлений, например в классовом подходе к пониманию определенных целей и задач, стоящих перед основным средством коммуникации немецкоязычных граждан /20/. Резко изменилась политика государства по отношению к языку стотысячного славянского народа. Правительство ГДР, СЕПГ, руководствуясь принципами марксистско-ленинской национальной политики, проявляют большую заботу о судьбе лужицких сербов, всячески способствуют сохранению и развитию их национальной культуры, це-

ленаправленно используют различные государственные рычаги для расширения общественных функций их литературных языков. Для этого созданы специальные учреждения и отделы учреждений. Так, например, в Министерстве культуры имеется особый сектор по вопросам серболужицкой культуры, при котором функционирует общественный совет. В его состав входят общественные организации, профсоюзные деятели, представители серболужицкой "Домовины". В Министерстве народного образования создан сектор по вопросам образования в серболужицких районах, который занимается подготовкой учебных планов, учебников для серболужицких школ и пр. В секторе работают высококвалифицированные специалисты народного образования, свободно владеющие одним из серболужицких литературных языков. Есть специальный отдел по вопросам лужицких сербов и в Министерстве внутренних дел. Интересы лужицких сербов представляют во всех органах государственной власти депутаты серболужицкой национальности. В главном законодательном органе ГДР, например, в 1976 г. заседали 5 депутатов-лужичан.

Распространению и развитию двух серболужицких литературных языков способствуют государственные учреждения на местах: Институт серболужицкого народоведения АН ГДР в Будышине (Бауцене), Институт сорабистики Лейпцигского университета, пединститут в Будышине, музей истории и культуры лужицких сербов, издательство "Домовина", сербско-немецкий народный театр, государственный ансамбль серболужицкой культуры, радиостанция в г. Котбус, средние и начальные школы, детские сады. Один раз в пять лет "Домовина" организует фестивали серболужицкой культуры (под эгидой Министерства культуры), проводит множество культурных мероприятий (концертов, лекций, викторин, конкурсов на знание родного языка), руководит работой "Дома лужицких сербов", организует обучение взрослого населения серболужицким литературным языкам и т.п.

Результаты национальной политики ГДР по отношению к славянскому серболужицкому населению в округах Дрезден и Котбус высоко оценивались рядом зарубежных делегаций социалистических и капиталистических стран⁶.

На основе национальной политики успешно осуществляется языковое строительство в Лужице. Создана разветвленная система учреждений и организаций, призванных осуществлять теоретическую разработку лингвистических проблем, практически внедрять результаты научных исследований в области серболужицкого языкознания, вести подготовку учителей-словесников

⁶ Богатейший материал по вопросам национальной политики в ГДР собран в книгах Б. Цижа и Г. Новуша /13; 39/.

и воспитательниц дошкольных учреждений, организовывать и контролировать преподавание серболужицкого языка в школах, добиваться высокого уровня языковой культуры работников издательств и печатных органов, создавать курсы усовершенствования языковой подготовки взрослого населения, заботиться о проникновении серболужицкого языка в новые сферы общественной жизни, о повышении культуры речи всех слоев общества и т.п.

Поскольку неперемнным условием достижения высокой речевой культуры населения является в первую очередь приобретение его к нормированному литературному языку, забота небольшого отряда серболужицких деятелей науки и культуры, писателей была направлена именно на это. После смертельного удара, нанесенного гитлеровским режимом по всем проявлениям национальной жизни серболужичан, достичь этого было невероятно трудно, однако уже через несколько лет после окончания войны были подготовлены к изданию и опубликованы наиболее необходимые пособия для школ, редакций газет и журналов, для редакторов книжных изданий. Это грамматические справочники и грамматики верхнелужицкого языка /60; 61/, грамматика нижнелужицкого языка /55/ и учебник этого языка для верхних лужичан /38/, серболужицко-немецкие словари /22; 56/ и др. Среди них выделяются обстоятельные грамматические работы, опубликованные в 1955—1957 гг. в трехтомном издании "Серболужицкий язык" /49/. Это были материалы, вышедшие отдельными тетрадями для учителей, углубляющих свои знания по серболужицкому языку и литературе путем заочного обучения. Авторами разделов по современному языку были Ю. Веля, П. Вовчерк, Ю. Мерчинк, Ф. Михалк, М. Навка, П. Фелькель, по истории языка — Г. Шустер-Шевц.

Работы, вышедшие в течение первых 10—12 лет после разгрома фашизма, сыграли огромную роль в восстановлении общественного статуса серболужицкого литературного языка (верхнего и нижнего), в его распространении среди населения. Они способствовали также утверждению более или менее единых норм литературных языков (верхне- и нижнелужицкого).

В дальнейшем появлялись новые грамматические труды, в частности, грамматика верхнелужицкого языка Г. Шустера-Шевца, работы по орфографии (первый в истории Лужицы орфографический словарь верхнелужицкого языка /56/ и свод правил верхнелужицкой и нижнелужицкой орфографии /57; 51/), школьные учебники (например, /65/) и т.п. Следует отметить специальную работу по культуре речи А. Навки /35/. Вопросам культуры речи уделяется внимание в еженедельном приложении к газете "Нова доба" /42/ — специальной рубрике "Минута серболужицкого языка".

Большую роль в стабилизации норм верхнелужицкого литературного языка (в устранении непоследовательностей, архаизмов, в издании кодифицирующих пособий) сыграла "Верхнелужицкая языковая комиссия". Созданная в начале 1969 г. по инициативе "Домовины", она, согласно уставу, обязана была нормировать орфоэпию, правописание, пунктуацию, морфологию и синтаксис верхнелужицкого литературного языка /16, с. 318/. Планы были выполнены не полностью: удалось удовлетворительно решить только кодификацию правописания и пунктуации. Были изданы нормирующие документы, обязательные для всех, пользующихся верхнелужицким литературным языком: орфографический словарь и правила правописания и пунктуации /57; 58/. Остальные вопросы нормализации и кодификации верхнелужицкого литературного языка дискутировались, но решены не были. Опубликованные правила орфографии и пунктуации получили подтверждение компетентного государственного органа — Министерства народного образования ГДР. Впервые за всю историю Лужицы немецкое государство узаконило нормы серболужицкого литературного языка.

Логическим следствием этого важного государственного акта было требование о создании аналогичных правил для нижнелужицкого литературного языка. М. Староста, руководствуясь принципами верхнелужицкой орфографии и пунктуации, создал свод правил для нижнелужицкого, который был опубликован два года спустя и также утвержден министерством /51/.

Члены "Верхнелужицкой языковой комиссии" вели большую популяризаторскую работу по культуре речи на страницах газеты "Нова доба".

На месте прекратившей свое существование "Верхнелужицкой языковой комиссии", которая работала под руководством "Домовины", в марте 1979 г. была создана новая "Серболужицкая языковая комиссия", подчиненная Академии наук ГДР, задачи которой были поставлены шире /44/. В ее компетенцию вошла забота и о нижнелужицком литературном языке.

Согласно уставу комиссия придана Институту серболужицкого народоведения в Будышине (Бауцене), но подчинена руководству отделения общественных наук АН ГДР в Берлине. Она обязана поддерживать компетентные научные институты в деле адекватной кодификации верхне- и нижнелужицкого литературного языков, предпринимать меры по поднятию речевой культуры, вести каталог неясных вопросов орфографии и пунктуации, анализировать речь газет и журналов, способствовать изданию практических пособий, осуществлять консультации по вопросам правильности речи, вести языковую пропаганду, организовывать лекции для населения по профилю комиссии /53/.

Уже в первые годы своей деятельности комиссия добилась положительных результатов, например были достигнуты неплохие успехи в популяризации среди населения правильной литературной речи, но, по мнению секретаря Г. Жура, подведшего итоги шестилетних усилий, ряд важных вопросов остался нерешенным. Ученые и комиссия не успевают научно интерпретировать (поддерживать или критиковать) многочисленные неологизмы (особенно термины), появившиеся на страницах печати. Еще не развернула работу консультационная служба, комиссия не заняла четкой позиции в оценке нововведений, предложенных в грамматике Г. Фасске и Ф. Михалка /18/. Важнейшим достижением комиссии, по мнению секретаря, является сдвиг в нормализации и кодификации нижнелужицкого литературного языка. Этим стала заниматься специальная подкомиссия, в состав которой входят компетентные лица (ученые, учителя, журналисты, писатели), способные решать большие задачи /64/.

М. Староста и П. Янаш исследуют в настоящее время актуальность лексического состава, представленного в фундаментальном словаре А. Муки (материал к которому он собрал к 1906 г.), правомерность употребления в нижнелужицком литературном языке отдельных диалектизмов и заимствований из верхнелужицкого языка, стилистическую дифференциацию слов и словосочетаний и под. Подкомиссия в своей нормализаторской работе учитывает следующие критерии: коммуникативность речи, сохранение преемственности нормы и соблюдение чистоты языка, сбережение параллелизма с верхнелужицким языком в терминологии, замену неправильно образованных слов, которые в настоящее время создаются для передачи понятий, проникающих в серболужицкую среду через немецкий язык /52/.

Можно отметить значительное оживление в издании книг и другой печатной продукции на нижнелужицком языке, активизацию деятельности компетентных органов в Нижней Лужице, направленной на приобщение новых кругов населения к литературным произведениям на нижнелужицком литературном языке. Значительная роль в популяризации родного языка среди нижнелужицкого населения принадлежит газете "Новы часник", которая ведет уголок по речевой культуре.

Как видим, языковое строительство в современной Лужице, направляемое общественными и государственными организациями и учреждениями, достигло того уровня, при котором на повестку дня обоснованно выдвигаются задачи более высокого порядка, чем за всю предыдущую историю лужицких сербов.

Лингвисты, редакторы издательства, учителя-словесники,

выступая на страницах прессы по вопросам культуры речи, отмечают и исправляют ошибки, допускаемые говорящими и пишущими, дают рекомендации по целесообразному использованию стилистических средств языка, по корректному употреблению слов и словосочетаний. Поскольку "спецификой серболужицких литературных языков — как в процессе их развития, так и их современного положения в практике общения — является конкуренция с немецким языком" /II, с. 184/, ревнители чистоты языка уделяют большое внимание влиянию немецкого языка на серболужицкий. Этот вопрос интересен не только с точки зрения взаимодействия между немецким и серболужицким языками в структурно-языковом плане, но и в плане внеязыковом — отношения деятелей науки и культуры к германизмам. Другим актуальным вопросом культуры речи, который рассматривается нами, является отношение нормализаторов и кодификаторов верхнелужицкого литературного языка к славянизмам, проникшим в литературный язык в XIX в. Материалом для анализа служат заметки в прессе, а также обстоятельные работы ведущих лингвистов, в том числе книга А. Навки, посвященная вопросам культуры речи /35/.

Автор этой работы немало внимания уделяет борьбе с германизмами, однако он ведет изложение очень спокойно, дает оценки по-деловому, без эмоций. Этим работа А. Навки отличается от сочинений ревнителей чистоты языка пуристического направления в прошлом. Во многих случаях он исправляет ошибки говорящих и пишущих, не подчеркивая даже того, что причиной неправильности является немецкое влияние. Автор обращает внимание читателей на необходимость употреблять корректные формы имен и глаголов, правильно объединять слова, предупреждая, что ошибки могут невольно возникнуть под влиянием немецкого. Например, интерпретируя германизм *k prěnjemu razej* (нем. *zum ersten Mal*), А. Навка рекомендует правильный оборот речи *prěni raz*, но делает при этом любопытное замечание: лучше уж сказать *prěni mól*, чем употребить первую конструкцию. Слово *mól* — немецкое по происхождению (*Mal*). Этот пример хорошо раскрывает отношение автора к иноязычному влиянию. Оно совпадает с основным кредо классика серболужицкой литературы Я. Барта-Чишинского, который считал, что немецкое влияние не столь страшно в области лексики, как в области грамматики — синтаксиса /12/. Поэтому синтаксические неправильности беспокоят Навку в большей степени, нежели лексические германизмы: "Не следует говорить, как выражаются по-немецки, *jej wutroba boli...*" (Надо: *ju wutroba boli*). А. Навка не считает нужным лишний раз ссылаться на немецкое влияние при объяснении сочетания *krajina bohata na lesach (na pjenjezach, na wuhlu)*.

По-лужицки корректно: Łužica je bohata na wuhlo a lěsy⁷.

Автора рассматриваемого пособия не смущают германизмы, давно вошедшие в словарный состав серболужицкого, например *brula*, *śo* и мн. др., хотя он сожалеет о том, что большинством лужичан забыто хорошее слово *bórnica*, вместо которого всеми употребляется *bindfodn* (нем. *Bindfaden* 'шпагат', 'бечевка'). А. Навка предупреждает, что следует четко различать слова *šowjeći* и *šowjeski*: "В немецком для обоих понятий имеется одно слово *menschlich*, поэтому надо учитывать, особенно при переводах, какое из серболужицких слов в данном конкретном случае является правильным". Приводится объяснение, даются примеры. Нельзя также, согласно рекомендации А. Навки, слепо следовать немецкому языку при употреблении глагола *chcuć*, так как немецкое *wollen* может употребляться в качестве вспомогательного глагола, что не свойственно серболужицкому. Вместо часто встречающегося *chcemy škleńčku wina wupić na strowje našeho aktiwista* следует сказать: *wurijmy ...*

В подобном духе ведется борьба с ненужными германизмами в рубрике "Минута серболужицкого языка" газеты "Нова доба". Наиболее часто выступали в ней А. Навка, К. Малинкова, И. Шеракова, Г. Мельтка, Р. Енч, Ф. Михалк, Я. Веля, П. Фелькель, Г. Шустер-Шевц. В последнее время рубрику ведет Г. Енч. В ней даются рекомендации по орфоэпии, правописанию, склонению и спряжению отдельных слов, разбираются смысловые различия в похожих словах, высказываются соображения по поводу употребления диалектизмов в литературном языке, затрагиваются другие вопросы, имеющие прямое отношение к культуре речи, в том числе и проблемы интерпретации лексических и грамматических германизмов. В ряде случаев немецкий язык специально привлекается для объяснения различий в значении серболужицких слов, так как только таким образом двуязычному индивиду можно раскрыть все тонкости выражения на родном языке. Сравнение с немецким является методическим приемом обучения. Чаще всего, однако, авторы говорят о немецком, как об источнике влияния на серболужицкий.

⁷ Первая конструкция является результатом немецко-лужицкой интерференции. Она, по нашему мнению, объясняется тем, что лужицкий предлог *na* и немецкий *auf*, *an* могут выступать в словосочетаниях, отвечающих как на вопрос "куда?", так и на вопрос "где?". В первом случае в обоих языках используется форма вин. п.: *křadu knihu na blido* — *ich lege das Buch auf den Tisch*, во втором — немецкому дат. п.: *das Bild [h] ängt an der Wand* соответствует верхнелужицкий мест. п.: *wobraz wisa na scěnje*. Поскольку в немецком обороте *reich an der Kohle* предлог управляет дат. п., то в аналогичном серболужицком обороте вследствие интерференции в разговорной речи возникает оборот с мест. п.: *bohaty na wuhlu*. Это наше небольшое замечание имеет целью показать, как легко проникают синтаксические германизмы в серболужицкий.

Если это влияние нежелательное (с точки зрения борца за чистоту родной речи), то корректно, без ненужных эмоций, объясняется, каким образом можно избежать распространённого германизма. Например, не рекомендуется пользоваться часто встречающимся в разговорной речи и даже в прессе оборотом *řed krótkim* (нем. *vor kurzem*), так как в лужицком имеется хорошее старое слово *njedawno*. Засоряет язык германизм *wothladajo wot* (нем. *abgesehen von*). Следует употреблять выражение *njehladajo na*.

Необходимо специально остановиться на вопросе о влиянии немецкого языка в сфере серболужицкой терминологии. В большинстве случаев стремление максимально приспособить серболужицкую терминологию к немецкой оценивается положительно. Г. Енч /42, 05.05.84/ отмечает, что во время предвыборной кампании, проведенной несколько лет тому назад, в прессе употреблялось сочетание *wólbny lisćik* 'баллотировочный бюллетень', которое соответствовало немецкому термину *Stimmzettel*. Как видим, в лужицком это не была калька с немецкого. Во время последних выборов в органы государственной власти в серболужицкой прессе стало употребляться сочетание *hłosowanski lisćik*, которое ближе по семантике к немецкому (ср. нем. *stimmen* 'подавать голос', 'голосовать'). Автор статьи отнесся к данному изменению положительно: он рекомендует старое сочетание сохранить, но для наименования другого денотата (нем. *Wahlschein* 'избирательное удостоверение'). В немецком языке эти термины всегда различались.

Стало утверждаться мнение, что меньше всего надо бояться немецкого влияния в области терминологии, что сближение серболужицкой и немецкой терминологии — явление прогрессивное. Языковеды начали проводить в этом направлении конкретную работу. Например, при наличии двух синонимических наименований рекомендуется к употреблению то, которое ближе всего по форме с немецким. Для вновь появившихся понятий в науке, политике, общественной жизни принимаются термины, возникшие уже в немецком языке. Естественно, что они приспособляются к "материи и форме" серболужицкого.

Сравнение орфографического словаря П. Фелькеля /59/ со словарем Ф. Резака /43/ показывает, что тысячи "славянских слов" в новый словарь не попали, они были устранены как искусственные, непригодные для современных условий. Ряд терминов, имеющих славянскую форму, т.е. в свое время заимствованных книжным путем из других славянских языков (или созданных пуристами), и укоренившихся в литературном языке, в современном орфографическом словаре сохраняются, но с пометой о возможности использования немецкого термина, фактически употребляющегося в серболужицкой разговор-

ной речи. čornidlo — tinta, ćuwowy — nerwowy, debjenkar — jewelér. Допускаются наряду со славянскими словами прозрачные кальки (сложения или сращения) с немецкого: kryčk — třěchikryjer (Dachdecker 'кровельщик'). Отдельный слой слов в орфографическом словаре составляют термины, при которых приводятся синонимы, созвучные с немецким, имеющие помету "лучше": bjezmjeznik — infinitiw, časćica — partikla, dušawa — astma, hlinikowu — aluminjowu, njerost — mineral, różownik — meja. Встречаются и обратные случаи, но таких примеров мало: běrtl лучше štwórć, herbować лучше zdžédzić.

Не встречавшиеся ранее в серболужицких текстах (и словарях) новые термины обычно представляют собой прозрачные кальки (полукальки) немецких слов: klinowurěz — Keilausschnitt, kutowocł — winkelstahl, U-železo — U-Eisen, wotplun — Abgas, wodojasny — Wasserklar и др.

В современной Лужице, как и в XIX в., в борьбе за культуру речи значительное внимание уделяется очищению верхнелужицкого литературного языка от германизмов, однако безоговорочно неприязненное отношение к ним в прошлом уступило в настоящее время место разумной интерпретации немецкого языкового влияния, учитывающей не только собственно лингвистические, но и социо-культурные факторы.

Интересно остановиться на вопросе, как относятся к чистоте и правильности языка не теоретики (лингвисты), а практики — современные писатели.

В произведениях современных писателей (особенно молодых) уместно употребленный германизм или живое немецкое слово — явление обычное. Например, К. Кравц и некоторые другие не боятся включать в ткань повествования немецкие слова и выражения, широко бытующие в разговорной речи простого народа. Они не смущают теперь ни самого автора, ни редактора, ни читателя. Германизмы используются современными авторами преимущественно в определенной стилистической функции. Их употребляют для воссоздания колоритности изображаемой ситуации, их вкладывают в уста отдельных персонажей. Например, у названного писателя находим такие слова и словосочетания: šrocirkij /31, с. 94/, hawptska wěc /41, с. 93/, lazować /31, с. 37/ и многие другие. Их употребляют персонажи произведений, но и в речи самого автора воспроизводимая им специфическая обстановка (действие на строительной площадке, в коллективе, состоящем из немцев и лужицких сербов) принуждает его пользоваться германизмами: ludžo su za šmakom šli /31, с. 77/, šaltoway pult /31, с. 35/ и др. Появляются и такие полукальки, возникшие под немецким влиянием: konsum-předawarka (у писателя Я. Ворнара — 41, с. 191/.

Ю. Кох, один из самых видных современных писателей, не злоупотребляя в повествовании ненужными иноязычными эле-

ментами, не боится приблизить читателя к атмосфере действия посредством различных германизмов, живых немецких слов и целых предложений. Примеры: *to je ċi dinka, što?* /нем. Ding 'вещь', 'дело'; 29, с. 139/. *Sydnuchmoj so jemu napřečo na ambos* /вместо *nakow* 'наковальня'; 29, с. 57/. *Ja so pruwowanjo gramwam: aerodinamika, létarska wučba, létarska technika, nawigacija, Fallschirmkunde, Wetterkunde, Instrumentenkunde. Ja mam wšěch kundow syte* /29, с. 264/.

Это явление новое в литературе, явление, которое свидетельствует о том, что период в истории лужицких сербов, характеризовавшийся отрицательным отношением к немецкому языковому влиянию, прошел. Это — следствие изменения общественно-политического строя в стране, следствие изменения взаимоотношений между людьми разной национальности, уверенности их в своем равноправии⁸.

Описанное выше явление (имеется в виду отношение как к грамматическим, так и к лексическим германизмам) связано со значительными сдвигами в самом понимании чистоты и упорядоченности речи, функций языка в новом обществе. Наблюдается явная демократизация серболужицкого литературного языка. Это отметил уже Р. Енч в 1964 г., но, по его мнению, слишком далеко идущая демократизация может стать пагубной для судеб литературного языка /26/. Большие опасения в этом плане высказал Г. Шустер-Шевц в одном из выступлений на заседании "Серболужицкой языковой комиссии" /54/. По его мнению, неоспоримый тезис о желательной близости письменной и устной форм литературного языка требует правильного практического разрешения. Ориентация на разговорный язык не приведет к положительным результатам, так как он, особенно в среде молодежи, далеко не безупречен, что вызвано двуязычием населения. Г. Шустер-Шевц приводит большое количество примеров речевых оборотов, являющихся поверхностными кальками с немецкого, например: *wowki pa su wnukow* (вместо *pěstonja*), *róžki wočow* (вместо *wóčne nuhleški*); *zo ma jón za tydžeń ze šity m ě ć* (вместо *zo ma jón za tydžeń zešić*) и мн. др. Шустер-Шевц выступает против употребления в быту немецких слов вместо серболужицких, например: *sesel* вместо *křesło*, *tepich* вместо *kobjerc*, *štempl* вместо *colk* и др. Ученый решительно высказался за приторможение процесса проникновения все новых германизмов, он выступает за сохранение в литературном языке многих искусственно созданных в прошлом столетии слов и форм. Шустер-Шевц осудил практику соз-

⁸ В этой связи интересно привести слова председателя "Серболужицкой языковой комиссии" М. Каспера: "Коллективное сербо-немецкое двуязычие лужицких сербов, составляющих часть общества, в котором превалирует немецкое моноязычие, часто отражается также в сознании как элемент национального самосознания" /28, с. 124/.

дания отдельными серболужицкими писателями произведений на немецком языке с последующим переводом на серболужицкий. Эти переводы всегда (особенно в тех случаях, когда перевод поручается другим лицам) утрачивают художественные качества, обедняют речь, нарушают ее чистоту. "Такие произведения, по-моему, вообще не должны издаваться, так как они приносят больше вреда, чем пользы" /54, с. 70/.

Предметом дискуссий при обсуждении проблем культуры речи является также признание или отрицание ряда грамматических форм, несвойственных разговорной речи, но кодифицированных в прошлом столетии по образцу других славянских языков. Некоторые серболужицкие лингвисты нашего времени стали к ним относиться отрицательно. По их мнению, инославянские элементы в верхнелужицкой письменности сыграли негативную роль — их наличие в литературном языке слишком разъединяет его письменную и разговорную формы. Последняя часто не приемлет слов, словосочетаний, грамматических форм и конструкций, искусственно насажденных грамматистами и лексикографами прошлого. Г. Фасске на заседаниях "Верхнелужицкой языковой комиссии", на научных конференциях и в печатных органах неоднократно предлагал пересмотреть существующую кодификацию, приблизить нормы верхнелужицкого литературного письменного языка к разговорному /14; 15; 19/. Это важно потому, что устная форма литературного верхнелужицкого языка еще не сложилась, что идет процесс становления разговорной разновидности, на которую, с одной стороны, давит письменная форма, с другой — диалекты и немецкий язык.

В последние годы по вопросам правильности кодификации верхнелужицкого литературного языка ведется оживленная дискуссия. С одной стороны, защищаются грамматические формы, употреблявшиеся в письменности в течение десятилетий в прошлом веке и в двадцатом столетии (в том числе после второй мировой войны), с другой — высказывается мнение о необходимости признания литературными также тех форм, которые широко употребляются населением в повседневном общении. О предмете дискуссии дает хорошее представление сопоставление грамматических концепций ведущих лингвистов, издавших наиболее обстоятельные труды по грамматике верхнелужицкого языка /18; 46/.

Г. Шустер-Шевц, как правило, придерживается нормы, установленной в прошлом веке в кругу ученых "Матицы сербской", Г. Фасске и Ф. Михалк не решаются устранять из грамматической системы формы, без должного обоснования кодифицированные предшественниками, но решительно рекомендуют в качестве равноправных те широко употребительные формы, которые раньше отвергались и сейчас еще признают-

ся нелитературными. Например, со времен Пфуля (его первой кодификации в 1848 г.) единственно приемлемыми признавались формы личного местоимения во мн. ч. (wo) nas, (wo) was, т.е. такие, которые совпадают с формами других славянских языков (и нижнелужицкого). Шустер-Шевц о возможности употребления других форм даже не упоминает, в то же время в грамматике Фасске и Михалка рекомендуются к употреблению также и формы (wo) nami, (wo) wami. Приводится следующее обоснование: эти формы зафиксированы в грамматиках Матея /33/, Зейлера /47/, Йордана /27/, Шнайдера /45/, встречаются у классиков серболужицкой литературы прошлого и у современных писателей⁹ (хотя, как правило, редакторы серболужицкого издательства их исправляют на кодифицированные). В современных собственно верхнелужицких диалектах обычно употребляются только такие формы местн. п. /18, с. 680/. Добавим, что в обиходном языке интеллигенции формы wo wami, wo nami имеют высокую частоту употребления.

Исходя из того, что расхождение между кодифицированной нормой (в свое время специально "славянизированной") и узусом не способствует привитию культуры речи в широких кругах серболужицкого населения, Фасске и Михалк вводят узусные нормы в свою грамматику (наиболее авторитетную в наше время), стремясь создать этим условия для сближения разговорной и письменной разновидностей литературного языка, для предоставления возможности естественного отбора наиболее приемлемой формы в будущем.

Это, конечно, частный случай, но характерный для проблемы в целом. Остановимся еще на двух примерах. Аналогична ситуация с местоимением 3 л., местн. п. которого во мн. ч. у Шустера-Шевца традиционно сохраняется в форме (wo) nich, у авторов новейшей грамматики приводится параллельная форма (wo) nimi. Можно заметить, что в им. п. ед. ч. местоимение 3 л. среднего рода приводилось в первом издании грамматики Шустера-Шевца (1968 г.) только в традиционной форме wono, а в издании 1984 г. уже в сопровождении формы wone, помещенной в скобки. В грамматике Фасске и Михалка обе формы признаны литературными.

Из форм местоимений заслуживают внимания *šoho*, *šomu* (наряду с *šeho*, *šemu*). Все "матичные" грамматики рекомендовали только *šeho*, *šemu* (так и Шустер-Шевц). Однако формы *šoho*, *šomu* получили широкое распространение, и отрицание

⁹ Мы без труда отыскали примеры в произведениях популярных писателей, например, у Я. Ворнара: *Před nami su ludžo w zemi za pokładom rutyli a budžeja to tež po nami cinić* /41, с. 195/. Ср. также примеры из произведений Ю. Коха и К. Кравца: *Po nami je milina w kóždym stwjelcu* /41, с. 44/; *wostaj při nami* /31, с. 238/; *što budže po nami?* /31, с. 174/.

их литературности создает в настоящее время излишние трудности в борьбе за культуру речи, поэтому Фасске и Михалк зачисляют их в разряд литературных форм.

Реальная вариантность форм не может отрицаться, отбрасываться нормализаторами языка, так как это явление естественное, присущее и литературным языкам с длительной письменной традицией¹⁰.

В области глагола грамматика Фасске и Михалка тоже допускает некоторые формы, распространенные в разговорной форме литературного языка, но не признанные существующей кодификацией литературными, например, у глаголов с инфинитивным суф. -ну- (wuknuć) параллельные формы 3 л. мн. ч. (w)uknu//wuknjeja, у глагола dać — dadža//daja, хотя другие авторы рекомендуют только dadža и т.д. Проблемой, непосредственно касающейся культуры речи, является употребление глагольных окончаний в дв. ч. -taj и -tej. Существующая кодификация регламентирует употребление этих форм так: -taj (-štaj) соотносятся с одушевленными существительными муж. р. (bratraj njesetaj), -tej (-štej) — со всеми остальными. Фасске и Михалк приводят большое количество примеров из художественных произведений в подтверждение того, что в сознании носителей языка такая дистрибуция воспринимается как искусственная. Они констатируют, что в большинстве серболужицких говоров во всех случаях употребляется исключительно окончание -(š)tej /18, с. 293/. Авторы, понимая трудность устранения из литературного языка форм на -(š)taj, сохраняют за ними место в письменном языке, но допускают употребление форм на -(š)tej в разговорной форме литературного языка во всех без исключения случаях.

В таком же духе интерпретируются Фасске и Михалком и некоторые другие грамматические формы.

Проблемы культуры речи волнуют не только лингвистов. За чистоту литературного языка борются писатели, общественные деятели, публицисты. Редактор ежедневной газеты "Нова доба" З. Козел усматривает в борьбе за чистоту речи и определенное политическое значение: "Можно ли было бы говорить о равноправии серболужицкого языка, если бы он из-за ... засорения, поверхностности и всякого рода неупорядоченности утратил свою равноценность? Если серболужицкий язык по вине самих лужицких сербов не будет равноценным с немецким (на котором тоже общаются двуязычные серболужичане), то равноправие его будет фикцией..." /42, 23.03.85/.

¹⁰ Видный чешский специалист в области теории литературного языка А. Едличка считает, что наличие вариантов в разумно ограниченном масштабе, идущее от изменчивости нормы живого разговорного языка, не угрожает стабильности литературного языка и его кодификации, но обеспечивает его эластичность /24/.

На ряде ярких примеров мы показали, в чем состоит суть борьбы за культуру речи в Лужице. Некоторые лингвисты справедливо считают, что ее уровень находится в прямой зависимости от степени совершенства кодификации норм, от определения, в конечном итоге, самой нормы литературного языка. Культура речи тесно увязывается с проблемой демократизации во всех сферах жизни общества, в том числе демократизации литературного языка, который должен стать достоянием не малочисленной группы интеллигентов, как это было в прошлом и сохраняется еще в наше время, а более широких кругов серболужицкого населения. Эти стремления могут иметь успех, так как языковое строительство поддерживается государством.

Литература

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, т. 40.
2. Виноградов В. В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры//ВЯ, 1961, № 4.
3. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М., 1980.
4. Ильяш М. И. Основы культуры речи. Киев, Одесса, 1984.
5. Основы культуры речи. Хрестоматия/Сост. Л. И. Скворцов. М., 1984.
6. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
7. Трофимович К. К. Развитие верхнелужицкого литературного языка в середине XIX века//Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 158—206.
8. Трофимович К. К. Смена общественно-экономических формаций и развитие верхнелужицкого литературного языка//Letopis Instituta za serbski ludospyt, rjad A. Budysin, 1980, N 27/1. S. 2-9.
9. Трофимович К. К. Социально-экономические условия развития и функционирования литературного языка небольшой социалистической народности//Учен. зап. Тартуского ун-та. 1981. № 579. Вопросы становления и развития языковой системы. С. 3—19.
10. Трофимович К. К. Становление и развитие верхнелужицкого литературного языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1981.
11. Фасске Х. Формирование серболужицких литературных языков//Формирование славянских литературных языков: Теоретические проблемы. Сборник обзоров. М., 1983. С. 178—203.
12. Bart-Ćišinski J. Hłosy ze Serbow do Serbow//Jakub Bart-Ćišinski. Zhromadźene spisy. Budyšin, 1974, zwj. VIII. s. 10-19.

13. *Cyž B.* Die DDR und die Sorben. Bautzen, 1969, I, II. 1979.

14. *Faska H.* Dialektny zakład hornjoserbskeje spisowneje řeče a wutworjenje wobchadneje serbšćiny//Говорните форми и словенските литературни јазици. Материјали од второто заседание на меѓународната комисија за словенските литературни јазици. Скопје, 1973. С. 127—131.

15. *Faska H.* Wuwiće normy hornjoserbskeje spisowneje řeče a jeje kodifikacije//Rozhlad, 1975. N 7. S. 241—250.

16. *Faska H.* Z džěławosće Hornjoserbskeje řečneje Komisije//Rozhlad. 1978. N 9. S. 318—322.

17. *Fasske H.* K problematice vztahu normy a úzu//Slovo a slovesnost. 1977. R. XXXVIII. S. 185—189.

18. *Fasske H., Michalk S.* Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart: Morphologie. Bautzen, 1981.

19. *Fasske H.* Schriftsprachliche Norm, Umgangssprache und Dialekt im Sorbischunterricht//Methodische Beiträge zum Sorbischunterricht. Bautzen. 1979. S. 193—217.

20. *Faulseit D., Kühn G.* Die Sprache des Arbeiters im Klassenkampf. B. 1974.

21. *Hórnik M.* Wutworjenje naseje spisowneje řeče a jeje zblizeenje z delnjoserbskej//Časopis Mačicy Serbskeje. Budyšin, 1880. S. 155—164.

22. *Jakubaš F.* Hornjoserbsko-němski słownik = Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. Budyšin, 1954.

23. *Janaš P.* Niedersorbische Grammatik für den Gebrauch der Sorbischen Erweiterten Oberschule. Bautzen, 1976.

24. *Jedlička A.* K problematice normy a kodifikace spisovné češtiny: Oblastní varianty ve spisovné normě//Slovo a slovesnost. 1963. N 1. S. 9—19.

25. *Jenč H.* K poměrej mjez słownikami a leksikalnej normu hornjoserbskeje spisowneje řeče//Lětopis Instituta za serbski ludospyt, rjad A. 1975. N 22-1. S. 55—66.

26. *Jenč R.* K prasenju normy w hornjoserbskej spisownej řeči//Serbska šula. 1964. N 4. S. 247—254; N 5. S. 309—317.

27. *Jordan J. P.* Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. Im Systeme Dobrowský's abgefasst. Prag, 1841.

28. *Kasper M., Michalk F.* Zaměry a nadawki Serbskeje řečneje komisije//Rozhlad. 1979. N 4. S. 121—128.

29. *Koch J.* Nawrót sonow. Budyšin, 1983.

30. *Kral G.* Grammatik der Wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen, 1925.

31. *Krawc K.* Pырpalenje. Powedančka a skicy. Budyšin, 1973.

32. *Liebsch G.* Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen, 1884.

33. *Matthaeus G.* Wendische Grammatica, welche in deutscher Sprache abgefasst, nach dem neu-invertirten Principio u. leichtesten

Wendischen Schreib- Art u. Budissinischen Dialecto... eingerichtet... Budissin, 1721.

34. *Michalk S., Protze H.* Studien zur sprachlichen Interferenz. Bautzen, I, 1967; II, s.a.

35. *Nawka A.* Mjenje zmylkow. Rady a pokiwy za dobru serbsčinu. Budysin, 1972.

36. *Nawka M.* Prewodnik po serbskej rěči. Budyšin, 1920; I. 1921. II.

37. *Nawka M.* Pokiwy pyskej a pjeru. Prawe wurazy a saday po serbsko-němskim abecej. Budyšin, 1936.

38. *Nowak-Njehorński M.* Wuknimy dolnoserbški. Budyšin, 1952.

39. *Nowusch H.* Die Gleichberechtigung der Bürger sorbischer Nationalität in der DDR – verwirklichtes Menschenrecht. Bautzen, 1978.

40. *Pfuhl C. T.* Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Mit besonderer Rücksicht auf das Altslawische. Bautzen, 1867.

41. Pohladsnja. Powědky wo nas. Budyšin, 1976.

42. Předženak: Sobotna přihoja "Noweje doby", 1985.

43. *Rězak.* Němsko-serbski wšowědny słownik hornjołužiskeje rěče. Bautzen, 1920.

44. Rozhlad. Casopis Domowiny za serbsku kulturu. Budyšin, 1979, S. 201–202; 1985. S. 65–70.

45. *Schneider F.* Grammatik der wendischen Sprache katholischen Dialect's. Budissin, 1853.

46. *Schuster-Šewc H.* Gramatika hornjoserbskeje rěče. Fonologija, fonetika a morfologija. Budyšin, 1984.

47. *Seiler A.* Kurzgefasste Grammatik der Sorben-Wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialekte. Budissin, 1830.

48. Serbski kulturny archiw w Budyšinje (rukopisy): a) Akty Nalětneje a hłowneje schadźowanki 1907; b) Rozprawa Towarstwa "Włada" 1895–1896; c) Rozprawa Towarstwa Włada 1898/1899.

49. Serbsčina. Listowy studij za wučerjow. Mały Wjelkow, 1955–1957.

50. Sorabus. Tón serbski słownik//Łužičan. Budyšin, 1866, s. 170–172.

51. *Starosta M.* Dolnoserbška ortografija a interpunkcija. Pšawidła. Budyšin, 1976.

52. *Starosta M.* Ze žěła dolnoserbškeje rěčneje podkomisije//Rozhlad. 1984. N 2. S. 45–47.

53. Statut Serbskeje rěčneje komisije při AW NDR//Rozhlad. 1980. N 5. S. 199–200.

54. *Šewc H.* Zwyšić prestiž spisowneje serbsčiny//Rozhlad. 1985. N 3. S. 65–70.

55. *Šwela B.* Grammatik der niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1952.

56. Šwjela B. Dolnoserbско-němski słownik. Budyšin, 1963.
57. Völkel P. Hornjoserbska ortografija a interpunkcija. Prawidła. Budyšin, 1974.
58. Völkel P. Hornjoserbsko-němski słownik. Prawopisny słownik hornjoserbskeje rěče. Budyšin, 1970.
59. Völkel P. Hornjoserbsko-němski słownik. Prawopisny słownik hornjoserbskeje rěče. Budyšin, 1981.
60. Wjela J. Lehrgang der sorbischen Sprache. Kurs serbskeje rěče. Bautzen, 1956.
61. Wowčerк P. Kurzgefasste obersorbische Grammatik. Phonetik und Morphologie. 1954.
62. X. Zwězkowy kongres Domowiny. Protokol. Budyšin, 1982.
63. Žur H. Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti//Lětopis Instituta za serbski ludospyt, rjad A. Budyšin. 1983. 30/1. S. 90—94 (recensija).
64. Žur H. Serbska rěčna komisija a jeje dźěławosć//Rozhlad. 1985. N 1. S. 1—6.
65. Žur J. Přiručka za serbsku wučbu. Budyšin, 1962.

П. А. Дмитриев

**Некоторые особенности
функционирования вариантной лексики
сербохорватского/хорватосербского
литературного языка в периодической печати
СР Сербии и СР Хорватии**

В современной Югославии сербохорватский/хорватосербский язык является родным и национальным языком представителей четырех наций: сербов, хорватов, черногорцев, основная масса которых проживает в СР Сербии, СР Хорватии, СР Черногории, СР Боснии и Герцеговине, и проживающих в основном в СР Боснии и Герцеговине потомков сербов и хорватов, принявших во время турецкого ига ислам, что наряду с воздействием ряда социально-экономических и политических факторов впоследствии в значительной степени обусловило их обособление в культурном и этническом отношениях как от остальных сербов и хорватов, так и от мусульман неславянского происхождения /1/ и в конечном счете способствовало формированию на территории Югославии отдельной нации мусульман /2/. Для названия этого языка в СФРЮ в настоящее время используется несколько терминов: "српскохорватски језик", "хрватскосрпски језик", "српски или хрватски језик", "хрватски или српски језик", "српски језик" и "хрватски језик". В русском языке используются синонимичные термины "сербо-

хорватский (реже — хорватосербский) язык” и ”сербскохорватский (хорваткосербский) язык”. Употребляются также названия ”сербский язык” и ”хорватский язык”, когда имеется в виду один из говорящих на этом языке народов /2—4/.

Современный сербохорватский литературный язык, утвердившийся в результате реформаторской деятельности Вука Караджича в Сербии и представителей иллирийского движения (Людевит Гай и др.) в Хорватии в прошлом веке, функционирует в двух вариантах, сформировавшихся на основе единого народного языка вокруг двух основных культурных центров — Белграда и Загреба /5/. В отличие от вариантов, например, английского или испанского языков варианты сербохорватского литературного языка появились не в результате трансплантации языка /6/, ни один из них не происходит от другого (в генетическом смысле они развились независимо друг от друга, параллельно) /7/. Их особенностью является также то, что в настоящее время они используются в пределах одного государства¹.

Варианты сербохорватского литературного языка называются восточным (белградским) и западным (загребским). Иногда используются названия, подчеркивающие их национальную принадлежность, — сербский и хорватский варианты /см. 9—10/. Эти названия некоторыми языковедами квалифицируются как неадекватные в лингвистическом отношении /11/. Такое убеждение обусловлено тем, что наличие вариантов сербохорватского литературного языка определяется не столько национальной спецификой и традициями сербов и хорватов, сколько культурно-историческими особенностями развития различных регионов сербохорватского ареала в прошлом, а также различиями в концепциях литературного языка, с которыми выступали В.Караджич и представители иллирийского движения. Расхождения между вариантами, за редким исключением, не связаны с диалектными различиями и не замыкаются строго в границах Сербии и Хорватии. Кроме основных вариантов в языке имеется ряд переходных реализаций (Черногория, Воеводина); для Боснии и Герцеговины, где также проживают сербы и хорваты, варианты различия нерелевантны.

Югославия является многонациональным государством: в ней, кроме носителей сербохорватского языка, проживают также словенцы, македонцы, венгры, албанцы, словаки, румыны,

¹ В этом отношении сербохорватский литературный язык представляет собой довольно редкое явление. Как отмечает Г. П. Гак, ”варианты языка выявляются обычно в социумах, имеющих статус различных административных образований, причем чаще всего в разных государствах. Лишь в исключительных случаях два варианта одного языка функционируют в пределах одного государства (сербский и хорватский в Югославии)” /8/.

русины, болгары, итальянцы, цыгане и др. В этих условиях при отсутствии единого официального государственного языка или языка межнационального общения сербохорватский язык, по мнению югославского лингвиста М. Радовановича, выступает не в качестве "общего языка" (*lingua communis*), как полагают некоторые зарубежные исследователи /12/, а в качестве посредника (или переводчика) в некоторых сферах коммуникации (например, в армии, в передаваемых по единой телевизионной и радиосети интервью македонцев или словенцев, являющихся "союзными" функционерами, в некоторых дискуссиях на заседаниях скупщины и т.п.) /13/. Подчеркивается, что эта функция сербохорватского языка является "неофициальной": она не предписана каким-либо законом, не появилась в результате влияния филологии, а обусловлена практическими потребностями общения представителей различных национальностей /14/.

Варианты сербохорватского языка имеют известные расхождения в фонетическом оформлении некоторых лексем, частично — в морфологии, словообразовании, словоупотреблении, орфографии. Главные различия между ними наблюдаются в области лексики /см. 15—18/. Трудность выявления вариантных расхождений заключается в том, что до настоящего времени нет полной уверенности в том, что ввиду зыбкости границ между вариантами и постоянной флуктуации вариантной лексики такой список можно создать: по наблюдениям исследователей, в большинстве случаев слова, имеющие преимущественное употребление в одном варианте, известны и в другом варианте, хотя используются в нем реже; кроме того, сама принадлежность того или иного слова к вариантной лексике с течением времени (иногда достаточно быстро) может измениться /19—20/. В основном словарном составе лексические расхождения между вариантами минимальны /21/. Различия наблюдаются; главным образом, в лексике, отражающей идеологическую и культурно-историческую надстройку /22/. Обычно расхождения в общепотребительной лексике (т.е. без учета лексики профессиональной и терминологической) исчисляются тремя-четырьмя тысячами лексем /см. 15, с. 280; 23, с. 89—217/.

В истории сербохорватского литературного языка неоднократно предпринимались попытки устранения вариантных раз-

² Впрочем, в другой работе М. Радованович пишет: "Это позволяет сербохорватскому языку выполнять на практике роль стандартного языка типа *lingua communis*, т.е. "общего языка", соответственно языка межнациональных коммуникаций, выполнять роль посредника (иногда роль переводчика)" /11, с. 220/. По-видимому, статус сербохорватского языка (особенно его восточного варианта) в осуществлении межнациональных коммуникаций в СФРЮ нуждается в дополнительных исследованиях /ср. 70/.

личий. Последняя была осуществлена немногим более тридцати лет назад.

В 1953 г. "Летопись Матицы сербской" опубликовала анкету "Вопросы сербохорватского литературного языка". Персонально принять участие в обсуждении анкеты были приглашены 110 виднейших югославских ученых, писателей, переводчиков, журналистов и общественных деятелей. На призыв журналистов откликнулось 42 человека (из Хорватии — 23, из Сербии — 15, из Боснии и Герцеговины — 4), среди них А. Барац, А. Белич, С. Винавер, Л. Йонке, Г. Крклец, П. Скок, М. Стеванович, И. Франгеш, М. Франичевич, Й. Хорват и др. Было организовано обсуждение анкеты в печати, после которого в г. Нови Сад на совещании 8—10 декабря 1954 г. были приняты "Решения Новисадского совещания". В первом же пункте решений было сформулировано единодушное мнение участников совещания о единстве сербохорватского литературного языка: сербы и хорваты говорят на одном языке, поэтому и литературный язык, развивающийся на основе этого одного народного языка вокруг двух главных культурных центров — Белграда и Загреба, является единым языком с двумя нормами произношения — экваской и (и) екавской. Обе нормы произношения являются равноправными. Равноправными на всей территории сербохорватского ареала являются также кириллический и латинский алфавиты. Участники совещания пришли к соглашению, что в названии языка при его официальном употреблении должны использоваться названия обоих народов (сербский и хорватский), причем части этого сложного названия могут меняться местами: спрскохрватски језик, хрватскосрпски језик, српски или хрватски језик, хрватски или српски језик. Было принято решение создать единый словарь сербохорватского литературного языка с целью более полного выявления и использования всех лексических возможностей языка сербов и хорватов. В качестве важнейшей, требующей неотложного решения, выдвигалась задача выработки единой терминологии. Решениями была осуждена практика "перевода" произведений, написанных в разных культурных центрах, с одной разновидности языка на другую; всем заинтересованным организациям и лицам рекомендовалось устранять искусственные препятствия на пути естественного развития языка. Специальный пункт решений был посвящен вопросам правописания: единый литературный язык должен иметь и единые нормы правописания; разработка свода правил правописания — самая неотложная культурная и общественная потребность.

В соответствии с "Решениями Новисадского совещания" была сформирована комиссия из представителей Белградского, Загребского и Сараевского университетов, Сербской и Югославянской АН, которой было поручено составление проекта

новых правил правописания. После обсуждения проекта в печати, в научных учреждениях, писателями, журналистами, учителями и культурными работниками окончательный текст правил правописания был опубликован в 1960 г. в идентичных изданиях кириллицей и латиницей в Нови Саде и Загребе /24/³. Этими правилами в большинстве случаев предлагалось единое решение спорных орфографических вопросов, хотя устранить все расхождения между белградской и заградской нормами правописания не удалось. Составители правил учитывали и лексические различия между разновидностями литературного языка, сложившимися вокруг основных культурных центров. Не пользуясь термином "вариант" литературного языка, они зафиксировали в своде правил и тем самым кодифицировали, объявили в качестве равноправной и в одинаковой степени литературной основную часть лексики, отражающей специфику развития восточного и западного культурных центров.

Намеченная Новисадским совещанием в 1954 г. программа совместных работ сербских и хорватских лингвистов была рассчитана на длительное сотрудничество. Шесть лет понадобилось на подготовку и издание правил правописания. Еще более длительных сроков требовала работа по составлению словарей и выработке единой терминологии. Первые 10 лет, прошедшие после 1954 г., показали, что необходима настойчивая и повседневная работа по преодолению уже давно сложившихся традиций и привычек, чтобы обеспечить действительно свободное и равноправное функционирование лексических и грамматических вариантов. Декларированное равноправие лексики необходимо было претворить в жизнь, а это практически зависело от согласованных действий многочисленной армии школьных учителей, преподавателей вузов, журналистов, писателей, ученых и т.п. Между тем рецидивы старого отношения к языковым особенностям Белградского и Загребского культурных центров встречались с обеих сторон. Так, например, Й. Вукович отмечал, что в Загребе употребление слова *odgoj* (а не *vaspi-taњ e*) студентом, будущим педагогом, квалифицировалось на экзамене как ошибка; в Сараеве профессор требовал, чтобы студенты употребляли слово *ћелија* (а не *станица*); в Белграде научный сотрудник возмущался тем, что его коллега просил пригласить к телефону *колегицу* (а не *колегиницу*) /25/. М. Лалевич издал в 1963 г. в Белграде пособие "Сербохорватский в моем кармане" (Српскохрватски у мом џепу), в котором многие слова восточного культурного центра (*Вавилон, берза, фудбал, хришћанин* и др.) охарактеризовал как "более обыч-

³ Кроме правил правописания (с. 13-164), терминологии (с. 165-170) и словаря (с. 171-825), в книге опубликованы текст и факсимиле "Решений Новисадского совещания" (с. 7-10), которыми руководствовались составители правил.

ные" по сравнению с соответствующими словами западного центра. М.Московлевич в 1963 г. в Белграде издал "Русско-сербохорватский словарь", в котором слова западного культурного центра (*крух, цеста, казалиште, зрак* и др.) помечены как областные /26/. В научной литературе все чаще обсуждались различия между разновидностями литературного языка, сложившимися вокруг Белграда и Загреба, декларировалось и обосновывалось положение о том, что сербохорватский литературный язык является общим литературным языком сербов и хорватов, но он не является единым /27/. С 1964 г. некоторые югославские лингвисты начинают называть разновидности сербохорватского литературного языка вариантами, обсуждаются вопросы об их взаимоотношениях и статусе с лингвистической, коммуникативной и правовой точек зрения /28/.

17 марта 1967 г. в загребской газете "Телеграм", а затем и в других югославских газетах за подписями хорватских лингвистов и литературоведов (в том числе и участников Новисадского совещания) была опубликована "Декларация о названии и положении хорватского литературного языка". В ней утверждалось, что рекомендация Новисадского совещания о равноправии лексических и грамматических различий между языками сербской и хорватской литератур не обеспечивает полного равноправия сербов и хорватов в языковом отношении. Во многих случаях эта рекомендация реализовалась так, что практически в средствах массовой коммуникации (печать, радио, телевидение и т.д.) использовались преимущественно лексика и грамматические обороты восточного варианта сербохорватского языка (авторы "Декларации" называют его "сербским литературным языком" в отличие от "хорватского литературного языка", т.е. западного варианта сербохорватского языка). Тем самым "сербский литературный язык", по мнению авторов "Декларации", навязывался в качестве единого языка сербов и хорватов. Авторы "Декларации" ставили вопрос о необходимости конституционного признания особого, отличного от сербского, хорватского литературного языка и о последовательном применении этого языка в литературе, просвещении и во всех сферах коммуникации тех областей, где проживает хорватское население. Положения, выдвинутые в "Декларации", встретили осуждение значительной части общественности, политических и культурных организаций Югославии (авторов "Декларации" поддержала лишь небольшая группа сербских писателей, опубликовавших "Предложение для размышления" /29/. В многочисленных материалах, появившихся в периодической печати в те дни, "Декларация" квалифицировалась как попытка подорвать единство югославских народов. Одновременно Центральные Комитеты Союза Коммунистов Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины в 1967 и 1968 гг.

издали специальные документы, в которых призывали все заинтересованные организации решительно устранять недостатки в языковой теории и практике, чтобы обеспечить подлинное равноправие языковых вариантов. В этих постановлениях не ставились под сомнение решения Новисадского совещания. Речь шла об их уточнении и более последовательном претворении в жизнь, о том, что открытые языковые вопросы необходимо, как писалось в сообщении Исполнительного Комитета ЦК Союза Коммунистов Сербии, решать спокойно и трезво, с полной научной и политической ответственностью /30/.

Появление этих документов на некоторое время уменьшило остроту споров по языковым вопросам. Однако вскоре дискуссии о характере вариантных различий сербохорватского литературного языка, о статусе вариантов, об их равноправии возобновились в еще более резкой форме. Все это, естественно, отразилось и на выполнении решений Новисадского совещания. После издания в 1967 г. двух томов "Словаря сербохорватского литературного языка" кириллицей и латиницей в Нови-Саде и Загребе, Матица хорватская прекратила дальнейшее сотрудничество с Матицей сербской в работе над этим словарем, мотивируя свой отказ тем, что в словаре в неравной мере представлены варианты сербохорватского языка и, в частности, недостаточно полно отражено лексическое богатство хорватской литературы. Следующие четыре тома были изданы Матицей сербской только кириллицей. К выработке единой терминологии сербские, хорватские и сараевские лингвисты фактически не приступали ввиду выявившихся разных подходов к этой проблеме. Наконец, в 1971 г. руководство Матицы хорватской в одностороннем порядке расторгло Новисадское соглашение о единстве сербохорватского литературного языка /см. 31/.

В 1971 г. союзной конституцией было определено, что все общие официальные акты должны публиковаться отдельно для каждой республики, причем республиканские органы сами определяют язык, на котором публикуются эти акты и решают вопрос о его названии /17, с. 216/. В соответствии с этим государственные акты стали издаваться на восточном (для Сербии и Черногории) и западном (для Хорватии) вариантах сербохорватского языка точно так же, как они издаются на словенском, македонском, венгерском и албанском языках. Несколько позднее эти документы стали также издаваться и для Боснии и Герцеговины с учетом особенностей сербохорватского языка на территории этой республики /см. 32/.

Во всех республиках, в которых используется сербохорватский язык, провозглашены принципы равноправия вариантов и толерантности при их использовании в литературе, в школе, в повседневном общении и в средствах массовой информа-

ции. На практике эти принципы в различных республиках осуществляются по-разному. В ряде случаев основное внимание обращается на выяснение и практическое закрепление межвариантных различий, в связи с чем некоторыми лингвистами высказывается предположение, что варианты поляризации становятся все более заметными, что "общая тенденция всех проявлений сербохорватского стандарта — увеличение вариантов" /11, с. 221/.

Так, например, в югославской прессе неоднократно отмечалось, что вопреки официально провозглашенному принципу языковой терпимости в Хорватии все еще распространена практика "чистки" литературного языка от "сербизмов", изгнания "нехорватских" слов, "едва прикрытых выпадов так называемого лингвистического национализма" /подробнее см. 33, с. 153 и сл./.

Орфографический словарь ("Hrvatski pravopis"), созданный в конце 60-х годов во время эскалации национализма и тенденциозно объявивший нелитературными у хорватов слова восточного варианта, официально запрещен в Хорватии в 1971 г. Однако в 1972 г. он был переиздан эмигрантской редакцией "Новая Хорватия" в Лондоне и, попав в СФРЮ, определенной частью хорватских редакторов стал использоваться как руководство при подготовке текстов к печати /34/. С 1971 г. западный вариант сербохорватского литературного языка как "стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии" в соответствии с Конституцией СР Хорватии официально признан литературным языком. Он стал называться хорватским литературным языком (хрватски књижевни језик) /35/. В научной литературе высказываются предположения о создании особого (отличного от сербского) словаря хорватского языка /36/. Хорватские лингвисты приступили к нормированию западного варианта. Кафедре современного хорватского языка Загребского университета поручено составление правил правописания и орфографического словаря. Вопросы языковой политики в Хорватии неоднократно обсуждались на заседаниях специальной Комиссии по вопросам языка, созданной в качестве совещательного органа при Республиканском комитете просвещения и культуры. Однако при решении вопроса о том, как будет называться новый свод правил правописания ("Pravopis hrvatskog jezika" или "Pravopis hrvatskog ili srpskog jezika"), комиссия не смогла прийти к согласованному решению и на этом работа ее фактически прекратилась /37/.

При обсуждении языковых проблем на заседаниях комиссии ЦК Союза коммунистов Сербии по вопросам идеологической работы Союза коммунистов в области культуры неоднократно подчеркивалось, что сербские лингвисты должны исходить из того, что при решении языковых проблем в Сербии необходимо учитывать интересы носителей сербохорватского

языка и в других республиках, с тем, чтобы не создавать искусственных препятствий для развития вариантов сербохорватского литературного языка, не нарушать его общности. Наиболее адекватным признано двучленное название языка (српскохрватски језик, хрватскосрпски језик). Призывая к признанию и осуществлению на практике равных прав для вариантов литературного языка, к устранению искусственных препятствий на пути их естественного развития, сербские лингвисты осуждают практику тех редакторов, которые необоснованно вмешиваются в текст печатных произведений, исключают иновариантную лексику и тем самым обедняют язык /37, с. 43—51/. Тем не менее в течение 70-х годов в Сербии наметилась довольно четкая тенденция преимущественного использования (не только в средствах массовой информации, но и в школах) "экавщины", вытеснения из употребления "(и)екавщины" (хотя (и)екавцами являются многие сербы в западной Сербии, Санджаке, не говоря уже о переселенцах из других республик и носителях сербохорватского языка за пределами Сербии). В некоторых рубриках средств массовой информации (например, в спортивной) закрепилось употребление лексики, характерной только для восточного варианта /см., например, 38, 39/.

Основные направления деятельности лингвистов, писателей, журналистов, учителей и всех лиц и организаций, имеющих отношение к осуществлению языковой коммуникации в Боснии и Герцеговине, определяются решением исполнительного комитета ЦК Союза коммунистов Боснии и Герцеговины о современной языковой проблематике (1968 г.) и документом о принципах литературно-языковой политики в Социалистической республике Боснии и Герцеговине, специально разработанным всеми общественными и политическими организациями этой республики (1971). В соответствии с этими документами литературно-языковая политика в Боснии и Герцеговине основывается на следующих принципах:

а) принятие сербохорватского или хорватосербского литературного языка как одного языка со всеми его особенностями и вариантными различиями;

б) открытость по отношению к позитивным культурным и языковым влияниям из других республик и культурных центров всего ареала сербохорватского языка;

в) сохранение национальных литературно-языковых и культурных ценностей, являющихся общим богатством всех народов Боснии и Герцеговины, создающих мост между их культурами, т.е. забота о сбережении того, что нас связывает и объединяет;

г) полная свобода индивидуального выбора средств языкового выражения безотносительно к их вариантной маркированности в других областях" /40/.

Таким образом, на территории Боснии и Герцеговины исключается деление сербохорватского языка на варианты: лексические, грамматические и орфоэпические разновидности языка лишены вариантной соотнесенности и являются равноправными. При этом нейтрализация вариантных противопоставлений в данном случае рассматривается не как результат скрещивания или взаимной интерференции вариантов, а как специфическая особенность исторически сложившегося боснийско-герцеговинского стандарта, в котором действуют особые закономерности отбора и функционирования дублетов и полностью элиминируется их вариантная маркированность /41/. Принципиально важным является следующее положение: "Ограничение индивидуальной свободы выбора или злоупотребление этой свободой в смысле навязывания особенностей того или иного варианта или борьба за вариантное преобладание в Боснии и Герцеговине, осуществление двувариантной или двуязычной поляризации нарушает межнациональную гармонию в нашей среде, делает невозможным свободное развитие культур народов нашей республики, обедняет литературно-языковое выражение и поэтому будет получать решительный отпор со стороны всех прогрессивных сил Социалистической Республики Боснии и Герцеговины" /40, с. 182/.

В соответствии с этими принципами местные языковеды строят свою работу по выявлению и описанию особенностей сербохорватского языка, употребляющегося на территории Боснии и Герцеговины, по усовершенствованию правил орфографии и т.д. В новом издании школьного справочника по правописанию сохранены общие орфографические нормы, установленные Новисадским совещанием, лишь в ряде случаев отмечаются слова, более обычные для Боснии и Герцеговины (с оговоркой, что учитель не вправе требовать от ученика употребления именно этого, более обычного слова, но должен уважать право каждого ученика делать самостоятельный выбор из двух возможностей) /42/. Для названия сербохорватского литературного языка в Боснии и Герцеговине используется двучленный термин (српскохрватски језик, хрватскосрпски језик).

Представленная нами краткая характеристика языковой ситуации в СФРЮ свидетельствует о том, что характерная для современного этапа развития социалистической Югославии экономическая и политическая децентрализация, тенденция решать все вопросы хозяйственной и культурной жизни каждой республикой, исходя прежде всего из своих интересов и возможностей, получила своеобразное проявление и в языковой сфере. В настоящее время единой языковой политики в отношении сербохорватского литературного языка в Югославии нет, хотя периодически в печати и на различных форумах высказываются

призывы к согласованным действиям в этой области /43/. Правила правописания, созданные по решению Новисадского совещания и изданные в 1960 г., все еще оказывают определенное регулирующее воздействие /44/, но в целом, как отмечает В.П. Гудков, "совместные межнациональные мероприятия по нормированию литературного языка, инициированные Новисадским совещанием и его решениями, прекращены и заменены акциями в границах отдельных республик" /45/.

Общие положения югославской конституции о праве каждого народа пользоваться своим языком и самому решать вопрос о его названии применительно к сербохорватскому языку в разных республиках решаются не всегда одинаково (в Хорватии, например, "хорватским" названа "стандартная форма народного языка хорватов и сербов" и сербы при публичном общении обязаны пользоваться "хорватским" языком /см. 46/). По мнению М.Радовановича, ни лингвистический, ни национальный, ни государственный статус вариантов сербохорватского литературного языка "в полной мере не установлен" /11, с. 221/. Обсуждение принципов нормирования сербохорватского литературного языка, начатое в свое время глубоким и принципиально важным докладом М.Ивич /см. 47—51/, к согласованным практическим результатам не привело. У некоторых лингвистов появляется опасение, что такое положение может привести к дальнейшей дезинтеграции литературного языка: "Когда-то говорилось о двух языковых выражениях одного и того же языка. Потом пришли к выводу о существовании двух вариантов. Теперь все больше говорится о наличии двух особых стандартов. От двух стандартов до двух особых литературных языков совсем недалеко" /52/. При подготовке к изданию "Энциклопедии Югославии" возникло затруднение с выбором общего названия языка сербов, хорватов, черногорцев и мусульман — в первом томе проявилась тенденция закрепить названия, принятые в качестве общих в различных республиках, за отдельными разновидностями сербохорватского языка: "хрватски или српски", "хрватски" — язык в СР Хорватии; "спрскохрватски" — язык в СР Сербии; "српскохрватски односно хрватскосрпски (и) екавског изговора" — язык в Боснии и Герцеговине; "српскохрватски (и) екавског изговора" — язык СР Черногории /53/. При обсуждении в печати вопроса о названии сербохорватского языка в "Энциклопедии Югославии" в описаниях языка сербов, хорватов, черногорцев и мусульман эта тенденция в некоторых выступлениях получила и более четкие формулировки. Так, например, В. Никчевич в газете "Здесь" (Obje) в июне 1984 г. писал: "Р.Йовович правильно догадывается, утверждая, что я "вместо одного литературного сербохорватского языка" выступаю за четыре, т.е. за столько стандартных языков, сколько есть республик, в которых живут

преимущественно хорваты, мусульмане, черногорцы и сербы” /цит. по 54/. Характерно, что за рубежом эти идеи иногда получали и практическую реализацию: по сообщению югославской печати в одном из университетов Австралии (Сидней) планировалось открыть две особые кафедры — хорватского и сербско-го языков /55/.

Отсутствие единого понимания статуса вариантов сербохорватского литературного языка, несовпадение языковой политики, проводимой в различных республиках СФРЮ, в которых родным языком населения является сербохорватский язык, разные представления о норме сербохорватского литературного языка (одна или несколько норм) получают отражение и в языковой практике средств массовой информации. Обследование языка союзных газет и журналов, проведенное в конце 70-х годов, показало, что в большинстве этих органов, издаваемых в Белграде и Загребе, положение о языковом равноправии понимается прежде всего как равноправие вариантов. В соответствии с этим основное внимание обращается на выявление и закрепление в публикуемых материалах языковых (прежде всего лексических) особенностей западного и восточного вариантов как замкнутых систем, понимаемых нередко как особые стандартные языки. Принцип равноправия вариантной лексики и двух норм литературного произношения на практике в большинстве случаев не соблюдался: при печатании идентичных газет производилась их адаптация, замена инвариантной лексики, допускалась практика “перевода” с одного варианта на другой текстов, поступивших из других республик /32, с. 87—88/.

Следует отметить, однако, что в последнее время предпринимаются определенные усилия к тому, чтобы воспрепятствовать языковой дезинтеграции, способствовать подлинному равноправию, беспрепятственному использованию различных средств языкового выражения в средствах массовой информации. К числу наиболее крупных инициатив в Сербии следует отнести заседание “круглого стола”, проведенное 17 января 1983 г. в редакции газеты “Политика”. На этом заседании, в работе которого приняли участие крупнейшие сербские лингвисты, литературоведы, а также представители газеты, была обсуждена языковая политика газеты “Политика” и ее изданий и некоторые актуальные вопросы сербохорватского языка. В результате был выработан своеобразный “языковой кодекс”, определяющий языковую ориентацию “Политики” и ее изданий. В соответствии с рекомендациями этого документа все авторские тексты, т.е. тексты за подписями авторов, поступившие в редакцию, должны публиковаться без изменений; при публикации целых речей или частей официальных выступлений там, где это возможно, должна сохраняться форма оригинала; в оригинале цитируются и документы на сербохорватском языке, если

журналист ими располагает. Рекомендуется равноправное употребление вариантной лексики за исключением тех случаев, когда вариантно закрепленному слову в другом варианте соответствует слово, имеющее такое же фонетическое оформление, но характеризующееся иным значением (например, "западное" слово *slovenski* в восточном варианте имеет значение не 'словенский', а 'славянский'). Это ограничение формулируется следующим образом: "Когда речь идет о лексике, свойственной тому или иному варианту, ограничение могло бы относиться только к тем словам, употребление которых нарушило бы элементарную коммуникацию на всей территории сербохорватского языка". В области синтаксиса и стилистики для "Политики" приемлемо все, что является "правильным" для сербохорватского языка в целом, независимо от его вариантов, в том числе и то, что в восточном варианте "по каким-либо причинам в настоящее время менее представлено — большая употребительность инфинитива, краткой формы прилагательных, соответствующих сербохорватских слов вместо иностранных, славянского генетива и падежных форм числительных". Особое внимание в документе посвящено (и)екавскому литературному произношению и его письменной реализации. Подчеркивается, что (и)екавская разновидность языка была необоснованно устранена из большинства разделов "Политики", объявляется неприемлемой практика, в соответствии с которой экавское правописание закреплялось за восточным вариантом, а (и)екавское — за западным. (И)екавское правописание в будущем в "Политике" займет место, соответствующее роли (и)екавщины в сербской культуре, в истории сербохорватского литературного языка и в его современном развитии. Объявляется, в частности, нормальной практика, когда корреспонденты из Хорватии, Черногории, Боснии и Герцеговины пользуются не только восточным вариантом, но и какой-либо нейтральной формой языкового выражения и (и)екавским правописанием /56/. Публикация документа о языковой ориентации "Политики" была оценена как событие, знаменующее значительные изменения в отношении к языку и языковой культуре, в понимании языковой общности носителей сербохорватского языка и языковых различий, характерных для отдельных социокультурных областей. Особенно подчеркивается новое отношение к (и)екавской норме произношения и правописания, дальнейшая разработка и аргументация принципа языковой терпимости, санкционирование равноправного употребления вариантной лексики и "нейтральных языковых выражений". Этот акт оценивается как сближение с языковой практикой в Боснии и Герцеговине, где вариантные различия нейтрализуются при сохранении некоторых локальных особенностей /57/. В связи с этим уместно напомнить, что и в Хорватии в выступлениях некоторых об-

ественных деятелей, социологов и представителей средств массовой информации неоднократно отмечалось, что для тех, кто нетерпимо относится к инвариантной лексике, хорошим примером может служить языковая политика и ее практические результаты в Боснии и Герцеговине /см. 58—59/.

В 1985 г. вопросы языковой политики интенсивно обсуждались и в СР Хорватии. В хорватском издании органа Союза коммунистов "Коммунист" (Komunist, 1985, 5.srpnja) была опубликована статья Ф.Буторца "Национализм и язык", в которой указывалось на усиление так называемого лингвистического национализма в Хорватии и, в частности, на проникновение национализма в школьные учебники. Статья вызвала обсуждение языковых вопросов и в печати, и в различных общественно-политических организациях. В декабре 1985 г. было принято специальное постановление Президиума ЦК Союза коммунистов по актуальным вопросам языковой политики. В постановлении вновь подчеркивается, что равноправие и толерантность в употреблении хорватского или сербского языка, свободное развитие языка является непреходящим завоеванием общей истории, совместной народно-освободительной борьбы и жизни хорватского и сербского народов в Хорватии и условием дальнейшего развития социалистической революции и укрепления власти рабочего класса в Югославии. "Неслучайно поэтому, — отмечается в постановлении ЦК СК Хорватии, — основная стратегическая линия национализма, особенно хорватского, постоянно выражается прежде всего в попытках опровергнуть научные факты, свидетельствующие о том, что хорваты, сербы, черногорцы и мусульмане говорят на одном языке, который в различных общественных и национальных средах имеет свою специфику, развивается и реализуется в вариантных стандартизованных формах" /60/. "Начиная с так называемой "Декларации о названии и положении хорватского литературного языка", за которой последовало "Предложение для размышления" в 1967 г., во время националистической эйфории 1971 г. и до сих пор эти попытки проявлялись с различной интенсивностью и в различных формах, но неизменно как негативная тенденция в определении и практическом осуществлении языковой политики. Националистическая деятельность находит свое проявление и в стремлении устранить из языка закрепившиеся в употреблении научные и специальные термины, лексику, принятую в нашей общественной жизни и законодательстве, а также некоторые общеупотребительные слова. Националисты распространяют сомнение в возможности дальнейшего развития литературного языка, стремятся навязать нам, как навсегда данный, язык прошлых общественных формаций (например, язык феодально-буржуазного законодательства Австро-Венгрии) или же прибегают к насилию над языком даже по об-

разцу языковой практики времен так называемого Независимого Хорватского государства и фашистской оккупации" /34/. Решительно осуждая все проявления "злоупотребления и манипуляции языком, его архаизации, направленные на то, чтобы специально создавать и увеличивать различия в языке в СР Хорватии по отношению к тому же языку в других республиках и автономных краях и разжигать национальную нетерпимость" /60/, Президиум ЦК СК Хорватии подчеркивает, что непосредственную ответственность за создавшееся положение несут прежде всего руководящие кадры специалистов, а также соответствующие административные органы и общественно-политические организации. Постановление ЦК Союза коммунистов Хорватии, таким образом, еще раз подтверждает принципы языковой политики, выработанные в 60-е годы. Однако появление Постановления знаменует новый этап в ее осуществлении: Президиум не просто декларирует основные принципы языковой политики, но и требует решительного и последовательного проведения ее в жизнь от всех членов, организаций и руководителей Союза коммунистов, чтобы "как можно полнее обеспечить и развивать равноправие, толерантность и сближение народов и народностей СФРЮ", создать максимальные условия для "естественного развития языка и его постоянного обогащения", учитывая особенности языкового наследия хорватов и сербов в Хорватии и "также решительно выступая против всех попыток и тенденций унификации языка и навязывания унитаризма" /60/. В качестве ближайшей ставится задача создать свод правил правописания и продолжить издание словаря сербохорватского языка. После почти десятилетнего перерыва возобновляет работу Комиссия по вопросам языка при Республиканском комитете просвещения и культуры.

Постановление ЦК Союза коммунистов Хорватии было поддержано Общественно-политическим вече Сабора СР Хорватии /61/. В начале 1986 г. в Загребе состоялось совещание представителей Президиумов Центральных комитетов Союза коммунистов Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Сербии и автономных краев Косово и Воеводина, в котором приняли участие также специалисты и руководители научных учреждений и органов просвещения, имеющих отношение к проведению языковой политики. На совещании "единодушно подчеркнута необходимость регулярного сотрудничества ответственных политических органов, научных учреждений и специалистов в организации и проведении совместных действий с целью осуществления общественной языковой политики на всей территории хорватского или сербского (сербохорватского) языка" /62/.

В свете изложенной выше характеристики языковой ситуации и основных направлений языковой политики в югослав-

ских республиках, населенных преимущественно сербами, хорватами, черногорцами и мусульманами, и новых инициатив, предпринимаемых с целью укрепления языковой общности, культурных взаимосвязей и взаимодействия носителей сербохорватского языка, представляется целесообразным проанализировать особенности функционирования вариантной (или считающейся вариантной) лексики в сербских и хорватских газетах (газеты Боснии и Герцеговины исключены из рассмотрения, т.к. для них вариантные оппозиции нерелевантны). Такое исследование дает возможность в определенной степени судить о взаимоотношениях вариантов, об объективных тенденциях их развития, т.к. в настоящее время в Югославии, как и в других странах, по мере дальнейшего развития цивилизации и научно-технического прогресса массовая коммуникация, в том числе и периодическая печать, становится своеобразным "законодателем" нормы литературного языка, важнейшим средством пропаганды и распространения культуры речи и литературной нормы языка /см. 47, с. 4; 63, 64/.

Особенностью нашего исследования является то, что функционирование лексики, которая обычно считается вариантно-маркированной, будет анализироваться не в рамках той или иной газеты в целом, а лишь в пределах одной статьи или заметки. Такое исследование дает возможность более определенно решить вопрос о том, какие элементы сербохорватского языка и в какой степени вариантно поляризованы не только в сербохорватском языке в целом, но и в языковом сознании его отдельных носителей, какую роль играет так называемая вариантная лексика в ткани одного (в данном случае небольшого) текста. Для анализа были использованы статьи, заметки, информации из газет "Борба" и "Политика", издающихся в Белграде, газеты "Vjesnik" и приложения к ней "Sedam dana", издающихся в Загребе, за последние пять лет.

Наблюдения над этими материалами показывают, что так называемую вариантную лексику с точки зрения ее употребительности в пределах одного текста можно разделить на несколько групп.

I. Первую группу составляют слова, которые встречаются только в белградских или только в загребских статьях. Параллельное (одновременное) употребление такой лексики в пределах одной статьи или заметки нами не отмечено (кроме случаев использования ее в цитатах, при передаче названий и т.п.). В эту группу входят прежде всего фонетические дублеты — слова, имеющие одинаковое значение, но получившие различное фонетическое оформление в результате того, что носителями западного и восточного вариантов они были заимствованы в разное время и из различных источников (через разных посредников) или введены в литературный язык из разных диалектов

сербохорватского языка: *варварин* — *барбарин*, *хемија* — *кемија*, *океан* — *оцеан*, *философ* — *филозоф*, *кафа* — *кава*, *финансије* — *финанције*, *бијурократија* — *бијурокрација*, *Вавилон* — *Бабилон*, *свештеник* — *свећеник*, *плата* — *плаћа*, *дуван* — *духан*, *снаја* — *снаха*, *тачно* — *точно*, *берза* — *бурза*, *кромпир* — *крумпир*, *словенски* — *славенски* и т.п. В эту же группу входит и значительная часть морфологических и словообразовательных дублетов — слов, получивших в восточном и западном вариантах разное морфологическое оформление и словообразовательные аффиксы, например: *Румунија* — *Румунска*, *Шпанија* — *Шпаньолска*, *стадијум* — *стадиј*, *студенткиња* — *студентица*, *судија* — *судац*, *сарадња* — *сурадња*, *предузети* — *подузети*, *елиминисати* — *елиминирати*, *протестовати* — *протестирати*, *комуниста* — *комунист* и т.п. Как уже было сказано, параллельное употребление фонетических, морфологических и словообразовательных дублетов в пределах одного текста в обследованном языковом материале нами не встречено. В большинстве случаев оно и невозможно. Не случайно самые последовательные сторонники эластичной нормы, выступающие за сближение и взаимодействие вариантов и использование в языке различных вариантных комбинаций, полагают, что каждый текст должен быть не только эквавским или (и)екавским (эта особенность не является свидетельством вариантной принадлежности), но и подчиняться определенным ограничениям в употреблении фонетических, морфологических и словообразовательных дублетов: если в тексте употреблена, например, форма *ко*, то не может быть в дальнейшем употреблено *тко* и т.п. /65/. Иновариантные фонетические, морфологические и словообразовательные дублеты в одном тексте допускаются лишь при цитировании, передаче чужой речи или официальных названий каких-либо организаций, учреждений, книг, кино и т.д.:

Ističući da je u prošlom ratu za pobjedu nad fašizmom dalo svoje živote i 350 *svećenika*, predsjednik Saveza udruženog pravoslavnog *sveštenstva* Jugoslavije Krstan Bijelac rekao je da je u poslanici podržana narodnooslobodilačka borba, a narod i *svećenstvo* pozvani da stupe u partizanske redove (Vjesnik, 1982, 16. studenoga, s. 5)

Параллельное использование фонетических дублетов допускается и в том случае, когда они (в авторском употреблении) приобретают разное значение. Так, например, в приводимом ниже примере автор, говоря о православных священниках, называет их *свештеници*, а католических священников — *свећеници*:

U ovoj zemlji su *sveštenici* i *svećenici* nosili na istoj kapi i krst i zvijezdu, zvijezda nije smetala ahmediji. Puteve po ovoj zemlji gradili su, zajedno sa svojim vjernicima (i nosioci akcija bili) i — *sveštenici* i *svećenici* (Vjesnik, 1982, 20. prosinca, s. 3).

Следует отметить, что закрепленностью за белградскими и

загребскими текстами характеризуются не только фонетико-морфологические и словообразовательные дублеты, но и некоторые слова, образованные от разных корней, как исконно сербохорватские, так и заимствованные или образованные искусственно: *улов* — *увјет*, *безусловно* — *безувјетно*, *фабрика* — *творница*, *фирма* — *твртка*, *фудбал* — *ногOMET*, *иностранство* — *иноземство*, *курс* — *течај*, *процент* — *постотак*, *сазнање* — *спознаја*, *седмица* (недеља) — *тједан*, *универзитет* — *свеучилиште*, *позориште* — *казалиште* и другие. Каждое из этих слов традиционно считается принадлежностью того или иного варианта, хотя эта закрепленность не абсолютна: эти слова известны и носителям другого варианта, составляя пассивный фонд их словарного запаса⁴. В одной и той же статье эти слова также могут употребляться параллельно лишь при цитировании, передаче названий организаций, учреждений, книг, кино и т.д. Например:

Позориште — *казалиште*.

Crnogorsko Narodno pozorište u Titogradu, koje ove godine slavi tridesetu godišnjicu rada, priprema za ovu sezonu šest premijera. Središnji događaj je, svakako, ponovno izvođenje poznatog djela Petra Petrovića Njegoša "Gorski vjenac", koji je već dvaput (1961. i 1971. godine) odigran na sceni ovog kazališta (Vjesnik, 1983, 7. veljače, s. 10).

Prvu premijeru u 55. po redu kazališnoj sezoni, banjolučko Narodno pozorište Bosanske krajine izvesti će mjesec dana prije nego prijašnjih sezona (Vjesnik, 1984, 25. kolovoza, s. 11).

И в белградских, и в загребских текстах параллельно с этими вариантно поляризованными словами часто используется нейтральный термин — *театар*.

Шта учинити у ситуацији кад *позоришта* одбијају да прихвате утврђену стопу повећања средстава за ову годину. (...) Ако је уочена тенденција да се публика враћа *театру*, ако постоје "хит-претставе", могу ли *позоришта* понешто и сама да зараде? (Политика, 1983, 31. маја, с. 11).

Žalosno je da tek kad nas zateknu neke ekscесne situacije u *teatrima*, tek tad se setimo da je *kazalište* od najposebnijeg društvenog interesa (Vjesnik, 1983, 6. veljače, s. 6).

Универзитет — *свеучилиште*

То сазнање је било пресудно за значајну пажњу југословенских економиста према најновијем делу др Слободана Комазеца, професора монетарних и јавних финансија на *сплитском Свеучилишту* (Политика, 1981, 2. августа, с. 8).

Он је поставио и питање да ли се прати и анализира сарадња *Univer-*

⁴ Как отмечает М. Сурдучка, таких слов, употребляющихся только в одном варианте сербохорватского языка, "очень мало. Точнее говоря, просто отсутствуют достоверные данные о их вариантной предопределенности и распространении как в разговорном, так и в письменном языке" /66/.

ziteta u Prištini s drugim sveučilištima u zemlji i Inozemstvu (Vjesnik, 1983, 3. ožujka, s. 5)

Za ovogodišnje zasjedanje Međunarodnog seminara "Univerzitet danas" svoje sudjelovanje prijavilo je više od 250 sudionika — rektora sveučilišta i drugih istaknutih kulturnih, znanstvenih i javnih radnika iz više od 50 zemalja Evrope, Azije, Afrike, Sjeverne i Južne Amerike (Vjesnik, 1984, 25. kolovoza, s. 11).

Фабрика — творница

Тако, на пример, наводи се пример творнице алатних стројева "Јелшинград" где у погону још нису неке компликоване машине којима се електронски управља. (...) Прорадила фабрика полиестера (Политика, 1981, 16. августа, с. 12).

Темелјци новим творницама.

У поводу Дана младости постављени су камен-темелјци и за два објекта у оквиру Фабрике шабних цијеви у Урошевцу (Vjesnik, 1982, 26. свибња, с. 5).

Фудбал — ногомет

Омладинска репрезентација Југославије — састављена од фудбалера до 16 година старости — наша најуспешнија селекција: у 15 утакмица само један пораз. (...) "Ма, свима је мило ако си добар ногометац, и ако још успеваш у школи" (Политика, 1983, 15. новембра, с. 13).

Ногометни клуб у којем Ведран Рожић намерава наставити своју спортску каријеру евидентно је усташко збориште (Из јучерашњег "Вјесниковог" недељног додатка "Седам дана" преносимо изводе из текста "Кроација је усташки клуб" ... о фудбалском клубу "Кроација" из Аустралије, коме је недавно приступио и капетан сплитског Хајдука Ведран Рожић) (Политика, 1984, 25. августа, с. 15).

Паралелноне употребе варијантног лексика могуће је и у тим случајевима, када једно од речи мало познато носитељима другог варијанта и неопходно је његово објашњење: мало познато иноваријантно реч као да се преводи употребом у заградама разумљивог читаоцу дублета:

У једној "песми" Њого чини алузију на Тита говорећи о "штакору" (пацову) са Дедиња (Политика, 1983, 24. фебруара, с. 9).

II. Другу групу састављају такве паре речи, једно од којих је зајачено за белградским или загребским варијантом, а друго функционира у обема варијантама, иако и са различитом учестотошћу. Ове речи, као правило, не су дублети. Већина од њих — полисемичне речи, садржеће само један општи лексико-семантички варијант, што дозвољава им паралелно функционисати у квалитету синонима у том или другом тексту. У зависности од тога, у којим текстовима неутрализују се варијантне опозиције, све ове речи распадају се на две подгрупе.

а) В белградских статьях и заметках употребляется одно слово, а в загребских — оба слова.

Адвокат — одвјетник. Оба слова имеют значение 'юрист, защищающий обвиняемого в суде, ведущий чье-либо дело в суде, дающий советы по правовым вопросам; защитник'. В белградских текстах употребляется *адвокат*, в загребских — *одвјетник* и *адвокат*.

24-orici se pridružio i *advokat*. Egipatska policija uhapsila je u noći na ponedjeljak Abdel Hahim Ramadana, jednog od *odvjetnika* optuženih za ubojstvo bivšeg egipatskog predsjednika Sadata (Vjesnik, 1982, 9. ožujka, s. 3).

Производные от этих слов в загребских изданиях также могут параллельно употребляться в одном тексте.

Odvjetničku praksu počeo je 1. kolovoza 1923. kao "perovođa" u tada poznatoj zagrebačkoj *advokatskoj* kancelariji dra Miloša Hajdića u Pici 28. (...) U Zagrebu je ostao do 14. listopada 1926, a zatim se preselio u Gospić i nastavio *odvjetničku* praksu kod tamošnjeg *advokata* dra Mile Miškulina (koji će sredinom 1933. napustiti *advokaturu* i privremeno prijeći u profesionalne političare). (...) On je svoje pravo iskoristio i nešto više od godinu dana kasnije, točnije 10. kolovoza 1927. otvorio *odvjetničku* kancelariju u tome ličkom gradu (Vjesnik, 1983, 13. veljače, s. 7).

Библиотека — књижница. Общими для этих слов являются значения: 'учреждение, осуществляющее собирание и хранение книг, журналов и рукописей; помещение, где хранятся, выдаются читателям и читаются книги; название серии книг одного типа или предназначенных определенной категории читателей'. В белградских изданиях употребляется *библиотека*, в загребских *библиотека* и *књижница* и производные от них.

Podatak o smanjenju javnih *biblioteka*, ma koliko dramatičan, pa i nenadoknadiv, kompenzira nekoliko tisuća individualnih *knjižnica*, pravljenih po ovom ili onom ključu (Sedam dana, N 262, s. 7).

Bibliotekare, naravno, prvenstveno zanima korištenje televizije u književnosti i korištenje televizije ... u suvremenom *bibliotekarstvu*, kažu u Gradskoj *knjižnici* u Zagrebu (Vjesnik, 1982, 10. travnja, s. 5).

Gradska *knjižnica* Zagreb već 18 godina za redom u čast Međunarodnog dana dječje knjige postavlja izlogu knjiga za djecu i omladinu. (...) Izložba ... bit će posvećena djetetu, književnosti i televiziji te ekranu u funkciji suvremene *biblioteke* (Vjesnik, 1982, 10. travnja, s. 5).

Географија — земљопис. Оба слова имеют значения: 'комплекс наук, изучающих поверхность Земли с ее природными условиями, распределение на ней населения, экономических ресурсов; название соответствующего учебника и школьной дисциплины'. В обследованном материале в загребских текстах отмечено параллельное употребление в одном тексте прилагательных *географски* и *земљописни*.

Odmah je pala odluka: radi zastrašivanja to mjesto treba zbrisati s *geografske* karte. (...) Ali selo heroj ipak nije izbrisano sa *zemljopisne* karte (Vjesnik, 1983, 10. lipnja, s. 8).

Композитор — складатељ. Оба слова имеют значение 'лицо, создающее музыкальные произведения'. В белградских текстах употребляется *композитор*, в загребских возможно параллельное использование *обоих* слов.

Композитор St. Šulek dobio ovo značajno priznanje za domaće muzičko stvaralastvo — za zbarsku kompoziciju "Bašćanska ploča". (...) *Skladatelj* St. Šulek dobitnik je nagrade "Josip Slavenski" za 1981 (Vjesnik, 1982, 12. travnja, s. 7).

Отмечено также параллельное употребление слов *композиција* и *складба* в значении 'музыкальное произведение'.

Zvukovno i doživljano među najosebujnijim Sulekovim djelima, "Bašćanska ploča" za mješoviti zbor *skladba* je nevelika trajanja, no nedvojbeno trajne umjetničke vrijednosti.

"Bašćanska ploča" za mješoviti zbor nastala je 1980, i prva je *kompozicija* ... posvećena a cappelle-zboru (Vjesnik, 1982, 7. travnja, s. 7).

Музика — глазба. Общие значения этих слов — 'искусство, отражающее действительность в звуковых художественных образах; произведение или совокупность произведений этого искусства; оркестр'. В загребских изданиях отмечено параллельное использование этих слов в одних и тех же текстах.

Da Zagrepčani ne vole svoju *glazbu*, postalo je više nego očito na zadnjem od koncerta Dana hrvatske *glazbe* ... (...) Snobizam, pomanjkanje osjeća za vlastitu *muziku*, neatraktivna reklama i animcija domaćeg programa, što li? (Vjesnik, 1981, 18. prosinca, s. 7).

Производные от этих слов также могут употребляться одновременно в одной статье или заметке.

Nakon prvog pretežno koncertantnog bijenalskog dana, dva slijedeća donijela su nekoliko projekata *glazbene* scene kojoj je ovaj 12. biennale uglavnom i namijenjen. S različitim uspjehom, valja odmah reći, budući da je *muzička* scena sa svim svojim multimedijalnim pratećim situacijama danas već prilično ofucana stvar (Vjesnik, 1983, 26. travnja, s. 2).

Наука — знаност. Общими значениями этих слов являются — 'система знаний, вскрывающая закономерности в развитии природы и общества и способы воздействия на окружающий мир; отдельная отрасль этих знаний'. В этих значениях данные слова в загребских изданиях могут использоваться параллельно в одной газетной статье или заметке.

Nepostojanje strategije razvoja *znanosti* ima za posljeicu među ostalim, paralelizam u znanstvenim istraživanjima i neracionalno korištenje ionako malih sredstava za razvoj *nauke* ... (Vjesnik, 1981, 16. prosinca, s. 6).

Производные от слов *наука* и *знаност* также могут одновременно употребляться в пределах одного текста.

Ocjene su sudionika u raspravi da se *naučni* potencijali u Hrvatskoj i Jugoslaviji nedovoljno koriste, da je *znanstven* rad individualiziran ... (Vjesnik, 1981, 16. prosinca, s. 6).

Ratari, industrijski radnici i stručnjaci iz *naučnih* institucija krenuli su u akciju. (...) Kombinat "Belje" poziva na suradnju sve *znanstvene* institucije koje mogu ponuditi rješenja koja će upotrebom biomase štedjeti naftu (Vjesnik, 1982, 16. studenoga, s. 5).

В обследованных нами текстах из загребских изданий отмечено также параллельное употребление в одной статье или заметке следующих слов: *правац* — *смјер* (Vjesnik, 1983, 6. veljače, s. 6), *секретарица* — *тајница* (Sedam dana, N 255, s. 20), *станица* — *колодвор* (Vjesnik, 1981, 10. prosinca, s. 4; 1983, 17. veljače, s. 6; 1985, 3. veljače, s. 3), *улисак* — *дојам* (Vjesnik, 1982, 14. veljače, s. 4; Sedam dana, N 255, s. 16), *хљада* — *тисућа* (Vjesnik, 1983, 24. veljače, s. 3), *штампати* — *тискати* (Vjesnik, 1973, 7. lipnja, s. 4) и производные от них (Vjesnik, 1983, 13. veljače, s. 7; 1983, 24. veljače, s. 7), *проба* — *покус* (Vjesnik, 1982, 12. prosinca, s. 1), *игра* — *плес* (Vjesnik, 1981, 16. prosinca, s. 8), *нација* — *народ* (Vjesnik, 1985, 17. veljače, s. 2), *породица* — *обитељ* (Vjesnik, 1983, 27. siječnja, s. 7), *сазнање* — *спознаја* (Vjesnik, 1982, 7. оžујка, s. 5), *затегнутост* — *напетост* (Vjesnik, 1983, 1. оžујка, s. 2), *екипа* — *момчад* (Vjesnik, 1982, 8. оžујка, s. 8), *васпитавати* — *одгајати* (Vjesnik, 1981, 18. prosinca, s. 6), *годишњица* — *обљетница* (Vjesnik, 1983, 24. veljače, s. 5), *карактеристика* — *значајка* (Vjesnik, 1983, 4. lipnja, s. 8) и др.

б) В загребских изданиях употребляется одно слово, в белградских — оба слова.

Гас — *плин*. Общим значением этих слов является — 'состояние вещества, в котором его частицы не связаны силами молекулярного притяжения и движутся свободно'. В загребских текстах употребляется *плин*, в белградских — возможно параллельное использование слов *гас* и *плин*.

Јевтинији *гас* све чешће покреће моторе аутомобила и на нашим путевима уместо све скупљег бензина. (...) Утврђен су критеријуми за уградњу, коришћење и контролу тих уређаја па тако редовном прегледу подлежу резервоар за *плин*. ... сигурносни вентил и други делови (Политика, 1981, 3. августа, с. 10).

Заједно са коксним *плином* кога уз стару коксару од лане производи и пета коксана батерија, увођењем земног *гаса* у железару Зеница металурзи ће годишње супституисати 210.000 тона мазута. (...) Према ранијим ценама земног *гаса* то би се могло исплатити за око две године. (...) Мешањем земног *плина* и катрана биће искоришћени и нуспродукти производње кокса (Борба, 1983, 17. марта, с. 12).

Васиона — *свѐмир*. Общим значением этих слов является —

'мир, вселенная'. В белградских текстах функционируют оба слова с этим значением параллельно.

Друга књига истог писца шире се бави развојем ваздухопловства у свету, и то баш као што је и наслов гласи — од саме легенде о Икару, до последњих космичких летова, америчких и совјетских у *васиону*. (...) Тако је човек стигао на Месец а затим ево већ шаље своје направе и до граница Сунчевог система, па даље у *свемир* (Политика, 1981, 22. августа, с. 12).

Просечна густина *васионе* је веома мала — због огромних отворених пространстава између сазвежђа. Ако би свекупна материја била равномерно распоређена по читавом *свемиру*, њена просечна густина била би мања од 10 према сили од минус тридесет (Политика, 1981, 5. септембра, с. 4).

Земљотрес — *потрес*. Общее значение — 'подземные толчки и колебания земной коры'.

Бањалучки крај погођен разорним *земљотресом*. (...) Та анализа је показала да је епицентар *потреса* био између села Хрваћани и Друговићи ... (Политика, 1984, 14. августа, с. 1).

Лице — *особа*. Общим значением этих слов является — 'отдельный человек в обществе; индивидуум'.

У несрећи која се јуче догодила у мадридском метроу повређено је 104 *лица*, званично је саопштено. Двадесет *особа* је теже повређено, а једно лице у критичном стању (Борба, 1978, 6. маја, с. 4).

На друмовима Индије сваког дана седамдесет *лица* изгуби живот, а 1.100 *особа* бива лакше или теже повређено у саобраћајним несрећама (Политика, 1982, 29. децембра, с. 5).

В хорватских текстах параллельного употребления этих слов нами не встречено. Отмечено, однако, одновременное использование прилагательных *лични* и *особни*.

Osobna je stvar onoga što vjeruje da li će vjerovati, *lična* je stvar onoga što ne vjeruje da — ne vjeruje (Vjesnik, 1982, 20. prosinca, s. 3).

Привилегија — *повластица*. Эти слова имеют значение — 'исключительное или преимущественное право, предоставляемое кому-либо в отличие от других'. В белградских текстах встречаем употребление этих слов в одном тексте.

Илузорно је, наиме, мислити да средства јавног информисања а могу за себе тражити ту *привилегију* или *повластицу*, да ни пред чијом савешћу, па ни пред својом сопственом, не одговарају ... (Политика, 1982, 13. новембра, с. 6).

В загребских тестах слово *привилегија* не встречено. Вместо него используется дублет *привилегиј*.

Reforma predviđa znatno veća ovlaštenja direktora poduzeća, ali ponegdje se izmišljaju i posebne nagrade i povlastice за најбоље. (...) *Određeni su i dodatni privilegiji* ... (Vjesnik, 1985, 24. siječnja, s. 5).

Сопствен — властит. Оба слова имеют значение — 'принадлежащий кому-либо по праву собственности или относящийся к кому-либо, свойственный кому-либо'.

Ослонац на *сопствене* снаге.

Спровођење стабилизације, рекао је затим Звоне Драган, значи првенствено ослањање на *властите* снаге (Борба, 1983, 10. маја с. 3)

Темељна критика *сопствене* праксе.

Неопходна темељна критика *властите* праксе (Политика, 1984, 17. октобра, с. 1).

В обследованных нами белградских статьях и заметках отмечено также параллельное употребление с одним и тем же значением следующих слов: *зграда* — *здање* (Политика, 1981, 9. августа, с. 5; 1981, 14. августа, с. 7), *каса* — *благајна* (Политика, 1983, 31 маја, с. II; 1983, 7. јуна, с. 8), *кућа* — *дом* (Политика, 1983, 31 маја, с. 14), *кирија* — *станарина* (Борба, 1982, 23. септембра, с. 3; Политика, 1983, 7. јуна, с. 8), *моменат* — *трениутак* (Политика, 1981, 6. августа, с. 4), *нерв* — *живац* (Политика, 1983, 15. новембра, с. 14), *околност* — *прилика* (Политика, 1983, 22. новембра, с. II), *орган* — *гласило* (Политика, 1981, 5. септембра, с. I; 1983, 2. јуна, с. 6), *пијаца* — *тржиште* (Политика, 1983, 14. јуна, с. 7; 1984, 20 маја, с. 5; 1984, 25. августа, с. 3), *сума* — *свота* (Политика, 1983, 14. јуна, с. 29. фебруара, с. 4), *талас* — *вал* (Политика, 1983, 19. јуна, с. 2), *хартија* — *папир* (Борба, 1983, 27. јануара, с. 2; Политика, 1983, 2. јуна, с. 8; 1984, 25. августа, с. 16), *фактор* — *чинилац* (Политика, 1981, 3. августа, с. 2; 1981, 14. августа, с. 3), *цифра* — *бројка* (Политика, 1981, 18. августа, с. 5; 1981, 22. августа, с. 15; 1984, 16. марта, с. 4; 1984, 25. августа, с. 16), *час* — *сат* (Политика, 1983, 15. новембра, с. 9; 1984, 26. августа, с. II), *хлеб* — *крух* (Политика, 1981, I. августа, с. 20), *џак* — *врећа* (Политика, 1981, 16. августа, с. 8) и др.

III. Третья группа включает слова, которые с различной частностью могут использоваться в одном и том же значении одновременно как в белградских, так и в загребских статьях и заметках.

Век — стољеће. Общее значение этих слов — 'промежуток времени в сто лет'.

Директни су потомци старих Египћана који су хришћанство примили у трећем веку и упорно чували своју веру пред најездама Персијанаца, Грка, Римљана и Византије. Прогоњени *столећима*, па и физички уништавани, одржали су се и кад је, ношен незадрживом струјом, у ове крајеве надирао ислам (Политика, 1981, 20 августа, с. 3).

Stoljećima је pjesma bila utjeha i nadahnuće, zakon i poticaj, pribježište u tuzi i nevolji, odušak u veselju i zadovoljstvu. (. . .) U olujama minulih vijekova, u nasrtajima tudinaca na kraj između

Mure i Drave, taj "cvijetnjak Hrvatske", kako je davno Međumurje nazvao Jos. Beoleković, pjesma je bila moćno oružje . . . (Vjesnik, 1982, 10. siječnja, s. 11).

Партија — странка. Общим значением этих слов является — 'политическая организация с определенной программой экономических и общественных отношений'. В этом значении оба слова параллельно употребляются как в белградских, так и в хорватских текстах.

Жене Исланда су напречац освојиле Парламент. Њихова недавно основана *странка* — "Женска партија" — која се сада први пут упутила у изборну трку, добила је 5,5 одсто гласова, односно 3 места у Алтигенту (Парламенту). (...) Пораз су претрпеле и две *партије* на левици, поготово исландска Социјал-демократска *партија*. Ова *странка*, од које се недавно одвојила Социјал-демократска алијанса, сада има само 6 мандата у Парламенту — 4 мање него раније (политика, 1983, 27. априла, с 3).

Испитивање Срахија била је својеврсна *predstava*, јер се потврдило да ће секретару Социјалистичке *partije* бити тешко објаснити неке контрадикције које су се оčitовале тih година у понашању те *stranke* (Vjesnik, 1983, 1. оџујка, с. 12).

Следует отметить, что применительно к Коммунистической партии и в белградских, и в загребских текстах используется слово *партија*.

Премијера — праизведба. Оба слова имеют значение — 'первое представление театральной пьесы, балета, кинофильма и т.п.'

Пошто је Фасбиндер тестаментарно одредио, да се драма "Ђубре, град и смрт" као *праизведба* мора извести у Франкфурту, позоришта у Франкфурту су до сада три пута покушала да поставе комад и сва три пута повукла идеју због протеста јеврејске заједнице у свом граду. (...) Све је већ било испланирано и *премијера* заказана на 31. августа, али је градоначелник Франкфурга Валман забранио извођење. (...) На *праизведби* у Израелу лик Ганса играо је један арапски глумац (Политика, 1984, I. децембра, с. 10).

Prvu *premieru* u 55. по redu kazališnoj sezoni, banjolučko Narodno pozorište Bosanske krajine izvest će mjesec dana prije nego prijašnjih sezona. (. . .), Do kraja, na rasporedu još dvije *prai-zvedbe* (Vjesnik, 1984, 25. kolovoza, s. 11).

Фалсификовати — кривотворити. Общее значение — 'подделывать что-либо'.

Time bi zagonetka o potpisu bila riješena. Međutim, ovo tumačenje otvara novo pitanje: što je moglo navesti С. К-а, pukovnika vojnički dresiranog i discipliniranog cijelog života koji je mirovnim ipak ovisan o ministarstvu vojske, da po želi 15-godišnjeg dječaka, lošeg đaka-ponavljača, *krivotvori* potpis njegova oca na molbi uglednoj vojnoj ustanovi kao što je kadetska škola. To nije

samo vojni disciplinski prekršaj već i delikt *falsifikata* kažnjiv prema kaznenom zakoniku (Sedam dana, № 240, s. 12).

Једни категорички оспоравају аутентичност и говоре о "перфектном *фалсификату*", други проучавају и не утврде да је евентуално *кривотворен*, док трећи сматрају да је доиста "Фиреров" рукопис и позивају се на графолошке и лабораторијске доказе. (...) За мене та збирка није веродостојна јер се у њој налазе многи *фалсификовани* документи (Политика, 1983, 27. априла, с. 5).

В обследованном нами материале отмечено также параллельное употребление следующих слов с одним и тем же значением в пределах одной статьи или-заметки в белградских и загребских изданиях: *безбедност* — *сигурност* (Политика, 1981, 20. августа, с. 3; 1983, 14. јуна, с. 4; Vjesnik, 1983, 1. оžјјка, с. 2), *машина* — *строј* (Политика, 1981, 16. августа, с. 12; Vjesnik, 1983, 23. travnja, с. 13), *пензија* — *мировина* (Политика, 1981, 7. августа, с. 13; 1981, 9. августа, с. 19; 1984, 15. новембра, с. 7; Vjesnik, 1981, 11. prosinca, с. 2; 1984, 28. prosinca, с. 3; 1984, 11. studenoga, с. 11; 1985, 3. оžјјка, с. 3), *отаџбина* — *домовина* (Политика, 1981, 9. августа, с. 10; 1984, II. децембра, с II; Vjesnik, 1983, 24. veljače, с. 1), *свирен* — *окрутан* (Политика, 1981, 7. августа, с. 13; Vjesnik, 1981, 18. prosinca, с. 6); *сцена* — *позорница* (Политика, 1984, 10. августа, с. 10; Vjesnik, 1983, 24. veljače, с. 7); *после* — *након* (Политика, 1978, 23. септембра, с. 6; 1984, 25 септембра, с. I; Vjesnik, 1983, 16. veljače, с. 2; 1983, 20. veljače, с. 2; 1983, 15. lipnja, с. 1); *саобраћај* — *промет* (Политика, 1984, 3 августа, с. 6; 1981, с. 14. августа, с. 5, 1984, 12. августа, с. 2; Vjesnik, 1983, 25. оžјјка, с. 6; 1983, 24. svibnja, с. 5; 1983, 27. siječnja, с. 3), *сумња* — *двојба* (Политика, 1984, 25. августа, с. 4; Sedam dana, N 240, с. 11; Vjesnik, 1983, 15. оžјјка, с. 7; 1985, 11. veljače, с. 5) и некоторые другие.

Проведенное нами обследование текстов белградских и загребских газет за последнее пятилетие дает основание сделать, по крайней мере, следующие выводы.

1) Несмотря на то, что языковая политика в Сербии и Хорватии в настоящее время не во всем совпадает, взаимодействие восточного и западного вариантов сербохорватского языка, взаимопроникновение их лексических элементов и тем самым их сближение и взаимообогащение продолжается и в наши дни. Материалы белградских и загребских газет свидетельствуют о том, что за пределы своего варианта выходят все новые лексические единицы, совсем недавно считавшиеся исключительной принадлежностью только одного варианта (например, *двојба*, *мировина*, *након*, *плин*, *строј*, *стољеће* и др., которые, как утверждали П. Губерина и К. Крстич, свойственны только "хорватскому литературному языку" /23, с. 61-69/).

Интенсивность взаимопроникновения непостоянна. Она меняется в зависимости от соотношения центробежных и центростремительных тенденций в развитии вариантов и в значительной степени обуславливается воздействием различных объективных и субъективных экстралингвистических факторов. Распределение лексики по вариантам представляет сложную и постоянно меняющуюся картину.

2. Материалы белградских и загребских газет подтверждают положение о том, что вариантная лексика сербохорватского языка неоднородна по степени вариантной поляризованности и функциональной закреплённости. В зависимости от степени вариантной поляризации в нейтральных значениях (т.е. без учета архаизмов, поэтизмов, употреблений с эмоциональной окраской и т.п.) различаются три группы слов.

а) Слова с довольно четко выраженной вариантной закреплённостью (высокая степень поляризации). Основу этой группы составляют фонетические, морфологические, словообразовательные (в меньшей степени) дублеты, заимствования (и соответствующие им исконные слова), терминология.

б) Слова с односторонним ослаблением вариантной поляризации, т.е. такие вариантные лексические пары, у которых вариантные оппозиции сохраняются в пределах лишь одного варианта и нейтрализуются в пределах другого. В этом варианте оба слова функционируют (с разной частотностью) как синонимы, в то время как в первом варианте употребляется только один член вариантной пары.

в) Слова с двусторонним ослаблением вариантной поляризации, т.е. такие вариантные лексические пары, у которых вариантные оппозиции нейтрализуются в обоих вариантах. Такие слова постепенно входят в единую, общую для обоих вариантов более усложнённую лексическую систему /67/ и функционируют в качестве синонимов (с разной частотностью) во всем сербохорватском языке. Включаясь в систему общего литературного сербохорватского языка, эти слова могут пополнять число абсолютных синонимов, вытеснять друг друга, менять значения и т.п. /68/.

3. В нашей статье было рассмотрено функционирование сравнительно небольшого числа вариантных лексических пар, что обусловлено прежде всего принятым нами ограничением исследованного материала (примеры excerпировались выборочно, только из трех газет за последние пять лет) и принятой методикой исследования (нас интересовали лишь случаи одновременного использования вариантной лексики в пределах одной газетной статьи или заметки). Количество примеров вариантной лексики с односторонним и двусторонним ослаблением вариантной поляризации было бы значительно большим, если бы учитывались и случаи одиночного (не параллельного)

употребления иновариантных слов в белградских и загребских газетах (не говоря уже о привлечении материала из газет Боснии и Герцеговины). Взаимодействие, взаимопроникновение и взаимообогащение вариантов, нейтрализация вариантных оппозиций обуславливают постоянное увеличение синонимичных рядов. Некоторые исследователи не без основания считают, что сербохорватский литературный язык по сравнению с другими славянскими языками располагает наибольшим числом синонимов/69/.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фрейдзон В.И.* К истории боснийско-мусульманского этноса// Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981. С. 329-323.

2. *Гудков В.П.* Сербохорватский язык// Славянские языки. М., 1977. С. 259.

3. *Дмитриев П.А.* К вопросу о названии литературного языка сербов, хорватов и черногорцев// Вестн. ЛГУ. 1958. № 14. С. 174-177.

4. *Дмитриев П.А.* Типы сложных прилагательных, образуемых сочинительным способом в русском языке// Вопросы теории и истории языка: Сборник статей, посвященных памяти проф. Б.А. Ларина. Л., 1969. С. 311-316.

5. *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод// ВЯ. 1967. № 1. С. 17.

6. *Домашнев А.И.* Основные характеристики понятия "национальный вариант литературного языка"// Типология сходства и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976. С. 18.

7. *Степанов Г.В.* Объективные и субъективные критерии определения понятия "вариант языка"// Там же. С. 12.

8. *Гаќ Г.П.* Проблема соотношения между родственными языками в функциональном аспекте// Там же. С. 33.

9. *Vuković J.* Naš književni jezik danas. Sarajevo, 1972. S. 23.

10. *Katičić R.* Nešto napomena o postanku složenoga suvremenog jezičnog standarda hrvatskoga ili srpskoga // Zbornik Zagrebačke slavističke škole. God. II. Knj. 2. Zagreb, 1974. S. 248.

11. *Радванович М.* Проблемы изучения славянских литературных языков в славянских странах: сербохорватский язык// Формирование славянских литературных языков: Теоретические проблемы. М., 1983. С. 221.

12. *Naylor K.* The Eastern Variant of Serbo-Croatian as the Lingua Communiis of Jugoslavia// Folia Slavica. Columbus (Ohio). 1978. No 3. P. 456-468.

13. *Radovanović M.* Naše glavne jezične teme// Naše teme. 1982. No 5. S. 815.
14. *Anić V.* Naš jezik u industriji teksta// Ibid. S. 840.
15. *Бошковић Р.* О лексичкој и стилској диференцијацији српскога и хрватскога књижевног језика// Наш језик. Год III. Св. 9-10. 1935. С. 277-282.
16. *Гудков В. П.* О различиях между двумя вариантами сербско-хорватского литературного языка// Сов. славяноведение. 1965. № 3. С. 52-59.
17. *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971. С. 183 и сл.
18. *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975. С. 95 и сл.
19. *Белић А.* Око нашег књижевног језика. Београд, 1951.
20. *Стевановић М.* Стварање јединства књижевног језика Срба и Хрвата и данашње стање тог јединства// Наш језик. Нова серија. Књ. XVIII. Св. I-2. 1970. С. I-79.
21. *Brozović D.* Rječnik jezika ili jezik rječnika. Zagreb, 1969. S. 63.
22. *Malić D.* Rječnik JAZU kao pokazatelj jedinstvenosti hrvatskosrpskog dijasistema i posebnosti varijanata standardnog jezika// Jezik. 1980-1981. No 4. S. 97-108.
23. *Guberina P., Krstić K.* Razlike između hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1940.
24. Правопис српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1960.
25. *Vuković J.* Problemi našeg književnog jezika danas u svjetlu nacionalnih i društvenih ideja// Pregled. 1966. No 7-8. S. 22.
26. *Finka b.* I jedinstvo jezika i književne varijante// Jezik. 1966-1967. No 3. S. 69-70.
27. *Babić St.* Htijenja i ostvarenja Novosadskog dogovora// Jezik. 1967-1968. No 1. S. 3-13.
28. *Pranjić K.* Zakonski prijedlog: četiri jezika// Jezik. 1968-1969. No 1. S. 4-6.
29. Предлог за размишљање// Борба. 1967. 3. април. С.5.
30. *Jonke Lj.* Razvoj hrvatskoga književnog jezika u 20. stoljeću// Jezik. 1968-1969. No 1. S. 19.
31. Novosadski dogovor odbačen: Izjava Matice hrvatske// Jezik. 1970-1971. No 5. S. 138.
32. *Гарић М.* Језик у јавним гласилима органа и организација Федерације// Језик у средствима информисања и издавачкој дјелатности у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1977. С. 78.
33. Очерки лексикографије језика писателя: Двужычныя словари. Л., 1981.
34. *Вучелић М.* Језик у Хрватској// Недељне информативне новине. Београд, 1985, 29. децембра, С. 32.

35. Jezične odredbe u Ustavu SFRJ i SRH//Jezik. 1973-1974. No 3-4. S. 67.
36. *Babić St.* Varijante u dvojezičnim rječnicima// Jezik. 1970-1971. No 2. S. 46-50.
37. Српскохрватски језик: Актуелна питања. Београд, 1979.
38. *Ивић М.* Не пренаглити ни у чему// Политика. 1983. 29. јануара. С. II.
39. *Брборић Б.* Уважавати и јединство и разлике// Там же. С. 12.
40. Књижевни језик и књижевно језичка политика у Босни и Херцеговини — документ друштвено-политичких организација// Језик у средствима информисања и издавачкој дјелатности у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1977. С. 181.
41. *Јанковић С.* Distinkivni pokazatelji standardnojezičke varijantnosti// *Naše teme*. 1982. No 5. S. 846.
42. Правописни приручник српскохрватског-хрватскосрпског језика. Сарајево, 1978. С. 6.
43. *Ѕкиљам Д.* Šta može naša lingvistika?// *Naše teme*. 1982. No 5. S. 807.
44. *Станојчић Ж.* За континуитет у књижевном језику и његовом усавршавању// Наш језик. Нова серија. 1982. № 4-5. С. 186.
45. *Гудков В.П.* [Рец. на кн.:] *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Из историје руско-југославјанских литературних и научних свјезај// Сов. славјановедение. 1976. № 3. С. 102.
46. *Ивић П.* Против ускогрудости// Политика, 1984, 25. јануара. С. 18.
47. *Ивић М.* Problem norme u književnom jeziku// Jezik. 1965-1966. No 1. S. 1-8.
48. *Јонке Лј.* Problem norme u hrvatskosrpskom jeziku// Ibid. S. 8-15.
49. *Нрасте М.* Problem norme u književnom jeziku// Ibid. S. 15-20.
50. *Катиčić Р.* Problem norme u književnom jeziku// Ibid. S. 20-23.
51. *Вабич С.* Vukov i naš današnji književni jezik// Ibid. S. 23.
52. *Јовић Д.* Опасно затварање у једну варијанту// Политика. 1983. 29. јануара. С. 11.
53. *Пешикан М.* Поводом неких спорних питања у "Енциклопедији Југославије"// Наш језик. Нова серија. 1982. № 4-5. С. 264-268.
54. *Кривокапић Б.* Лингвистичка енигма// Недељне информативне новости. 1984, 1. јула, С. 30.
55. *Даутовић С.* Против језичког сепаратизма// Политика, 1983. 22. јануара. С. 12.
56. Језичка оријентација "Политике"// Недељне информативне новине. 1983. 5. јуна. С. 30-31.

57. *Окука М.* Језичка оријентација "Политике"// Политика. 1983, 4. јуна. С. 13.
58. *Остојић Ст. И* "тисућа" и "хиљада"// Политика, 1975, 11. јануара. С. 15.
59. Заједнички су нам историја, језик, култура — уза све// Политика. 1981. 20. јануара. С. 12-13.
60. *Арсенић Р.* Против злоупотреба у језику// Политика. 1985. 4. децембра. С. 6.
61. *Томљановић И.* Очекивани потези// Борба, 1985, 18. децембра. С. 7.
62. Језик чинилац зближавања народа/// Политика, 1986. 5. фебруара. С. 6.
63. *Јовић Д.* Ми и наш језик// *Nase teme*. 1982, No 5. S. 825.
64. *Дешериев Ю.Д.* Методологические и теоретические вопросы функционирования языка в сфере массовой коммуникации// Язык в развитом социалистическом обществе. М., 1983. С. 7.
65. *Ивић П.* За еластичну норму// Политика. 1984. 29. јануара. С. 11.
66. *Сурдучки М.* Синоними у варијантама српскохрватског језика (једно мање — више термиолошко питање// Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1983. 12/1. С. 176.
67. *Толстой Н.И.* К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его стандартности// Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968. С. 124-134.
68. *Марковић Св.* Шта је заједничко а шта посебно у варијантама српскохрватског (хрватскосрпског) књижевног (стандардног) језика// Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, Књ. XIV/I. С. 142.
69. *Mønnesland S.* Synonymy and literary standard in serbo-croat// *Scando-Slavica*. 1971. XVIII. S. 220.
70. *Bugarski R.* Sociolingvistički pogled na srpskohrvatski jezik// *Naše teme*. 1982. No 5. S. 832.

Г.А. Л и л и ч

**Тенденции развития
сельскохозяйственной лексики
в современном чешском языке**

Социалистические преобразования в чехословацкой деревне, обусловившие мощный подъем современного сельского хозяй-

ства в стране, берут свое начало в 1948-1949 гг. После Февральской победы трудящихся над силами реакции коммунистическая партия Чехословакии решила аграрно-политические задачи народно-демократической революции, а в мае 1949 г. IX съездом КПЧ была принята конкретная программа социалистической перестройки чехословацкого сельского хозяйства на основе принципов ленинского кооперативного плана. Возникшие в тот период новые, социалистические формы организации сельскохозяйственного труда (единые сельскохозяйственные производственные кооперативы и государственные хозяйства) успешно преодолевали трудности развития, привлекая к себе все более широкие массы крестьянства и коренным образом изменяя жизнь чехословацкой деревни¹. За короткий период неполных сорока лет в социалистической Чехословакии было создано высокоразвитое сельское хозяйство, сельскохозяйственное производство более чем вдвое превзошло уровень 1948 г. /2, с. 7/.

Эти глубокие и существенные социально-экономические процессы не могли не отразиться на развитии соответствующей сферы лексики.

Предмет наших наблюдений — новые явления в области чешской сельскохозяйственной терминологии; источником материала послужили газетно-публицистические тексты, опубликованные в "Руде право"². Известно, что в наши дни резко возросла роль средств массовой коммуникации /3, 4/, которые способствуют, в частности, интенсивному проникновению терминологической лексики в общезыковую обиход. В то же время в этой сфере происходит и постоянный процесс детерминализации специальной лексики; обе тенденции в значительной степени определяют характер современного этапа развития литературных языков, в том числе, конечно, и чешского /5/³.

Обзор употребления интересующих нас терминов начнем с обозначений в чешском языке основных форм аграрных хо-

¹ Процесс становления единых сельскохозяйственных кооперативов анализируется, в частности, в исследовании Д.Копейтковой /1/, где немалое внимание уделено и вопросу формирования терминологии, связанной с социализацией чехословацкой деревни.

² Rudé právo, 1984 и 1985 гг. — В дальнейшем приводится (после иллюстрирующих цитат) только дата выхода соответствующего номера этой газеты.

³ При всей значимости материала газетно-публицистических текстов для создания объективного представления о функционировании в современном литературном языке лексики, относящейся к сельскому хозяйству, он, несомненно, лишь в ограниченной степени отражает особенности употребления данной лексики в живой разговорной речи, которая также в настоящее время заметно насыщается словами терминологического характера /6, с. 85 и сл./.

Интересные наблюдения такого рода были, в частности, сделаны на материале немецкого языка /7/.

зяйств: *jednotné zemědělské družstvo* 'единый сельскохозяйственный кооператив' (в русском языке закрепился переводной эквивалент 'единый сельскохозяйственный кооператив') и *státní statek* 'государственное хозяйство'. Первое из них, как и многие другие новые неоднословные частотные наименования, с самого начала подверглось универбизации; уже в 1949 г. возникла аббревиатура JZD (произносится: *jéžédé*), в русской переводческой традиции — ЕЗД и ЕС-ХК. Однако буквенное сокращение не давало возможности образовывать необходимые производные, поэтому уже существовавшие в чешском слова *družstevní* 'кооперативный' и *družstevník* 'член кооператива' стали употребляться и в суженном значении — применительно к единому сельскохозяйственному кооперативу и его членам⁴. В результате семантической конденсации возникло и однословное наименование самого единого сельскохозяйственного кооператива: *družstvo*.

В настоящее время обе формы, JZD и *družstvo* употребляются как синонимы, причем аббревиатура обычна при собственном имени-топониме. Например: *Jen v JZD Hranická při Hornádě je pod vodou kolem 1500 hektarů... Podobně v okolních družstvech okresu Košice (31.8.85)*. Топоним может сочетаться с другим приложением, названием кооператива; в этом случае в языке газеты также употребляется аббревиатура, а не существительное *družstvo*. Ср.: *...řešení zvýšených nároku na výrobu objemných krmiv v JZD Svornost Železný brod či v JZD Československého přátelství Žihobce (15.10.85)*.

Универбизации подверглось и терминологическое словосочетание *státní statek* (*statek* 'хозяйство'), ср.: *Družstva a statky si nemohou stěžovat na nedostatek potřebné techniky (9.8.85)*⁵.

Отнюдь не вышло из употребления и полное, трехсловное наименование *jednotné zemědělské družstvo*. Как и полное наименование *státní statek*, оно характерно преимущественно для официально-делового стиля, причем наблюдается соответствие (хоть и не непременно) обеих полных форм. Например: *Mnohá jednotná zemědělská družstva a státní statky stále ještě plně nevyužívají půdní fond (9.9.85)*.

Таким образом, все сложившиеся уже в первые годы кол-

⁴ Отменено и любопытное народное образование *Jezedovic* — несклоняемое притяжательное прилагательное, возникшее по аналогии с диалектными формами типа *Novákovíc*, где производящая основа — имя собственное. Ср. *jezedovic pole* 'поле, принадлежащее ЕЗД' /8/. Ср. также широко распространенное в разговорной речи *jezedák* 'член ЕЗД'.

⁵ Характерно, что в новом нормативном словаре чешского языка данное значение существительного *statek*, появившееся в результате семантической конденсации, приведено на первом месте в словарной статье /9, с. 516/, что отражает устойчивость рассматриваемого семантического сдвига и вызванную им перестройку смысловой структуры слова *statek*.

лективизации названия социалистических форм сельского хозяйства — *jednotné zemědělské družstvo, JZD, družstvo; státní statek, statek* — активно употребляются в наши дни, образуя два синонимических ряда.

Обращает на себя внимание тот факт, что обозначения сельскохозяйственных кооперативов и госхозов в форме множественного числа обычно вступают в относительно устойчивые сочетания друг с другом, например: *S podobnými předsevzetím přistupuje k plnění úkolu v rostlinné výrobě nemálo družstev a statků v ČSR (14.3.85); Agronomové družstev či statků nejednou nařikají, že nemají k dispozici dostatek potřebných látek (10.7.85).*

Распространение этих своеобразных устойчивых сочетаний, как нам кажется, является отражением процесса интенсивного сближения в ЧССР государственной и кооперативной форм собственности. Как отмечает В.В.Фролов, "ряд чехословацких экономистов даже считают, что в настоящее время различий между обеими формами собственности практически не существует" /2, с.164/.

Указанный реальный социально-экономический процесс находит языковое отражение и в активном употреблении терминологических словосочетаний, которые являются обобщенным наименованием кооператива и госхоза: *zemědělský podnik, zemědělský závod, socialistický velkovýrobní podnik* и некоторые другие.

Остановимся на истории этих наименований. Вероятно, в их основе лежит расширение применения термина *výroba* 'производство' на область сельскохозяйственного труда. Правда, в экономической литературе и ранее был известен термин *prvotní výroba* 'первичное производство', который относился к сфере получения продуктов земледелия, животноводства, лесной и горной промышленности; в общезыковом же употреблении слово *výroba* связывалось лишь с промышленным и ремесленным производством. Однако уже в 1949 г. чешские языковеды зарегистрировали выражение *zemědělská výroba* 'сельскохозяйственное производство', *rostlinná výroba* 'продукция растениеводства', *živocíšná výroba* 'продукция животноводства' (10, с.97 и сл.), связав их появление с механизацией крестьянского труда, сопровождающей процесс социализации деревни. Еще в 60-е годы ощущалась новизна и необычность сочетаний типа *vyrábět maso, vejce, obilovinu* 'производить мясо, яйца, зерно', *výroba jatečných prasat, jatečné drůbeže* 'производство свиней (на убой), птицы' (см. об этом: 10, с.104 и сл.). В настоящее время словосочетания с существительным *výroba* (*velkovýroba*) относятся к наиболее важным и частотным компонентам сельскохозяйственной терминологии; ср. хотя бы несколько примеров их употребления на страницах газеты "Руде право": *...technický pokrok a efektivnost zemědělské výroby (30.11.84);*

Rostlinná výroba je základem produkce potravin (14.6.85); K největším pozitivum této petiletky patří výrazný předstih rozvoje *rostlinné výroby před živočišnou*. (9.9.85); ...místy byly problémy i se zásobováním *živočišné výroby* krmivem (31.8.85); ...na pomoc silnějšího slabšímu se nesmí zapomínat ani při vyšší úrovni *zemědělské velkovýroby* (25.6.85). На этой базе возникли и соответствующие обобщенные наименования *zemědělský podnik* 'сельскохозяйственный завод /предприятие/'. Например: *Zvlášť* v posledních letech se podstatně zlepšily ekonomické výsledky *zemědělských podniků* (9.9.85); *Družstvo* se zaradilo mezi pět nejlepších *zemědělských podniků* na Strakonicku (14.3.85); *Socialistické velkovýrobní podniky* — JZD a státní statky ...(30.11.84); *Družstevníci* na veřejných stranických schůzích ...dokazovali, že jejich *zemědělský závod* má ještě na víc (14.3.85). Ср. также употребление термина *zemědělský podnik* для обозначения учебного хозяйства: *Ve školním zemědělském podniku* Hluboká Vysoké školy zemědělské v Českých Budějovicích ukázali ..., že je možné do dvou dnů uklidit slámu ...(30.6.85).

Таким образом, на основных обозначениях сельскохозяйственных предприятий заметно сближение с лексикой промышленного производства, отражающее процесс перехода социалистического сельского хозяйства на индустриальную основу. В этом отношении характерна, в частности, возможность включения в сферу рассматриваемой лексики существительного *průmysl* 'промышленность'. Ср., например, сходные по содержанию названия специальных работ, относящихся к одному (1983) году и принадлежащих перу одного и того же автора: *Aktuální úkoly zemědělství a potravinářského průmyslu v ČSSR*; *Zemědělsko-potravinářský průmysl ČSSR* /2, с. 165, 169/.

В языке газет встречаются и другие сочетания-неологизмы со словом *průmysl*, например: *Dnes...muži...obsluhují linky v krmivářském průmyslu* (29.11.84).

Распространение индустриальных методов на область сельскохозяйственного труда, в частности животноводства, вызвало наплыв лексико-синтаксических новшеств и в кругу более конкретной лексики, например, названий разного рода производственных помещений. Здесь нужно прежде всего указать на необычайную активизацию существительного *výkrmna*, обозначающего животноводческую ферму. М.Докулил, опираясь на данные картотеки Института чешского языка, отмечает первые употребления этого слова в 1939 г., правда, относящиеся лишь к птицеводству /10, с. 106/. С началом коллективизации чехословацкого сельского хозяйства стали создаваться крупные животноводческие фермы, за которыми закрепились названия *výkrmna*, *velkovýkrmna*. В последние годы наблюдается и проникновение интернационализма *farma*. Применение современных технологий вызвало потребность в строительстве специа-

лизированных помещений, названия для которых были созданы по существующим моделям наименований помещений, ср., например: *Abychom mohli hospodárně využívat objemná krmiva, požadujeme, aby přípravná a míchárna krmiv, která je na naší farmě, byla stále v dobrém provozním stavu* (13.3.85) 'Для экономного использования объемных кормов требуется, чтобы отделения подготовки и смешивания кормов на нашей ферме всегда находились в хорошем производственном состоянии'; *V porodnách prasnic dokončíme výměnu infrazářičů ...* (25.11.85) 'В родильных отделениях для свиноматок мы заканчиваем замену приборов инфракрасного облучения...'

Формирование новой системы наименований в рассматриваемой области прошло через стадию повышенной вариативности. Так, например, в печати конца 40-х — начала 50-х годов фигурировали варианты *teletník — teletinec — teletín — odchovna telat* 'телятник', *výdojna — kravín* 'коровник' /10, 107-109/. В настоящее время неологизм *odchovna* 'откормочный пункт для молодняка' характеризуется весьма ограниченным употреблением; неологизм *výdojna* совсем не привился в чешском языке и не отмечен ни в одном общеязыковом словаре. В то же время старые названия сельскохозяйственных построек *stáj* 'хлев, конюшня', *seník* 'сеновал, сенной сарай', *kravín* 'коровник' наполняются новым содержанием, выступая в таких сочетаниях, которые были бы невозможны раньше. Ср., например: *Pracuji v kolektivu ošetřovatelů krav ve velkokapacitním kravíne na farme Horné Suroviny Státního statku Senica* (13.3.85); *Jen v této pětiletce má ke kvalitnějšímu skladování úsušků přispět 663 halových seníků ...* (18.1.84); *...Tekutého hnoje se nejvíce produkuje při chovu vepřů a skotu v bezstelivových stájích* (13.11.85).

Подобные процессы — возникновение неологизмов и расширение сочетаемости традиционных терминов — наблюдаются и во всех других сферах сельскохозяйственной лексики⁶. Ср., например, неологизмы в наименованиях кормов, используемых в животноводстве: *Snaží se (zemědělci) nejen sklídit, ale úrodu také dobře uskladnit, ať už v suchém stavu, či v podobě siláží, senáží, horkovzdušných úsušku* а под. (14.6.85). Традиционные наименования *krmivo* 'корм', *píce* 'корм, фураж' входят в новые устойчивые терминологические сочетания: *objemné krmivo*, *objemná píce* 'объемный корм'. На страницах печати последних лет стали обычными разнообразные устойчивые сочетания с опорным словом *hnojivo* 'удобрение', например: *...Jde o průmyslová hnojiva, která jsou jedním z rozhodujících činitelů zvyšování úrodnosti půdy* (10.7.85); *Výroba progresivnějších forem hnojiv, zejména jedno- i víc složkových hnojiv kapalných, granulovaných...* (10.7.85).

⁶ О новых явлениях в кругу чешских наименований лиц, занятых в сельском хозяйстве, см., в частности нашу статью /12/.

Для современного этапа развития социалистического сельского хозяйства характерно не только интенсивное внедрение новой техники и технологий, но и динамичное развитие новых методов организации сельского труда, которое порождает соответствующие терминологические обозначения, обычно в форме разного рода словосочетаний. В наши дни особую актуальность приобретают комплексный подход к решению производственных задач, обеспечение непрерывности трудовых процессов; это требование времени отразилось, в частности, в появлении словосочетаний с прилагательным *proudový* 'поточный' типа *proudová sklizeň* 'поточная уборка', *proudový způsob* 'поточный метод' и др. Ср., например: *Samozřejmostí je již dnes tzv. proudové pojetí žní, kdy se ze strnišť v co nejkratší možné době sbírá sláma, nastupuje podmínka a setí strniskových směsek či příprava pole pro ozimy (30.6.85); Nejvíce ploch by se mělo sklidit proudovým způsobem (14.6.85); Loni větší uplatnění proudové sklizně mohlo zabránit prodloužení žní (14.6.85), V mnoha zemědělských podnicích se plně prosazuje komplexní proudová sklizeň (9.8.85).*

Наряду со специфическими формами организации сельскохозяйственного труда все шире распространяются и передовые методы, оправдавшие себя в организации промышленного производства; при этом происходит естественное сближение терминологических сфер промышленности и сельского хозяйства, некогда столь далеко отстоявших друг от друга. Ср., например, приводимый ниже контекст, относящийся к работникам животноводческой фермы, но одинаково возможный и применительно к заводскому коллективу: *Náš dvacetičlenný kolektiv uplatňuje brigádní formu organizace práce a odměňování... V rámci brigádního chozrasčotu denně hodnotíme výsledky kolektivu i jeho členů (13.3.85), 'Наш двадцатичленный коллектив использует бригадную форму организации и оплаты труда... В рамках бригадного хозрасчета мы ежедневно даем оценку результатов работы коллектива и его членов'.*

Обращает на себя внимание возросшая частотность употребления прилагательного *komplexní* 'комплексный' и его производных, например: *Sledujeme komplexní splnění ovocnářské koncepce včetně zpracování a skladování ovoce (25.6.85); Komplexní program zvýšení úrodnosti půdy (30.11.84); ... zavřít žňové práce komplexně (31.8.85); Zajistit komplexnost působení všech výrobních činitelů, a to nejen na úrovni zemědělského podniku, ale v celém procesu výroby potravin (30.11.84).*

За указанным языковым явлением стоят важные реальные процессы, развивающиеся в чехословацком сельском хозяйстве с начала 70-х годов: "возникают новые экономические связи, наблюдается постепенный переход к более сложным формам организации производства, в большей мере соответствующим

достигнутому уровню развития производственных отношений” /2, с. 164/. Так, с целью повышения уровня территориальной концентрации производства произошло укрупнение ЕСХК (начало этого процесса относится еще к 60-м годам). В результате родилось новое терминологическое словосочетание *sloučené družstvo* ‘объединенный кооператив’: *Naše družstvo ... se v roce 1983 sloučilo se sousedním JZD Bavorov ... Zpracovali jsme koncepci rozvoje sloučeného družstva do roku 1990 (25.6.85).*⁷

Вслед за указанным термином возник еще целый ряд обозначений новых организационных форм межхозяйственного и агропромышленного кооперирования по производственно-территориальному признаку: *společný zemědělský podnik* ‘совместное сельскохозяйственное предприятие’, *zemědělské výrobní sdružení* ‘агропроизводственное объединение’, *kooperační seskupení* ‘кооперационное объединение’, *oborový podnik* ‘отраслевое предприятие’. В рамках этих новых организационных форм осуществляется концепция комплексного использования всего производственного потенциала сельского хозяйства: откормочных предприятий, комбикормовых заводов, агрохимических служб и т.д., создаваемых совместными усилиями кооперативов, госхозов и предприятий перерабатывающей промышленности. Приведем некоторые примеры употребления названных словосочетаний. *V našem kooperačním seskupení jednotných zemědělských družstev Březovice, Čistá, Skalsko, Státního statku Katusice a Agrochemického podniku Katusice máme*

⁷ В связи с образованием объединенных кооперативов возникла интересная новая тенденция в области чешской ономастики, описанная Я.Кухаржем /13/. Если раньше название единого сельскохозяйственного кооператива определялось названием соответствующего села или деревни (например, *JZD Loučky* ‘ЕСХК Лоучки’), то теперь появилась необходимость в названиях нового типа. При их образовании, носившем массовый характер, частично использовались традиционные топонимические модели, однако с определенной модификацией, ср. название *JZD Klokočské Loučky*, созданное на базе двух названий объединившихся ЕСХК (Клокоčí и Лоучки). Близки к традиционным и новые названия, мотивированные географическим положением кооперативов, например: *JZD Šumava*, *JZD Hron*, *JZD Pod zelenou horou* и т.п. Однако, как отмечает Я.Кухарж, гораздо чаще в 60-е годы появлялись названия образно-символического характера: *JZD Mír* ‘Мир’, *Družba* ‘Дружба’, *Bratrství* ‘Братство’, *Budoucnost* ‘Будущность’, *Vpřed* ‘Вперед’, *Pokrok* ‘Прогресс’, *Naděje* ‘Надежда’, *Nový život* ‘Новая жизнь’, *Nová cesta* ‘Новый путь’, *Rudá hvězda* ‘Красная звезда’, *Jiskra* ‘Искра’, *Pochodeň* ‘Факел’, *Maják* ‘Маяк’, *Vesmír* ‘Космос’, *Rodina* ‘Семья’ и т.п. Новые названия образуются также на базе обозначений важных историко-революционных событий: *JZD Unorového vítězství* ‘ЕСХК им. Февральской победы’, *Rudý říjen* ‘Красный Октябрь’, *Slovenského národného povstání* ‘им. Словацкого народного восстания’ и др. Я.Кухарж справедливо видит в этих новых наименованиях непосредственную связь с подобными новыми явлениями в ономастике промышленно-городской сферы (с названиями заводов, предприятий, культурных учреждений).

vyspělé, kvalifikované kádry (13.3.85); Proč mají v JZD, státních statcích a *společných zemědělských podnicích* problémy s odbytem některých zemědělských produktů? (26.11.83); Do poloprovozních zkoušek byla *zemědělským výrobním sdružením* předána závlaha JZD Polepšovice (17.1.84); Vytvoření velkého *oborového podniku* Státních statků v Chebu (v roce 1971), který má teď zhruba 35000 hektarů... (6.12.85).

Наконец, надо отметить наиболее обобщенные термины, возникшие в 70-е годы для обозначения совокупности всех отраслей сельского хозяйства и ряда связанных с ним отраслей промышленности: *zemědělskopřůmyslový komplex* 'агропромышленный комплекс', *agrokomples* 'агрокомплекс', а также *zemědělskopotravinářský komplex* 'агропродовольственный комплекс'. Например: ... prohlubování koncepčnosti řízení celého *zemědělskopřůmyslového komplexu* (9.9.85); ... vedení družstev, státních statků a dalších podniků, které v *zemědělsko- průmyslovém komplexu* působí⁸ (30.11.85); ... *podniky potravinářského průmyslu a další složky* agrokomplesu (30.6.85); ... Celkový pokrok v *zemědělsko-potravinářském komplexu* výrazně přispěl k lepšímu zásobování potravinami ... (30.11.85); Poctivá a stále odpovědnější práce převážné většiny pracujících *zemědělskopotravinářského komplexu* přináší zasloužené plody (9.9.85).

Даже беглый обзор этих новых терминов заставляет обратить внимание на их сходство с соответствующими русскими: *агропромышленное объединение*, *агропромышленный комплекс* и др. Такое сходство вполне естественно: оно обусловлено тем, что коммунистические и рабочие партии социалистических стран в своей аграрной политике, так же как и в других аспектах социалистического и коммунистического строительства, руководствуются общими принципами, вытекающими из марксистско-ленинской теории. "Осуществляя аграрную политику, — пишут авторы коллективного труда ученых-экономистов социалистических государств, — страны СЭВ опираются на тесное взаимное экономическое сотрудничество и всеуглубляющуюся экономическую интеграцию в области сельского хозяйства" /14, с. 13/.

Следовало бы, вероятно, подвергнуть последовательному сопоставительному изучению новые сельскохозяйственные термины и терминологические словосочетания в славянских языках для выявления не только общих, но и специфических черт сопоставляемых терминологических систем. Представляется, что специфические особенности найдут свое объяснение как в экстралингвистических, так и в структурно-лингвистических факторах. Так, например, в связи с тем, что чехословацкие экономисты выделяют из агропромышленного комплекса

⁸ В написании рассматриваемых сложносоединенных прилагательных наблюдаются колебания (написания слитные и через дефис).

агропродовольственный комплекс /2, с. 164/, в чешском языке возник и получил широкое распространение термин *zemědělskopotravinářský komplex*. Это — очевидный пример проявления внеязыкового фактора. Другой характер носят различия между чешской и русской терминологией в распространении интернационального компонента ряда сложных слов — *agro-*. В соответствии со словообразовательными тенденциями чешского языка /15/, компонент *agro-* соединяется не с исконными, а преимущественно с иноязычными, интернациональными основами (например, *agrotechnika, agrotechnický, agrochemie, agrochemický, agrochemikálie, agrokomples*). В сочетании же с исконными основами используется компонент *zemědělsko-* (*zemědělskopřímýslový, zemědělskovýrobní, zemědělskopotravinářský*). В русском языке во всех случаях возможен компонент *агро-* (*агротехника, агрохимия, но и агропромышленный, агропроизводственный*).

Анализируя сельскохозяйственную лексику, представленную на страницах газеты "Руде право", можно прийти к общему выводу о том, что в ней чрезвычайно выразительно проявляется тенденция к терминологизации, специализации. Наряду с рассмотренными фактами возникновения и распространения новых сельскохозяйственных терминов и терминосочетаний, следует подчеркнуть и интенсивное насыщение текстов, относящихся к сельскохозяйственным проблемам, общетехнической терминологией. Ср. нижеследующий контекст: *Proces efektivní intenzifikace /zemědělství/ lze realizovat jen za podmínky cílevědomého rozvoje vědy a techniky a jejich širokého uplatnění v praxi. Do tohoto procesu je třeba zapojit všechny prvky vědeckotechnického pokroku, mechanizaci, automatizaci, robotizaci, elektronizaci, elektrifikaci, chemizaci i biologizaci (9.9.85)*.

Заслуживают внимания и явления совсем другого плана: постепенное вытеснение из рассматриваемого круга лексики тех слов, которые почему-либо не удовлетворяют требованиям терминологичности. Так, например, ранее для обозначения крупного рогатого скота в чешском языке употреблялись два синонима: *hovězí dobytek* и *skot*. С 60-х годов отмечена тенденция использовать в терминологизированном употреблении лишь существительное *skot*. Как полагают исследователи, слову *dobytek* не в последнюю очередь помешало включиться в терминологическую систему его отрицательная экспрессивная окраска, связанная с метафорическим употреблением этого существительного /16/.

О терминологизации современной сельскохозяйственной лексики говорят и другие факты, в частности, развитие некоторых словообразовательных средств в направлении большей системности, характерной для терминологии. В этой связи можно указать на специализацию прилагательных *sklízecí*

(производного от глагола sklízet 'убирать урожай') и sklízňovu (от sklizeň 'уборка урожая'). Известный чешско-русский словарь под редакцией Л.В. Копецкого и Й. Филиппа /17/ отмечает однотипные сочетания этих прилагательных: sklízecí stroj, sklízňový stroj 'уборочная машина'. Между тем в нашем материале наблюдается четкое различие употреблений: прилагательное sklízecí сочетается лишь с названиями конкретных машин и механизмов (mlátička 'молотилка', řezacka 'дробилка'); прилагательному же sklízňovu свойственно вступать в сочетания с существительными более общей семантики: sklízňová technika 'уборочная техника', sklízňové práce 'уборочные работы'. Ср. подобную дифференциацию прилагательных secí (от sít 'сеять') 'сеялочный', например, secí stroj 'сеялка' и setňový 'относящийся к севу, посевной', например, setňová orba 'вспашка под посев'.

Активно протекает формирование терминологического ряда существительных с суф. -ství/-ctví, обозначающих отдельные отрасли полеводства и растениеводства: ovocnářství 'плодоводство', zelenářství 'овощеводство', zahradnictví, sadařství 'садоводство', lnařství 'льноводство', pícninářství 'производство кормов' и др.

Таковы основные тенденции в развитии современной чешской сельскохозяйственной лексики, как об этом можно судить по ее отражению на страницах печати. Как уже подчеркивалось, для более полного представления о ее функционировании необходимы наблюдения и над особенностями употребления терминологизированных слов в живой речи, в обстановке осуществления трудовой деятельности в сельском хозяйстве, где происходят активные процессы взаимодействия нового и традиционного и — как результат — закрепления вариантов, наиболее отвечающих потребностям номинации и внутренним закономерностям языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kopejtková D. Uplatňování principu Leninova družstevního plánu při vytváření koncepce socialistické přestavby československého zemědělství v letech 1948-1949//Slovanský přehled.6.1979. S.469-482.

2. Чехословацкая социалистическая республика. М., 1984. С.7.

3. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

4. Язык и массовая коммуникация. Социолингвистическое исследование. М., 1984.

5. Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Pr., 1978. S. 176.

6. Баранникова Л.И. Научно-техническая революция и судьба территориальных диалектов // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977. С. 85 и сл.

7. Герман-Винтер Р. Влияние социалистического способа производства в сельском хозяйстве на языковую коммуникацию в северных районах Германской Демократической Республики // Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык — идеология — общество. М., 1979. С. 139-161.

8. Helcl M. Jezedovic // Naše řeč. 2. 1951. S. 118.

9. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Pr., 1978.

10. Jazykový koutek Československého rozhlasu. Druhý výběr. Pr. 1955.

11. Daneš F. Malý průvodce po dnešní češtině. Pr., 1964.

12. Лилич Г.А. Новые явления в чешской сельскохозяйственной лексике // Славянская филология. Вып. V.Л., 1986. С. 35-42.

13. Kuchař J. Nová skupina vlastních pojmenování // Naše řeč. 1965. N1. S. 16-20.

14. Аграрната политика на социалистичките страни на съвременния етап. С., 1981.

15. Mejsřík V. Tzv. hybridní složeniny a jejich stylová platnost // Naše řeč. 1965. N1. S. 1-7.

16. Sochor K. Chov skotu — těžký průmysl našeho zemědělství? // Naše řeč. 1964. N1. S. 63.

17. Чешско-русский словарь в двух томах. Т. II, Москва, Прага, 1973.

Р. Х. Тугужева

Об интернациональной лексике в чешском и словацком языках

В современной лингвистике значительное внимание уделяется изучению интернациональной лексики. Это связано прежде всего с активизацией употребления интернациональных (международных) слов в последние десятилетия, что обусловлено ростом образованности людей, расширением и углублением разносторонних международных контактов, усиливающимся обменом научно-технической информацией, а также развитием средств массовой коммуникации — прессы, радио, телевидения, способствующих проникновению интернационализмов в общенародный язык.

Хронологически все международные слова в различных языках делятся на две группы: 1) исторические интернационализмы и 2) интернационализмы новейшей эпохи. Подавляю-

щее большинство международных слов в каждом языке относится к группе исторических интернационализмов, заимствованных языками в предшествующие периоды их исторического развития. Однако собственно история интернационализмов исследуется пока еще недостаточно. Более основательно историческая сторона интернационализмов анализируется в составе иноязычной лексики, рассматриваемой, например, в аспекте исторической лексикографии /1/. В настоящее время большое внимание уделяется интернационализмам-терминам, связанным с достижениями научно-технической революции /2/. Нетехнические интернационализмы активно изучаются в рамках недавно выделенной исследованиями относительно самостоятельной лексической подсистемы — общественной-политической лексики/3/. В исследовании интернационализмов в целом в настоящее время преобладает синхронный подход, характеризующийся анализом их функционирования на современном этапе развития языков. Историческая характеристика интернационализмов в подобных исследованиях, как правило, ограничивается фиксацией источника, хронологии и этимологического значения заимствования.

Вместе с тем, учет того факта, что интернационализмы — это составная и неотъемлемая часть словарного запаса литературных национальных языков, исследование которых всегда стоит в центре внимания ученых, побуждает расширить исторический фон в изучении интернационализмов. Диахронический аспект, по утверждению исследователей литературных языков, очень важен для выяснения процессов их формирования /4, с.7/. Рассмотрение интернационализмов в диахронии дает возможность выявить особенности их функционирования на ранних этапах развития определенного языка, когда качество интернациональности международных слов, по выражению В.В. Акуленко, было еще латентным, дремлющим /5, с.26/. Эти особенности функционирования интернационализмов в прошлом тесно связаны с тенденциями развития национальных литературных языков, которыми в значительной мере определяется своеобразие их употребления и в настоящем.

Процесс заимствования всегда рассматривался исследователями в тесном единении с вопросами контактирования языков, с их взаимодействием, а также с двуязычием /6, с.106/. В настоящее время при изучении процесса заимствования все более широко используется понятие языковой ситуации, имеющее первостепенное значение для исследования языковых контактов /7, с.105/. Под языковой ситуацией подразумевается функционирование разнообразных форм национального языка или какого-нибудь другого языка в определенный период /8, с.10/. Дать характеристику языковой ситуации какого-либо периода, отмечает А.Едличка, это значит определить все

сосуществующие в определенный период формы и разновидности языка, используемые в целях коммуникации определенным языковым коллективом, а также характер взаимодействия этих форм и разновидностей и дистанцию между ними /9, с.35/. Языковая ситуация предполагает выявление сфер функционирования для каждой существующей в определенный период формы языка или его разновидностей, а также установление социальной принадлежности их носителей.

В истории развития интернациональных элементов европейских языков выделяется главным образом четыре волны культурно-лингвистических взаимодействий, которые связываются: 1) с периодом христианизации, 2) со становлением национальных научных терминологий, 3) с распространением с середины XIX в. новых социальных, философских и научных идей и концепций и 4) с современным периодом, характеризующимся семантическим сближением интернационализмов многих языков под влиянием необычайно интенсивных языковых контактов /5, с.198/. Это свидетельствует о том, что интернационализмы, подобно исконным словам, также имеют свою историю.

Приобщение чешского языка к международным словам началось в глубокой древности с латыни. После падения Великоморавского государства роль письменного языка в области религии, науки, литературы, административного управления и судопроизводства в Чехии перешла исключительно к латыни /10, с.21/. Сначала распространителями латыни там были немецкие миссионеры, насаждавшие среди древних чехов культовые обряды по западному образцу. Впоследствии, особенно с открытием при костелах и храмах церковных школ, знание латыни стало достоянием и коренных жителей. В период раннего средневековья в Чехии, как и в других западноевропейских странах, носителями латыни выступали преимущественно узкие слои населения — духовенство, представители господствующих классов, ученые, писатели. Однако постепенно этот круг расширился за счет представителей средних слоев — писцов, секретарей, архивариусов, служителей королевской и церковной администраций, городских магистров и епархий. Письменная продукция на латинском языке в Чехии была довольно разнообразной. Помимо культовой литературы на латинском языке впервые увидели свет произведения многих выдающихся чешских мыслителей, ученых и просветителей: магистра Бартоломея из Хлумца, Томаша Штитного, Яна Гуса, Яна Благослава, Даниэля Адама из Велеславина, Яна Амоса Коменского и других деятелей чешской науки и культуры. С древнейших времен на латинском языке выходит и специальная чешская литература из области естествознания, медицины, техники и экономики /11, с. 102/. Чешский язык перво-

начально конкурировал с латынью преимущественно в сфере художественной словесности, о чем свидетельствуют древнейшие памятники чешской письменности, зарегистрированные с конца XIII в. На протяжении нескольких веков развитие чешского языка осуществлялось в условиях господства в высших коммуникативных сферах латинского языка. Для взаимодействия чешского языка с латинским длительное время было характерно параллельное функционирование обоих языков (с более высоким положением латинского языка и преимущественным охватом им важнейших общественно-коммуникативных сфер, которые лишь постепенно отвоевывались чешским литературным языком).

Наряду с латинским языком на протяжении довольно длительного времени в средневековой Чехии употреблялся немецкий язык, имевший особенно широкое распространение в городах, где, как правило, власть принадлежала богатому немецкому патрициату, пользующемуся особыми правами и привилегиями со стороны короля /12, с. 313/. Носителями немецкого языка, помимо богатых патрициев, были немецкие горожане, основным занятием которых были ремесло и торговля. Немецким языком владели и многие чехи. На немецком языке также выходила довольно разнообразная в жанровом отношении литература. Однако основной сферой функционирования немецкого языка, в отличие от латыни, была повседневная обиходная речь. С немецким языком чехи сталкивались преимущественно в его устной форме, он был для них не только языком письменности, но и языком общения. Вследствие этого, в противоположность латинским словам и выражениям, которые заимствовались преимущественно через письменный язык, многие немецкие слова и обороты проникали в чешский язык устным путем. Среди германизмов, заимствованных чешским языком, встречались и латинизмы, так как немецкий язык и сам широко использовал заимствования из латинского языка. Активность употребления немецкого языка в Чехии усиливается с потерей ею политической независимости в 1621 г. Роль доминирующего языка в Чехии переходит с латыни на немецкий язык.

Эпоха возрождения чешского языка, начавшаяся с последней четверти XVIII в., выдвинула цель сделать чешский язык способным к отражению всех достижений в области современной науки, а также языком литературы самого высокого стиля /13, с. 152/. При этом деятели чешского национального возрождения во главе с Й. Юнгманом в качестве источника пополнения лексики обращаются к славянскому материалу — диалектам своего языка, а также к другим славянским языкам и, в частности, к русскому. "Положительный результат этого, — пишет Г.А. Лилич, — состоял не только в обогащении словар-

ного состава чешского литературного языка новыми лексическими единицами, но и в том, что воздействие со стороны родственного языка стимулировало собственные словотворческие процессы языка-рецептора" /14, с. 180/. В отношении же иноязычных слов деятели чешского возрождения придерживались пуристических взглядов, хотя сам Й. Юнгман и его соратники сознавали потребность в европеизации терминологии /15, с. 25/. Европеизация для чешского языка, однако, означала включение в его лексику многих слов, общих с немецким языком, что противоречило главной установке чешских патриотов-"будителей" — вытеснению германизмов из национального чешского языка. Пуризм тормозил процесс распространения интернационализмов в чешском языке, однако он был обусловлен спецификой времени, когда чешский язык не имел возможности полнокровного развития. Действие пуристических тенденций ослабевает с переходом Чехословакии на социалистический путь развития.

Развитие словацкого языка проходило в еще более сложных условиях по сравнению с чешским языком, что видно хотя бы из того факта, что до середины XIX в., когда сформировался современный словацкий литературный язык, в письменной речи словаков использовалось не два, как у чехов, а четыре иностранных языка: латинский, немецкий, венгерский и чешский. Относительно позднее утверждение литературного словацкого языка связано прежде всего с тем, что на протяжении десяти веков вплоть до 1918 г. Словакия не имела государственной самостоятельности. Вследствие этого почти до XIX в. словаки не имели своего более или менее выразительного центра экономической, политической и культурной жизни, который мог бы в языковом отношении послужить ядром для формирования словацкого литературного языка. /16, с. 31/.

Официальным государственным языком многонациональной Венгрии, в состав которой уже в X в. вошла Словакия, была латынь. В течение ряда веков она и здесь, также как и в Чехии, служила языком культа, дипломатии, литературы, науки, образования и административно-правовых норм жизни. Однако в отличие от Чехии, где латинский язык использовался главным образом в письменной форме, "в низших сферах венгерской администрации и судопроизводства он служил и языком делового общения. Кроме того латынь довольно широко использовалась в корреспонденции. Вследствие этого в словацкий язык, культивируемый в среде мелкого и среднего словацкого дворянства и буржуазии, проникает много латинизмов" /17, с.25/.

С XII — XIII вв. в Словакии в связи с немецкой колонизацией получает распространение также немецкий язык. В результате длительного совместного проживания и непосредствен-

ных взаимных контактов с немцами "ни из какого другого языка в живую разговорную словацкую речь в XV — XVIII вв. не проникло столько слов, сколько из немецкого" /17, с. 76/.

Еще более тесными были у словацкого языка контакты с венгерским языком, который до 1918 г. представлял для словаков язык привилегированных классов. Однако непосредственное влияние венгерского языка на развитие процесса интернационализации словацкой лексики в прошлом, вероятно, следует полностью исключить. Уже в тот период, когда Словакия входила в состав Венгрии, общепризнанными источниками распространения науки, идеологии, образования были греческий и латинский языки. Венгерский язык сам много заимствовал из этих источников, особенно из латыни. В отличие от большинства западноевропейских языков он относится к финно-угорской семье языков, характеризующихся агглютинативным морфологическим строем, с чем, возможно, и связана преобладающая в венгерском языке форма заимствования иностранных слов — калькирование. Венгерский язык выступал преимущественно потребителем латинизмов, но не посредником их проникновения в другие языки, в том числе и в словацкий. В этом отношении венгерский язык отличался от немецкого, который часто выступал посредником распространения интернационализмов в чешском и словацком языках.

Совершенно особую роль в развитии словацкого языка сыграл близкородственный ему чешский язык. Большое структурное сходство чешского и словацкого языков, а также непрерывность существования во все исторические периоды тесных и разносторонних связей между чехами и словаками способствовали тому, что в XV в. словаки стали использовать чешский язык в качестве своего литературно-письменного языка. В определенном смысле, пишет словацкий ученый Э. Паулини, чешский язык у словаков выполнял ту же функцию, что и латинский язык, от которого он отличался тем, что из-за своей близости к словацкому языку воспринимался как письменная форма своего, словацкого языка /16, с. 32/.

Высокий престиж латинского языка в Западной Европе, а также весьма длительное его бытование в Венгрии и довольно широкое распространение среди образованных словаков способствовали тому, что латинский элемент органической частью вошел в формирующийся на протяжении XVI — XVIII вв. так называемый культурный словацкий язык /18, с. 97/, который впервые кодифицировал А. Бернолак. Известно, что Бернолак не возражал против существования в литературном языке слов иностранного происхождения и исключал из него только те слова, для которых уже было в языке свое или заимствованное из чешского языка обозначение /19, с. 245/. Сходную позицию в отношении иноязычных слов занимал и Л. Штур,

основоположник современного словацкого литературного языка.

О широком распространении латинского и немецкого языков среди образованных словаков свидетельствует тот факт, что Л. Штур в редактируемой им первой "Словацкой национальной газете" (1845 — 1848 гг.) с литературным приложением "Орел Татранский", предназначенных для широкого круга читателей, многие новые книжные слова и термины славянского происхождения, заимствованные из чешского языка, объяснял в скобках при помощи латинских и немецких эквивалентов, например, *orba* (*agricultura, der Ackerbau*), *nedostatok* (*defektus, der Mangel*), *stred* (*centrum*), *pomer* (*relatio, das Verhältniss*), *zásada* (*principum*) /20, с. 192/. С другой стороны, многие слова латинского происхождения в текстах различных жанров, выходящих в середине XIX в. и редактируемых Л. Штуром и его соратниками, употреблялись без всяких пояснений. Это указывает на то, что пуристические тенденции с самого зарождения словацкого литературного языка были значительно слабее, чем в чешском литературном языке. Сам Штур в отношении европеизмов писал, что, хотя совсем необязательно с чужими мыслями перенимать и чужие слова, не следует вместе с тем и опасаться заимствования таких слов, которые являются достоянием уже не одного, а всех цивилизованных народов и которые срослись с обозначаемыми ими явлениями /21, с. 285/. Чешский язык сыграл огромную роль в формировании словарного состава словацкого литературного языка, однако в отношении европеизмов Штур не мог опереться на чешский язык с его ярко выраженным пуризмом. Поэтому при решении вопроса о европеизмах штуровцы ориентировались на немецкий язык: если в немецком языке для обозначения понятия использовалось немецкое слово, в словацком языке тоже вводился в употребление или создавался заново славянизм; если же в немецком языке употреблялся интернационализм, в словацкий язык тоже включался интернационализм /20, с. 221/.

Итак, история формирования и развития чешского и словацкого языков с древнейшей поры ознаменована теснейшими контактами с языками, способствующими проникновению и закреплению в них международных слов. Однако поистине всенародными словами многие интернационализмы в этих языках, также как и в других, становятся только в наше время. Помимо всего отмеченного выше это связано еще с характером конкретной терминологии, к которой относится тот или иной интернационализм.

Как известно, не все терминологии одинаково проницаемы для заимствования. Всегда открытыми для иноязычных элементов признаются сферы международной общественной жизни, науки, торговли. К наиболее древним сферам распростра-

нения иноязычных элементов относится торговля. В отличие, однако, например, от языка науки, заимствования в речь торговцев проникали преимущественно устным путем, что могло способствовать задержке перехода некоторых иноязычных слов, оказавшихся в этой сфере, в литературный язык, так как литературные языки в прошлом были более консервативны в отношении употребления в их письменной культивированной форме элементов народно-разговорной речи /22, с. 183/.

Распространение интернационализмов связано с интернационализацией понятий. Наибольшую склонность к интернационализации проявляют научные понятия. Однако наука проникает в различные сферы материальной действительности постепенно. К наиболее разработанным научным областям в средние века относились теология, ботаника, медицина, право /23, с. 56/. В более позднее время складываются современные терминологии экономики, естественных наук и др. Кроме того, в каждой отдельной терминологии сами понятия тоже формируются постепенно, в результате чего в языке происходит накопление средств выражения понятий.

Интернационализации лексики способствует международный характер отдельных сфер жизни и деятельности людей. Многими чертами сходства в настоящее время характеризуется экономика социалистических стран, связанная единством их общественного строя. Социалистическая экономика сегодня переживает большие изменения. Как отмечают исследователи, отражение этих изменений славянскими языками вызвало второе рождение многих иноязычных слов, заимствованных этими языками в далеком прошлом /24, с. 714/.

Из существующих сводных лексикографических изданий чешского и словацкого языков интернационализм *qualita* впервые зафиксировал лишь чешско-немецкий словарь Ф.Ш. Котта, вышедший в конце XIX в. /25/. Вместе с тем уже в памятниках чешского языка XVI в. встречается иностранное слово латинского происхождения *qualitas*, которое использовалось главным образом в чешских переводах с латинского языка, например, в изданном в 1596 г. Даниэлем Адамом из Велеславина переводе "Гербария" Матиолли: *A ty živlove mají sve přirozene povahy, způsoby aneb qualitates, jimž někteří jakosti říkají* /26/. Как видно из приведенного примера, формально не освоенное еще чешским языком слово *qualitas* тем не менее уже занимает свое место в его семантической системе благодаря четко обозначенной смысловой связи с исконно чешскими словами *rovaha, způsob, jakost*. Освоение иностранных слов посредством включения в новый язык их семантики без изменения формы известный исследователь лексико-семантической системы древнечешского языка И. Немец считает основным этапом заимствования иностранных слов /27, с. 14/.

а советская исследовательница Л. П. Рупосова отмечает, что при наличии связей слова с исконными лексемами иноязычную новацию следует рассматривать как заимствование, а не случайный факт /28, с. 13/. Таким образом, слово *kvalita* было заимствовано значительно раньше, чем оно в чехизированной форме появилось в лексикографических источниках чешского языка.

В древнечешском языке категориальное родовое отвлеченное понятие качества выражали слова *povaha*, *vlastnost*, *zrůsob(a)*, *obušeř*, *řakost*, *hodnost*, *řarakter*. В употреблении всех этих слов в прошлом обращает на себя внимание факт ограниченной сочетаемости их по линии синтагматических связей. Эти лексемы синтаксически взаимодействовали преимущественно с глаголом *mít* — 'иметь', с существительным в род. п. в функции определений (*povaha* — *řlověka*, *mysli*, *řasu* a *pověřři*; *vlastnost* — *některé věci*), сочетания же этих слов с качественными прилагательными имели отношение только к человеку (*řlověk dobrého*, *zlého řarakteru*; *řest svinských povah*). Следовательно, все эти слова соотносились главным образом с обозначением того, что составляет естество, натуру человека, природы или мира вещей, т.е. качество понималось главным образом как неизменная суть, отличающая одни явления от других. Доминантой представленного выше синонимического ряда выступало слово *povaha*, которое служило обозначением внутренних качеств, свойств более широкого круга явлений по сравнению с другими указанными выше словами. Оно употреблялось как по отношению к человеку, так и по отношению к внешнему миру, в то время как, например, *vlastnost* характеризовало преимущественно объекты внешнего мира.

Слово *řakost* памятники письменности чешского языка зарегистрировали с конца XIV в. Заимствованное из латинского языка путем калькирования латинизма *qualitas*, новое слово *řakost* первоначально конкурировало с архаичной уже к тому времени исконной формой *kakost*, которая вместе с другими обозначениями словообразовательного ряда с начальным *k* / *kak*, *kaků* / вскоре была вытеснена новой формой на *ř*. Слово *řakost*, подобно архаизму *kakost*, было преимущественно книжным словом, но, в отличие от исконного варианта, который использовался в оригинальной чешской литературе, например, в философских трактатах Т. Штитного и П. Хельчицкого, слово *řakost* привлекалось главным образом для переводов с латинского языка. Таким образом, слово *řakost* в значении 'качество' в системе древнечешского языка функционировало прежде всего как эквивалент латинского *qualitas* с недостаточно определенной семантикой и неустоявшимся набором контекстов реализации своего значения. В древнесловацком языке латинскому *qualitas* соответствовало слово *řakovost*, засвидетельствованное в словаре Юнгмана /26/.

Первый чешский словарь научной терминологии, изданный в 1853 г. под редакцией П.И. Шафарика и послуживший основой системы специальных обозначений современного чешского литературного языка /29/, предписывал замену немецкого слова *qualität* чешским словом *jakost*, которое рекомендовалось употреблять в философии, грамматике, математике и других научных дисциплинах. Кроме этого словарь предлагал ввести славянизм *jakost* также и в торговую сферу, где, судя по детальному отражению данной области применения слова — словарь приводит длинный перечень чешских прилагательных, обозначающих различное качество товаров, в сочетании с которыми могло бы употребляться слово *jakost*, — германизм *qualität* отличался особенно большой активностью. В торговой сфере, вероятно, уже тогда употреблялась чешская форма *kvalita*, однако из пуристических соображений словарь воздерживается от рекомендации к употреблению этого международного слова. Сфера торговли же, как известно, в своем нетерминологическом аспекте отражает устную, разговорную, наиболее живую форму языка, которая с трудом поддается замене. Об устойчивости употребления в этой сфере слова латинского происхождения и свидетельствует факт введения его в чешско-немецкий словарь Ф.Ш. Котта.

Таким образом, во второй половине XIX в. происходит вторичное проникновение в чешский литературный язык латинизма *qualitas*, в результате чего в системе чешского языка наряду с семантической калькой непосредственно от латинского *qualitas* (в форме слова *jakost*) начинает функционировать лексическое заимствование *kvalita*, восходящее к той же самой латинской первооснове, но во второй раз попавшее в чешский язык из немецкого языка-посредника. Слово *kvalita* утверждается также в системе словацкого литературного языка, хотя тоже далеко не сразу. Л. Штур и его последователи в отношении словацкой лексики руководствовались примером чешского языка. Именно поэтому в одном из самых обширных собраний словацких слов XIX в. — словацко-венгерско-немецком словаре Лооса /30/, изданном в 1871 г., отсутствует слово *kvalita*, но зато зарегистрировано слово *jakost*, которое впоследствии было заменено словацкой формой *akost'*.

Дальнейший период параллельного функционирования в системах чешского и словацкого языков слов *jakost* и *akost'*, с одной стороны, и *kvalita* — с другой, характеризовался более глубоким внедрением славянизмов и ограниченным употреблением интернационализма. В первой половине XX в. слова *jakost* и *akost'* функционируют как стилистически нейтральные общепотребительные средства выражения общего понятия качества, закрепившегося в их единственном значении

'свойства, совокупность свойств; достоинство, ценность' /31, 1, 1161/. Это значение реализовалось преимущественно в сочетании с существительными в род. п., обозначающими самые разнообразные вещи, предметы как объекты купли-продажи (*jakost zboží, potravin, materiálu*). Помимо отмеченных генетивных сочетаний с существительными, слова *jakost* и *akost'* употреблялись с порядковыми числительными (*první, druhá jakost — první, druhá akost'*), постепенно вытесняя из этих устойчивых выражений просторечный германизм *sorta*.

В противоположность *jakost* и *akost'* слово *kvalita* выступает в это же время как терминологически связанное выражение, находящее применение главным образом в языке науки (в философии, логике, психологии). Наиболее широкое распространение в этот период слово *kvalita* имеет в языке искусствоведческой и особенно литературоведческой критики, где оно и обнаруживало оба свои значения: 1) 'достоинство, ценность' (*literární kvalita*) и 2) в форме мн. числа 'отдельные свойства, особенно положительные' (*vzácných kvalit, kvality společenské, pochybných kvalit*) /31, 2, 46/. Эти значения слово *kvalita* реализовало главным образом в сочетаниях с относительными прилагательными, образованными от существительных, обозначающих нечто духовное, например, вид искусства, нравственность человека и т.д. (*básnická kvalita, mravní kvalita*). В таком осмыслении слово *kvalita* обслуживало преимущественно сферу искусства. Следовательно, слово *kvalita* в первой половине XX в. обладает всеми признаками литературного слова, которое нормализаторы языка, вероятно, стремились ограничить формами письменной речи. Это видно из того факта, что самый большой толковый словарь этого периода /31/ не приводит примеров на употребление слова *kvalita* в торговой сфере, где оно, по-видимому, особенно активно конкурировало со славянизмом *jakost*. При помощи пометы *obch.* (от *obchod* 'торговля') словарь выделяет особое терминологически связанное употребление только у производного от *kvalita* прилагательного *kvalitní* в сочетании с существительным *zboží*: *obch. kvalitní zboží — dobré jakosti* /31/. А между тем, например, редакция журнала *Naše řeč*, который в 20-30 годы возглавил борьбу за внедрение норм правильного словоупотребления в язык народных масс и за культуру чешской речи, писала по поводу семантики прилагательного *kvalitní* в сочетании *kvalitní sukno* в одной из заметок в 1932 г.: "kvalitní обозначает не 'имеющий качество вообще', а 'имеющий очень хорошее качество' (*kvalitní neznamená "mající kvalitu (jakoukoliv...)"*, *nybrž znamená "mající velmi dobrou kvalitu"*) /32, с. 47/. Форма употребления сотрудицами редакции слова *kvalita* в толковании прилагательного *kvalitní* (в сочетании с глаголом *mít*) свидетельствует о более широком распространении слова

kvalita в чешском языке, чем это можно предположить на основе показаний толкового словаря /31/.

Почему же вопреки стремлениям пуристов заменить слово kvalita словами jakost и akost' иноязычное наименование все же закрепляется в чешском и словацком языках? Вероятно, это объясняется прежде всего интернациональным характером науки, в языке которой и утверждается сначала слово kvalita. Кроме того, анализ контекстов употребления слова jakost и akost', с одной стороны, и kvalita — с другой, показывает, что слово kvalita служило обозначением не всяких свойств вообще, как jakost и akost', а свойств полезных, выгодных человеку, наделяющих предмет определенной стоимостью и превращающих его в определенную ценность для человека, что ранее в языке не выделялось. Это понятие зародилось в эпоху капитализма, с развитием товарно-денежных отношений и производством товара на рынок. Новое понятие качества развилось на основе фактора множественности, выработки большого количества одних и тех же изделий, что стало возможным только с появлением крупного машинного производства. Развитие нового понятия качества тесно связано с формированием понятия сорта изделий. Первой областью его отражения была торговля, интернациональная по своему характеру, однако содержащая в своей разговорной сфере элементы, которые долго не имели доступа в литературный язык. Параллельно развивается понятие качества в науке и искусстве, где слово kvalita преобразуется в интернационализм и как термин занимает главенствующее положение по сравнению со славянизмами jakost и akost', в то время как в торговой сфере благодаря усилиям нормализаторов языка происходит постепенное вытеснение иноязычного слова kvalita славянскими обозначениями jakost и akost'.

Активизации употребления слова kvalita в чешском и словацком языках в последнее время способствовала интернационализация сферы экономики стран социалистического содружества, в которое входит и СССР. Сфера экономики и производства отличается от других областей употребления языка, в частности от языка науки, массовостью охвата его носителей. Интенсивность употребления интернационализмов вообще, как представляется, не в последнюю очередь зависит от сферы их распространения. Экономика и производство, как известно, относятся к такой области употребления языка, которая охватывает практически все взрослое трудящееся население. В сфере экономики слово kvalita было вовлечено вследствие того, что оно издавна употреблялось в торговле, которая теснейшим образом всегда связана с производством. Проникновение слова kvalita в область экономики из торговой сферы в то же время означало вхождение в литературный язык

общенародного слова, которое до той поры употреблялось лишь в разговорном языке.

В чешских и словацких современных газетных репортажах на экономические темы употребление интернационального слова *kvalita* значительно преобладает над использованием славянизмов *jakost* и *akost'*.

Для слова *kvalita* характерно большое разнообразие контекстов реализации его значения 'совокупность свойств, обеспечивающих высшую ценность'. Оно свободно сочетается с глаголами: в чешском, например, *posuzovat kvalitu, řídít kvalitu, zabezpečovat kvalitu*, в словацком *posudzovať kvalitu, riadiť kvalitu, zabezpečovať kvalitu*; с прилагательными, например, *dobrá, prvotřídní kvalita* в чешском и *dobrá, prvotriedna kvalita* в словацком; с существительными: *kvalita — materiálu, práce, výrobu*, например, в чешском и *kvalita — materiálu, práce, výrobkov* в словацком. Анализ употребления слова *kvalita* позволяет заметить, что данный интернационализм имеет тенденцию вступать в сочетания со словами более обобщенной семантики по сравнению со своим славянским синонимом *jakost* или *akost'* (ср. *jakost puncoch* и *kvalita zboží* или *akost' výrobkov* и *kvalita výroby*). Наряду с общими контекстами, где может употребляться как интернационализм, так и славянское слово, выделяются специфические контексты употребления международного слова и славянизма. Таким дифференцирующим контекстом для славянских слов *jakost* и *akost'* служит главным образом устойчивое словосочетание типа *výrobek prvního stupně jakosti* в чешском и *výrobok prvého stupňa akosti* в словацком, где почти не встречается замена славянского слова интернационализмом и где семантика слов *jakost* и *akost'* соотносится с менее общим понятием по сравнению с тем, которое выражается интернационализмом *kvalita*. В данном связанном употреблении они реализуют значение 'сорт'. В русском языке это менее общее видовое понятие качества выражается словом *сорт*. Вследствие этого в первом томе выходящего в настоящее время "Большого словацко-русского словаря", в отличие от других словарей, у слова *akost'* выделено два значения: 1) 'качество' и 2) 'сорт' /33/. В противоположность славянским словам *jakost* и *akost'*, для которых указаный выше тип словосочетаний является единственным различительным контекстом, с интернационализмом *kvalita* таких контекстов, где почти не имеет места замена интернационализма славянским словом, в чешском и словацком языках встречается значительно больше. Среди них, например, можно отметить устойчивые сочинительные словосочетания с другим интернационализмом *efektivnost a kvalita*, словосочетания, которые получили импульс от иноязычных, в частности русских выражений, например, *odznak kvality, pétiletka kvality*.

Устойчивость в системе языка таким интернационализмом, как *kvalita* обеспечивает более широкий круг производных от них, например, от *jakost* и *akost'* нет глаголов, а от *kvalita* — *zkvalitnit*, *zkvalitňovat* в чешском и *zkvalitnit'*, *skvalitňovat'* в словацком. Именно интернационализм, а не славянское слово используется для выражения отрицательного понятия, например, *kvalita* — *nekvalita*, *kvalitni* — *nekvalitní* в чешском и *kvalitný* — *nekvalitný* в словацком языке.

Наряду с вышеотмеченными общими особенностями функционирования интернационализма *kvalita*, по сравнению со славянскими его синонимами *jakost* в чешском и *akost'* в словацком языках, можно выделить и некоторые отличия в этих двух близкородственных языках. При наличии сходства по большинству аспектов функционирования интернационализма, которую обнаруживает слово *kvalita* в чешском и словацком языках, основное различие проявляется в степени интенсивности употребления его в одном, по сравнению с другим языком. В словацком языке слово *kvalita* употребляется более активно, по сравнению с чешским словом *kvalita*. Это проявляется, например, в большей частности появления на газетной полосе генетивных определительных сочетаний с интернационализмом *kvalita* в словацком языке и наоборот, в тенденции к употреблению славянизма *jakost* в подобных сочетаниях в чешском языке (ср. в словацком *den kvality*, *kabinet kvality*; в чешском *rok jakosti*, *závod vzorné jakosti*). В словацких текстах встречаются и дополнительные специфические предложные конструкции с интернационализмом *kvalita*, например, *tendencia v kvalite*, *dynamika v kvalite*, *stav v kvalite*, засвидетельствован более широкий круг производных с интернационализмом, например, *odborník-kvalitár* и, наконец, для словацкого слова *kvalita*, в отличие от чешского, более вероятной оказывается возможность употребления в образном контексте, например, *držat' ruku na pulze kvality*.

В настоящее время во всех славянских языках в значении 'проверка с целью надзора за правильностью чего-н.' активно употребляется интернационализм *контроль*. Особенно интенсивное употребление этого слова наблюдается в сфере современного социалистического производства.

Первый терминологический словарь чешского языка 1853 г. /29/ вопреки своей главной задаче — создание объединенного свода отечественной терминологии для всех научных дисциплин, изучаемых в гимназиях и реальных училищах, — предлагал в коммерции использовать чехизированную форму иностранного слова *controlle*, т.е. слово *kontrola*. Вероятно, в данном случае, также как и в некоторых других, составители словаря, несмотря на пуристический в целом подход к отбору слов для терминологического фонда, приняли во внимание

факт длительной известности этого иностранного слова носителям чешского языка — наряду с исходным словом *kontrola* рекомендовалось внедрить в торговую сферу и производные от него *kontrolovat*, *kontrolní*, *kontrolor*. Начальный согласный иностранной формы *controlle*, представленной в данном словаре, свидетельствует о романском источнике (а не немецком) заимствования. Романские заимствования в чешском языке относятся преимущественно к XVI в. В этот период они получили распространение как раз в торговле и в военном деле. Характеризуя в целом пласт романских заимствований в чешском языке, Б. Гавранек отмечал, что по существу это были сплошь интернационализмы современной цивилизации /10, с. 62/. Таким же путем, вероятно, слово *kontrola* попало и в словацкий язык. Новейший словарь иностранных слов словацкого языка указывает на французский источник происхождения слова *kontrola* /34, с. 481/. Начав свой путь с торговой терминологии, слово *kontrola* постепенно распространяется и по другим сферам употребления чешского и словацкого языков. Оно проникает в финансовое дело, в бухгалтерию, в административную область и находит все более широкое использование не только в письменной, но и в устной формах речи.

Терминологический словарь 1853 г. предписывал ввести в научный оборот наряду со словом *kontrola* также чешское слово *přehlídka*, которое было специально образовано для замены немецкого слова *Aufsicht* 'осмотр; надзор, контроль' путем калькирования последнего. Внедрение слова *přehlídka* в чешские тексты в XIX в. осуществлялось посредством употребления его в скобках сразу вслед за словом *kontrola*, при помощи которого как бы разъяснялся смысл чешского новообразования, например: *zřízení kontroly (přehlídky): nauka o kontrole (přehlídce)* /31, 1, 744/. Факт толкования нового, чешского слова через европеизм *kontrola* свидетельствует о широкой известности последнего в чешском языке. Чешскому слову *přehlídka* и созданному по его образцу словацкому *prehliadka* в значении 'проверка' не удалось, однако, прочно утвердиться в системах чешского и словацкого языков. *Přehlídka/prehliadka* закрепляется в этих языках в значении 'осмотр' (например, *přehlídka města/prehliadka mesta* — 'осмотр города') и лишь в отдельных устойчивых словосочетаниях обнаруживает значение 'проверка' (*celní přehlídka/colná prehliadka* — 'таможенный досмотр').

Утверждению слова *přehlídka/prehliadka* в значении 'проверка' в чешском и словацком языках препятствовал, по-видимому, тот факт, что в этих языках уже издавна существовали исконнославянские средства выражения понятия проверки. Это были чешские слова *dozor* и *dohled* и их соответствия в

словацком *dozor* и *dohl'ad'*. Данные славянизмы помимо прямого значения, соответствующего их словообразовательной форме, включали в свою семантическую структуру и переносное — 'присмотр, надзор, наблюдение', которое у слова *dozor*, в отличие от *dohled* в словаре Й. Юнгмана, представлено как исходное, главное /26,1, 459/. Это значение синонимически сближало славянские обозначения *dozor*, *dohled* и *dohl'ad* с интернационализмом *kontrola*. Их употребление также характеризовалось рядом общих признаков. Как для славянизмов, так и для интернационализма было типично употребление с предлогами *pod* и *nad* (в чешском *dozor*, *dohled*, *kontrola* — *nad někým-něčím: být pod — dozorem, dohledem, kontrolou* в словацком *dozor*, *dohl'ad*, *kontrola* — *nad niekým-niečím byť pod — dozorum, dohl'adom, kontrolou*). Вследствие этого толковые словари чешского и словацкого языков XX в. отразили более тесное синонимическое взаимодействие интернационализма *kontrola* не со сравнительно новым словом *prehľadka/prehľadka*, а наоборот, с более древними обозначениями *dozor* и *dohled/dohl'ad*.

Современное социалистическое производство характеризуется усилением роли контроля главным образом за качеством выпускаемой продукции. Происходит увеличение разнообразия его форм, связанное прежде всего с тем, что контроль все более оказывается в ведении самих трудящихся. В чешском и словацком языках в орбиту терминологии социалистического производства, глубоко интернационального по своему характеру, попадает, естественно, прежде всего слово *kontrola*, которое подобно слову *kvalita* несет на себе печать интернационализма и терминологической связанности в этих языках с давних пор. Однако в отличие от слова *kvalita*, которое как в общенародном употреблении, так и в экономической сфере делит активность со славянскими обозначениями *jakost/akost'*, слово *kontrola* в области производства взаимодействует не с исконными словами *dozor* или *dohled/dohl'ad*, а с другим заимствованием, правда, славянского происхождения — словом *prověrka* в чешском и словом *previerka* в словацком языках.

Слово *prověrka/previerka* проникло в чешский и словацкий языки из русского после установления в Чехословакии нового общественно-политического строя в результате победы Советского Союза над фашистской Германией и образования нового мирового содружества социалистических стран. Сначала слово *prověrka/previerka* в чешском и словацком языках функционировало преимущественно в области партийного строительства, однако вскоре благодаря своему довольно общему словообразовательному значению вышло за рамки первоначального употребления и получило широкое распространение в зна-

чении 'контроль, общественная проверка' /35, с. 43/. В настоящее время слово *prověrka/previerka* активно употребляется в экономической сфере функционирования чешского и словацкого языков, где оно взаимодействует с интернационализмом *kontrola*. При этом *kontrola* соотносится преимущественно с более общим понятием проверки чего-н., что отражается, например, в следующих контекстах его употребления в словацком языке: *ľudová, vnútorná, podniková, tematická, technická — kontrola; potrebovať, zabezpečiť — kontrolu; účinnosť, prínos a pomoc, zásady, plan — kontroly; kontrola — plnenia uznesení a opatrení stranických a štátnych orgánov, skladovania materiálu, casu, množstva spotrebovaného materiálu, dodržiavania zásad*. В противоположность этому слово *prověrka/previerka* в чешском и словацком языках обозначает главным образом общественную проверку, которая носит характер периодически устраиваемых рейдов, кампаний по осуществлению контроля за чем-н., например: *Previerky sú najviac dvojdnové; v tomto roku previerku planujeme na september; takúto previerku robíme každý rok; majstrov nemožno poslať na previerku koncom mesiaca; previerka hospodarenia s palivom a energiou; výsledkami previerok sa zaoberajú na schôdzach*. Наиболее отчетливо смысловое различие слов *prověrka* и *previerka*, с одной стороны, и *kontrola* — с другой обнаруживают контексты параллельного их употребления: *slabé miesta a rezervy sa zistili pri previerke dodržiavania zásad kontroly v podnikoch; výbor ľudovej kontroly vykonal previerku*.

Употребление слова *prověrka/previerka* в чешском и словацком языках показывает, что язык не избегает накопления средств выражения, так как "в самом явлении варьирования заложена возможность изменения и развития" /36, с. 33/. На фоне слова *prověrka/previerka* со сравнительно узкой, ограниченной семантикой особенно четко проступает смысловая обобщенность, заключенная в интернационализме *kontrola*, который в отличие от стилистически нейтральных славянизмов *dozor* и *dohled/dohl'ad* характеризуется терминологической окрашенностью.

В современной чехословацкой прессе, в том числе и в материалах на экономические темы — древнеславянское обозначение определенного промежутка времени — чешское слово *lhůta* и словацкое *lehota* — весьма активно вытесняется из употребления латинизмом *termín*.

Чешское *lhůta* и словацкое *lehota* генетически тождественны русскому слову *льгота*, вместе с которым восходят к тому же корню, что и слово *легкий* /37, с. 330/. Первоначально слово *lhůta/lehota* обозначало льготу, которая заключалась в облегчении, послаблении, освобождении на определенное время нового поселенца от уплаты налогов земледателю /37,

с. 330/*). Впоследствии оно стало обозначать промежуток времени, в течение которого должно завершиться что-либо вообще. В чешских и словацких землях периода феодализма и капитализма слово *lhůta/lehota* чрезвычайно активно использовалось в административно-юридической терминологии. Лексикографические источники, засвидетельствовавшие состояние чешского и словацкого языков периода господства этих двух общественно-экономических формаций, содержат богатый материал на употребление слова *lhůta/lehota* в составе многочисленных устойчивых оборотов и выражений, связанных с областью правовых отношений, например, в чешском языке: *na lhůty platiti; nezaplatit po lhůte; po třech lhůtách; promeškati lhůtu; prospati lhůtu* /26, 2, 313/. Из представленного в словарях материала видно, что слово *lhůta/lehota* в значении 'срок' служило одним из важнейших компонентов чешской и словацкой терминологии права в прошлом. Интенсивность употребления слова *lhůta/lehota* в сфере юриспруденции намного превышала его использование в общенародном языке, а также в других областях жизни, например, в торговле: в чешском *dodací lhůta*, в словацком *dodacia lehota*. Таким образом, особенность функционирования слова *lhůta* в чешском и *lehota* в словацком языках заключалась в том, что за этим словом стоял широкий фон его терминологически связанного употребления в сфере правовых отношений чешского и словацкого общества эпохи феодализма и капитализма.

Наряду со славянизмом *lhůta/lehota* в чешском и словацком языках для выражения понятия срока издавна употреблялось слово *termín*, которое было заимствовано, вероятно, прямо из латинского языка. В языке-источнике слово *terminus* было известно как имя собственное (*Terminus* — римский бог границ и межей) и как апеллатив, который имел следующие значения: 1) 'пограничный камень, межевой столб'; 2) 'границы, пределы'; 3) 'окончание, конец чего-н.' и 4) 'конечная цель' /38, с. 1007/. Смысловая структура апеллатива *terminus* обнаруживает совмещение семантических признаков пространства и времени. То же самое относится и к употреблению слова *termín* в древнечешском языке. Словарь к чешским произведениям Я.А. Коменского засвидетельствовал слово *termín* в двух значениях: 1) 'конец, граница' и 2) 'срок' /39, с. 655/. Впоследствии слово *termín* утрачивает пространственное зна-

* От исходного значения 'облегчение, послабление, освобождение, продление' путем метонимического переноса у слова *lhůta/lehota* в дальнейшем развились значения 'двор, хозяйство, освобожденные на определенное время от уплаты налогов' и 'поселение, освобожденное от уплаты налогов', последнее из которых нашло яркое отражение в чешской и словацкой топонимике [см. 26, 2, 313].

чение и вступает в активное синонимическое взаимодействие со славянским обозначением срока — словом *lhůta* в чешском и *lehota* в словацком языках. Слово *termín* тоже употреблялось в административно-юридической терминологии, однако не в такой степени, как исконнославянское обозначение *lhůta/lehota*. Латинизм *termín* отличался меньшей терминологической связанностью. Главным образом, вероятно, благодаря своей форме (слова на *ter-* или *term-* в чешском и словацком языках — это преимущественно слова латинско-греческого происхождения) слово *termín* не испытывало гонений со стороны деятелей чешского национального возрождения. В нем не усматривался германизм, подлежащий замене славянским обозначением. О толерантном отношении к этому слову в составе лексики чешского языка свидетельствует тот факт, что оно не вошло в терминологический словарь 1853 г., который по существу был словарем германизмов, от которых должен был избавиться чешский язык. Вместо латинизма *termín* в этом словаре засвидетельствован его немецкий эквивалент — слово *frist*, которое в значении 'неопределенный промежуток времени' предлагалось заменить словами *čas, rok*, а в значении 'срок' — словом *lhůta*. Таким образом, слово *termín* в XIX в. представляло собой типичный европеизм, утверждению которого в системах чешского и словацкого языков не препятствовал даже факт наличия в этих языках почти омонима *termín* как лингвистического обозначения.

Активность употребления слова *termín* возрастает главным образом с середины XX в., когда в Чехословакии утверждается социалистический строй. Чешское слово *lhůta* и словацкое *lehota* с их "багажом" употребления, ориентированного преимущественно на феодальную и капиталистическую действительность, в новых условиях постепенно архаизируются. Слово же *termín* помимо того, что оно отличалось от чешского *lhůta* и словацкого *lehota* меньшей терминологической связанностью, обладало еще и более широкими продуцирующими возможностями. Среди производных от *termín* был, например, глагол (*terminovat/terminovat'*), отсутствующий в словообразовательном ряду от славянского обозначения *lhůta/lehota*. Все это способствует тому, что латинизм *termín* постепенно становится общеупотребительным словом, в то время как активность его синонима славянского происхождения *lhůta/lehota* ослабевает.

В современной чешской и словацкой публицистике, в том числе и в репортажах, отражающих развитие социалистической экономики и производства, слово *termín* встречается значительно чаще, по сравнению со славянизмом *lhůta/lehota*. Исходное слово *termín*, а также его производные отличает свобода употребления в самом разнообразном лексико-синтаксическом

окружении, например, в чешском языке: zkrátit, prodloužit, dodržet, plnit — termín; v původním termínu, v pozdějších termínech; termíny — oprav, řešení, dokončení, spuštění, zahájení; konečné, nahradní — termíny; termínované příkazy; termínove největší nápor и др. В отличие от этого для чешского lhůta и словацкого lehota характерна устойчивость в употреблении: чаще всего они встречаются в сочетании с одними и теми же прилагательными dodací, záruční, zkušební в чешском и dodacia, záručna, skúšobná в словацком языках, в чем проявляется былая терминологическая связанность славянского обозначения lhůta/lehota.

В целом анализ употребления отдельных международных слов в чешском и словацком языках показывает, что интернационализация языков тесно связана с их демократизацией, которую Б. Гавранек рассматривал не как приближение литературного языка к народу, что было бы проявлением изжитого буржуазного понимания народа, а как избавление его от унаследованной из прошлого роли служителя узкопривилегированного класса с его эксклюзивностью и замкнутостью, чтобы стать верным орудием нового, в полном смысле народного общества /40, с. 7/. Как отмечает Л.Н. Смирнов, "конкретные пути и способы демократизации в интралингвистическом аспекте характеризуются в разных литературных славянских языках чертами сходства и различия" /41, с. 323/. К чертам сходства современных литературных славянских языков относится проникновение и утверждение в их лексике интернациональных обозначений. Однако функционирование интернационализмов в каждом конкретном языке имело в прошлом и имеет в настоящем свои особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыко А.Н. Иноязычная лексика в историческом словаре белорусского языка// ВЯ. 1985. №3. С. 90-97.

2. Володина М.Н. Соотношение национальных и интернациональных элементов в терминологической лексике// НДВШ. Филол. науки. 1984. №3. С. 77-81.

3. Голованский А.Л., Кондрашов Н.А. О принципах исследования ОПЛ// Проблемы лексикологии и словообразования русского языка. Сб. научных трудов МОПИ им. Н.К. Крупской. М., 1982. с. 3-15; Васильева Л.П. Развитие сербохорватської суспільно-політичної лексики в повоєний період// Проблемы словянознавства. Львів, 1983. вып. 27. С. 83-89.

4. Баранникова Л.И., Борисова М.Б. Учение о функциональных стилях и его связь с некоторыми из основных проблем

языкознания// Язык и общество. Социологические проблемы лексикологии. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1982. Вып. 6. С. 3-21.

5. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1971.

6. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1985.

7. Ильина Л.А. Методологические проблемы исследования процесса лексического заимствования// Лексика и фразеология языков народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 102-115.

8. Jedlička A. Dnešní stav a úkoly studia spisovné češtiny v národním obrození// Slavica pragensia XIV. 1972. S. 7-21.

9. Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Pr., 1978.

10. Havránek B. Vývoj českého spisovného jazyka. Pr., 1979.

11. Гуса В. История Чехословакии. Прага, 1963.

12. Tadra F. Kulturní styky Čech s cizinou /až do válek husitských/. V Praze, 1897.

13. Jedlička A. Spisovný jazyk, jeho teorie a praxe, v pojetí Josefa Jungmanna// Spisovný jazyk v době obrození. Pr., 1974. S. 147-156.

14. Луллч Г.А. Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка. Л., 1982.

15. Jedlička A. Kultura odborného vyjadřování z hlediska tradice a dneška// Terminologické studie 6. Pr., 1976. S. 18-34.

16. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Br., 1971.

17. Dorul'a J. Slováci v dejinách jazykových vzt'ahov. Br., 1971.

18. Kotulič I. Z predbernolákovskej slovenskej jazykovednej terminológie// Jazykovedné štúdie 17. Br., 1982. S. 93-118.

19. Habovštiaková K. Bernolákovo jazykovedné dielo. Br., 1968.

20. Kondrašov N.A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Br., 1974.

21. Horecký J. K charakteristike štúrovského lexika// Linguistica slovaca 4-6. Br., 1946-1948. S 279-298.

22. Ходякова Е.П. Особенности функционирования народно-разговорной лексики в русском литературном языке XVIII в.// Вопросы диалектологии и истории языка. Душанбе, 1984. С. 183-192.

23. Michálek E. Český právní jazyk údobí předhusitského a doby Husovy // Rozpravy ČSAV, řada společenských věd. 1970. Roč. 80. Seš. 2. Fr., 1970.

24. Історія української мови. Лексика і фразеологія. К., 1983.

25. Kott F.Š. Česko-německý slovník, zvláště gramaticko-fraseologický. Pr., 1878-1906. D. I-X.

26. Jungmann J. Slovník česko-německý. Or., 1835-1839. D. I-V.

27. Němec I. Vývojové postupy české slovní zásoby// Studie a práce lingvistické 7. Pr., 1968.

28. *Рупцова Л.П.* Лексика повести о Петре и Магилене (по спискам XVII — начала XVIII в.// Проблемы истории русской лексики и терминологии. М., 1985. С. 12-19.

29. *Německo-český slovník vědeckého názvoslovi.* V Praze, 1853.

30. *Loos J.* Slovník slovenskej, maďarskej a nemeckej reči. Pešť, 1871. D. 3.

31. *Průruční slovník jazyka českého.* Praha, 1935-1957. D. I-8.

32. *Havránek B.* Studie o spisovném jazyce. Pr., 1963.

33. *Vel'ký slovensko-ruský slovník.* Br., 1979. Zv. 1.

34. *Slovník cudzích slov.* Br., 1979.

35. *Лулич Г.А.* К вопросу о лексических заимствованиях из русского языка в чешский// Учен. зап. ЛГУ им. А.А. Жданова. № 250. вып. 44. Славянское языкознание. 1958. С. 32-55.

36. *Солнцев В.М.* Вариативность как общее свойство языковой системы// ВЯ. 1984. № 2. С. 31-42.

37. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Pr., 1971.

38. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.

39. *Wörterbuch zu den tschechischen Schriften des J. A. Komenius.* Aschendorff Münster, 1983.

40. *Havránek B.* Český jazyk do pětiletky// Naše řeč 33. 1949. 1-2, S. 6-7.

41. *Смирнов Л.Н.* Новый этап демократизации славянских литературных языков в эпоху социалистических преобразований// Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Материалы Международной конференции ЮНЕСКО. Киев. 1982. С. 320-324.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
<i>Л. Н. Смирнов.</i> Опыт характеристики тенденций демократизации и интернационализации в современных славянских литературных языках	5
<i>А. Г. Широкова.</i> Вопросы функциональной стратификации национального чешского языка и некоторые тенденции его развития	41
<i>М. И. Ермакова.</i> Особенности функционирования современных серболужицких литературных языков	84
<i>Е. И. Демина.</i> Проблемы языкового строительства в социалистической Болгарии	118
<u>[З. Н. Стрекалова.]</u> Теория и практика языковой политики в ПНР	172
<i>К. К. Трофимович.</i> Борьба за культуру речи как важнейший аспект языкового строительства в современной Лужице	202
<i>П. А. Дмитриев.</i> Некоторые особенности функционирования вариантной лексики сербохорватского/хорватосербского литературного языка в периодической печати СР Сербии и СР Хорватии	225
<i>Г. А. Лилич.</i> Тенденции развития сельскохозяйственной лексики в современном чешском литературном языке ..	255
<i>Р. Х. Тугушева.</i> Об интернациональной лексике в чешском и словацком языках	266

Научное издание

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Т.М. Скрипова.* Художник *Ф.Н. Будаков*
Художественный редактор *И.Ю. Нестерова*

ИБ № 37908

Подписано к печати 17.08.88. Формат 60 X 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печл. 18,0. Усл.кр.-отг. 18,0. Уч.-изд.л. 18,8. Тираж 900 экз. Тип. зак. 721
Цена 4р. 10к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Отпечатано с оригинала,
подготовленно Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Функционирование СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ